АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XXXI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИИМК (3)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XXXI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1950 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор—член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редакционной коллегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

В. И. ГРОМОВ

РАБОТЫ М. В. ВОЕВОДСКОГО И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА

23 октября 1948 г. после тяжелой непродолжительной болезни на 45-м году жизни скончался археолог Михаил Вацлавович Воеводский.[1] Имя М. В. Воеводского широко известно в нашей стране не только археологам, но и всем интересующимся историей четвертичного периода: геологам и палеонтологам, географам, ботаникам и зоологам.

В течение более 10 лет М. В. Воеводский состоял членом Ученого совета Комиссии при ОГГН АН СССР по изучению четвертичного периода и ни одна сколько-нибудь крупная комплексная работа Комиссии не обходилась без его деятельного участия.

Вся научная работа М. В. Воеводского свидетельствует о его широких научных интересах. С 1923 по 1936 г. его научная деятельность сосредоточивалась вокруг двух основных вопросов: истории техники первобытной керамики и проблемы мезолита и раннего неолита на территории СССР. Для решения этих вопросов М. В. Воеводский принимал непосредственное участие в многочисленных экспедициях по Европейской и Азиатской части СССР и изучил большинство собраний крупнейших советских музеев.

С 1936 г. основные научные интересы М. В. Воеводского были сосредоточены на решении труднейших проблем периодизации палеолита и мезолита на территории СССР. Он подошел к их разрешению со свойственной ему широтой не только с археологической точки зрения. Его одинаково интересовали и среда, на фоне которой развивалось первобытное общество, животный и растительный мир, окружавшие человека на заре его истории, климат и геологический возраст археологических памятников. После тщательного изучения музейных собраний в 1938 г. он принял на себя руководство Деснинской комплексной археологической экспедицией. Для участия в этих работах были привлечены, кроме археологов, геологи и палеонтологи различных специальностей, ботаники и зоологи. В результате этих исследований был получен ценнейший материал по истории палеолита, позволивший подойти к обоснованию вопросов периодизации палеолита и окончательно решить вопрос о геологическом возрасте палеолита иначе, чем это было принято до того времени. Весь нижний и средний палеолит пришлось отнести ко времени до максимального оледенения Европейской части территории СССР. Таким образом, было доказано, что

[1] Некрологи о М. В. Воеводском см. КСИИМК, вып. XXV, 1949 г. СЭ, № 1, 1949 г., и СА, № 12, 1949 г.

палеолитический период в истории человечества охватывает весь четвертичный период, а не только его позднюю половину.

Понятно, насколько важен этот вывод для понимания истории человека. Кроме того, памятники палеолита оказались важнейшими элементами и геологической стратиграфии, что имеет уже большой практический интерес в связи с геологическим картированием. Бассейн средней Десны приобрел значение опорной территории для общестратиграфического изучения четвертичного периода.

В 1939 г. итоги работ Деснинской экспедиции демонстрировались членам Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода и сопровождались экскурсиями на место работ экспедиции, причем эти исследования единодушно получили очень высокую оценку.

К сожалению, М. В. Воеводскому не удалось до конца завершить столь блестяще начатые работы, проводившиеся в течение 7 лет, но и то, что уже сделано, прочно войдет в историю советской археологии. Из других наиболее крупных экспедиций, работавших под руководством М. В. Воеводского, нужно указать: 1) Среднеазиатскую (1928—1929) по изучению долины р. Чу и побережья оз. Иссык-куль в Киргизской ССР, холмов Анау и Ак-Тепе в Туркменской ССР, раскопку У-суньских могильников в Киргизии, Пскентского могильника близ Ташкента в Узбекской ССР, 2) Окскую (1936), обследовавшую долину р. Оки от Калуги до границ Орловской области, 3) Самаркандскую (1938), в итоге работ которой был исследован Каратенизский массив и раскопана впервые для Средней Азии верхнепалеолитическая стоянка в Самарканде.

Большой фактический материал, добытый этими экспедициями, в сочетании с полевыми исследованиями в различных местах Европейской части СССР, позволили М. В. Воеводскому внести ценный вклад в изучение истории древнейшего населения СССР. Немало труда положил за последние годы М. В. Воеводский также и на изучение славянских памятников, открытых Деснинской экспедицией.

Настоящий очередной выпуск «Кратких сообщений» посвящен М. В. Воеводскому и составлен из работ, тесно связанных с научной деятельностью Михаила Вацлавовича.

Очень интересный материал приводится в статьях самого М. В. Воеводского, в его статьях совместно с А. Е. Алиховой-Воеводской, а также в работах М. Д. Гвоздовер и А. И. Москвитина по изучению палеолитической стоянки Авдеево, представляющей новый чрезвычайно важный для познания палеолита памятник. Весьма существенные вопросы синхронизации и периодизации донского и днепровского (деснинского) палеолита не только ставятся, но в известной степени и решаются в статьях М. В. Воеводского, П. И. Борисковского, А. Н. Рогачева и М. Н. Грищенко. Значительного внимания заслуживает исследование А. П. Черныша о Владимировской стоянке, уточняющее наши представления о лёссовых верхнепалеолитических стоянках УССР. Новый ценный материал по микролиту и неолиту различных территорий содержится в статьях М. В. Воеводского, А. В. Збруевой, И. Г. Розенфельдт, А. А. Формозова и по Крыму — О. Н. Бадера. В разделе мелких статей в работах С. А. Семенова и Н. Н. Гуриной разбираются живо интересовавшие М. В. Воеводского вопросы археологической техники и назначения палеолитических орудий. Непосредственно связана с работой М. В. Воеводского и статья О. Н. Мельниковской, составленная по его полевым дневникам.

В настоящей заметке мы коснулись лишь некоторых наиболее крупных заслуг М. В. Воеводского. Задачей ближайшего будущего явится опубликование подготовленного им к печати археологического материала.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ МИХАИЛА ВАЦЛАВОВИЧА ВОЕВОДСКОГО

(Составлен А. А. Формозовым)

1. Тимоновская палеолитическая стоянка. «Русский антропол. журнал», т. XVIII, вып. 1—2, М., 1929, стр. 59—70.

2. Les moyens méthodiques pour l'étude de la céramique. ESA. T. IV, Helsinki, 1929, стр. 82—89.

3. К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», т. IV, М.— Л., 1930, стр. 55—70.

4. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. «Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ», вып. V, М.— Л., 1934, стр. 236—245.

5. Стоянки Балахнинской низины. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР». ИГАИМК, вып. 106, М.— Л., 1934, стр. 298—346 (Совместно с О. Н. Бадером).

6. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгострой), участок по р. Шексне. Сб. «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», т. I. ИГАИМК, вып. 109, М.— Л., 1935, стр. 120—135 (Совместно с А. В. Збруевой).

7. Участок Скнятино-Молога, стоянки родового общества. Там же, стр. 145—156 (Совместно с О. Н. Бадером).

8. Наглядные пособия по антропологии. «Антропологический журнал», № 1, М., 1935, стр. 144.

9. Из польской археологической периодики (рефераты). «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 5—6, М.— Л., 1935, стр. 170—174.

10. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя. Сб. «По трассе I очереди Московского метрополитена», Л., 1936, стр. 168—171.

11. Рецензия на работу L. Sawicki «Przemyst swiderski i stanowiska wydmowego Swiedry Wielkie». «Антропологический журнал», № 4, М., 1936, стр. 467—470.

12. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. СА, № 1, М.— Л., 1936, стр. 51—77.

13. Результаты работ Окской экспедиции 1936 г. «Антропологический журнал», № 2, М., 1937, стр. 111—114.

14. Стоянка Елин Бор. СА, № 3, М.— Л., 1937, стр. 77—101 (Совместно с П. И. Борисковским).

15. О методах вредительства в археологии и этнографии. «Историк-марксист», № 2(60), М., 1937, стр. 78—91 (Совместно с А. В. Арциховским, С. В. Киселевым и С. П. Толстовым).

16. Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше. ВДИ, № 2(3), М., 1938, стр. 224—237.

17. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР (К истории у-суней). ВДИ, № 3 (4), М., 1938, стр. 162—179 (Совместно с М. П. Грязновым).

18. A Summary Report of a Khwarizm Expedition. «Bull. of Amer. Inst. for Iranian Art and Archeology», N° 3, Washington, 1938, стр. 235—245.

19. Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г. ВДИ, № 1(6), М., 1939, стр. 248—252.

20. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. СА, № 5, М.— Л., 1940, стр. 144—150.

21. Результаты работ Деснинской экспедиции по изучению палеолита (1936—1937). «Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода», № 6—7, М.— Л., 1940, стр. 54—57.

22. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. КСИИМК, вып. IV, М.— Л., 1940, стр. 34—36.

23. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. ВДИ, № 2 (11), М., 1940, стр. 178—191.

24. Краткий очерк археологических исследований Института, Кафедры и Музея антропологии Московского университета. «Уч. зап. МГУ» (Биология, юбилейная серия), вып. LIII, М. 1940, стр. 243—247 (Совместно с О. Н. Бадером).

25. Тульская область, долина р. Оки. Сб. «Археологические работы в РСФСР в 1934—1936 гг.» М.— Л., 1941, стр. 40—53 (Совместно с М. М. Герасимовым и П. Н. Третьяковым).

26. Находки раннего палеолита на р. Десне. «Краткие сообщения Научно-исслед. ин-та и Музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг.», М., 1941, стр. 64—65.

27. Стоянка Гремячее. МИА СССР, № 2 (Палеолит и неолит СССР), М.— Л., 1945, стр. 142—148.
28. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XIII, М.— Л., 1946, стр. 89—94.
29. Результати робот Деснянської експедиції 1936—1938 рр. Сб. «Палеоліт і неоліт України», т. I, Київ, 1947, стр. 41—57.
30. Крем'яні і кістяні вироби палеолітичної стоянки Чулатів I. Там же, стр. 107—115.
31. Кремневые изделия из сборов Орловского отряда Деснинской экспедиции. «Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода», № 9, М.— Л., 1947, стр. 81—83.
32. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, М.— Л., 1948, стр. 36—44.
33. Результаты работ Деснинской экспедиции (тезисы доклада). КСИИМК, вып. XXI, М.— Л., 1948, стр. 45—46.
34. Ранний палеолит Русской равнины. «Уч. зап. МГУ», вып. 115 (Тр. Музея антропологии), М., 1948, стр. 127—168.
35. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок. «Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ», вып. 7, М., 1948, стр. 82—86.
36. Городища Десни (дослідження Деснянської експедиції 1945—1946 рр.). Сб. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I, Київ, 1949, стр. 105—111.
37. Короткий звіт Деснянської експедиції про результати вивчення пам'яток кам'яної доби в 1945—1946 рр. Сб. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, Київ, 1949, стр. 277—282.
38. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, М.— Л., 1949, стр. 67—77.
39. Новая палеолитическая стоянка на р. Сейм. «Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода», № 14, М.— Л., 1949, стр. 132—137.
40. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, М.— Л., 1949, стр. 22—25.
41. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, М.— Л., 1949, стр. 97—120.
42. Палеолитическая стоянка Погон. Там же, стр. 40—54.
43. Мало-Окуловская неолитическая стоянка. Там же (совместно с А. В. Збруевой), стр. 121—130.
44. Авдеевская палеолитическая стоянка (по материалам раскопок 1948 г.) Там же, стр. 7—16 (Совместно с А. Е. Алиховой-Воеводской).
45. Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны. СА, № 12, М.— Л., стр. 237—250.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XXXI 1950 год

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. В. ВОЕВОДСКИЙ и А. Е. АЛИХОВА-ВОЕВОДСКАЯ

АВДЕЕВСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

(По материалам раскопок 1948 г.)

За последние два десятилетия, в результате изучения палеолита Русской равнины, выявились два района, сильно насыщенных стоянками. Один из них расположен в области Донского языка максимального оледенения — это группа Борщевско-Костенковских стоянок. Второй район — в области Днепровского языка, давший серию Чулатово-Пушкаревских стоянок. Авдеевская стоянка находится между этими двумя группами в области, не бывшей под покровом ледника. В этом отношении она представляет особый интерес и в то же время большие трудности, так как отсутствует морена — один из стратиграфических элементов, важный для геологической датировки памятника. Положение усложняется еще и тем, что эта стоянка расположена в атипичных для верхнего палеолита условиях, а именно: на «промежуточной террасе» (см. статью А. И. Москвитина), слабо возвышающейся над современной поймой р. Сейма. Такое низкое расположение стоянки, возможно, связано с погружением данного участка в более позднее время. Напомним, что аналогичный случай встречен во II Борщевской стоянке, культурный слой которой уходит под современный уровень р. Дона.

Возможность разрушения стоянки колхозными постройками заставила в 1948 г. сосредоточить все средства и силы на этом памятнике. Этими же причинами руководствовались при заложении раскопов и шурфов. Раскопки Авдеевской стоянки были организованы на средства ИИМК, Антропологического музея МГУ и Курского обл. музея. Руководил раскопками М. В. Воеводский.[1]

Стоянка расположена в 40 км от гор. Курска, на левом берегу Рагозны (приток Сейма).

Всего вскрыто 420 м (раскопы IV — XII) сплошной площади, примыкавшей к раскопам предыдущих лет; заложено десять шурфов (№ 7—16) и одна траншея (№ 2; рис. 1).

Большие земляные работы, проводившиеся на противоположном правом берегу Рагозны, как раз против наших раскопов, позволили установить, что стоянка захватывала на правом берегу лишь его край, не поднимаясь

[1] В раскопках принимали участие сотрудники ИИМК: А. Е. Алихова, П. И. Засурцев, О. Н. Мельниковская, И. Г. Розенфельдт и Р. Л. Розенфельдт; сотрудники Музея антропологии: М. А. Булатова, Н. И. Ильенко и А. Я. Гриневич и студенты историч. и биологич. факультетов МГУ.

на более высокую террасу. Отсюда можно заключить, что Рагозна, рассекшая палеолитическую стоянку, протекала раньше в другом месте.

Шурфы, заложенные к востоку и югу от основного раскопа, и отчасти раскоп VII, давшие единичные находки (за исключением шурфа № 16), устанавливают восточную и отчасти южную границы стоянки.

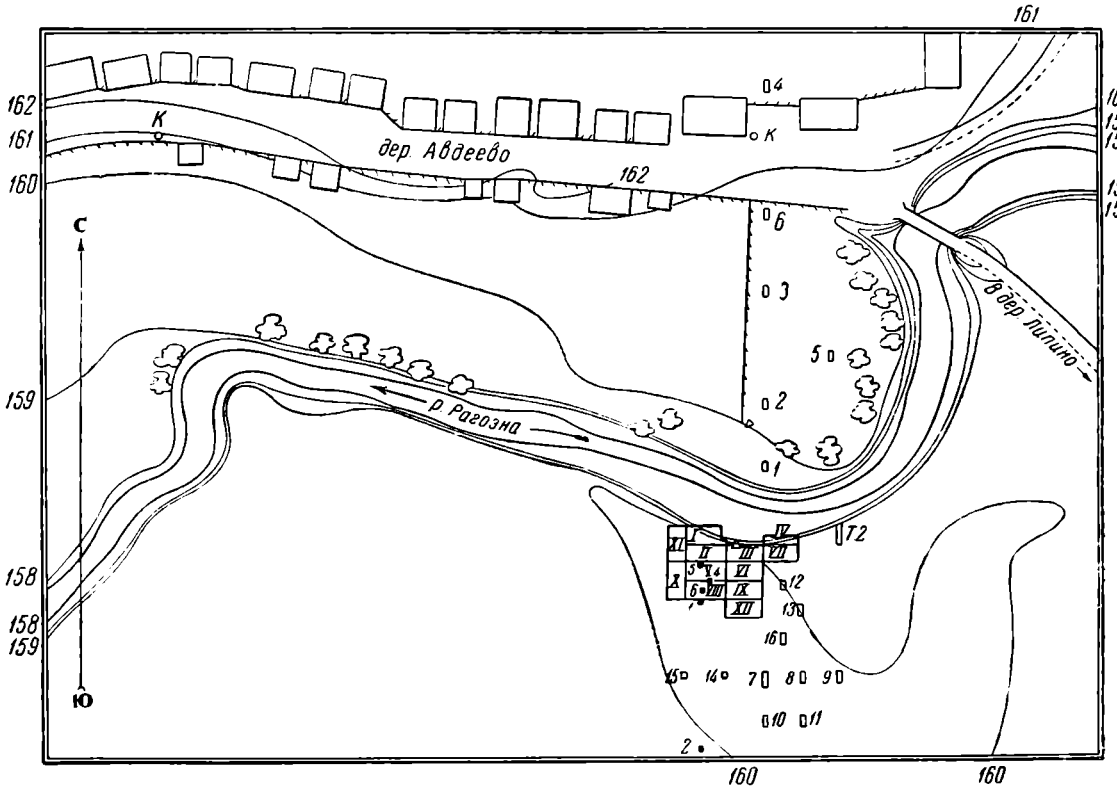


Рис. 1. План Авдеевской стоянки

I — раскоп 1946 г.; *II*, *III* — раскопы 1947 г.; *IV* —*XII* — раскопы 1948 г.; *1—6*—шурфы 1946 г.; □ *1—6*—шурфы 1947 г.; ▯ *7—16* — шурфы 1948 г.; *T2* — траншея 1948 г.; о*К* — колодец

Так как культурный слой выделяется по цвету от подстилающих и перекрывающих его слоев лишь на отдельных участках, указать более четко границы стоянки не представляется возможным.

Горизонт находок кремня и кости залегал на глубине 1.10—1.60 м, под толщей суглинка темнобурого в верхних частях и более светлого — в нижних, в слое серовато-бурой, местами ржаво-бурой супеси, более песчанистой в нижней части. Ее подстилают слоистые пески, перемежающиеся с глубины 1.80—2 м глинистыми голубоватыми прослойками.

В некоторых раскопах с особенно богатым культурным слоем отдельные находки кремня попадались начиная с поверхности, причем по мере углубления их становилось все больше. Аналогичное явление прослежено и на других стоянках; это объясняется деятельностью роющих животных, следы от которых остались в виде многочисленных кротовин и отдельных нор.

В слое супеси, т. е. культурном слое, местами (преимущественно в средней его части) встречаются скопления костного угля в виде отдельных пятен различной мощности и протяженности (рис. 2). Однако следов кострищ под этими пятнами нигде не обнаружено.

Настоящие кострища прослежены только в северной стенке раскопа XI (рис. 3) и в западной — раскопа XII (рис. 4). В последнем раскопе кострище было частично вскрыто во время раскопок. Диаметром несколько

больше 1.5 м (в верхней части), оно имело в разрезе вид трех неширокиx прослоек костного угля, разделенных слоями супеси. Нижняя прослойка залегала в едва различимом углублении в слоистом песке, средняя — располагалась горизонтально, верхняя была дугообразно изогнута вверх. Очевидно, в целом последняя имела вид шапки, подобно встреченным в других стоянках и, в частности, в I Костенковской.[2]

Второе кострище (участок В/10), расположенное в 24 м от первого, имело вид маломощной сажистой прослойки, залегавшей в нижнем горизонте культурного слоя и отделенной от подстилающих слоистых песков тонкой прослойкой супеси (рис. 3). Над сажистой прослойкой было большое скопление обожженных костей мощностью до 75 см и доходящее в диаметре до 1.2 м. В центре этого скопления на стенке раскопа обрисовалось большое сажистое пятно — 20 × 40 см. Следует заметить, что вскрыт только край кострища, расположенного в восточной половине ямы диаметром в 3 м, с полого спускающимся к центру и довольно неровным дном (рис. 3). В плане эта яма имела вид полукруга, примыкавшего к пятну, расположенному в северо-западном углу раскопа; под последним, в особой яме (на расстоянии 2 м от описанного очага) были найдены две статуэтки (рис. 5).

В Авдеевской стоянке, как и в некоторых стоянках Десны, кремневый материал распределяется по площади довольно неравномерно, скоплениями. Так, в раскопе V на глубине 1.35—1.55 м, т. е. в основном горизонте залегания находок, максимальное его количество сосредоточено в восточной половине и в примыкающих участках соседнего раскопа VI. На расстоянии 2.5 м от этого скопления, в центре раскопа VI прослеживается второе скопление, площадью примерно 9 м^2. Следует заметить, что выше этого горизонта материал распределялся равномерно по всей площади. За пределами раскопов к юго-востоку от них обнаружено в шурфах № 7, 13, 16 расположенное изолированно скопление кремневого и костного материала. При этом шурф № 16 дал наибольшее количество находок, по своей насыщенности не уступавшее раскопам V, VI, XI. Максимальное же количество находок было в раскопе VIII.

Учитывая современное положение стоянки, первоначально было высказано предположение, что она размыта. В настоящее время вопрос этот окончательно не разрешен. Во всяком случае, находки отдельных частей скелета животных, лежавших в анатомическом порядке, говорят о том, что если и был размыв, то часть стоянки сохранилась in situ. С другой стороны, обнаружены следы вечной мерзлоты под слоистыми песками в голубоватой глине, на которой четко обрисовывались древние ямы и трещины грунта, так называемые «клинья», возникшие в холодные и бесснежные зимы и выполненные вышележащим слоем песка (рис. 5). Ямы обычно не превышали 1.5 м в диаметре и уходили вглубь на 15—30 см, образуя в стенах, часто покрытых иловатым налетом, карманообразные боковые выступы. В двух случаях (на границе раскопов VIII и X и в раскопе XII) от ям отходили «клинья» в виде извилистых, неравномерно расширенных полос (см. план раскопа X и XII). Эти ямы были использованы человеком как складочные места для крупных костей и бивней. Интересно отметить, что и над трещинами выше уровня слоистых песков обычно находили отдельные кости, а иногда и части скелетов крупных и мелких животных, лежавшие в анатомическом порядке (на рис. 5 отмечены косой штриховкой).

Ямы в верхних горизонтах, помимо скопления крупных костей, были обычно заполнены культурным слоем с охристыми пятнами, кусочками

---

[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 2 изд., Л., 1938, стр. 449.

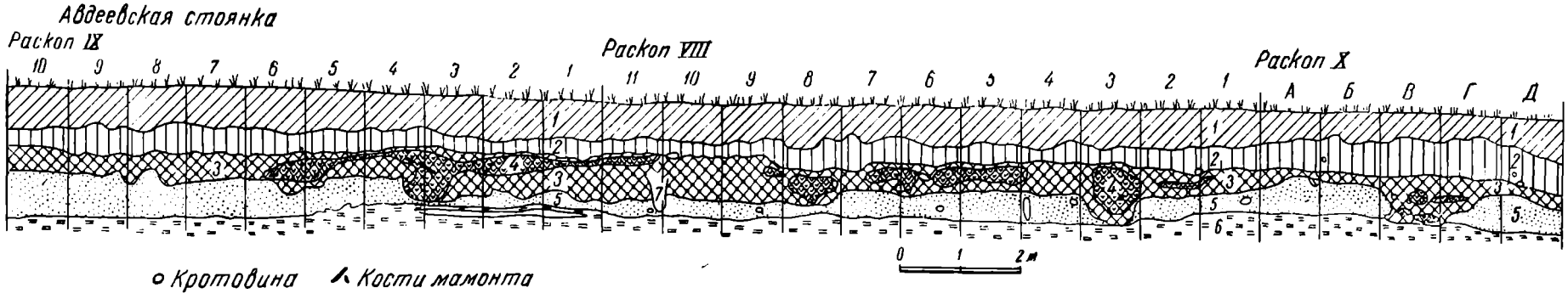


Рис. 2. Профиль южной стенки IX, VIII и X раскопов

1 — суглинок бурый; *2* — суглинок желтый; *3* — супесь; *4* — скопление пережженных костей; *5* — слоистые пески; *6* — глина; *7* — яма, заполненная неслоистой супесью

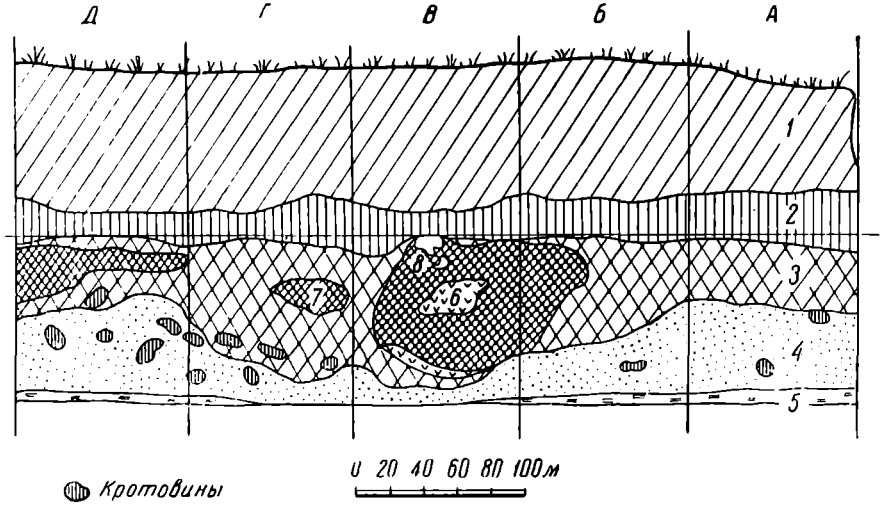


Рис. 3. Профиль северной стенки XI раскопа (кострище)

1 — темный суглинок; *2* — светлый суглинок; *3* — супесь с культурным слоем; *4* — песок; *5* — глина; *6* — угольная прослойка; *7* — скопления угля и пережженных костей; *8* — кость

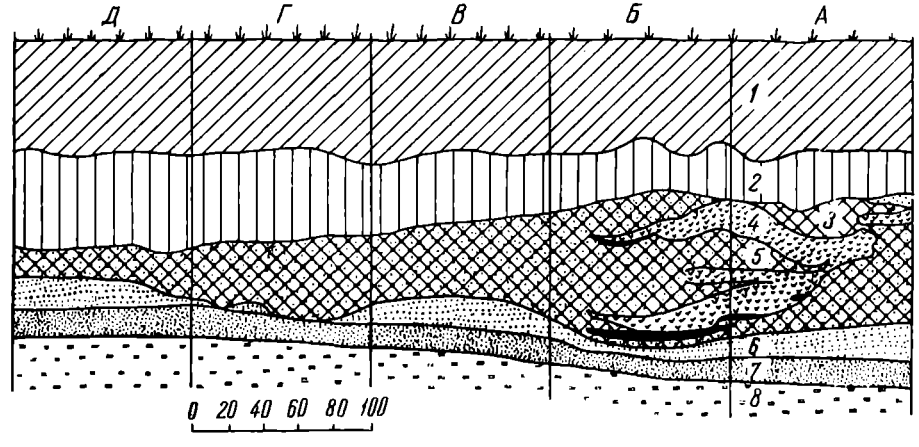


Рис. 4. Профиль западной стенки XII раскопа (кострище)

1 — суглинок бурый; *2* — суглинок желтый; *3* — серая супесь со скоплением пережженных костей (культурный слой); *4* — кострище с углистыми скоплениями на дне; *5* — супесь серая (культурный слой); *6* — слоистые пески; *7* — песок светлошоколадный; *8* — глина голубоватая

обожженных костей и осколками кремня. Это заполнение редко доходило до дна ямы, чаще же всего подстилалось слоистым песком.

Не останавливаясь подробно на находках кремневого инвентаря, частично уже опубликованного М. В. Воеводским,[3] а также описанного в специальной статье М. Д. Гвоздовер (стр. 17), дадим краткий его перечень.

Первое место по своему значению занимают наконечники дротиков двух типов — с боковой выемкой и лавролистные. Для последних типична

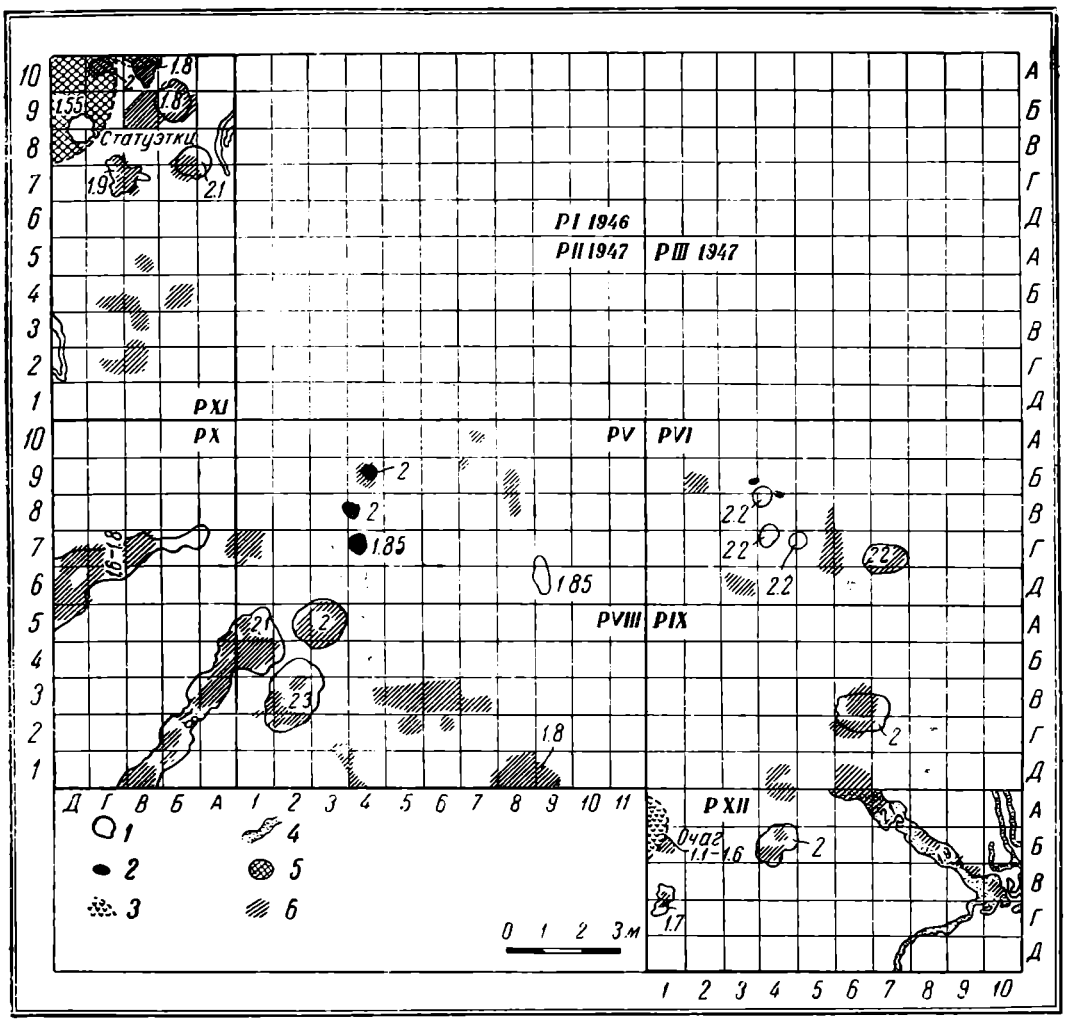


Рис. 5. Общий план раскопа Авдеевской стоянки, показывающий соотношение между скоплениями крупных костей животных и ямами и трещинами, связанными с мерзлотными явлениями

1 — яма; *2* — охра; *3* — очаг; *4* — трещина, выполненная песком; *5* — пятно культурного слоя; *6* — скопление крупных костей животных в культурном слое. Цифры обозначают глубину ям в метрах

частичная двусторонняя обработка края и поверхности у вершины пера и у основания. Оба описанных типа наконечников являются одним из наиболее характерных орудий для средней поры солютрейской эпохи Восточной Европы. Сочетание крупных наконечников с боковой выемкой и лавролистных, с частичной обработкой на концах, среди других стоянок СССР известно лишь в I Костенковской стоянке на Дону, а на Западе в стоянке Пржедмост в Чехословакии. Кроме того, встречены острия и резцы разных типов, преимущественно угловые, изготовленные из массивных пластин и

[3] М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, М.— Л., 1948.

на отщепах, а также резцы на углу сломанной пластины. Для скребков были использованы массивные пластинки или правильные отщепы. Боковые грани у них большей частью не обрабатывались. Рабочий край был дугообразно изогнут.

Не менее характерным орудием для описываемой эпохи, к которой относится Авдеевская стоянка, являются пластинки с притупленным краем. Особенно же много было найдено пластин со стесанными концами; изготовлены они из массивных пластин и из отщепов и нуклеобразных обломков. По форме орудия и характеру оформления рабочего края можно предполагать, что они выполняли различные функции. Некоторые из них могли служить в качестве долота для поперечного перерубания бивней мамонта, на которых встречаются следы работы этим орудием; некоторые из них, возможно, служили в качестве своего рода стамесок.

Раскопки 1948 г. были, по сравнению с раскопками предыдущих лет, особенно богаты находками костяных изделий. Из производственного инвентаря, в первую очередь, следует отметить находки мотыг, или кайл, сделанных из бивня мамонта. Они различались и по форме и по обработке рабочего конца. Одно из них (рис. 6—*3*, *3а*), длиной 34 см и диаметром 5 см, с верхней стороны сохранило естественную изогнутость бивня; с нижней же, вогнутой, стороны бивень был срезан на протяжении 12 см (считая от рабочего конца), образуя ровную площадку. Рабочий край округлой лопатообразной формы. Это орудие могло служить в качестве мотыги или тесла. Другое орудие (рис. 6—*2*, *2а*), примерно той же длины (конец частично отломан) и того же диаметра, было обработано с верхней и с нижней стороны на протяжении 15 см; сохранились нетронутыми лишь боковые грани. Это орудие могло служить в качестве топора.

В виде комбинированного орудия употреблялся большой кусок бивня мамонта (длина 67 см, диаметр 6.5 см). Один конец у него заострен с одной стороны и сильно сглажен, другой конец округлый, также утончен с одной стороны и несет следы ударов (рис. 6—*4*). В целом его можно охарактеризовать как топор-молот, который употреблялся без дополнительной рукояти. Большой интерес представляет более массивный кусок бивня, длиной 50 см, диаметром 7.6 см. Его рабочий конец имеет округлую, сглаженную в результате работы поверхность (рис. 6—*6*). Возможно, что он служил в качестве песта для растирания.

Найдено 12 лощил и несколько обломков. Все они сделаны из расколотых ребер, за исключением одного небольшого, выделанного из бивня мамонта и украшенного по краю орнаментом в виде нарезки. Только три лощила сохранились полностью. Одно из них двойное (рис. 7—*15*), причем второй конец не имеет следов сработанности. У другого — рукоять выделана в виде плоской полукруглой головки (рис. 7—*14*). Третье представляет собой комбинированное орудие — лощило и проколку; этот экземпляр отличается большим размером и грубостью.

Проколки по своей отделке и оформлению делятся на две резко различные группы. Первые — большие и грубые, сделаны из ребра животного. Их встречено два экземпляра, считая уже упомянутую выше. Несколько больше проколок другого типа. Они сделаны обычно из кости. Острие большей (рис. 7—*2*) или меньшей длины (рис. 7—*1*, *6*) хорошо отполировано. Противоположный конец скульптурно оформлен в виде ноги животного, иногда орнаментированной по ребру. В некоторых из них можно видеть изображение ноги верблюда. Напомним в связи с этим о находке головки верблюда в I Костенковской стоянке, вызвавшей некоторое сомнение у П. П. Ефименко.[4]

---

[4] П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 453.

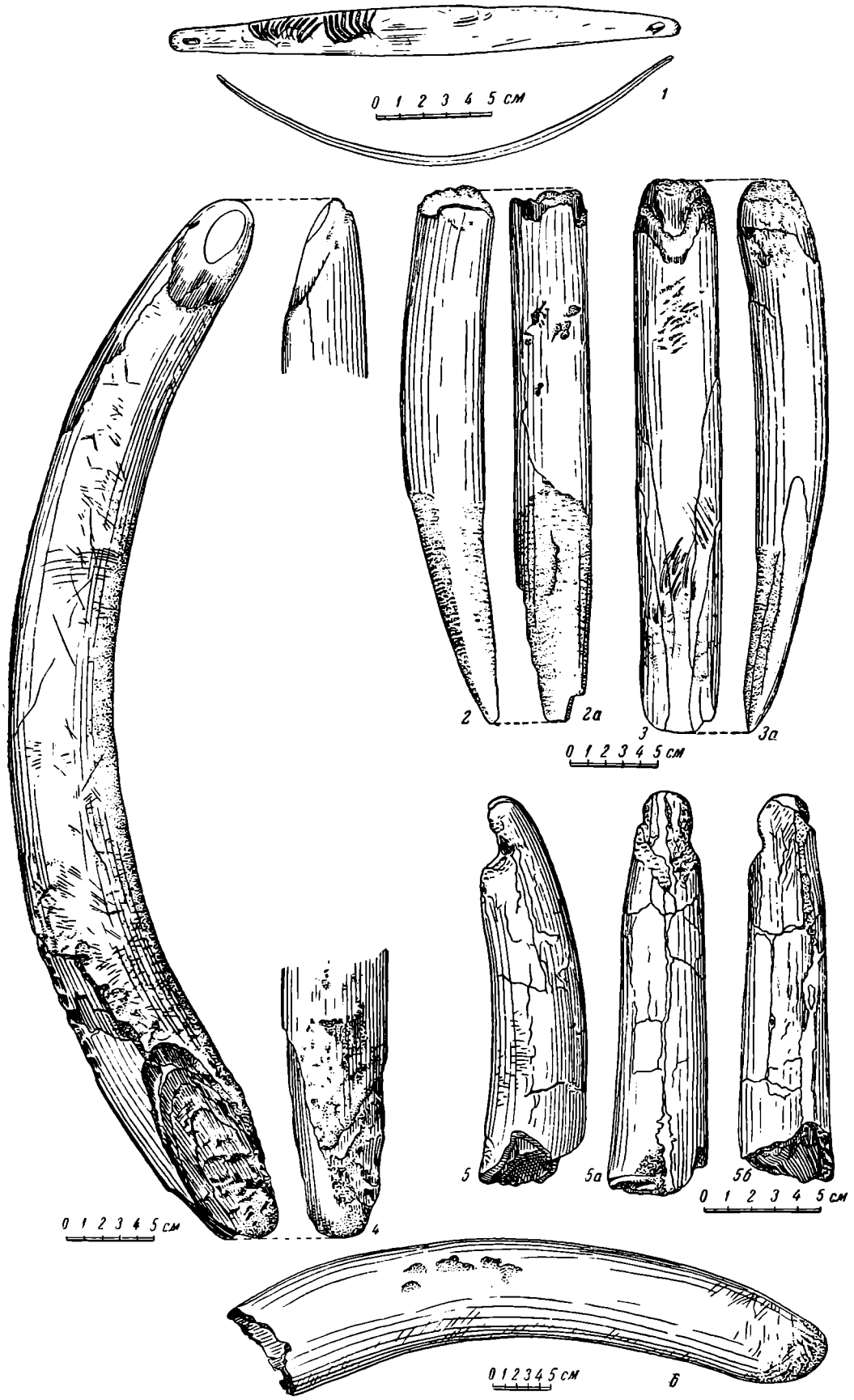


Рис. 6. Орудия производства из бивней мамонта и кости

1 — диадема; *2*, *2а*, *3*, *3а* — мотыги из бивня; *4* — бивень с обработанными концами; *5*, *5а*, *5б* — заготовка статуэтки; *6* — бивень с закругленными концами

Рис. 7. Костяные изделия с Авдеевской стоянки

1, 3 — 12 — нат. вел.; *2, 13—15* — $^1/_2$ нат. вел.

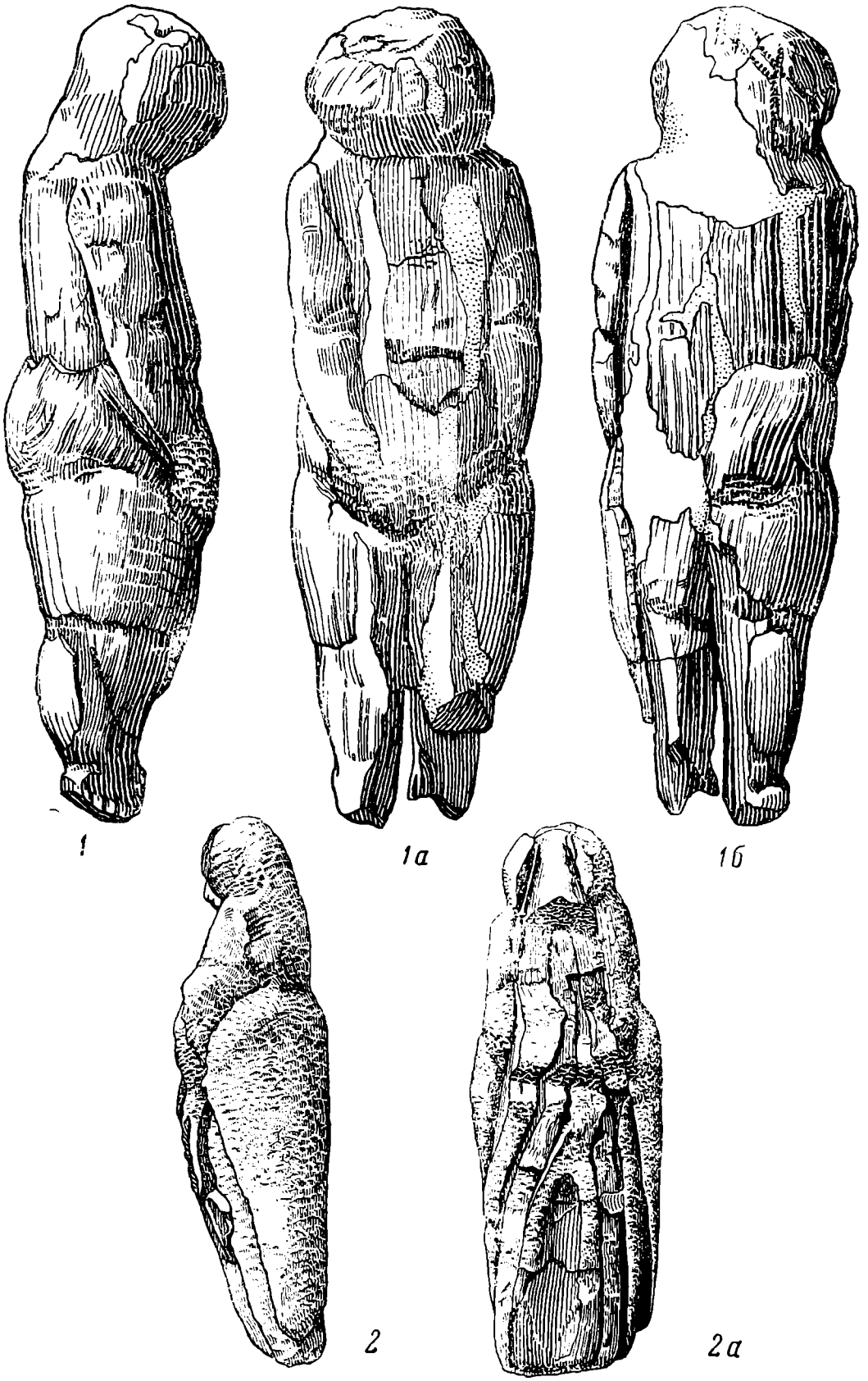


Рис. 8. Статуэтки из бивня мамонта с Авдеевской стоянки

1, 1а, 1б — $^{7}/_{8}$ нат. вел.; *2, 2а* — $^{1}/_{2}$ нат. вел.

К предметам украшения следует отнести диадему в виде слабо изогнутой, изготовленной из бивня мамонта пластинки (длина 21.5 см, ширина 2 см в середине), суженной к концам, на которых имеется по одному овальному отверстию. Орнамент в виде двух пучков широких нарезок нанесен асимметрично, ближе к одному из концов (рис. 6—*1*). Сюда же следует отнести просверленный зуб волка.

Сравнительно часто встречались костяные или из бивня мамонта пластиночки, иногда с отверстием в середине, украшенные тонкой, а чаще грубой елочной или зигзаговой нарезкой (рис. 7—7—*11*).

Повидимому, к категории скульптурных изображений следует отнести плоский рыбовидный предмет (рис. 7—*5, 5а*). Большой интерес представляет бивень мамонта диаметром 19 см и длиной 90 см, орнаментированный параллельно расположенными тонкими нарезками. В пятне культурного слоя, покрывавшем яму со статуэтками, в стене раскопа (уч. Д/8) найдена орнаментированная трубчатая кость крупной птицы.

Особенно ценными находками являются две женские статуэтки, сделанные из бивня мамонта. Они лежали в яме (0.55 × 0.75 м) на участках XI — Д/8, 9 под пятном культурного слоя, которым была заполнена также и яма. Лучшая статуэтка, размером 12.4 см, изображает женщину со слегка наклоненной вперед и совершенно неоформленной головой, с опущенными и сведенными к низу живота руками; грудь, судя по сохранившейся части, неоформлена; ноги хорошо моделированы вплоть до пяток (рис. 8—*1, 1а, 1б*). Другая, незаконченная, статуэтка, размером 15.7 см, расслоившаяся с лицевой стороны, сильно схематизирована (рис. 8—*2, 2а*). Оформлена только верхняя часть спины вплоть до талии. Судя по боковой части статуэтки, руки располагались на животе.

На расстоянии 4 м от ямы со статуэтками найдена, повидимому, заготовка третьей статуэтки. Она представляет собой кусок бивня мамонта (длина 16.3 см) с грубо намеченной головой (рис. 6—*5, 5а, 5б*).

Из стоянок Русской равнины наиболее близкой и по некоторым признакам почти идентичной Авдеевской является I Костенковская. С другой стороны, характерные формы среди кремневого инвентаря, а также своеобразие костяной статуэтки (см. статью М. Д. Гвоздовер), найденной в 1947 г., и другие признаки, сближают Авдеевскую стоянку со стоянкой Пржедмост в Моравии. Это позволяет с большей определенностью установить наличие костенковской стадии в развитии позднего палеолита Восточной Европы. По характеру кремневого и костяного инвентаря Авдеевскую стоянку следует отнести к середине солютрейской эпохи. Геологически солютрейские стоянки датируются временем рисс-вюрма.[5]

Согласно последним исследованиям В. И. Громова,[6] эта эпоха характеризуется холодным климатом, что вполне подтверждается раскопками Авдеевской стоянки, выявившей наличие слоя вечной мерзлоты во время существования здесь поселения. За это же говорит и фауна, представленная арктическими и степными формами (мамонт, носорог, волк, бурый медведь, песец, лошадь и степные грызуны). На безлесный характер местности указывает отсутствие древесного угля на стоянке, а также пыльцы древесной растительности в образцах породы, взятых со стоянки.

---

[5] М. В. Воеводский. Ранний палеолит Русской равнины. Тр. Музея антропологии. Уч. зап. МГУ, М., 1948; его же. Находки раннего палеолита на р. Десне. Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг., М., 1941; его же. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. КСИИМК, М.—Л., 1940.

[6] В. И. Громов. Геологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. ИГН, вып. 64, 1948.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

М. Д. ГВОЗДОВЕР

О РАСКОПКАХ АВДЕЕВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ в 1947 году

В 1947 г. Деснинская экспедиция под руководством М. В. Воеводского продолжала начатые в 1946 г. раскопки Авдеевской палеолитической стоянки.

Эта стоянка представляет большой интерес для исследования как по своему инвентарю (классическое солютре Восточной Европы), так и по условиям залегания (см. статью А. И. Москвитина).

Раскопки 1947 г. позволили уточнить некоторые вопросы, не совсем ясные при работах 1946 г. Ряд шурфов, заложенных на правом, более высоком берегу Рагозны, где мы предполагали найти продолжение культурного слоя стоянки, совершенно не дал находок. Очевидно, вся стоянка расположена на пойменной террасе Сейма, по левому берегу Рагозны, и занимает площадь около 4000 м^2. Крайние точки находок располагаются по берегу Рагозны на 100 м и в сторону русла Сейма на 40 м.

Залегание культурных находок в пойме свидетельствует о том, что здесь, возможно, произошло погружение высокой надпойменной террасы с последующим размывом слоев, перекрывающих культурные остатки.

В 1947 г. было заложено два раскопа общей площадью 105 м^2. Современная стратиграфия стоянки такова: над горизонтом находок лежат темнобурый и бурый суглинки — 0.00—1.10 м. В них встречаются лишь единичные кремневые поделки и мелкие обломки костей. Основной горизонт находок приурочен к подстилающей суглинки сероватой супеси; глубина ее 1.11—1.60 м.

Глубже 1.35 м находки встречаются лишь скоплениями, залегающими в углублениях супеси, уходящих в глубину до 1.36—2.05 м и имеющих площадь до 5—6 м^2.

Эти ямы-углубления густо насыщены культурными остатками и часто окрашены красной охрой и углем в красновато-бурый цвет. Этих углублений размыв не достиг — здесь непотревоженные участки культурного слоя стоянки. Об этом свидетельствует целый череп песца с обеими челюстями и кости стопы мамонта, лежащие в анатомическом порядке в одном из скоплений.

Ямы представляют собой какие-то углубления, может быть искусственные, времен обитания стоянки. Вероятно, остатками каких-то искусственных сооружений являются обнаруженные в двух скоплениях вертикально стоящие крупные трубчатые кости мамонта.

Супесь подстилается крупнозернистым слоистым песком без находок (1.60—2.40 м). Дальше следует серая глина — выход грунтовых вод.

Возможно, дальнейшие раскопки вскроют в нижней части супеси лучше сохранившиеся участки стоянки. Это дало бы возможность изучить бытовую картину поселения, а пока нам придется ограничиться анализом собранного материала.

По предварительному заключению В. И. Громова, в фауне стоянки, кроме известных уже по 1946 г. мамонта, волка, песца, лошади и бурого медведя, имеются и степные грызуны (байбаки).

Кремневых поделок собрано в 1947 г. 4584. Распределяются они следующим образом:

№ п/п	Наименование	Число
1	Наконечники и их обломки	51
	Из них:	
	а) лавролистные	8
	б) с боковой выемкой	31
	в) прочие	12
2	Орудия со стесанным концом	250
3	Резцы	169
	Из них:	
	а) боковые	10
	б) угловые	69
	в) на углу сломанной пластины	87
	г) полиэдрические	3
4	Скребки	10
5	Острия	14
6	Пластины с притупленным краем	40
7	Сверла	8
8	Обломки орудий и прочие орудия случайной формы	137
9	Изделия из кварцита	13
10	Отщепы резцовые	142
11	Отщепы краевые	424
12	Ножевидные пластины и их обломки	531
	Из них с ретушью	114
13	Отщепы	353
14	Ребристые пластины	45
15	Нуклеусы и их обломки	15
16	Сколы с основания нуклеуса	101
17	Обломки кремня	23
18	Осколки кремня	2144
	Итого	4584

Материалом для изготовления орудий служил меловой, очень хорошего качества кремень.

В небольшом количестве использовался и кварцит (в коллекции есть несколько орудий из кварцита, в том числе правильная ножевидная пластина с краевой ретушью и резец типа резцов на углу сломанной пластины). Материалы раскопок 1947 г., как и предыдущего года, свидетельствуют о том, что первичная обработка кремня производилась вне раскопанной территории стоянки. Готовых орудий и их обломков всего 825, что составляет 18% всего кремневого материала стоянки.

Наиболее интересной и датирующей группой орудий являются наконечники дротиков. Они двух типов — с боковой выемкой и лавролистные. Наконечников с боковой выемкой и их обломков в коллекции всего 31 экземпляр (рис. 9—*4*, *5*). Изготовлены они обычно на ножевидных пластинах трехгранного сечения. Все наконечники довольно крупные. Длина их варьирует от 5 до 10—12 см, наибольшая ширина 1.5—4 см, толщина 0.4—

1.0 см. Выемка, выделенная тщательной крутой ретушью, занимает $^1/_2$—$^3/_4$ орудия. Несколько чаще она располагается с правой стороны орудия. Противолежащая сторона наконечника в большинстве случаев имеет лишь легкую, более плоскую ретушь. Вершина пера и основание наконечника обычно обработаны с обеих сторон тщательной солютрейской ретушью, с крупными плоскими фасетками. В отдельных случаях орудие приострено лишь со стороны спинки.

Наконечники этого типа богато представлены в известной стоянке Костенки I.[1]

К данной группе может быть отнесен один миниатюрный наконечник с боковой выемкой (длина его 2 см, ширина 0.8 см), нанесенной крутой ретушью справа. Такие наконечники известны также со стоянки Костенки I и Гагарино.[2]

Своеобразную группу орудий составляют 8 лавролистных наконечников (рис. 9—*1, 1а, б; 2, 2а, б; 6, 6а*). Длина 5—8 см, наибольшая ширина 3—4 см, толщина 0.4—1.0 см. Вершина пера и основание этих наконечников уплощены и заострены ретушью, которая обычно наносилась со стороны спинки и с брюшка. Со спинки орудие уплощалось грубой отбивной ретушью, а с брюшка наносилась тонкая, плоская солютрейского облика ретушь. В большинстве случаев боковые грани наконечника оставлены без подработки. У одного наконечника брюшко оставлено без обработки, а выпуклая спинка уплощена длинными нерегулярными фасетками, почти сплошь покрывающими орудие.

Наконечники, близкие к описанным, известны также со стоянки Костенки I.[3] Остальные 11 обломков наконечников пока затруднительно отнести к какому-либо определенному типу.

Очень интересны орудия со стесанным концом, которых в коллекции 250 экз. Количественное преобладание орудий со стесанным концом над всеми другими типами орудий стоянки, является любопытной деталью. Интересно, что в стоянке Костенки I, наиболее близкой по инвентарю к Авдеевке, «на первом месте количественно стоят концевые скребки и резцы».[4]

Орудия со стесанным концом изготовлялись и на массивных ножевидных пластинах, и на отщепах, и на нуклевидных обломках кремня. Характерна для них однотипная обработка конца: двустороннее стесывание как со спинки, так и с брюшка. Со стороны спинки это обычно длинные, узкие фасетки, уплощающие лезвие, а с брюшка — тонкая подтеска плоскими, широкими фасетками, нередко лежащими под углом к длинной оси пластины. Рабочее лезвие имеется нескольких типов, что отчасти определяется заготовкой: на массивных обломках оно получается клиновидным, напоминающим «рабочее лезвие... простейшего топора-тесла» (рис. 10—*1, 1а*).[5]

Из пластин и отщепов получали орудия, скорее напоминающие лезвие зубила, долота и стамески, с очень тщательно выделенным рабочим концом, нередко подправленным по самому краю вторичной мелкой ретушью. Рабочий край прямой или слегка дугообразный, в некоторых случаях подчеркнуто желобчатый.

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1938, стр. 446; его же. Костенковская палеолитическая стоянка. Ежегодник Русского антропол. об-ва при Петерб. ун-те, т. V, 1915, стр. 23.

[2] С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарино. Палеолит СССР. ИГАИМК. вып. 118, стр. 16.

[3] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1938.

[4] Там же, стр. 447, 455.

[5] Там же, стр. 454.

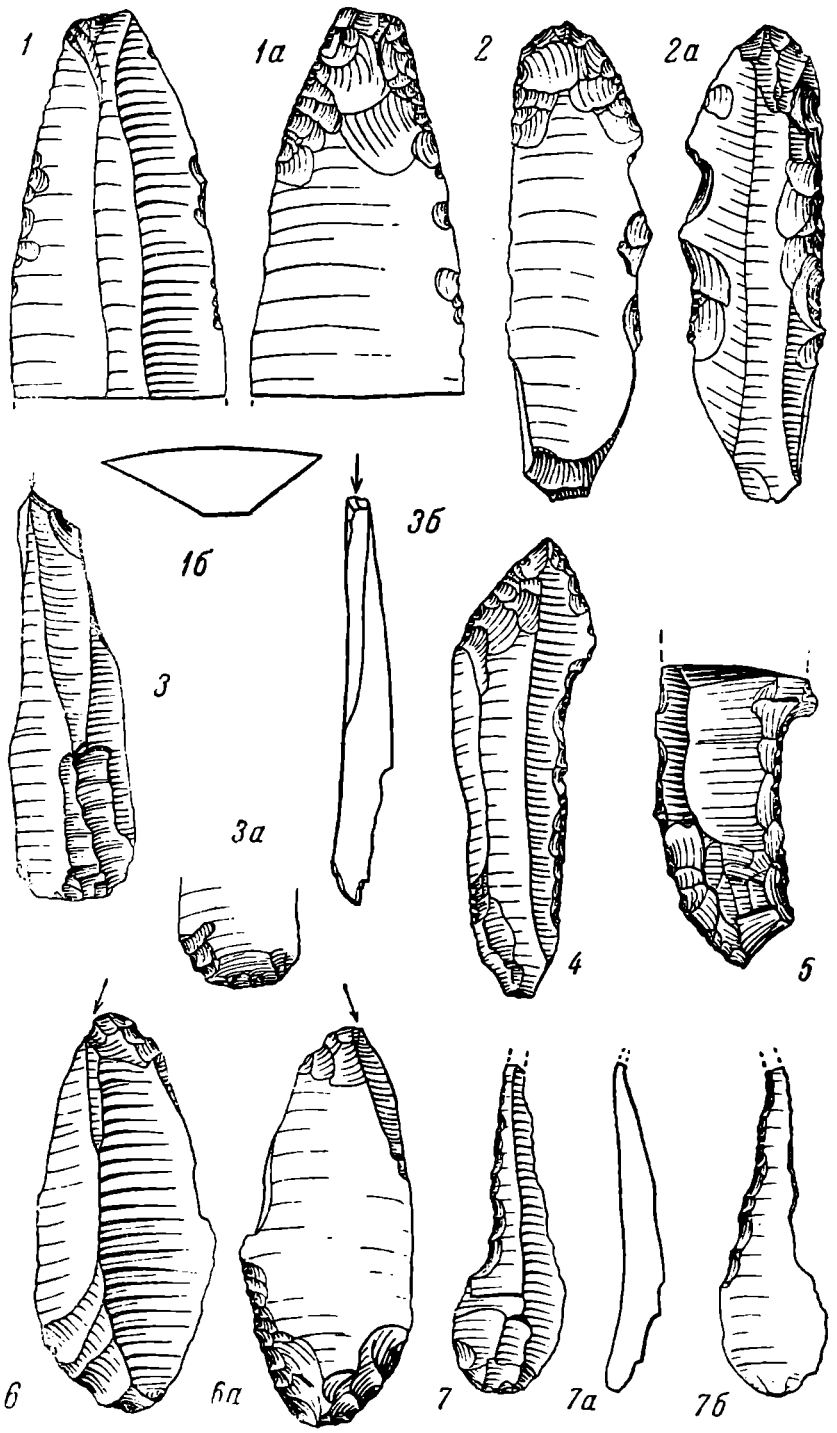


Рис. 9. Кремневые орудия с Авдеевской стоянки

1, 1а, 1б—обломок лавролистного наконечника; *2, 2а*—то же; *3, 3а, 3б*— резец; *4* — наконечник с боковой выемкой; *5* — обломок черешка наконечника с боковой выемкой; *6, 6а* — лавролистный наконечник, переделанный на резец; *7, 7а, 7б* — сверло (2/3 нат. вел.)

Вероятнее всего, орудия со стесанным концом, морфологически родственные между собой, различались по своей рабочей функции. Но назначение всех их безусловно связывалось с обработкой кости и, возможно, дерева. (Не заменяли ли отчасти эти орудия и резцы и скребки?)

Среди пластин со стесанным концом 28 являются двойными орудиями, т. е имеют аналогичную обработку обоих концов (рис. 10—*3, 3а*). У большинства же один конец стесан, а второй, более массивный, специальной подработки почти не имеет, но несет на себе следы неоднократных сильных ударов, забивших основание орудия и по краю оставивших выщербины (рис. 10—*2, 2а, б*). Иногда выкалывались целые участки основания. В некоторых случаях удары по затупленному концу раздробили его и нанесли ряд сколов, напоминающих резцовые, отчего затупленный конец несколько напоминает вершину многофасеточного резца.

21 пластина имеет один конец стесанный, а на противоположном — резец, острие, скребок и т. п. Пока не удается отличить комбинации этих орудий с пластиной со стесанным концом от, возможно, применявшейся специальной подтески, уплощавшей основание для закрепления в рукоятке. Это затруднительно еще и потому, что для Авдеевской стоянки, как и для Костенок I, вообще характерна переделка сломанного или неудачного орудия на другое. Мы имеем переделку наконечника на резец, на пластину со стесанным концом и т. д. Поэтому далеко не всегда бывает возможно отличить, чем является подтеска основания — остатками первоначальной обработки орудия или связана с его переделкой и имеет какое-либо специальное назначение (рис. 9—*3, 3а, 3б* и *6, 6а*).

В столь богатой и характерной серии орудия со стесанным концом известны, кроме Авдеевки, лишь со стоянки Костенки I.

Резцы составляют вторую по численности группу орудий стоянки. Их всего 169.

Характерно преобладание типа резцов на углу сломанной пластинки и угловых. Боковые, столь характерные для ряда стоянок (Боршево I, Погон), близких по времени, представлены в коллекции всего 10 экземплярами. Почти все они производят впечатление случайных орудий, что свидетельствует о невыработанности здесь этого типа резцов.

Угловых резцов 69, почти все они изготовлены на массивных пластинах или отщепах. Резцовые сколы широкие, косые, нередко заходящие на брюшко, со следами неоднократных подправок. Режущий угол массивен. Большинство этих резцов близко по своему характеру к полиэдрическим резцам, характерным для этой эпохи.

Резцов, изготовленных на углу сломанной пластины, 87 (больше половины всех резцов коллекции). Большинство изготовлено на обломках ножевидных пластин. Размеры орудия различны и зависят от размеров заготовки.

Кроме ножевидных пластин, использовались для получения этих резцов также отщепы, обломки и т. п. Многие резцы производят впечатление незаконченных, случайных орудий. Шесть резцов этого типа сделаны из черешков сломанных наконечников. Резцовые сколы и здесь большей частью широкие, массивные, иногда несколько косые, заходящие на брюшко. В некоторых случаях они плоские.

Среди резцов нередки двойные и комбинированные орудия (резцы различных типов или же комбинация резца со скребком, острием и т. д.). Эти орудия близки к резцам стоянки Костенки I.

Скребков среди орудий, найденных в 1947 г., всего 10. Все они изготовлены на массивных пластинах и отщепах. Крутая притупляющая ретушь сформляет дугообразный рабочий край. Лишь у одного скребка она спускается на боковые грани, у остальных ограничивается лезвием. Два скребка, изготовленные на массивных отщепах, должны быть отнесены

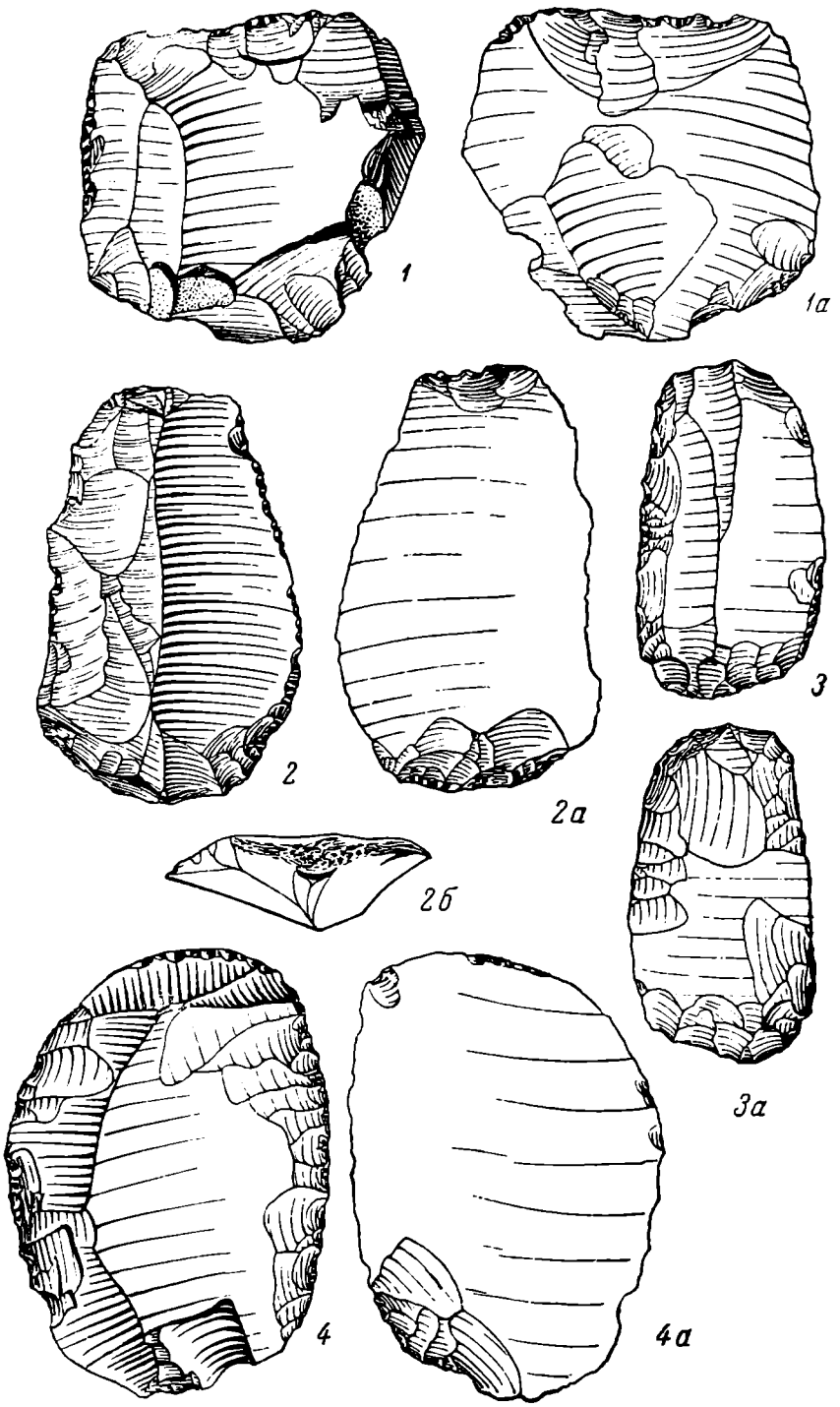


Рис. 10. Кремневые орудия с Авдеевской стоянки

1, *1а* — пластина со стесанным концом (рубящее орудие); *2*, *2а*, *2б* — пластина со стесанным концом (другой конец притуплен ударами); *3*, *3а* — пластина с двумя стесанными концами; *4*, *4а* — скребковидное орудие с подтеской со стороны брюшка ($^2/_3$ нат. вел.)

к выемчатым. Их рабочий край представляет собой широкую, обработанную крутой ретушью выемку.

Есть несколько скребков двойных. У четырех орудий со стороны брюшка видна плоская подтеска. Иногда подтесан противоположный скребковому конец орудия (рис. 10—*4, 4а*). Имеется несколько обломков довольно массивных скребковидных орудий.

Есть в коллекции характерная серия миниатюрных пластинок с притупленным краем. Их всего 40 экземпляров; к сожалению, большинство из них представлено в обломках. Длина целых пластинок 2—5 см, ширина 0.5—0.9 см, толщина 0.3—0.5 см.

Притупляющая ретушь тщательная, очень крутая. У четырех орудий притуплены аналогичной ретушью оба параллельных края. Из девяти сохранившихся оснований пластинок у двух экземпляров оно срезано почти вертикальной ретушью со стороны брюшка, у остальных — со стороны спинки. У трех подобным образом срезаны оба конца.

Кроме миниатюрных пластинок с притупленным краем, в коллекции имеются 114 более крупных ножевидных пластин и их обломков с краевой ретушью, иногда образующей одну или несколько небольших выемок.

Из этой группы пластин особого внимания заслуживает одна пластина (рис. 11) почти правильного огранения. Конец ее обломан. Сохранившаяся часть имеет длину 20 см (целое орудие имело длину 23—25 см), в то время как средняя длина ножевидных пластинок стоянки не превышает 7—8 см. Наибольшая ширина пластины 5 см, толщина — 1 см. Она сколота с нуклеуса; у основания ее сохранился небольшой участок отбивной площадки, а на спинке — негативы от сколотых более мелких пластин. Негативы снимают отчасти сохранившиеся в нижней части орудия поперечные сколы оббивки широкого ребра нуклеуса. Поперечные сколы напоминают поперечную оббивку поверхности новгород-северских гигантолитов.[6] Это невольно наводит на мысль о том, не являются ли гигантолиты нуклеусами, а те «дуговые (резцовые) сколы»,[7] о которых говорит Пидопличка,— негативами от ножевидных пластин, аналогичных нашей (кстати, длина и ширина этих сколов очень близки к размерам описываемого орудия). Ретушь же и сработанность на более узком конце гигантолитов получились, возможно, от ударов по противоположному концу, наносимых для скалывания пластин.

Пластина имеет вторичную обработку: со стороны брюшка основание обработано правильной притупляющей ретушью, частично снимающей ударный бугорок. Со стороны спинки левая сторона обработана правильной, плоской ретушью, которая в средней части пластины образует две широкие выемки. Между выемками выделяется несколько выступающий шип. С брюшка от края выемок стесано несколько очень плоских, крупных фасеток, часть из них имеет заломы. Повидимому, это орудие служило ножом, частично же и выемчатым скобелем.

Острий в коллекции 22. Большинство из них случайной формы, с легкой подработкой на конце. Обычно они изготовлены на ножевидных пластинах. 6 экз. могут быть отнесены к косым остриям. У двух ретушь ограничивается лишь дугообразной притупленной вершиной, у четырех же ретушировано и само режущее лезвие — у некоторых со спинки, у других с брюшка, у самой вершины острия.

К остриям же следует отнести несколько орудий, изготовленных на

---

[6] И. Г. Пидопличка. Кремневые гигантолиты из Новгород-Северска. МИА СССР, вып. 2, табл. I—IV, стр. 30—37.

[7] Там же, стр. 28.

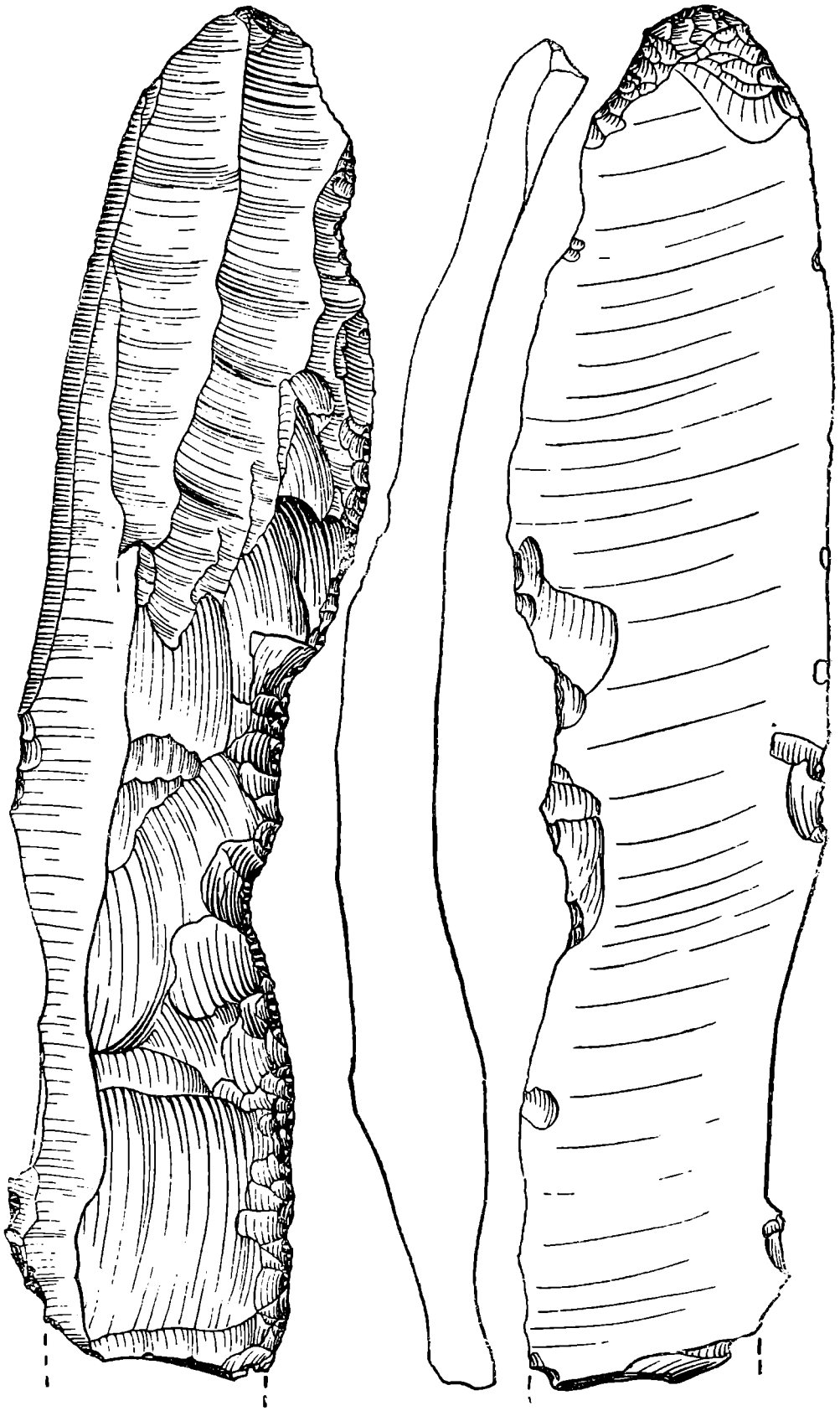


Рис. 11. Ножевидная пластина с Авдеевской стоянки (7/8 нат. вел).

небольших отщепах, несколько напоминающих скребковидные орудия, но с отчетливо выделенным ретушью острым выступом.

Особо стоит отметить группу из 8 «сверл», или проверток (рис. 9—7, *7а, б*), отличающуюся от обычных острий и проколок. К сожалению, почти все они представлены в обломках. Изготовлялись они на небольших, узких, но толстых неправильной формы отщепах. Противолежащие сходящиеся края обработаны ретушью — один со стороны спинки, другой — со стороны брюшка. Оба края несут на себе характерную смятость и раздробленность, образовавшиеся в результате сверления твердого материала.

Из орудий в коллекции имеется еще несколько отбойников и их обломков, обычно сделанных из использованных нуклеусов. Обломки нуклеусов невыразительны, небольшого (до 5 см) размера. Из отходов кремня особого внимания заслуживает очень многочисленная серия краевых отщепов — 424. К сожалению, определить их происхождение пока не удается.

Такова в общих чертах картина, которую дает нам предварительная обработка материала раскопок 1947 г.

Стоянка достаточно определенно датируется солютрейским временем и поражает почти полным совпадением типов орудий, даже в деталях, со знаменитой стоянкой Костенки I.

Это сходство сохраняется и для орудий из кости.

Раскопки дали немногочисленные и почти сплошь фрагментарные костяные поделки (рис. 12).

Наибольший интерес представляет фигурка, изображающая сидящего человека. Она изготовлена из метатарзальной или метакарпальной кости мамонта; высота ее 9 см. Естественная форма кости передает тело фигурки. Шея выделена круговым углублением, идущим по суженной части дистального конца. Голова сверху ограничена плоскосферической суставной поверхностью. На шаровидном лице обнажено губчатое вещество. Двумя углублениями намечены глаза. Выступ между ними изображает нос. По бокам головы выступают небольшие уши (правое ухо не сохранилось). Низ статуэтки образован плоской проксимальной суставной поверхностью, так что фигурка свободно стоит (рис. 13).

Несколько аналогичных статуэток известны из Пржедмоста.[8] Статуэтка из Авдеевки отличается от них большей детализацией лица.

Рис. 12—*1*, *1а* изображает незаконченный наконечник, вырезанный из бивня мамонта. Длина орудия 17.5 см, ширина — 2 см; сечение — формы неправильного овала. У основания наконечника и вдоль по ребру идут своеобразные, довольно глубокие нарезки.

В коллекции имеется обычного типа шило, выточенное из кости лошади, несколько обломков так называемых лощил, со специально заточенным дугообразным концом, изготовленных из расколотых ребер или бивня мамонта. Подобные лощила известны со стоянок Костенки I,[9] Гагарино,[10] Новгород-Северской.[11] Почти на всех обломках лощил, на тщательно заглаженной наружной поверхности, близ закругленного конца, видны следы сработанности в виде своеобразных вмятин, несколько напоминающих сработанность мустьерских костяных «наковаленок» (рис. 12—*3*, *3а*, *б*).

Интересны также нарезки острым орудием вдоль узких краев пястной (?) кости волка. Поражает сходством с материалом Костенки I обломок костяной «ложечки». Кроме Костенок I и Авдеевки подобные

---

[8] Г. Обермайер. Доисторический человек, стр. 345.
[9] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1938, стр. 455.
[10] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 58.
[11] И. Г. Пидопличка. Указ. соч., стр. 28—29.

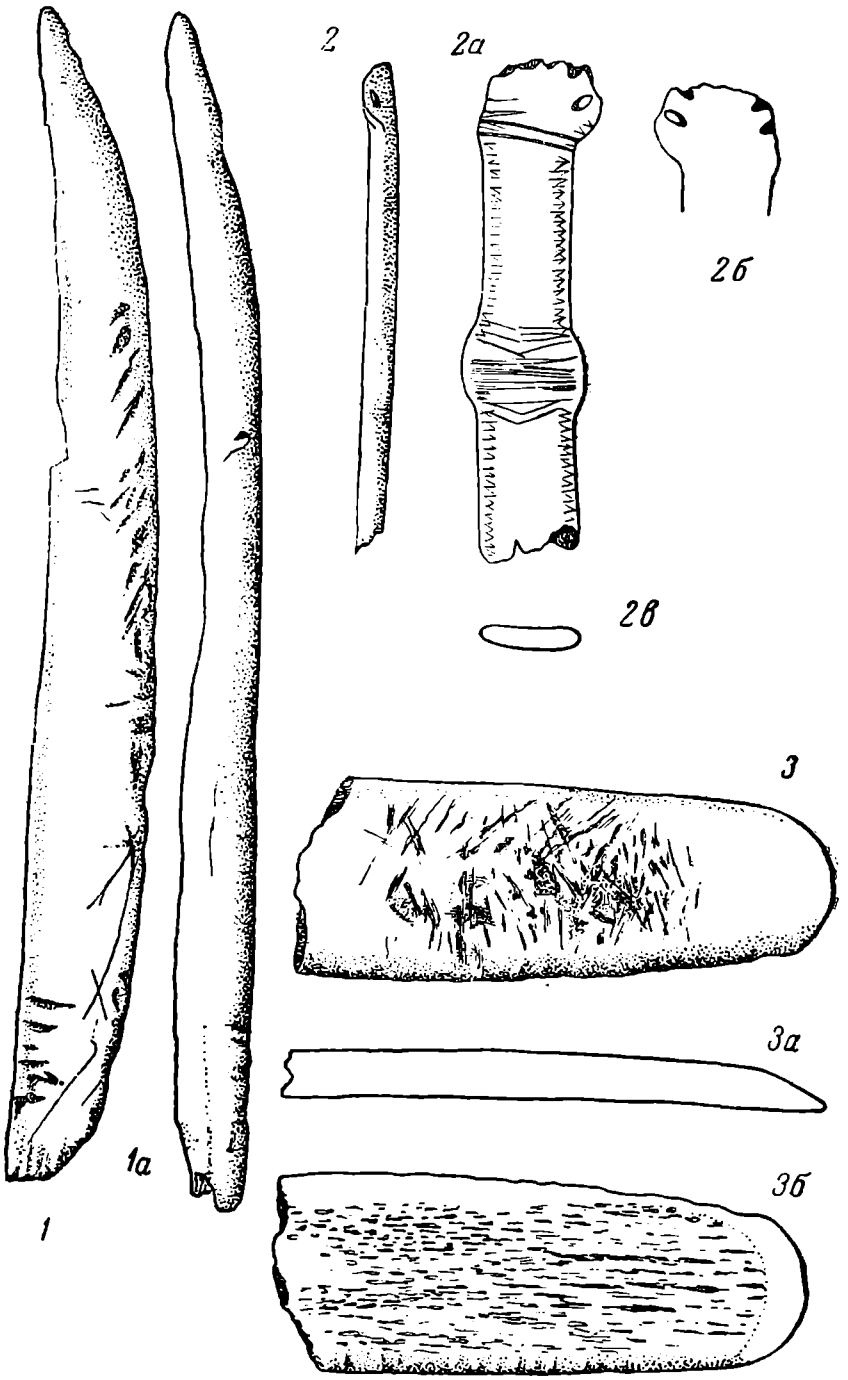


Рис. 12. Костяные орудия с Авдеевской стоянки ($^2/_3$ нат. вел.)

1 — костяной наконечник; *2* — костяная «ложечка»; *3* — лощило

«орудия» нам неизвестны (рис. 12—*2*, *2а*, *б*, *в*). «Ложечка» сделана на пластине из бивня мамонта. Сохранившийся конец ее несколько расширяется, образуя два округлых выступа, в которых видны очень тонкие сквозные прорези. Обломок тщательно украшен геометрическим орнаментом в виде галочек или опрокинутых острых углов, идущих вдоль его краев.

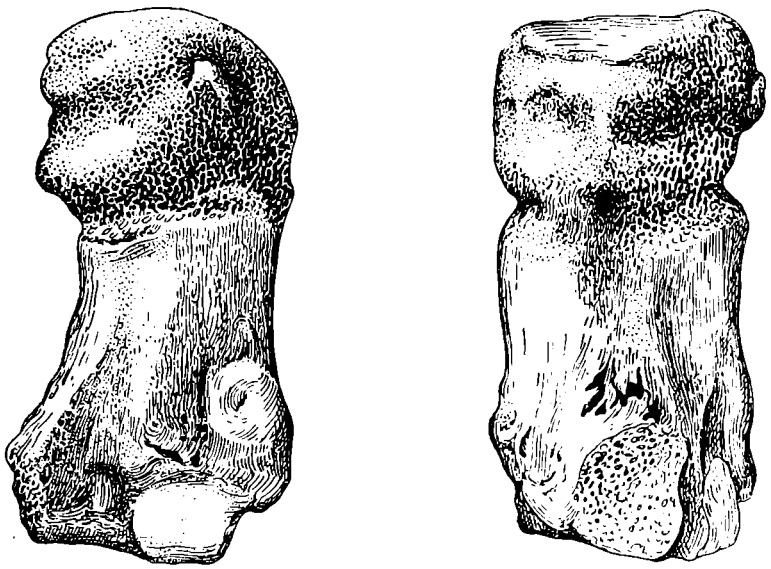


Рис. 13. Костяная фигурка с Авдеевской стоянки ($^1/_2$ нат. вел.)

Кроме этих орудий, имеются обломки, по которым можно проследить некоторые моменты техники обработки кости: следы продольного «распила» резцом, бивни со следами поперечного «обруба», обломок бивня мамонта, служивший нуклеусом для получения костяных отщепов — заготовок, шедших в дальнейшем для изготовления различных поделок.

Таким образом, очевидно, что дальнейшие раскопки этой интереснейшей стоянки должны дать богатейший и разнообразный материал, который пополнит наши сведения о своеобразии солютрейской эпохи Восточной Европы.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XXXI 1950 год

А. И. МОСКВИТИН

О ГЕОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ АВДЕЕВСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

(Предварительное сообщение)

Авдеевская верхнепалеолитическая (солютрейская) стоянка, описанная М. В. Воеводским [1] как расположенная в пойме р. Сейма, приурочена, собственно, не к пойме, а к низкой терраске низовий долины речки Рагозны. [2] Терраска покрыта суглинками, возвышается над поймой едва на 1 м и, слабо повышаясь к внутреннему краю, сливается с пологим склоном правого устьевого мыса долины Рагозны. Стоянка расположена на островке террасы, отрезанном от остальной ее площади новым канавообразным руслом речки Рагозны, глубиною до 3—3.5 м. Пойма этой речки имеет ширину до 0.8 км, расположена восточнее стоянки и в настоящее время речкой покинута.

Возникновение нового русла Рагозны можно связать, повидимому, с хозяйственной деятельностью человека (полив огородов) или же с явлениями карстовых процессов, следы которых наблюдаются в виде довольно обширных плоских бессточных западин как на поверхности низкой авдеевской террасы в 300—400 м западнее стоянки, так и на более высокой — III надпойменной террасе, восточнее — у дер. Липино. Незначительные (до 5 см) следы карстовых смещений были заметны изредка и на стенках раскопов стоянки. Карстовые оседания вызваны растворением поверхности верхнесенонских мергелей. В пределах долин мергели покрыты довольно мощными аллювиальными отложениями, в междуречьях они поднимаются высоко и несут обычно незначительный — до 1 м — покров четвертичных суглинков. Мощность суглинков в древних балках значительно возрастает. Здесь можно выделить горизонты, относящиеся предположительно к различным оледенениям (днепровскому, московскому и калининскому), разделенные погребенными почвами.

Авдеево находится далеко (на 90 км) вне пределов распространения днепровского оледенения, и более или менее обоснованная стратиграфия четвертичных отложений могла бы быть произведена только по террасам, увязанным с отложениями ледниковых потоков. К сожалению, и террасы Сейма изучены крайне слабо, а об увязке их с ледниковыми отложениями

---

[1] М. В. Воеводский. Новая палеолитическая стоянка на р. Сейм. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, вып. 14, 1949.

[2] В 40 км западнее гор. Курска, у восточного конца дер. Авдеево, Ленинского района. Курской обл.

имеются противоречивые сведения. Так, Б. М. Даньшин,[3] выделяя на Сейме три надпойменные террасы, высотой 12, 25—35 и 50—60 м, считал сопряженной с флювиогляциальными отложениями только самую высокую; две (или три) более низкие, по его мнению, образовались во время «вышневолоцкой» и «валдайской» фаз оледенения, что соответствует калининскому и осташковскому оледенениям в нашей современной схеме.[4] В отрезке долины Сейма от Льгова до Курска высокая терраса, по мнению Б. М. Даньшина, отсутствует. З. Барановская и Н. Дик[5] выделили у Курска только две надпойменные террасы, высотой 8—10 и 20—25 м над рекой. Верхнюю из них они считали террасой ледникового запруживания (днепровского оледенения).

Обследовав небольшой участок долины Сейма, примыкающий к Авдееву, я не смог твердо констатировать развития верхней террасы по Даньшину, хотя и отметил остатки древнеаллювиальных песков по склону долины на соответственной высоте (40—60 м) над рекой. Две другие надпойменные террасы на авдеевском участке оказались значительно сниженными: первая — до 6 м, вторая (в моем счете третья) — до 16—20 м. Пойма здесь оказалась выше, чем указано Даньшиным и Барановской с Диком — до 4 м вместо 1—2 м. Впрочем, последнее можно более обоснованно отнести за счет не отмеченного упомянутыми авторами присутствия на Сейме двух пойм: низкой (1—2 м), заболоченной, со староречьями, и высокой (около 4 м). В районе Авдеева низкая пойма мало развита.

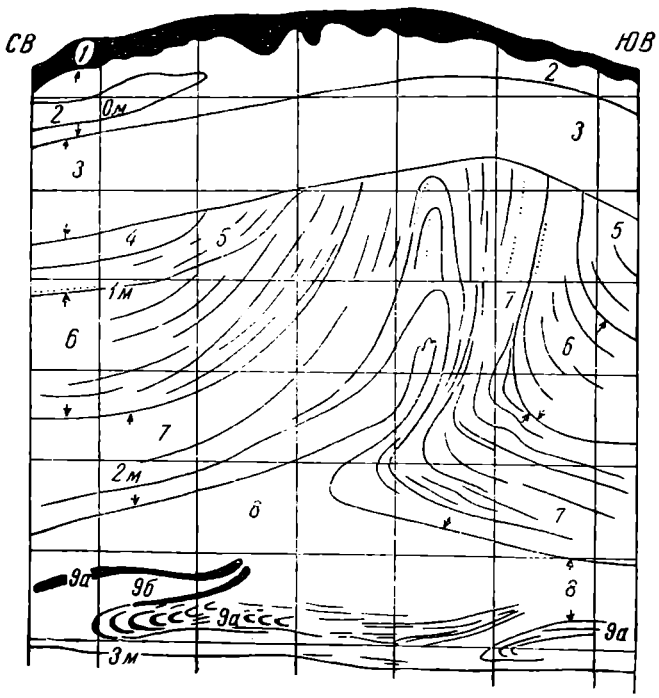


Рис. 14. Смятые слои песка 16—20-метровой террасы в зачистке стенки оврага у Липинского городища

1 — осыпь; *2* — слой песка с обрывками иллювиального горизонта погребенной почвы; *3—9* — слои песка желто-бурого и почти белого цвета. Антиклинальная складка возникла в результате мерзлотных движений грунта. Масштабная сетка 0.5 м

Первая надпойменная терраса здесь, как и обычно, оказывается сложенной до верха песками, местами взбугренными; часто она размыта на отдельные острова. Между ней и 16—20-метровой верхней террасой наблюдается неясно выраженная средняя терраса, высотой около 10 м. На ней расположена большая часть дер. Липино. Однако значительный наклон поверхности и нечеткая морфология заставляют относиться к выделению этой террасы с осторожностью; может быть, это только выглаженный солифлюкционными процессами склон III (у нас — верхней) террасы.

[3] Б. М. Даньшин. Общая геологическая карта Европейской части СССР, лист 45, восточная половина. Тр. Моск. геол. треста, вып. 12, 1936.

[4] А. И. Москвитин. О вюрмской эпохе в Европейской части СССР. ВАН СССР, № 12, 1948.

[5] З. Барановская и Н. Дик. Геоморфологический очерк левобережья Сейма к югу от гор. Курска. Землеведение, т. 36, вып. 2, 1934.

Наша верхняя терраса покрыта на правобережье песками, на левом берегу — суглинками. В ее слоях в нескольких местах (Малыхино — левый берег, Липино — правобережье) наблюдались следы мерзлотных движений грунта, располагающиеся на глубине 3—4 и 6—7 м в двух горизонтах. В промежуточное время шло почвообразование (рис. 14). Ниже, на уровне реки, у дер. Малыхино в песках русловой фации собраны речные моллюски: *Lithoglyphus naticoides* L., *Valvata* sp. (*naticina* Menke?), *Pisidium amnicum* Müll., *Sphaerium solidum* Nordm., *Unio* sp. и некоторые другие, попадавшиеся в единичных экземплярах; среди них: *Valvata piscinalis* var. antiqua Sowerby, *Gyraulus laevis regularis* (?) Hrtm. и *Vivipara* (*paludina*) *fasciata* Müll.; всего 17 видов. Присутствие среди них в массе таких теплолюбивых форм, как *Lithoglyphus naticoides*, *Sphaerium solidum*, *Valvata aff. naticina*, и массивных *Unio* (*Rombunio?*) позволяет считать весь комплекс межледниковым. Однако остается невыясненным, следует ли его отнести к древнему «миндель-риссу» — лихвинскому межледниковью [6] или считать более поздним — микулинским.

Вторая надпойменная терраса в бассейне р. Дона, имеющая примерно ту же высоту, считается вюрмской, точнее — относящейся к калининскому веку. Нижняя надпойменная терраса по всем рекам обычно сопоставляется с осташковским — последним оледенением.

Что касается деталей геологического строения Авдеевской стоянки, то на основании изучения стенок раскопов 1948 г. они рисуются в следующем виде.

1. Чернозем (луговой?) на суглинке. Горизонт «А» — темносерый порошковатый; мощность до 0.5 м. Горизонт «В» — коричневатый, светлеющий книзу, с кротовинами и червоточинами, выполненными гумусовым суглинком; мощность 0.45—0.55 м. В обоих горизонтах попадаются кремневые отщепы, перемещенные землероями снизу; общая мощность суглинка с почвой 0.95—1.05 м.

2. Культурный горизонт — буровато-желтая песчаная супесь, более или менее насыщенная обломочками и пеплом пережженных костей, местами — обломками сгнивших костей, кремневыми отщепами и орудиями, кусочками красной охры, [7] кое-где придающей слою красноватый цвет; мощность 0.2—0.3 до 0.5 м. Местами культурный слой выполняет ямы, увеличиваясь в мощности до 1 м.

3. Коричневато-бурый глинистый ортзандовидный слоистый песок или супесь с редкими мелкими пустотками от сгнивших костей. Подстилается прослоем светлосерого песка, неясно отграниченного сверху и резко снизу; общая мощность 0.35—0.38 м.

4. Буровато-серый глинистый слоистый песок с прослойками ила (поровну) — 0.2 м.

5. Голубовато-серый ил с прослойками илистого песка; мощность около 0.5 м.

6. Темный, серовато-серый нерезко слоистый ил, вскрыто ямами на дне раскопов не более 0.3 м.

По имеющимся разрезам разведочных скважин, ил слоя 6 достигает мощности 3—4 м и подстилается таким же илом с прослойками песка, пройденным еще на 2 м. Представляют ли собой эти илы отложения старицы подходившего сюда Сейма или являются какими-то местными «застройными» фациями аллювия низовий долины Рагозны, пока решить трудно. Вышележащие песчаные слои, вероятно, относятся к аллювию Рагозны, отлагавшемуся в специфических условиях наличия постоянной мерзлоты. Немалую роль, повидимому, играл и ветер, переносивший песок и засыпавший культурные остатки, ямы, скопления костей и пр. Русло Рагозны того времени следует представлять себе мелким, часто менявшим направление, пересыхавшим и перемерзавшим.

Наличие мерзлоты времени поселения человека доказывается следующими наблюдениями. В котловане, вырытом для строительства на правом берегу Рагозны (у стоянки) ил слоя 6 был вскрыт на глубину 2 м. Вверху

---

[6] Найденные 2 экз. *Vivipara fasciata* Müll. имеют признаки, не позволяющие отождествлять их с характерной для «миндель-рисса» *Paludina diluviana* Kunth.

[7] Краска добывалась, повидимому, в овражках с поверхности мела. Куски охры происходят, вероятно, из размытых третичных слоев.

он имеет более темноокрашенную полосу. Из всей толщи отобраны образцы на пыльцевой анализ, произведенный О. В. Матвеевой. Все образцы, даже темноцветные, как и образцы супеси культурного горизонта, оказались почти стерильными. Изредка (из больших кусков породы методом центрифугирования в жидкости Туле) удавалось выделить единичные, сильно изорванные пыльцевые зерна сосны и споры зеленых мхов. Такая «безжизненность» илов и супесей культурного горизонта, по мнению аналитиков, является первичной и может лишь в малой степени зависеть от известковистости осадков. Она вполне гармонирует с обнаруженным на стоянке ледниковым комплексом фауны (мамонт, северный олень, овцебык, песец, шерстистый носорог) и следами мерзлоты.

Следы мерзлоты в стенках авдеевских раскопов наблюдались довольно часто. Они выражены характерными песчаными выполнениями ледяных клиньев—призм льда, возникавших в мерзлой почве. Развитие ледяных клиньев возможно лишь в том случае, если мерзлота даже летом почти не оттаивает с поверхности. Это происходило в кульминационные моменты холодов каждого оледенения. При некотором смягчении климата, мерзлота начинала летом оттаивать все глубже и глубже, ледяные призмы вытаивали, а расширенные ими трещины выполнялись породой, которая успела к тому моменту отложиться поверх клиньев. В Авдееве это был небольшой слой аллювиального песка (слои 3—4). Его, повидимому, нехватало для заполнения трещин, и образовавшаяся пустота затягивалась частично с боков оттаивающей массой илов, причем на поверхности рядом с клиньями возникали пологие, вероятно желобовидные, углубления — ямы. При сохранении постоянной мерзлоты на небольшой глубине (1—3 м) в ее «деятельном» (оттаивающем) слое от многократного промерзания возникают различные смещения. Один из примеров такого рода мы видели на рис. 14. В частности, эти движения вызывают и деформацию грунтовых псевдоморфоз ледяных клиньев.

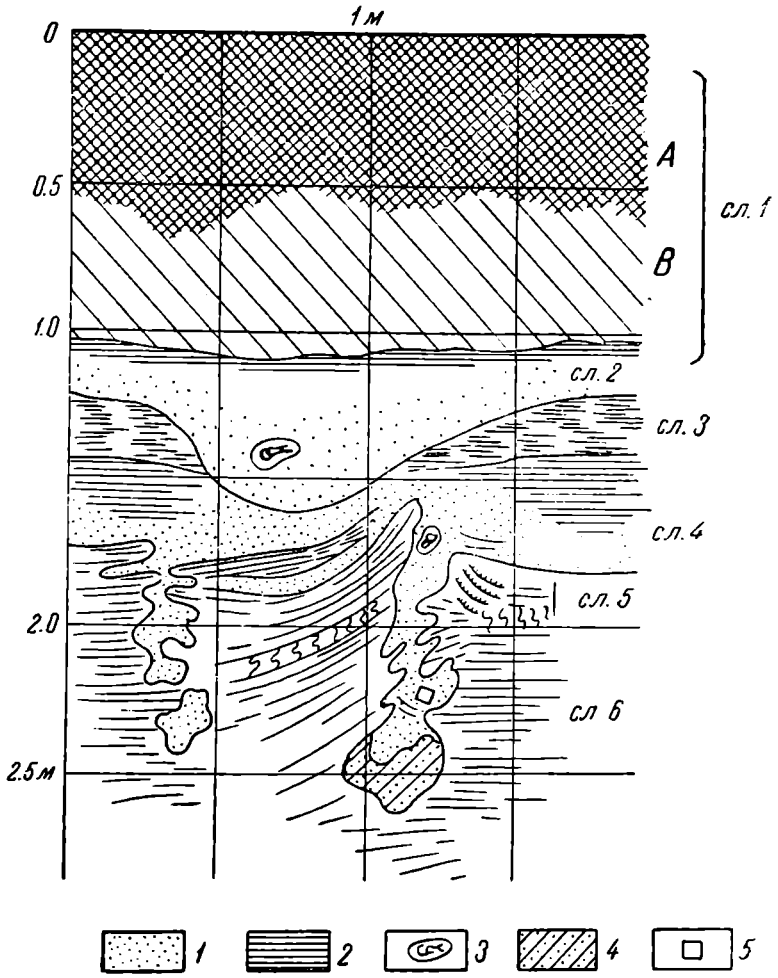


Рис. 15. Деформированные мерзлотными смещениями песчаные псевдоморфозы ледяных клиньев в восточной стенке раскопа XII Авдеевской стоянки

1 — песок светложелтого цвета; 2 — слоистый ил синевато-серого цвета; 3 — кротовины (изображены только некоторые); 4 — песок серовато-серый, оглеенный в вершине клина; 5 — место отбора образцов (номера слоев по описанию в тексте)

Очевидно, именно этому явлению следует приписать «кудреватую», скрученную мешковидную форму авдеевских песчаных клиновидных образований (рис. 15) и превращение их на многих участках в плоские корытовидные образования с частично загнутыми внутрь бортами.

Те же явления вызывали появление на территории стоянки так называемых тундровых пятен, или кипунов. Одним из них может быть «котел» под 3-м метром раскопа VIII (рис. 16). В других случаях образовались упомянутые корытообразные ямы.

Чрезвычайно интересной и заслуживающей внимания оказывается аналогия авдеевских следов мерзлоты с наблюдавшимися мною «котлами» и клиньями на р. Мокше, близ с. Суморьево, где они приурочены также к верхним слоям I надпойменной террасы.

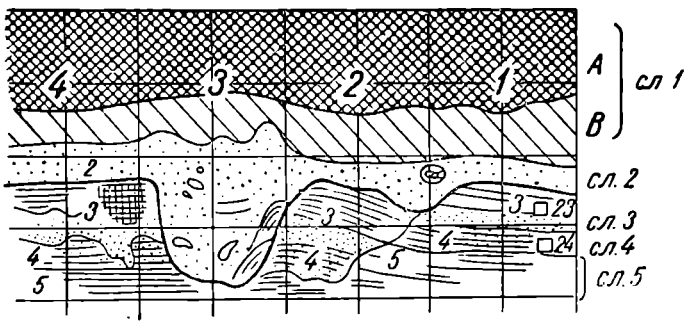


Рис. 16. «Котел» под третьим метром южной стенки раскопа VIII. Номера слоев по описанию в тексте

Горизонт *A* — чернозем; горизонт *B* — суглинок; *23* и *24* — место отбора проб

Предположения М. В. Воеводского о частичном размыве Авдеевской стоянки наблюдениями 1948 г. не подтвердились. Местные обогащения культурного горизонта объясняются, повидимому, обитанием человека на более повышенных сухих гривках. Вместе с опусканием культурного слоя (к западу и востоку от раскопа VIII) всего на 10—20 см наблюдается его обеднение остатками и обесцвечение. Здесь же в подошве вышележащих суглинков появляется прослоек голубоватого ила, что позволяет считать лощинки, по крайней мере во время начала отложения суглинков, заболоченными. Судя по заполнению культурным слоем упоминавшихся мерзлотных ям, можно думать, что человек селился на еще мерзлой почве, оттаивавшей летом не более чем на 1—2 м. Окрестности представлялись в виде холодной, совершенно безлесной пустыни. В кострищах стоянки не найдено древесного угля — только костный уголь и пепел. Порода культурного слоя не содержит также и пыльцы.

Отмеченное М. В. Воеводским несоответствие высоты авдеевской террасы с древностью культуры и ледниковым обликом фауны, как можно заключить из приведенных наблюдений 1948 г., не только не устраняется, но усугубляется еще больше; найдены новые подтверждения ледниковой обстановки обитания человека. Для устранения этих противоречий нужно было бы, вслед за Воеводским, предположить, что в Авдееве мы имеем дело с погруженным, вследствие каких-то местных причин, участком какой-то высокой — может быть III надпойменной — террасы. Однако для общего погружения значительного участка оказывается трудно подыскать удовлетворительное геологическое объяснение. Карст приходится, повидимому, исключить как действующий только выборочно. Общие эпейрогенические причины возможны, но не доказаны. Можно, наконец, предположить о местном погружении террас в силу поднятия какого-либо соляного купола ниже, в долине Сейма. Однако все это остается в области гаданий, а главное — оставляет необъяснимым появление участков такой же террасы в других местах небольшого обследованного отрезка долины Сейма.

Из ближайших к Авдееву можно указать левый устьевой мыс долины Рагозны. Здесь верхняя терраса сходит в долину Сейма двумя уступами,

из которых нижний представляется четко выраженной песчаной I надпойменной террасой, на 2 м превышающей высокую пойму. Пологим уступом, в 1 м высотой, эта терраса граничит с небольшим участком низкой террасы, являющей полную аналогию с авдеевской и несущей такой же мощности (1.08 м) покров суглинков с подлесной почвой на их поверхности. Уступ от этой террасы к пойме пологий, расплывчатый, как в Авдееве. Это обстоятельство, вместе с общей неясностью возрастных соотношений террас Сейма, делает совершенно необходимым постановку детальных геолого-геоморфологических исследований по всей долине Сейма. Исследования должны итти в комплексе с палеоботаническими, палеонтологическими и археологическими изысканиями.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ МНОГОСЛОЙНЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА р. ДЕСНЫ

Многолетние исследования Деснинской археологической экспедиции под руководством М. В. Воеводского привели к открытию на Десне многослойных палеолитических памятников. Одним из таких памятников является открытая и раскопанная М. В. Воеводским в окрестностях с. Пушкари стоянка Погон (или «Пятый метр»), культурный слой которой перекрыт культурным слоем стоянки Бугорок.[1] Значение этого памятника больше, чем предполагалось вначале. В настоящее время есть возможность стратиграфически увязать его с расположенным поблизости верхнепалеолитическим поселением Пушкари I (рис. 17).

Стоянка Пушкари I была открыта М. Я. Рудинским и исследована им в 1932—1933 гг.[2] В 1937—1939 гг. раскопки на ее территории производились отрядом Деснинской экспедиции под руководством автора этой статьи.[3] Культурный слой стоянки залегает на глубине около 1 м от поверхности земли, в желтом, лёссовидном суглинке, а частично — в супеси и насыщен обработанным кремнем и костями. Для кремневого инвентаря, происходящего из культурного слоя, характерны следующие черты. Большинство орудий изготовлено из крупных правильных пластин с параллельным огранением. Среди орудий преобладают острия разных, четко выраженных типов — симметричные листовидные, острия со скошенным концом, острия с затупленным краем (рис. 18). Имеется несколько наконечников с выемкой и близких к ним форм. Наряду с остриями, много естественно заостренных пластин с выщербинками по краям. Скребков значительно меньше, чем острий. Среди скребков преобладают экземпляры с узким прямым лезвием и с лезвием, суживающимся носиком; последние образуют переходные формы к остриям. Резцов очень мало; они атипичны и устойчивых серий не образуют. В культурном слое обнаружена и обработанная кость в виде лощил и подвесок.

---

[1] М. В. Воеводский. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XIII, 1946; его же. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948. М. Д. Гвоздовер. Палеолитическая стоянка Бугорок. КСИИМК, вып. XV, 1947.

[2] М. Я. Рудинский. Пушкари. СА, № 9, 1947. М. Рудинський. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті. Археологія, т. I, Київ, 1947.

[3] П. И. Борисковский. Пушкаревское палеолитическое жилище. КСИИМК, вып. VII, 1940; его же. Палеолітична стоянка Пушкарі I. Палеоліт і неоліт України, Київ, 1947.

Фауна стоянки представлена мамонтом (свыше 65 особей), носорогом лошадью, северным оленем, медведем, волком, песцом. Раскопками 1937—1939 гг. в культурном слое стоянки были раскрыты остатки постоянного коллективного верхнепалеолитического жилища, площадью около 50 м^2. Кремневым инвентарем и общим характером культурных остатков стоянка Пушкари I близко напоминает стоянки Боршево I, Гагарино, Бердыж, а

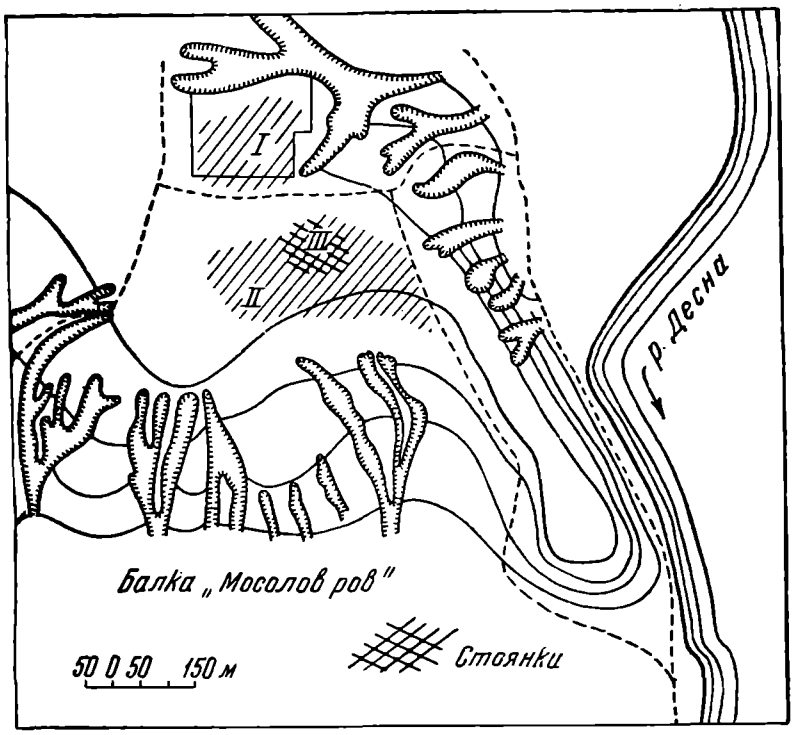


Рис. 17. Схема расположения палеолитических стоянок
I — Пушкари I; *II* — Погон; *III* — Бугорок (по М. В. Воеводскому)

также Костенки I и Авдеево. Все эти памятники, а вместе с ними и Пушкари I, относятся к ориньякско-солютрейскому времени, к ранней поре верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины. Среди известных в настоящее время верхнепалеолитических памятников бассейна Десны стоянка Пушкари I является наиболее древней. Она предшествует во времени таким памятникам как Мезин, Тимоновка, Супонево, Чулатово I и Чулатово II.

Особенность Пушкарей I — это обилие обработанного кремня, находимого на поверхности. При этом культурный слой стоянки, в отличие от большинства верхнепалеолитических памятников Костенковско-Боршевского района, не прорезан кротовинами, через которые кремни из культурного слоя могли бы попасть на поверхность. При первом ознакомлении с подъемным материалом создается впечатление тождества его с материалом из культурного слоя (рис. 19). Но более тщательное изучение обнаруживает существенные различия между тем и другим комплексом. Среди подъемного материала, как и в культурном слое, много разнообразных кремневых острий; представлены и наконечники с выемкой. Но обращают на себя внимание значительно меньшие размеры заготовок, из которых приготовлены орудия, найденные на поверхности. Крупные ножевидные пластины, достигающие 10 см длины, среди подъемного материала отсутствуют. Зато довольно много коротких правильных концевых скребков до 4 см длины; иногда попадаются и двойные скребки. В то время как в культурном слое резцы редки и атипичны, среди подъемного материала налицо значитель-

ное количество маленьких правильных боковых резцов до 4.5 см длины, с узким вертикальным резцовым сколом и мелкой затупливающей ретушью на конце. И короткие правильные концевые скребки и маленькие боковые резцы в тех случаях, когда они представлены значительными сериями, являются формами датирующими и характерны для относительно поздней поры верхнего палеолита.

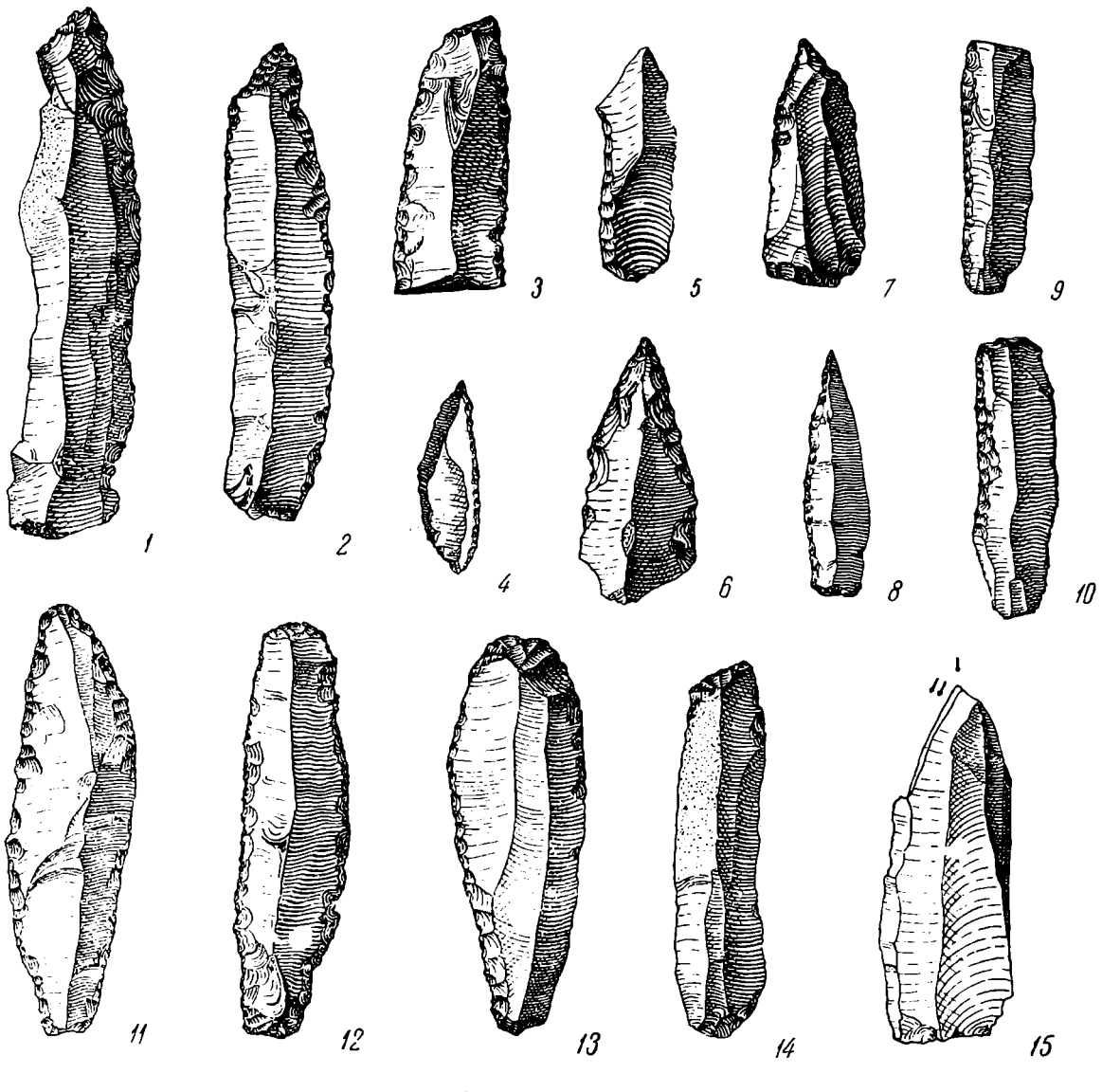


Рис. 18. Кремневые орудия из культурного слоя стоянки Пушкари I (раскопки 1938—1939 гг.)

1—8, 14 — острия и наконечники разных типов; *9—10* — пластинки с затупленным краем; *11—13* — скребки; *15* — резец ($^2/_3$ нат. вел.)

Подъемный материал стоянки Пушкари I очень близко напоминает кремневый инвентарь, происходящий из культурного слоя стоянки Погон («Пятый метр»).[4] Стоянка Погон расположена всего лишь в 200 м к юго-востоку от стоянки Пушкари I. Ее культурный слой залегает на глубине около 5 м от поверхности земли и содержит, кроме обработанных кремней, некоторое количество костей мамонта. Кремневый инвентарь стоянки, как и подъемный материал Пушкарей I, представлен значительным количест-

[4] М. В. Воеводский. Указ. соч.

вом острий разных типов; имеются и наконечники с выемкой. Здесь много типичных срединных и боковых резцов на правильных небольших удлиненных пластинках и коротких правильных концевых скребков; среди последних имеются и двойные экземпляры. Здесь имеется и несколько не особенно типичных пластинок с подтеской с брюшка.

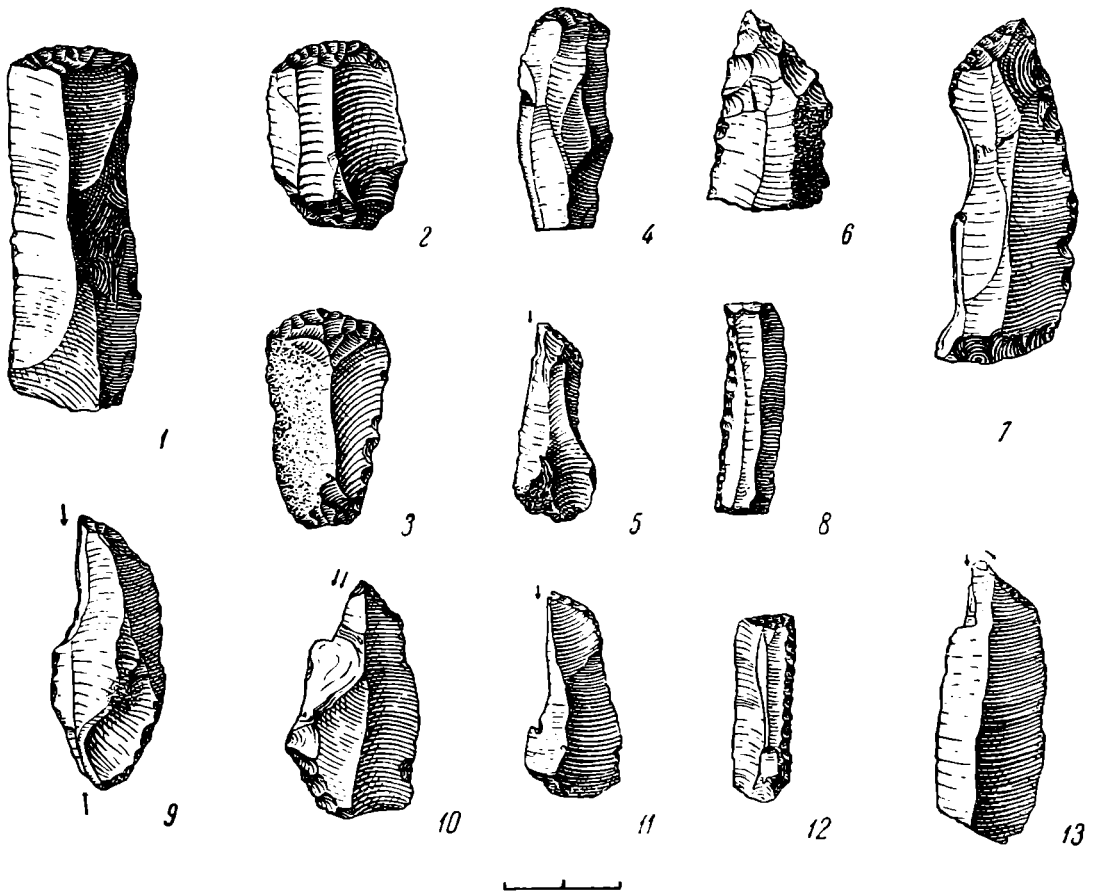


Рис. 19. Подъемный материал со стоянки Пушкари I (сборы 1938—1939 гг.)
1, 2, 4 — концевые скребки; *3* — двойной концевой скребок; *5, 9 — 11* — боковые резцы; *6, 7* — острия; *8, 12* — пластинки с затупленным краем; *13* — обыкновенный резец (²/₃ нат. вел.)

Отличия собранного на поверхности стоянки Пушкари I кремневого инвентаря от кремневого инвентаря, происходящего из культурного слоя этой стоянки, позволяют утверждать, что подъемный материал представляет собой остатки разрушенного более позднего верхнего культурного слоя стоянки Пушкари I. Большое сходство этого верхнего слоя с культурным слоем расположенной поблизости и занимающей очень широкое пространство стоянки Погон позволяет предполагать, что мы имеем здесь дело с одним памятником. Культурный слой стоянки Погон выходит на поверхность на территории стоянки Пушкари I, перекрывая ее основной культурный слой. Такому предположению не противоречит то, что культурный слой Пушкарей I залегает на глубине около 1 м от поверхности, а более поздний культурный слой Погона — на глубине около 5 м. Урочище, где расположена стоянка Погон, находится на несколько метров выше урочища, где расположена стоянка Пушкари I, и несколько опускается по направлению к последнему. Естественно поэтому предположить, что в районе Пуш-

карей I культурный слой Погона выходит на поверхность, в то время как на самом высоком месте он прикрыт пятиметровой толщей.

Таким образом, устанавливается стратиграфическая связь стоянок Пушкари I и Погон. Но культурный слой стоянки Погон перекрыт культурным слоем стоянки Бугорок, имеющей, правда, значительно меньшее распространение. Он залегает на глубине до 135 см от поверхности земли, содержит кости мамонта и мускусного овцебыка, а также весьма выразительный кремневый инвентарь. Среди инвентаря уже отсутствуют элементы, связывающие его с ориньякско-солютрейской техникой — острия и наконечники с выемкой, которые представлены в подстилающем его культурном слое стоянки Погон. Для кремневого инвентаря характерны малые размеры призматических нуклеусов и пластинок, обилие небольших боковых резцов и коротких концевых скребков (в том числе и двойных). Имеются и нуклевидные скребки. Возраст Бугорка ясен. М. Д. Гвоздовер с полным основанием сопоставляет Бугорок с такими памятниками, относящимися ко второй половине мадленской эпохи, как Гонцы, Чулатово II, Боршево II.[5]

Таким образом, наш вывод о различном возрасте кремневого материала, происходящего из культурного слоя Пушкарей I, и подъемного материала с этой же стоянки, а также сопоставление ее со стоянкой Погон позволяет построить стратиграфически обоснованную колонку:

III) стоянка Бугорок;

II) стоянка Погон, или, что то же самое,— подъемный материал стоянки Пушкари I;

I) стоянка Пушкари I (культурный слой).

Тем самым впервые для территории Советского Союза устанавливается стратиграфическая связь памятников, относящихся к ранней поре верхнего палеолита (ориньякско-солютрейских) с памятниками позднемадленскими. Ранее вывод о различном возрасте этих групп памятников на территории СССР стратиграфически не подкреплялся; не было известно ни одного случая переслаивания одних другими. Одновременно устанавливается и один из вариантов перехода от одной группы памятников к другой (Погон). Стоянку Погон, кремневые орудия которой обнаруживают сочетание признаков ориньякско-солютрейской и мадленской техники, правильнее всего будет отнести ко времени, переходному от солютрейского к мадленскому. К этому же примерно времени относится обширная и разнородная группа памятников: Мезин, Кирилловская (нижний горизонт), Студеница (Белая гора), Костенки II, Костенки III, Амвросьевка.

Материалы стоянки Погон свидетельствуют о неправильности для территории СССР резкого противопоставления мадленских памятников ориньякско-солютрейским, о постепенном переходе от ориньякско-солютрейской техники к мадленской через ряд промежуточных ступеней. Для столь важного вывода, разумеется, недостаточно материалов стоянок окрестностей Пушкарей. Но если мы по материалам столь различающихся между собой во времени поселений, как Пушкари I, Мезин, Кирилловская (нижний горизонт), Гонцы, рассмотрим характер поселений и жилищ, формы хозяйства оставивших их людей, то мы увидим, что все эти памятники относятся к одной большой исторической эпохе — к средней ступени дикости, к раннему этапу развития матриархального родового общества.

Только несколько позднее, при переходе к временным, сезонным, часто многослойным стойбищам типа Боршево II, Владимировки, верхних слоев Кирилловской и Гонцов, можно говорить о важном историческом сдвиге, об изменении хозяйства, поселений, жилищ, что, вероятно, связано с переходом к высшей ступени дикости. Все же более древние памятники Во-

---

[5] М. Д. Гвоздовер. Указ. соч., стр. 97.

сточно-Европейской равнины от Пушкарей I до Гонцов дают в общем один и тот же тип оседлого долговременного поселения с постоянными жилищами, при сооружении которых использовались кости мамонта, одни и те же формы охотничьего хозяйства при ведущей роли охоты на мамонта; наконец, и одни и те же виды культовых тотемических обрядов, в которых важное место занимают череп и бивни мамонта.

Материалы стоянки Погон интересны как показатель тесной генетической связи, существующей также и между кремневой техникой ориньякско-солютрейской и мадленской эпохи. Среди материала Погона мы видим сочетание разнообразных острий и наконечников с выемкой, с маленькими короткими боковыми резцами и ординарными и двойными концевыми скребками. На территории СССР до сих пор такое сочетание нигде не было установлено.

Подобное промежуточное положение стоянки Погон, наличие в ее кремневых орудиях черт тесной генетической связи с Пушкарями I и с Бугорком позволяет предполагать, что непосредственно предшествующая Погону стоянка Пушкари I относится к несколько более позднему времени, чем такие стоянки, как Тельманская, Костенки I, Авдеево, а не предшествует им, что она, таким образом, замыкает собой ориньякско-солютрейскую эпоху.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПОГОН *

Для изучения позднепалеолитических стоянок Русской равнины наибольшее значение имеют два района, густо насыщенных памятниками — Костенковско-Борщевский на Дону, близ Воронежа, и Пушкаревский на Десне, близ гор. Новгород-Северска. [1]

Большая насыщенность палеолитическими стоянками разного времени, сконцентрированными на небольшом пространстве, дает возможность установить их относительный возраст не только путем анализа археологического материала, но и стратиграфическим сопоставлением условий залегания культурных слоев. Это особенно важно для нашей территории, где из-за отсутствия пещер нет многослойных памятников, явившихся в Западной Европе основой для установления последовательности эпох древнекаменного века.

На Десне, благодаря проведению работ в тесном общении с представителями естественноисторических дисциплин — геологами, палеозоологами и палеоботаниками — удалось получить полную увязку палеолитических культур с геологической историей исследованной территории и восстановить в основных чертах ландшафтные условия, окружавшие человека на различных этапах развития культуры. Впервые на значение окрестностей с. Пушкари для изучения палеолита обратил внимание М. Я. Рудинский, обследовавший этот район в течение 1932 и 1933 гг. и открывший несколько палеолитических стоянок и местонахождений. [2]

С 1936 г. палеолитические памятники Десны систематически изучались коллективом сотрудников Деснинской экспедиции. В связи с этим в течение 1940 и 1946 гг. были произведены раскопки и геологическое изучение стоянки Погон. Работы велись под руководством автора при участии геологов В. И. Громова и В. А. Хохловкиной и археологов Н. П. Амбургер и М. Д. Гвоздовер.[3]

Урочище Погон расположено на правом берегу Десны, на южной окраине с. Пушкари. Оно представляет собой сниженный участок плато, с отметкой в высшей точке 50 м над уровнем реки и имеет вид мыса, ограниченного с юга широкой долиной древней балки Мосолов ров, с севера —

---

* Печатается по рукописи, хранившейся в архиве М. В. Воеводского. [*Ред.*]

[1] М. Я. Рудинский. Пушкари. СА № 9, стр. 171—198. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947.

[2] Его же. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті. Археологія, т. I, стр. 7—22. Изд. АН УССР, Київ, 1947.

[3] М. В. Воеводский. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 89—94.

оврагом Погонский ров и с востока — долиной Десны (см. план, рис. 17). К устью балки Мосолов ров мыс сильно суживается. Эта его часть называется «Белая гора» из-за больших обнажений мела на обрывистом берегу Десны.

В сторону Мосолова рва от высшей точки Погона (названной нами «Бугорок») идет пологий склон с довольно ясно выраженными террасовыми уступами, прорезанными серией молодых оврагов (Кравцов ров, Сосонницкий, Аникеев), в обнажениях стенок которых обнаружены выходы культурных слоев ряда позднепалеолитических стоянок.

В сторону Десны идет также пологий склон, круто обрывающийся затем к долине, так как его подошва подрезана рекой. В сторону Погонского рва склона почти нет, так как этот овраг представляет собой молодое образование. Стоянка занимает высшую часть Погона. Центр ее залегает непосредственно под стоянкой Бугорок.[4] Этот пункт представляет собой небольшое возвышение, являющееся останцом покровных лёссовидных суглинков, смытых ниже по склонам к Десне и Мосолову рву.

На поверхности возвышения, как и на пашнях всего урочища Погон, встречается много кремневых поделок. Распределение кремней по площади идет неравномерно. Близ вершины возвышения их встречается немного, ниже по склонам, на расстоянии 30—75 м от вершины, насыщенность сильно возрастает, затем сильно снижается и снова увеличивается на расстоянии 100—175 м. Таким образом, на поверхности пашни прослеживаются два пояса более сильного насыщения кремневыми поделками, которые охватывают возвышение на различной высоте его склонов с западной, южной и восточной сторон. С северной стороны, между возвышением (Бугорком) и стоянкой Пасека проходит неглубокая ложбина, на поверхности которой находок почти не встречается.

Кремень, рассеянный на поверхности пашен урочища Погон, происходит из разрушенных частей стоянок Бугорок и Погон, а пояса большего насыщения проходят по краевым частям культурных слоев этих стоянок там, где они срезаются по склонам и выходят на поверхность.

Для получения наиболее полной стратиграфической колонки и проверки предположения о наличии двух культурных слоев В. А. Хохловкина заложила шурф (3.3 × 1 м) на самой высокой точке урочища Погон. Результаты оказались очень удачными и полностью подтвердили предположения.

С первых же штыков, начиная от пахотного слоя, стали попадаться отдельные кремни, а на глубине 0.45—0.70 м был обнаружен культурный слой с большим количеством кремневых отщепов и орудий (стоянка Бугорок);[5] с глубины 0.70 — 1.50 м встречались снова отдельные кремни, попавшие сюда, повидимому, по трещинам и ледяным клиньям, прослеженным в некоторых шурфах, или по норкам роющих животных. При дальнейшем углублении шурфа, на глубине 4.95—5.25 м от поверхности, был обнаружен второй культурный слой с большим скоплением трубчатых костей слона, среди которых находился кремневый нуклеус. Кости были покрыты известковым натеком и отличались хорошей сохранностью.

Стратиграфия в шурфе была следующей (по В. А. Хохловкиной):

	Толщина слоев (м)
1. Современная почва	0.48
2. Темнопалевый лёссовидный суглинок (цвет его связан, повидимому, с современными почвообразовательными процессами). Горизонт насыщен кремневыми поделками стоянки Бугорок	0.63

[4] М. Д. Гвоздовер. Палеолитическая стоянка Бугорок. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 92—97.

[5] Там же.

3. Светлопалевый лёссовидный суглинок, грубый, с незначительным количеством средней величины кварцевых зерен 1.80
4. Суглинок серовато-желтый, с большим количеством темных точек и известковых трубочек, слабопористый, слоистый. Светлые прослойки чередуются с более темными, благодаря чему он имеет оттенок более темный, чем горизонт 3-й 0.68
5. Суглинок серо-желтый, слоистый, с большим количеством охристых пятен и полос. Производит впечатление почвенного покрова, сформировавшегося при непрерывном накоплении материала 0.95
6. Гумусовая прослойка, резко выделяющаяся в виде темной полосы . . 0.10
7. Суглинок серо-желтый . . . . . 0.2—0.25
8. Суглинок легкий (супесь) темносерый с желтоватым оттенком; в верхней части — гумусовое потемнение 0.20
В верхней части горизонта 8-го залегали кости слона нижнего культурного слоя (стоянки Погон).
9. Плотный серо-желтый суглинок, легкий (супесь), с большим количеством мелких охристых пятен. Пористость очень слабая. Количество чешуек слюды заметно увеличивается по сравнению с верхними горизонтами. Этот горизонт выделяется в виде более светлой полосы между горизонтами 8 и 10-м 0.35
10. Погребенная почва (средняя) темносерая с коричневым отливом, сформирована на супеси 0.60

Таким образом, культурный слой стоянки Погон залегает в нижней части толщи лёссовидных суглинков, почти непосредственно над горизонтом средней ископаемой надморенной почвы, в лёссовидной супеси с резким гумусовым потемнением. Возможно, что этот горизонт является верхней частью средней ископаемой почвы. Столь четкое стратиграфическое положение культурного слоя дало возможность с достаточной достоверностью определить принадлежность к этой же стоянке находок, обнаруженных в аналогичных условиях в других шурфах и раскопах II и III.

Для прослеживания распространения культурного слоя стоянки Погон и установления ее соотношения с другими местонахождениями на урочище Погон была заложена серия шурфов, часть которых доведена до основного стратиграфического горизонта — рисской морены, подстилающей всю толщу суглинков и супесей. Шурфы закладывались по прямым линиям, соединяющим шурф Бугорок (№ 1) с берегом Десны (линия Бугорок — Десна), с берегом балки Мосолов ров — через стоянку Кравцов ров (Бугорок — Кравцов ров), со стоянкой Пасека (Бугорок — Пасека) и шурфом № 4 на краю южного отвилка оврага Погонский ров (Бугорок — шурф № 4). По этим же линиям была проведена нивелировка поверхности и прослежена стратиграфия нижних частей склонов по обнажениям стенок оврагов.

Шурф первый по линии Бугорок — Десна заложен на расстоянии 96 м от шурфа Бугорок. На глубине около 1.0 м в нем найдены четыре кремневых обломка и отщепа, повидимому, снесенных сюда из размытой части культурного слоя стоянки Бугорок, а на глубине 2.70 м — хорошо выраженный культурный слой с большим количеством костей слона. Слой залегал на серо-желтой погребенной почве, в тех же условиях, что и слой, обнаруженный в шурфе Бугорок на глубине 5 м.

В шурфе № 16, на расстоянии 114.5 м от шурфа Бугорок, небольшое количество кремней было встречено на глубине 1.40—1.45 м в опесчаненном суглинке и на глубине 1.45—1.80 м — в глинистом суглинке. Кремни из этого шурфа все слегка окатаны. Культурного слоя, равно как и подстилающего его горизонта ископаемой почвы, встречено не было. Повидимому, они были разрушены прослеженной здесь небольшой ложбинкой, выполненной темнокоричневой глиной.

Ниже по склону, на расстоянии 130 м от Бугорка, в шурфе № 17, кремневые осколки, отщепы и орудия начали встречаться с глубины 0.76—

1.00 м, в песчанистом суглинке. На глубине 1.08—1.14 м, в серо-коричневой супеси обнаружен частично сохранившийся культурный слой с сильно разрушенным зубом мамонта и значительным количеством кремневых поделок, среди которых встречен прекрасный наконечник с боковой выемкой.

Еще ниже, в шурфе № 18 (на расстоянии 150 м) кремни были встречены на глубине 0.19—0.25 м в слое слегка оподзоленной супеси, а отдельные отщепы и обломки на глубине 0.54—0.63 м — в слое верхней погребенной почвы, повидимому, выше по склону перекрывающей горизонт с культурными остатками стоянки Погон. Сохранившегося культурного слоя здесь не обнаружено. Все кремни слегка окатаны.

На поверхности пашни, между шурфами № 17 и 18 и несколько ниже по склону, количество кремневых поделок значительно больше, чем выше по склону — в сторону Бугорка. Повидимому, они происходят из разрушенной краевой части слоя стоянки Погон, выходящего здесь на поверхность.

Сходная картина замечается и на остальных линиях. Слой стоянки Погон выходил на поверхность на различном расстоянии от Бугорка, в зависимости от степени крутизны склона. Везде в зоне выхода слоя на поверхность количество кремневых поделок на пашне значительно увеличивалось. Это явление, а также прослеживание распространения культурного слоя по данным шурфовки позволило выяснить площадь стоянки Погон. Она оказалась близкой к 40 000 м^2.

Для получения археологического материала и определения степени сохранности культурного слоя в 1940 г. рядом с шурфом № 17 был заложен раскоп II (5 × 4 м) и в 1946 г., несколько южнее, на расстоянии 101 м от шурфа Бугорок — раскоп III (5 × 8 м).

В раскопе II картина была следующей: до глубины 0.35—0.46 м шел темносерый пахотный слой, в котором найдено всего 13 кремневых обломков и отщепов. Пахотный слой подстилается песчанистым суглинком, местами переходящим в песок с ортзандами и пятнами подзола, мощностью 0.56 м.

В суглинке, на глубине 0.46—0.76 м (горизонты IV — VI) встречены отдельные отщепы, обломки и ножевидные пластинки — всего 21 экз. Весь материал сильно окатан и покрыт сплошь голубоватой патиной. Ниже количество материала резко увеличивается. В горизонте VII (0.76—0.82 м) найдено 28 кремней и в горизонте VIII (0.82—0.91 м) — 149 экз., среди которых было 10 орудий. Кремень также сильно патинирован, но окатан значительно слабее, чем в вышележащих горизонтах.

В горизонте VIII начинают встречаться, наряду с более крупными поделками, мелкие осколки и кремневые чешуйки. На глубине 0.91—1.09 м обнаружен культурный слой с большим количеством кремневых поделок, мелких обломков костей, небольших пятен красной краски и отдельными угольками. Слой залегает в серо-коричневой супеси, имевшей здесь мощность около 20 см. Она подстилается также 20-сантиметровой прослойкой желтой супеси, лежащей на средней ископаемой почве. Ненарушенным культурный слой сохранился не на всей площади раскопа, а в виде пятен, что было ясно по структуре и цвету породы и по расположению материала. Поверхность культурного слоя была неровной, и между его серо-коричневыми пятнами ясно выделялись участки более светлой супеси.

Остатки сильно разрушенных крупных костей на сохранившихся островках культурного слоя удавалось проследить в виде больших кусков, а между ними в супеси они попадались лишь в виде мельчайших обломков. Можно предполагать, что верхняя часть слоя была размыта, и промоины между сохранившимися островками впоследствии заполнены супесью. Ма-

териал, лежащий непосредственно над культурным слоем в горизонте VII — VIII, частью спроектирован из размытой верхней части того же слоя, а частью перенесен сюда из прилежащих участков выше по склону. Принадлежность его к стоянке Погон не вызывает сомнения. Материал, залегающий в пахотном слое и в верхних горизонтах суглинков (горизонт I — VI), вероятно, частично смешан с материалом, снесенным со стоянки Бугорок. Мною он из обработки исключен. Кремни из культурного слоя покрыты патиной значительно слабее, чем из вышележащего суглинка и частью совершенно не окатаны.

В раскопе III 1946 г. картина была аналогичной. Стратиграфия здесь следующая:

Пахотный слой . . .	. . 0—0.30 м
Чернозем	. 0.31—0.60 »
Суглинок палевый	0.61—1.35 »
Ископаемая почва, серовато-бурая	1.36—2.25 »
Серо-желтая супесь	. . — 2.26 »

В пахотном слое и подстилающем его черноземе до глубины 0.50 м встречаются единичные кремни, покрытые голубовато-белой патиной и сильно окатанные. На глубине 0.50—0.80 м находок нет. С глубины 0.80—1.15 м встречается большое количество кремневых поделок, слегка окатанных и отсортированных. Мелких кремневых чешуек в этом горизонте почти нет. Ниже, до глубины 1.35 м, кремни встречаются реже, и попадаются отдельные сильно разрушенные кости, преимущественно пластинки от зубов и бивни мамонта.

Суглинок с культурными остатками подстилается темным, серовато-бурым плотным суглинком — ископаемой почвой.

Поверхность ее неровная, с небольшими западинами. Благодаря этому верхняя граница почвы в разных местах залегает на глубине 1.35—1.80 м от нынешней поверхности. Понижения обычно выполнены палевым суглинком, не содержащим находок. На некоторых участках они содержат небольшие скопления крупных костей и зубов мамонта и кремневых поделок. Эти участки, несомненно, сохранили первоначальный вид, так как здесь лежат ненарушенными целые зубы и длинные кости, которые из-за плохой сохранности были бы совершенно уничтожены при небольшом переносе. Кремни из этих участков не имеют следов окатывания и очень слабо патинированы; это свидетельствует о том, что они не лежали долго на поверхности, а были быстро прикрыты наносами.

Изучение четвертичных отложений правобережья Десны в районе с. Пушкарей произведено В. И. Громовым [6] и В. А. Хохловкиной. Добытый в обоих раскопах археологический материал состоит исключительно из кремневых поделок, так как все обнаруженные кости из-за плохой сохранности не могли быть взяты, а в большинстве не поддавались определению. Среди них все определимые кости принадлежали мамонту, встречались они в обоих раскопах и многих шурфах, иногда в виде скоплений. Повидимому, он играл главную роль в охотничьей добыче насельников Погона.

Кремневый инвентарь представлен категориями, перечисленными в табл. на стр. 45, и на рис. 20*а* — 23.

В подсчет вошли лишь кремни из сохранившихся участков культурного слоя, принадлежность которых к стоянке Погон не вызывает сомнения. Весь материал, происходящий из размытых участков и перекрывающих культурный слой суглинков из описания исключен.

---

[6] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. ИГН, вып. 64, М.— Л., 1948.

	Раскоп II	Раскоп III	Всего
1. Орудий	49	18	67
Из них:			
Резцов	17	1	18
а) боковых	2		2
б) нуклеобразных	2	2	4
в) угловых	2	4	6
Косых острий			
Скребков	4	2	6
а) концевых	1	1	2
б) нуклеобразных	6	1	7
Пластинок с притупленным краем	4	3	7
Наконечников с боковой выемкой		1	1
Пластин со стесанными концами	11	3	14
Пластинок с краевой ретушью и их обломков			
2. Заготовок для орудий	96	31	127
Из них:			
а) нуклеусов	23	1	24
б) пластинок ножевидных и их обломков	65	30	95
в) пластинок ребристых	8	—	8
3. Отбросов производства	449	28	477
Из них:			
а) обломков желваков	36	10	46
б) отщепов	48	17	65
в) осколков	360		360
г) сколов с основания нуклеусов		1	1
д) отщепов от резцов	5		5

Все поделки изготовлены из мелового кремня, большей частью желвачного, но в небольшом количестве и плитчатого, происходящего из сеноманского яруса мела. Выходы кремненосного горизонта имеются в большинстве оврагов между селами Пушкари и Роговка. Кремень этот темносерый, иногда — почти черный, непрозрачный, с матовым изломом. Качество его невысокое вследствие большой хрупкости. Желваки обычно имеют неправильную форму, с большим количеством отростков и карманов. Часть желваков покрыта плотной меловой коркой, но на многих она как бы вытравлена, и поверхность имеет вид мелкопористой губки. Месторождений этого рода кремня пока обнаружить не удалось.

Небольшое количество изделий изготовлено из прекрасного полупрозрачного туронского кремня, при патинизации приобретающего молочно-белый цвет с голубоватыми прожилками. Он встречается в небольшом количестве на стоянках в окрестностях с. Пушкари, но месторождения его пока неизвестны.

Обработка кремня происходила на площади поселения, так как среди материала имеются отбросы всех стадий производства — от обломков желваков и сбитых отростков и до мелких чешуек, получавшихся при нанесении ретуши. Большое количество отбросов производства объясняется большими запасами сырья и плохим его качеством. О последнем свидетельствует то, что со многих нуклеусов скалывалось всего по нескольку пластинок, после чего их бросали. Сколов с основания нуклеусов, получавшихся при их обновлении, также почти нет.

Нуклеусы обычно небольших размеров (длиной 5—7 см), неправильной призматической формы, с негативами от скалывания пластинок на

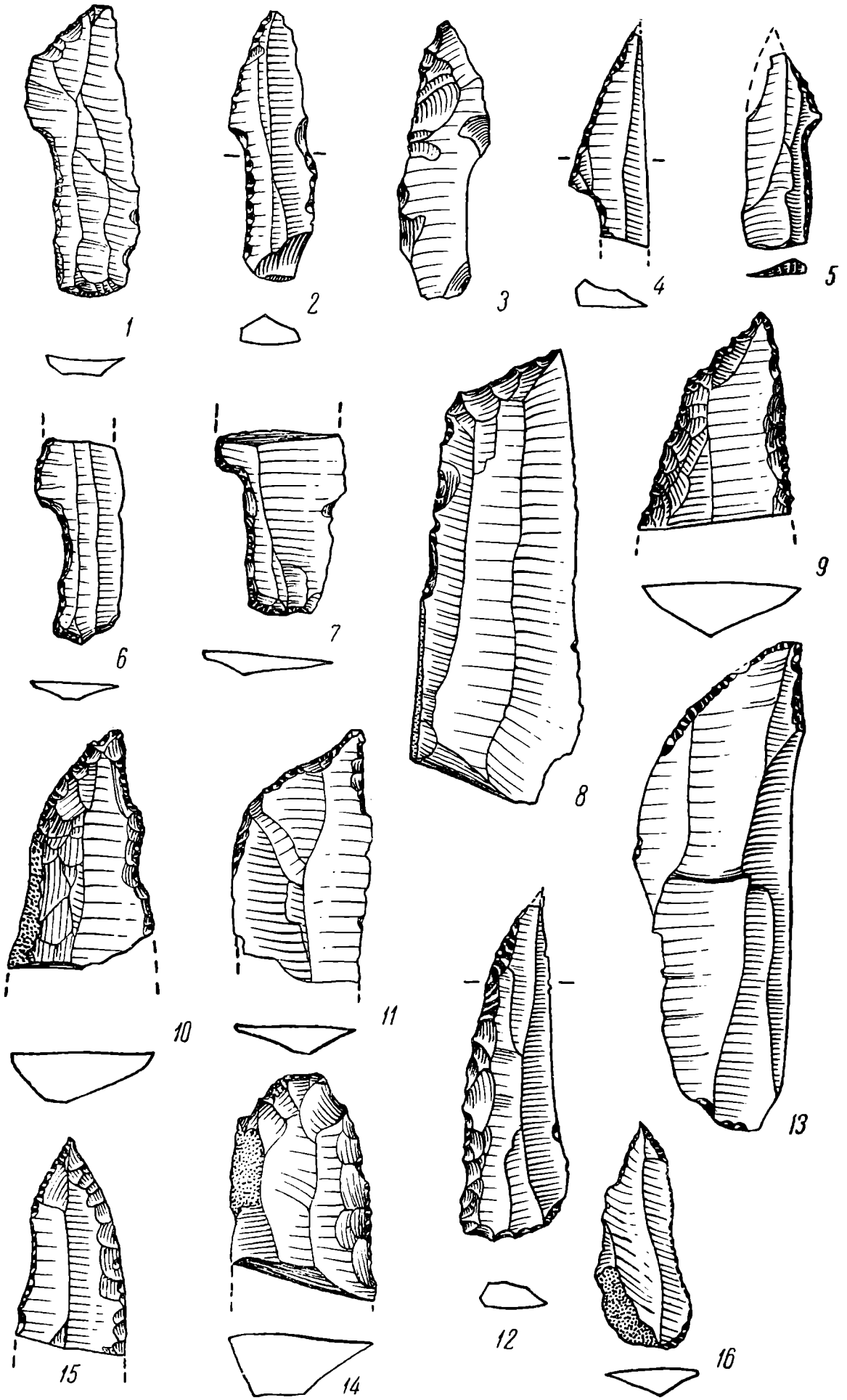


Рис. 20*а*. Кремневый инвентарь с палеолитической стоянки Погон (нат. вел.)

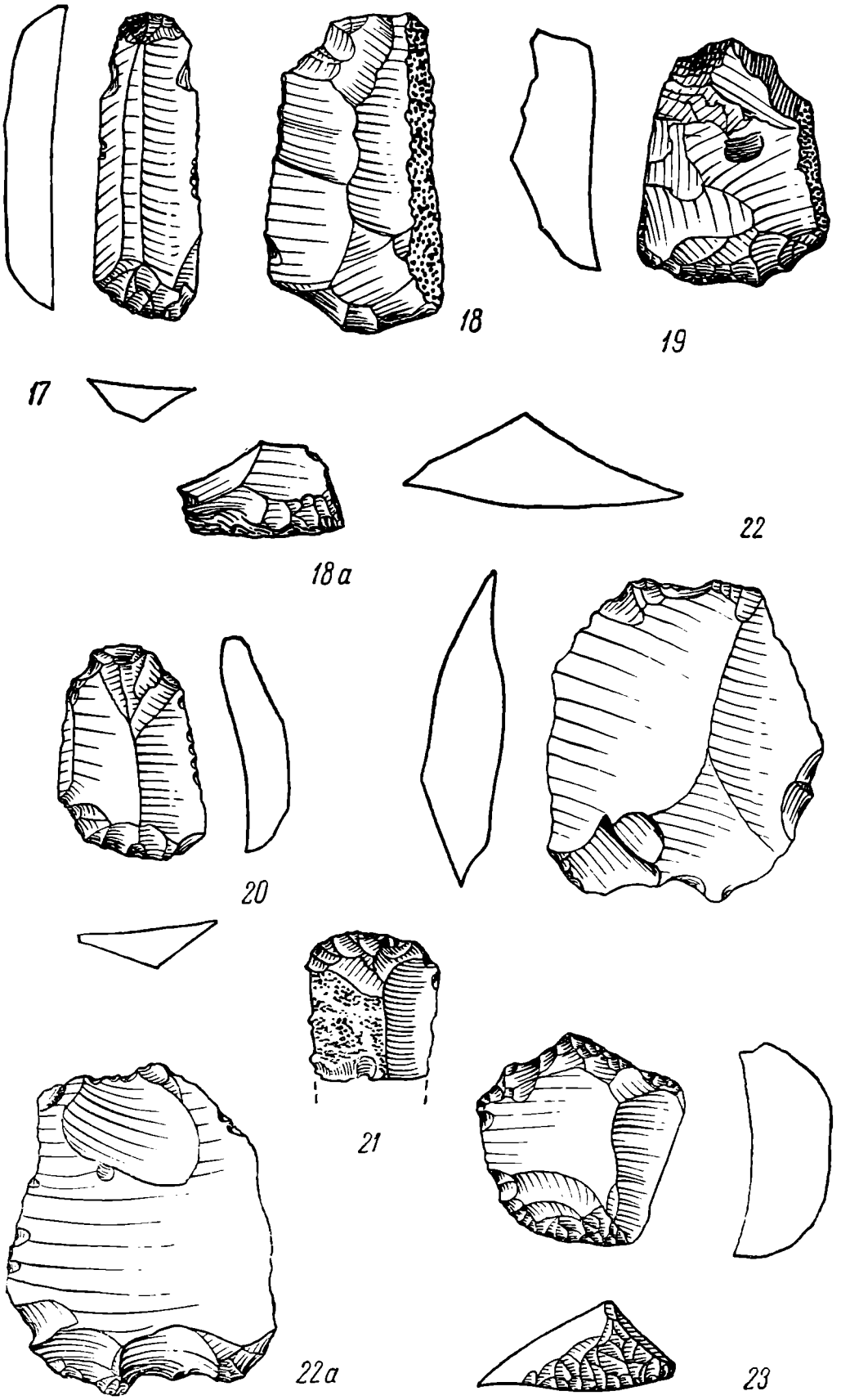


Рис. 20б. Кремневый инвентарь с палеолитической стоянки Погон (нат. вел.)

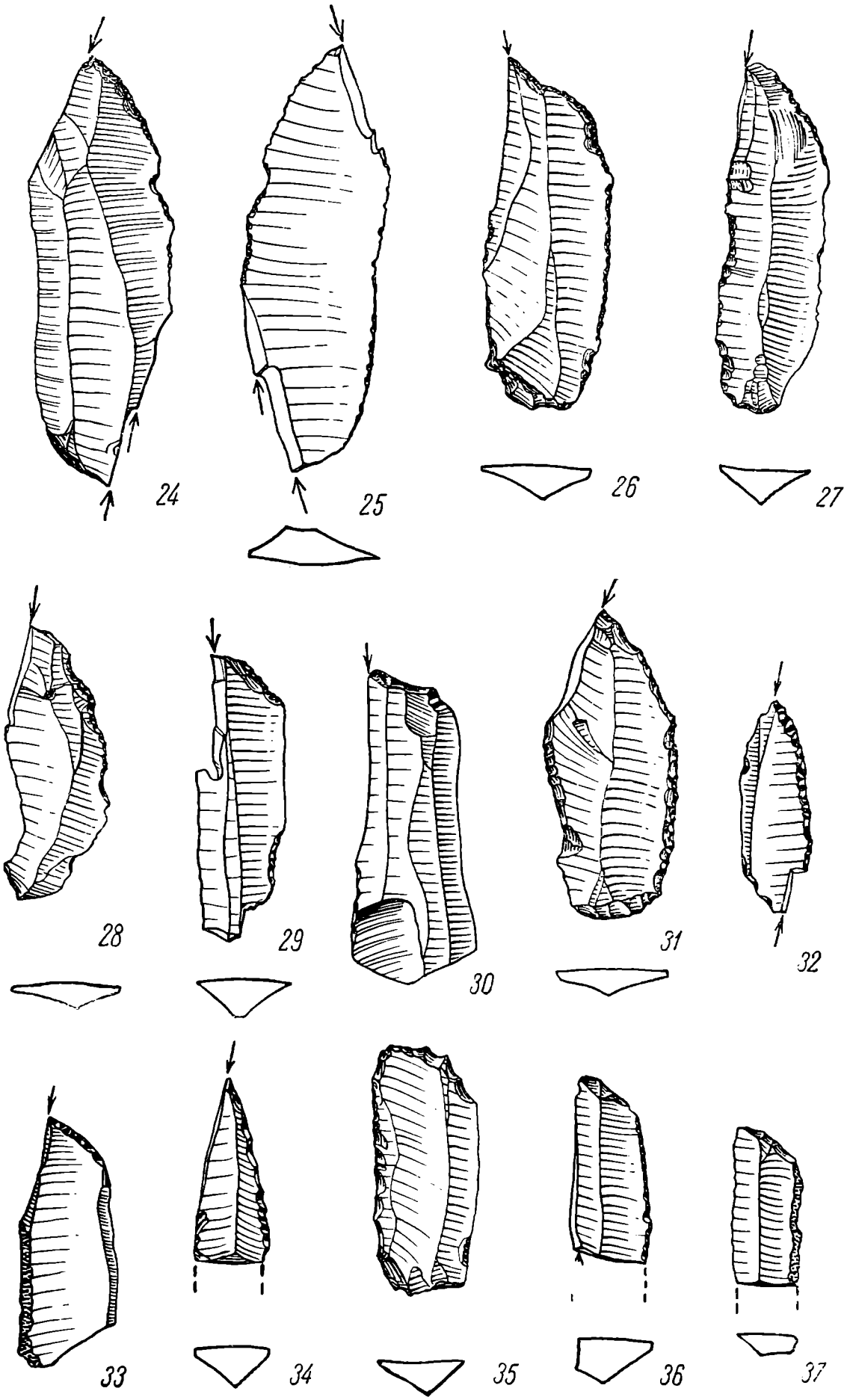


Рис. 21*а*. Кремневый инвентарь с палеолитической стоянки Погон (нат. вел.)

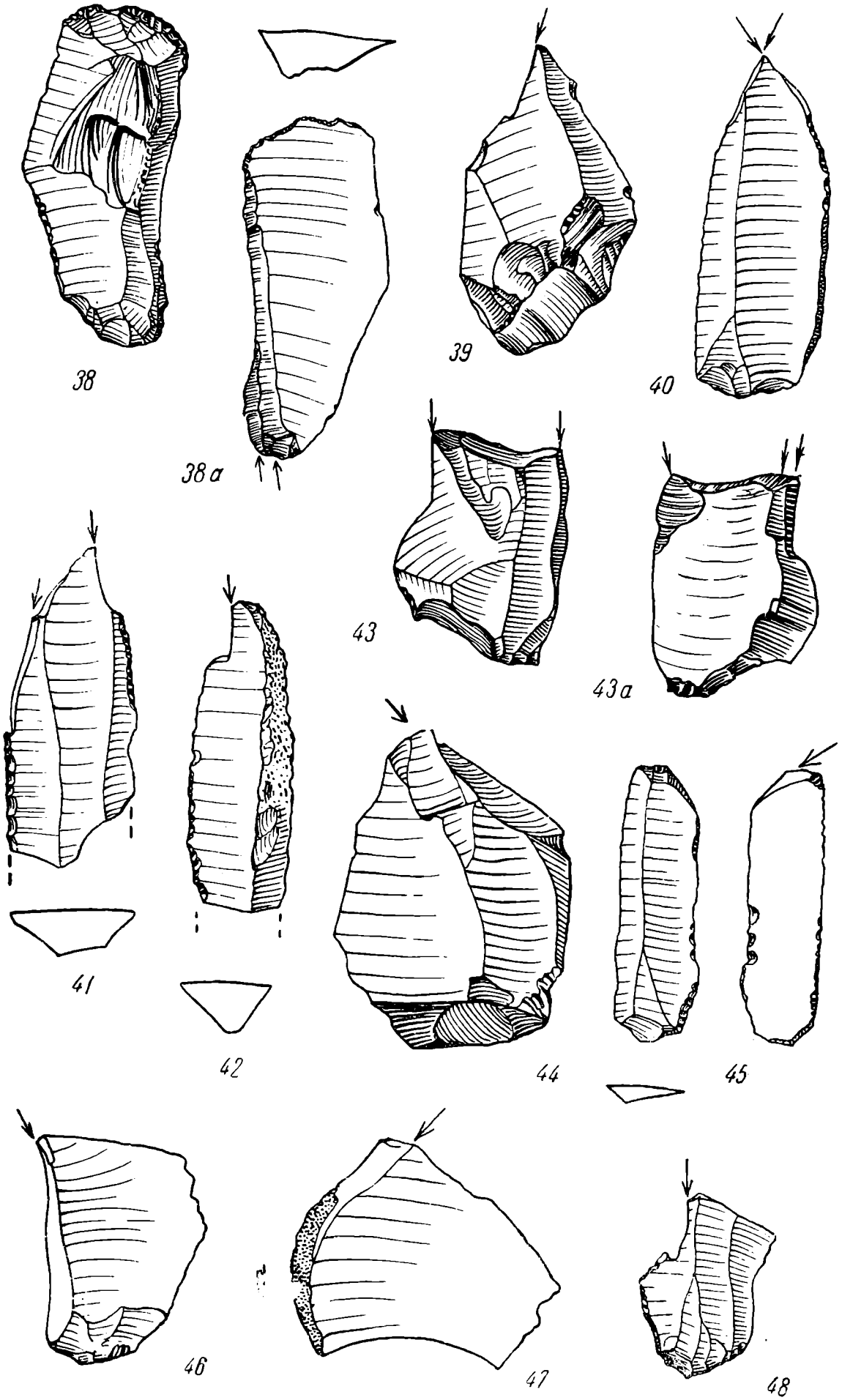


Рис. 21б. Кремневый инвентарь с палеолитической стоянки Погон (нат. вел.)

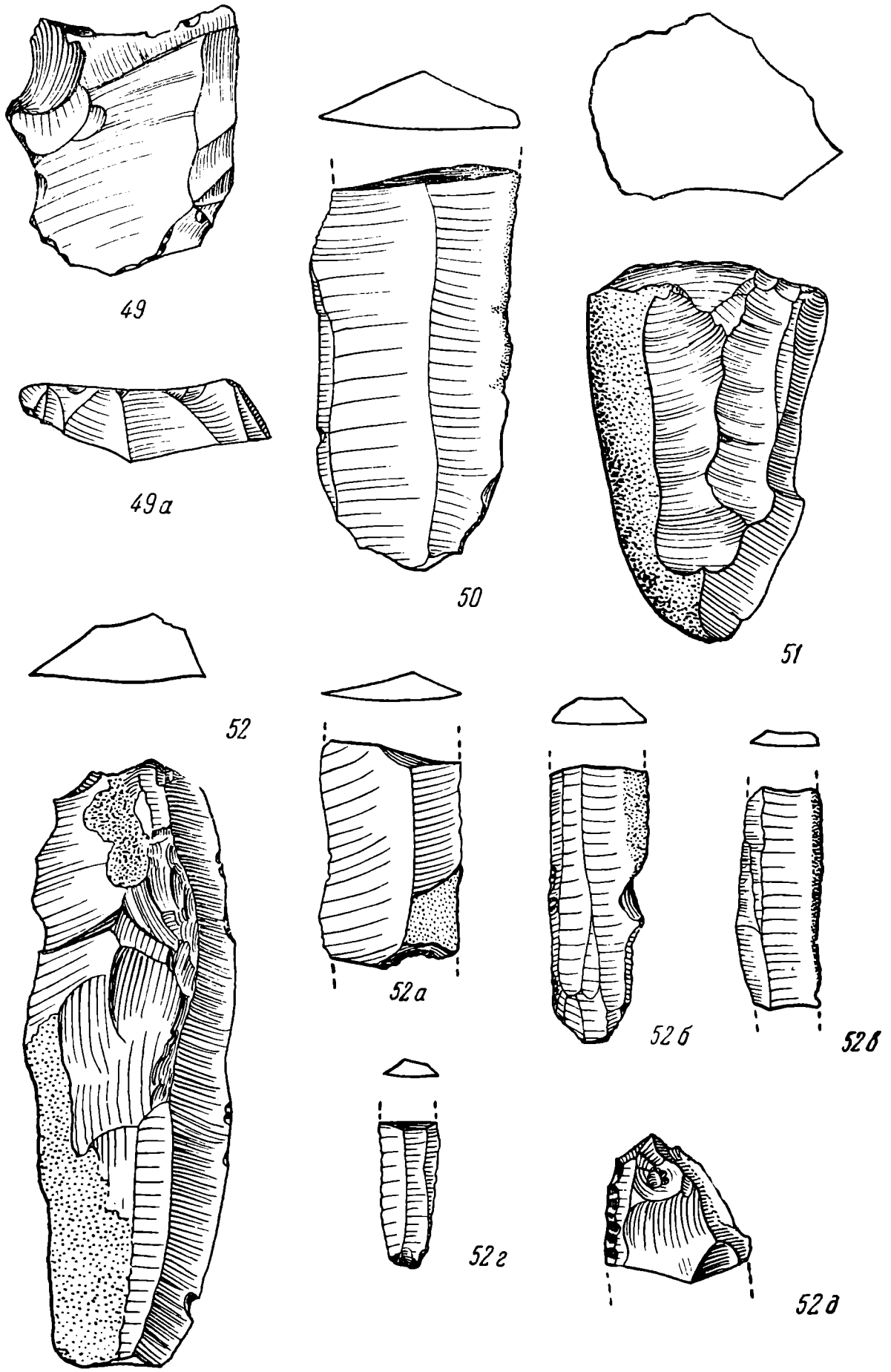


Рис. 22. Кремневый инвентарь с палеолитической стоянки Погон (нат. вел.)

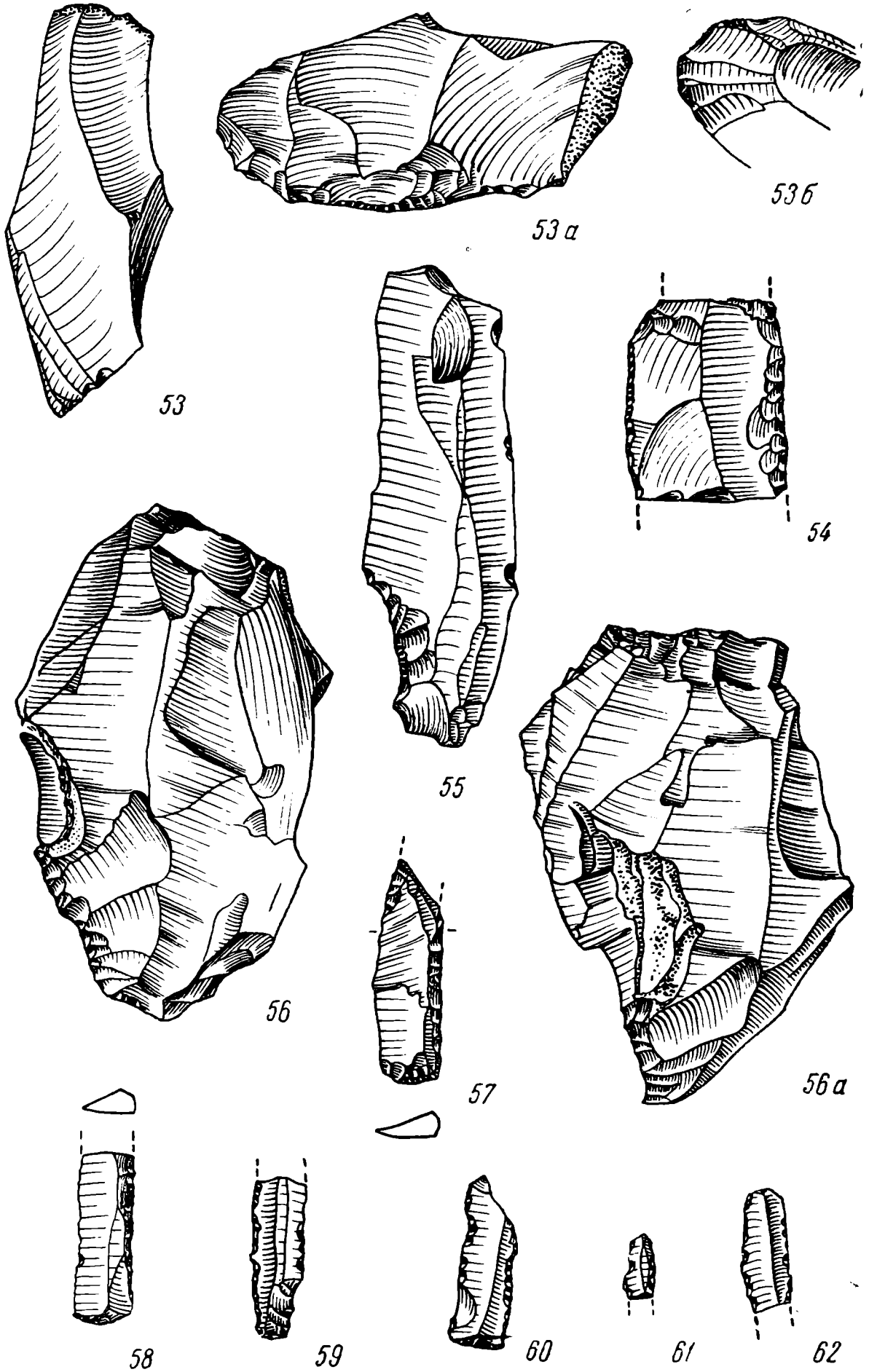


Рис. 23. Кремневый инвентарь с палеолитической стоянки Погон (нат. вел.)

одной стороне (рис. *23—56*). Лишь с нескольких нуклеусов из хорошего туронского кремня пластинки скалывались вокруг (рис. *22—51*).

Ножевидные пластинки в большинстве неправильной формы, часто изогнуты, что, повидимому, связано с плохим качеством кремня и неправильностью желваков. Размеры пластинок разнообразны. Несколько целых имеют длину 4—6 см, а одна — 9 см (рис. *22—52*). Ширина большинства 1—2 см, нескольких — 2.5—3 см (рис. *22—50, 52*) и небольшого количества миниатюрных — всего 0.5—0.8 см (рис. *23—57—62*). Пластинки по большей части довольно массивны. Отщепы и осколки не имеют следов вторичной обработки и употребления. Для изделий употреблялись исключительно пластинки.

Набор орудий, несмотря на их небольшое количество, довольно разнообразен. Среди них устойчивые формы представлены резцами трех типов: боковыми (рис. *21а — 24—34* и рис. 21б — *38, 42*), угловыми (рис. *21б — 39—41*) и нуклеобразными (рис. *21б—43, 44*). Кроме того на нескольких обломках и отщепах имеются случайные резцовые сколы (рис. *21б—46, 48*). Боковые резцы изготовлены на небольших, довольно правильных и узких пластинках, шириной 1—2 см и лишь 3 экз.— на массивных и неправильных краевых сколах с нуклеусов.

Длинные стороны пластинок обычно оставлены без обработки, и только у трех один край покрыт тонкой притупляющей ретушью (рис. *21а — 31, 32, 34*). Рабочий конец у резцов скошен и притуплен крутой ретушью со спинки. Рабочий угол имеет различную форму — от почти прямого (рис. *21а — 30*) до острого, сильно вытянутого (рис. *21а — 34*). Резцовые сколы однофасеточные, узкие и короткие; нанесены они на боковой стороне и не заходят на брюшко. Лишь на одном длинные и более широкие сколы нанесены со стороны брюшка (рис. *21б—38, 38а*). Рабочий угол у этого орудия имеет вид узкого долотца. Эта форма здесь единичная, встречается в значительно большем числе в солютрейских стоянках типа Костенок I и Авдеево, где образует стойкие серии, родственные пластинкам со стесанными концами.

Два угловых резца (рис. *21б — 40, 41*), несомненно, переделаны из боковых. Это ясно видно и по форме рабочего угла, и по наличию ретуши на боковой стороне, не полностью снятой резцовым сколом.

Настоящих угловых резцов имеется всего два. Оба они изготовлены на массивных обломках пластин, с короткими однофасеточными сколами (рис. *21б — 39*). Два резца изготовлены на небольших нуклеобразных обломках (рис. *21б—43, 43а, 44*) с несколькими короткими и более широкими сколами. Оба последних типа имеют характер случайных орудий, и настоящую выдержанную серию образуют только боковые резцы.

Боковые отщепки от резцов значительно более грубые и массивные, чем могли быть отколоты от имеющихся резцов. Повидимому, кроме описанных на стоянке, изготовлялись и более крупные орудия.

Среди скребков большинство концевые, из коротких довольно массивных пластинок (рис. *20б — 18—21*). Два из них двойные — один на правильной, узкой пластинке (рис. *20б—17*), второй на короткой, почти округлой (рис. *20б — 23*). Рабочий край у всех скребков слегка дугообразный и довольно крутой. Боковые стороны не имеют ретуши. Два скребка нуклеобразных. У одного в скребок превращена вершина нуклеуса (рис. *23—56*), для чего сбоку отколот большой отщеп. В результате получился массивный нависающий край, удобный для работы. Второй скребок сделан из массивного вытянутого обломка основания нуклеуса (рис. *23—53*). Площадь с негативами от пластинок является брюшком орудия (рис. *23—53а*). Рабочий край у него расположен на узком, массивном, выступающем в виде закругленного мыса конце (рис. *23—53б*). Он

обработан со спинки узкими длинными фасетками, а лезвие подправлено ретушью. По форме и технике изготовления орудие больше всего напоминает позднеориньякские скребки высокой формы.

Наиболее выдержанные серии представлены двумя категориями орудий — наконечниками дротиков с боковой выемкой и косыми остриями. Наконечники с выемкой образуют очень однородную группу (рис. 20*а*—*1*—*7*). Все они изготовлены из ножевидных пластинок, имеют небольшие размеры — длиной 3—5 см. Характерными особенностями этих наконечников является широкий черешок, со слабовыделенной боковой выемкой, обработанной тонкой притупляющей ретушью и коротким треугольным, слегка асимметричным пером. Перо обработано также крутой ретушью, лишь по краю с бородкой. Второй край наконечника оставлен без обработки. Основание черешка прямо срезано крутой ретушью. Вся обработка наконечников имеется только по краям со стороны спинки. Со стороны брюшка лишь иногда отдельными фасетками снимаются неровности (рис. 20*а*—*2*—*3*). Поверхность спинки и брюшка почти всегда оставляется без обработки.

Косые острия (рис. 20*а*—*8*—*13*) являются наиболее крупными орудиями. Они изготовлены из широких длинных пластин — шириной 2—2.5 см и длиной 6—7 см. На некоторых обработана лишь скошенная часть вершины (рис. 20*а*—*8* и *13*), на других крутая ретушь, иногда с неглубокими выемками, идет по обоим краям, начиная от самой вершины (рис. 20*а* — *9*, *10*). У одного сплошь обработана одна слегка выпуклая сторона и дугообразное основание (рис. 20*а*—*12*). Последнее очень напоминает острия типа Шательперрон французского палеолита, отличаясь лишь меньшими размерами и большей вытянутостью и узостью пластинки. Обломок одного симметричного острия является, повидимому, вершиной наконечника (рис. 20*а*—*15*); оба его края обработаны более пологой, приостряющей ретушью.

Из прочих орудий обращает на себя внимание широкая, массивная и короткая пластина со стесанными концами (рис. 20*б* — *22*). На одном конце короткие фасетки с заломами получились в результате прямых ударов твердым предметом. Второй конец имеет долотовидный характер. Он со спинки и брюшка подправлен несколькими мелкими и одной крупной фасеткой, которые создают довольно массивное и острое лезвие. Кроме обработки по самому лезвию, имеются и следы сработанности в виде мелких щербинок с заломами, получившихся при работе над твердым материалом, может быть костью. Этого рода орудия употреблялись, повидимому, в качестве долота или, вернее, зубила для перерубания бивней мамонта. Следы такой работы встречены на многих кусках бивней, находимых на стоянках.

Небольшая площадь раскопок и плохая сохранность культурного слоя не дают возможности восстановить бытовую картину поселения. Этот вопрос можно будет решить при постановке работ в дальнейшем. В настоящее время приведенный материал может быть использован для установления геологического и археологического возраста стоянки и сопоставления ее с другими памятниками.

По формам орудий и технике их обработки Погон принадлежит к группе стоянок ориньякско-солютрейской эпохи, исследованных на Русской равнине в течение последних десятилетий. Это стоянки Боршево I, Костенки I и Гагарина на Дону, Бердыж на Соже, Авдеевская на Сейме и Пасека на Десне; последняя расположена в непосредственной близости от описываемой нами стоянки. Ввиду отсутствия в Погоне костяных изделий, сравнение с указанными выше стоянками возможно лишь по кремневым изделиям.

Кремневый инвентарь этой группы стоянок имеет много общих черт;

прежде всего — это крупные размеры ножевидных пластин, не характерные для мадленской эпохи. Наиболее характерные типы орудий для всей группы — наконечники с боковой выемкой и крупные симметричные и скошенные острия. Но вместе с тем эти же формы дают возможность разделить их на две группы, повидимому, относящиеся к несколько различному времени. К первой относятся Боршевская I, Гагаринская, Пасека и Погон. Для них наиболее типичны наконечники с боковой выемкой небольшого размера, с широким черешком, слабо выделенным крутой краевой ретушью, и обилие острий. На всех этих орудиях отсутствует плоская солютрейская ретушь.

Для палеолита Западной и Центральной Европы эти формы, особенно первая, характерны для позднеориньякских и раннесолютрейских стоянок. Наконечники с боковой выемкой типа фон-Робер встречены в стоянках Гримальди, фон-Робер, Виллендорф и др., позднеориньякский возраст которых хорошо определяется стратиграфией культурных напластований и типичным инвентарем. Правда, сходство наших наконечников с типом фон-Робер ограничивается характером обработки края, так как форма черешков там другая.

Боршевский тип. При сопоставлении с ориньякской эпохой ссылаются обычно на наличие в стоянках Боршевского типа пластин со слегка выпуклым краем, относимых к типу Шательперрон западноевропейского палеолита. Это сравнение, по нашему мнению, едва ли правильно, так как острия типа Шательперрон значительно более широки, массивны и обработаны совершенно иной ретушью, близкой к мустьерской. Кроме того, они являются характерной формой для самого начала ориньякской эпохи и в позднем ориньяке не встречаются. Наши пластины скорее могут быть своеобразным вариантом позднеориньякских острий с притупленным краем типа ля-Граветт, среди которых, правда редко, встречаются близкие к Боршеву или Погону.

Костенковский тип. К архаичным, позднеориньякским формам на нашей стоянке принадлежит и пластина со стесанными концами, имеющая аналогии в СССР в Боршевской I стоянке, а в Западной Европе являющаяся одним из характерных орудий позднеориньякского времени. В стоянках Костенки I и Авдеево эта категория орудий встречается в очень большом количестве и имеет совсем иную, более совершенную обработку. Одновременно с этими явно архаичными, позднеориньякскими формами скребки и особенно боковые резцы имеют очень поздний облик. Почти идентичные по обработке и размерам боковые резцы характерны для стоянок конца палеолита — Гонцовской, Тимоновской, Рабочего рва и расположенной непосредственно над культурным слоем Погона — Бугорка. Правда, этот тип резца встречается в течение всего позднего палеолита от ориньяка до конца мадлена в почти неизменном виде, но в ранних эпохах он встречается в небольшом числе, наряду с другими формами, характерными для определенных эпох; в Погоне и позднемадленских стоянках боковые резцы представляют основную форму резцов.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

С. Н. ЗАМЯТНИН

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ ПЕЩЕР

В науке о первобытном человеке, как, впрочем, и во многих других отраслях знания, имеется не мало устарелых представлений, которые давно уже пришли в противоречие с известными ныне фактами, но, несмотря на это, продолжают из десятилетия в десятилетие прочно удерживаться в различных «общих курсах», «руководствах» и популярной литературе, некритически повторяясь и не привлекая ничьего внимания.

Хорошим примером такого «научного пережитка» может служить широко распространенное представление о том, что первобытный человек впервые начинает заселять пещеры в середине четвертичного периода под влиянием прогрессирующего похолодания, связанного с развитием ледниковых явлений, и что всеобщее распространение этот тип поселения получает в мустьерскую эпоху, совпадающую с максимальным распространением великого северного ледника.

Эта точка зрения, обязанная своим возникновением Габриелю Мортилье, была сформулирована им три четверти века назад и опиралась на всю полноту фактов, находившихся в распоряжении исследователей в 70—80-х годах XIX в.

Действительно, огромное количество пещер и гротов, подвергнутых раскопкам на протяжении XIX в., главным образом во Франции и в Бельгии, а также частью и в других европейских странах, никогда не содержали остатков древнее мустьерской эпохи, причем эти последние нередко залегали непосредственно на каменистом дне пещеры, документируя время ее первичного заселения.

Действительно, кости животных, являвшихся добычей первобытных обитателей пещер, представляли остатки холодолюбивой, арктической фауны, как-то: мамонта, сибирского шерстистого носорога, северного оленя, песца и т. д. Остатки же более древней теплолюбивой фауны (южный и древний слоны, носороги Мерка и этрусский, гиппопотам и др.), как и многочисленные серии древнейших орудий (ручные рубила), наполнявших музейные собрания, происходили из древних речных отложений Соммы, Темзы, Мааса и других рек Северо-Западной Европы. [1]

Это построение, опиравшееся, в сущности, на крайне ограниченный круг наблюдений, но повторенных множество раз и хорошо известных каждому

[1] Первый том широко известного описания Сен-Жерменского музея, являвшегося в прошлом веке самым крупным собранием древностей четвертичного периода, так и был озаглавлен его составителем Соломоном Рейнаком: «Аллювии и пещеры», соответственно двум источникам пополнения музейных коллекций.

исследователю, завоевало широкую популярность и неизменно повторяется и в наши дни всякий раз, когда встает вопрос о первоначальном заселении пещер.

Когда Мортилье формулировал свои взгляды, сведения о культуре человека четвертичного периода ограничивались данными главным образом европейских раскопок и дополнялись лишь единичными, большей частью случайными находками и наблюдениями в других частях света. К тому же Мортилье сам оговаривался, что пещеры использовались человеком в различные времена, подкрепляя это ссылками на факты более поздних эпох и приводя единственный известный в его дни и недостаточно ясный случай находки древнего (шелльского) рубила в португальском гроте Фурнинья к северу от Лиссабона. [2]

Но кажущаяся убедительность и наглядность построения брала свое, и, как ни странно, в более поздних работах эта прямая связь между заселением пещер и развитием ледниковых явлений формулируется все более категорично, хотя и число фактов, заставляющих задуматься о правильности подобных утверждений, также неизменно растет.

В изложении Гуго Обермайера, автора одной из наиболее распространенных сводных работ, посвященных палеолиту [вышедшей в 1908 г. на немецком языке и затем в русском (1913), испанском (1916 и 1925) и английском (1925) переводах], это выглядит так:

«Человек шелльской эпохи является охотником, свободно странствующим среди природы, отличавшейся умеренным климатом. Более суровый степной климат ашельской эпохи также лишь в редких случаях заставлял тогдашних кочевников отказываться от такого свободного образа жизни, и становища их еще всюду устраивались либо среди открытых степей, либо по опушкам лесов, либо у подножья защищающих от ветра отвесных скал. Лишь наступление мустьерской эпохи с ее суровыми, характерными для ледникового климата условиями заставило человека искать на продолжительное время убежища в замкнутых пещерах или под нависающими защитными стенами скал». [3]

В столь же категоричной форме это положение имеется и в другой сводной работе, также неоднократно переиздававшейся, а именно в первом томе известного руководства Дешелетта. [4]

В оригинальных курсах на русском языке то же мнение об относительно позднем, среднечетвертичном заселении пещер и связи его с похолоданием приводилось В. А. Городцовым [5] и В. И. Равдоникасом. [6]

Еще более определенно высказывается в этом смысле П. П. Ефименко, подчеркивающий, что «если в пещерах и скальных убежищах встречаются уже следы кострищ ашельско-мустьерской эпохи, все же большая часть их была заселена в позднюю пору ледникового времени (т. е. верхнем палеолите.— *С. Э.*), когда условия климата особенно настоятельно побудили человека искать защиты от неблагоприятных условий». [7]

Если многочисленные случаи пещерных поселений во всех частях света в более поздние эпохи еще и можно было бы пытаться объяснять сохранением обыкновения, приобретенного на протяжении цепи тысячелетий палео-

---

[2] G. de Mortillet. Le préhistorique. Париж, 1883, стр. 353 и 429. Ср. русский перевод с 3-го (переработанного) издания: Г. и А. Мортилье. Доисторическая жизнь. Под ред. Л. Я. Штернберга. СПб., 1903, стр. 486 и 437.

[3] Г. Обермайер. Доисторический человек. Перевод под ред. Д. Н. Анучина. СПб., 1913, стр. 146.

[4] J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, т. I. Париж, 1908, стр. 91.

[5] В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период. Москва, 1923, стр. 150.

[6] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 1, Л., 1939, стр. 171.

[7] П. П. Ефименко. Дородовое общество. Л., 1934, стр. 226; его же. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 314.

литического периода, то уже совсем непонятно, что же заставляло четвертичного человека переходить к пещерному образу жизни в странах, где ледниковые явления не имели места и где в силу географического положения этих стран далекое северное оледенение не могло сказываться в виде какого-либо ухудшения климата.

Так, например, в настоящее время в Советском Союзе имеются обстоятельные раскопочные данные из пещерных палеолитических стоянок не только в Крыму, куда проникала отчасти фауна арктического типа, но и в Зап. Закавказье и Узбекистане, где похолодание не сказывалось неблагоприятно.

Многочисленные пещеры средиземноморских стран — Сирии, Палестины, Балканского, Апеннинского и Пиренейского полуостровов и Малой Африки,— содержащие палеолитические напластования, много раз исследовались и публиковались, иногда весьма обстоятельно. Мало того, пещерные палеолитические местонахождения известны теперь и в южной и в экваториальной Африке.

Геологические наблюдения в Африке позволяют говорить об имевших место на протяжении четвертичной эпохи нескольких более влажных плювиальных периодах, которые обычно сопоставляются по времени с отдельными четвертичными оледенениями Европы. Но плювиальные периоды вовсе не создавали неблагоприятных условий для существования человека и не могут рассматриваться как ухудшение климата. Наоборот, многие ныне пустынные и необитаемые, лишенные растительности области Сахары, Палестины, Сирии представляли тогда плодородные степи, в которых паслись огромные стада травоядных животных, доставлявших обильную добычу палеолитическим охотникам. Последнее доказывается составом костных пищевых остатков, собранных в палеолитических пещерных стоянках, расположенных в этих пустынных теперь местностях.

Такой характер распространения палеолитических находок в пещерах позволяет утверждать, что на протяжении четвертичного периода на огромных просторах Старого Света, во много раз превышающих территорию Европы, последние заселялись первобытным человеком, вне всякой зависимости от похолодания. Пещеры в одинаковой мере использовались и в приледниковых областях, где похолодание определенно имело место, и там, где оно не сказывалось и не могло сказываться. Можно сказать определенно, что человек устраивал поселения в пещерах всюду, где он только их находил.

В то же время следует подчеркнуть, что отсутствие пещер и гротов в ландшафте тех или иных областей приледниковой полосы Европы ни в коей мере не задерживало расселения мустьерского и тем более верхнепалеолитического человека, не только сохранившего, но, несомненно, и добывавшего огонь и сооружавшего жилища.

Наконец, надо принять во внимание, что имеются, хотя и единичные, но достаточно поучительные случаи находок в пещерах остатков гораздо более древнего времени. Стоит хотя бы вспомнить собранные в Умм-Катафа и в пещерах на горе Кармел (Палестина) обширные серии великолепных, крупного размера ручных рубил, во всем подобных находкам в раннечетвертичном аллювии Соммы. Правда, названные палестинские пещеры содержат находки ашельского типа, т. е. не самые ранние. Имеются, однако, свидетельства более показательные.

Решающими в этом смысле являются замечательные находки в Чжоу-Коу-Дяне. Остатки синантропов и их культуры, обнаруженные здесь, относятся к глубочайшей древности. Это наиболее древние известные ныне следы человеческой культуры, сохранившиеся благодаря особо счастливому стечению обстоятельств. По возрасту эти находки близки к грани между

третичным и четвертичным периодами, т. е. около одного миллиона лет. Эти следы древнейшего человеческого поселения являются, несомненно, остатками поселения пещерного — общеизвестный факт, на который почему-то нередко закрывают глаза, когда в наши дни повторяют старые утверждения Мортилье.

Уже одного этого показания совершенно достаточно, чтобы установить, что поселение в пещерах было свойственно человеку с начальных моментов его возникновения. Не лишено вероятности, что навыки устраивать жилье в пещерах усвоены человеком от его обезьяньего предка. Ныне живущие стадные обезьяны, ведущие преимущественно наземное существование, например павианы, нередко используют для обитания пещеры и навесы скал. Стадная обезьяна, явившаяся предком человека, могла делать то же.[8]

Сказанным выше дается достаточно определенный ответ на вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи. Остается еще выяснить, чем же объясняется факт подавляющего преобладания в пещерных находках остатков мустьерского и верхнепалеолитического времени.

Существенно отметить, что и для южных стран, не подвергавшихся воздействию оледенения, остается в силе старое наблюдение Мортилье. И здесь также находки в пещерах доставляют нам остатки лишь мустьерского и более позднего времени. Последнее обстоятельство уже само по себе подсказывает правильное решение вопроса.

Наблюдаемый закономерно повсюду, где только имеются следы палеолита, факт наличия в пещерных находках остатков не старше среднечетвертичного времени объясняется тем, что подавляющее большинство пещер, заключающих находки мустьерского и верхнепалеолитического времени, или еще не существовало в начале четвертичного периода, или они были еще недоступны для заселений и стали пригодными для жилья лишь с понижением базиса эрозии и дренирования вследствие этого устьевых участков их.

Факты, могущие быть приведенными в подтверждение высказанного положения, многочисленны и разнообразны.

Всякому, кто вел разведку палеолитических местонахождений в пещерах, хорошо известно, что для оценки вероятности нахождения палеолитических остатков далеко не безразличны как характер, так и геологический возраст породы, в которой расположена пещера.

Многочисленные литературные указания позволяют установить, что пещеры с палеолитическими находками чаще всего располагаются в плотных известняках мезозойского возраста. На основании личного знакомства с пещерами Кавказа и Средней Азии могу отметить ту же закономерность. Все палеолитические пещеры Западного Закавказья расположены в плотных верхнемеловых известняках. Карстовые пустоты и эоловы гроты в менее плотных породах (конгломераты, мягкие песчаники, гипс, огипсованный лёсс) никогда не содержали остатков глубокой древности.

В 1933 г. мне довелось шурфовать довольно значительное число эоловых гротов в песчаниках окрестностей Кисловодска, небольших и удобных для обитания. Действительно, большая часть их оказалась заселенной в прошлом, но возраст этих остатков не превосходил II тысячелетия до н. э. Последнее хорошо объясняется временем возникновения этих гротов, относимых к послеледниковому периоду и, видимо, далеко не к началу его.[9] Разведки в гротах, расположенных здесь же, но в известняках, дали указания на заселение в верхнепалеолитическое время.

---

[8] На эту возможность указывают, может быть, и условия залегания некоторых находок ископаемых высших обезьян.

[9] С. Г. Григорьев. Долины окрестностей Кисловодска. Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913, стр. 77—108; И. С. Щукин. Следы сухой послеледниковой эпохи на Северном Кавказе. Землеведение, т. XXVI, вып. 1—2, М., 1924, стр. 47—71.

Отсутствие находок палеолитического времени в пещерах, расположенных в названных выше малоустойчивых, рыхлых или легкорастворимых породах, вовсе не значит, что верхнепалеолитический, или мустьерский человек избегал почему-либо их заселять. Попросту пещеры в гипсах или рыхлых известняках, заселенные в верхнепалеолитическое время, не сохранились до наших дней. Карстовые явления в этих породах, естественно, развивались более интенсивно, и цикл их протекал несравненно быстрее, нежели в плотных известняках. Пещеры в этих неустойчивых породах, существующие в наши дни, возникли, как правило, в послепалеолитическое время; заселенные же во второй половине четвертичного периода уже разрушены далеко продвинувшимся воздействием карстовой эрозии, а если и могут быть иногда обнаружены, то только в «ископаемом» состоянии. Мало того, подобные разрушенные относительно молодые пещеры иногда и отмечались, но не вызывали специального внимания как из-за трудности их исследования, так и доступности многочисленных хорошо сохранившихся пещер в плотных породах.

Совершенно аналогичным образом раннечетвертичные пещерные стоянки, хотя бы и расположенные в плотных породах, но зато отделенные от наших дней не десятками, а сотнями тысячелетий, повсеместно уничтожены разнообразными денудационными процессами; если же они изредка и обнаруживаются, то неизменно в разрушенном, «ископаемом» виде. Характернейший пример этого дают уже упомянутые условия нахождения остатков синантропа, на рассмотрении которых стоит задержаться несколько подробнее. В известняках Чжоу-Коу-Дяна обнаружены многочисленные «карманы» и трещины, заполненные плотной брекчией, содержащей в изобилии костные остатки. Самым крупным из этих скоплений является местонахождение, доставившее остатки синантропа. Местонахождения эти представляют большей частью остатки существовавших здесь в конце третичного и начале четвертичного периода многочисленных пещер и навесов, претерпевших в дальнейшем,— на протяжении сотен тысяч лет,— значительные изменения и иногда полностью разрушенных. Имеются в этой местности и лучше сохранившиеся пещеры. В одной из них были обнаружены остатки верхнепалеолитического времени.

Находки синантропа связаны с остатками огромной пещеры, вернее — системы в несколько ярусов пещер. Последующей за временем заселения эрозией уничтожены полностью стены и кровля верхнего яруса пещеры; отложения, заполнявшие ее на большой площади, говорящей о значительных размерах пещеры, находятся на современной поверхности холма. Заполнение нижней части пещеры, углубляющейся в известняки местами до 40 и более метров, представляет плотно сцементированную известью массу щебня, осыпавшегося с потолка. В последнем попадаются отдельные глыбы камня огромных размеров — результаты обвалов кровли нижних ярусов. Эти отложения чередуются с несколькими прослоями культурных остатков в виде кострищ с большим количеством золы, угля, обожженных костей, каменных орудий и осколков. Культурные остатки перемежаются со слоями без находок, свидетельствуя, что пещера заселялась неоднократно. Последнее по времени заселение было наиболее длительным, так как непрерывный зольно-угольный слой в верхней части отложений достигает внушительной мощности в 6 м.

Для занимающей нас темы важно отметить одну любопытнейшую деталь — обнаружение в верхней части пещерных отложений, находящихся ныне на поверхности холма, огромного количества костей летучих мышей, характернейших обитателей пещер. Кости эти сцементированы известью и представляют собой остатки покрытого сталагмитовым натеком пола пещеры. Колоссальные массы известняковых скал, в которых находилась пещера,

были нацело уничтожены эрозией на протяжении четвертичного периода, и сталагмитовая брекчия, переполненная остатками бесчисленных поколений обитавших в пещере летучих мышей, оказалась теперь на вершине холма.[10] Эти условия находок дают достаточно наглядное представление как о колоссальном промежутке времени, отделяющем нас от синантропа, так и о масштабе изменений, происшедших в ландшафте.

Не менее интересны условия залегания нижнепалеолитических остатков в некоторых местонахождениях Эльзаса, ставших известными в одно время с первыми находками синантропа и во многом сходных с ними.

В обоих эльзасских местонахождениях, и в Бурбахе и в Шпихерне, как и в местонахождении I Чжоу-Коу-Дяна, мы имеем дело с остатками пещер, заселенных в начале четвертичного периода, а затем разрушившихся и занесенных глиной и продуктами распада известняковых скал, сцементированными затем в брекчию.

Пещеры эти были обнаружены при разработке карьеров для ломки известняка. Кремень и кварцит отсутствуют в районе находок, поэтому каменные орудия, собранные в Бурбахе, изготовленные из кремнистого известняка, мало выразительны и, видимо, сильно пострадали от времени. Некоторые из них имеют грубо миндалевидную форму, другие представляют просто осколки.

Раннечетвертичный возраст стоянки Бурбах устанавливается обнаруженными здесь костными остатками охотничьей добычи. Среди них имелись остатки древнего слона, носорога, гиппопотама, оленя, быка и стеноновой лошади; наиболее многочисленными оказались остатки гиппопотамов, принадлежавшие 12 особям, преимущественно молодым, частью даже детенышам. Кости нередко были расколоты, отмечалась известная сортировка их. Имелись следы огня в виде угольков.

Другое местонахождение — Шпихерн, обнаруженное в сходных условиях, дало кости древнего слона и носорога Мерка, следы кострищ, более обильные, чем в Бурбахе, и т. д.[11]

Этих примеров, не вызывающих сомнения в определении геологического возраста находок, достаточно, чтобы установить, что раннечетвертичные пещерные стоянки, совершенно так же, как и стоянки под открытым небом того же возраста, в подавляющем большинстве случаев дошли до нас в разрушенном временем виде. И тот и другой вид раннечетвертичных первобытных поселений в более или менее сохранном виде попадается чрезвычайно редко. Причина этого заключается не в каких-либо существенных изменениях в типе поселения на протяжении нижнего палеолита, а, насколько можно судить по наличным данным, единственно в колоссальной удаленности от нас во времени раннечетвертичных памятников.

Борьба за правильное представление о времени составляет одну из основных линий развития археологии четвертичного периода с первых моментов ее возникновения и до наших дней.

---

[10] Davidson Black, Teilhard de Chardin, C. C. Joung and W. C. Pei. Fossil man in China. The Choukoutien cave deposits with a synopsis of our present knowledge of the late cenozoic in China. Geological Memoirs, Series A. Number 11. Peiping, 1933.

[11] R. Forrer. Nouvelles découvertes et acquisations du Musée préhistorique de Strasburg. Cahiers d'Archéologie et d'Histoire d'Alsace, N 49—52. Страсбург, 1922; его же. Les éléphants, hippopotames et l'homme de l'Alsace quaternaire, Кольмар, 1925; его же. L'homme primitif de Burbach en Basse-Alsace, Страсбург, 1926; его же. Rhinocéros de Merck et outillage de bois découverts dans un abri du paléolitique ancien à Spichern près Forbach. Cahiers d'archéologie d'Alsace, N 69—72. Страсбург, 1927. P. Guinier et R. Forrer. A Spichern Elephas antiquus et nouvelle caverne a traces de feu. Там же. N 73—80, 1929.

Во времена Кювье казалась абсурдной мысль об одновременном существовании человека и вымерших крупных млекопитающих, и возникновение первобытной археологии связано с жесточайшей полемикой по этому поводу. Теперь мы знаем, что многие виды животных, как мамонт или сибирский шерстистый носорог, не только вымерли (около 20 000 лет назад), но и возникли на глазах у первобытного человечества. Многим казалось чрезмерно преувеличенной цифра в двести тысячелетий, которой в конце прошлого века Мортилье определял время существования человечества.

В первые десятилетия XX в. преобладающее распространение среди археологов имели хронологические представления М. Буля и Г. Обермайера, согласно которым шелльская эпоха относилась к последнему межледниковому периоду. Это невероятное приуменьшение действительной длительности человеческой истории, естественно, приводило к искаженным представлениям. В частности, эта хронологическая схема не позволяла допускать сколько-нибудь значительных орогенических явлений за время существования человека, значительно суживала представления о действительном размахе денудационных процессов; только развитие ледниковых явлений получило более широкое признание, причем, однако, та или иная часть четвертичных оледенений все же относилась еще к плиоцену, ко времени до возникновения человека.

Постепенно накопившиеся факты заставляли все большее число исследователей отходить от привычных представлений, и теперь уже нелегко найти сторонников хронологической схемы Буля — Обермайера. В настоящее время не только становятся широко известными истинные масштабы грандиозных денудационных явлений на протяжении четвертичного периода, но также получает все большее признание значительный размах четвертичного горообразования.

Несколько лет назад эти идеи находили мало сторонников среди геологов, сейчас же многие явления альпийского орогенического цикла достаточно единодушно относятся ими к четвертичному периоду. И археологу также все чаще приходится сталкиваться с фактами, свидетельствующими о громадной длительности четвертичного периода и значительности изменений в лике земли на его протяжении.

Приведенный пример открытия пола древней пещеры на нынешней поверхности холма в Чжоу-Коу-Дяне не единичен. Подобного рода факты, связанные с археологическими находками, отмечались неоднократно для Сирии и Палестины. В Сирии даже описывалось открытие на современной дневной поверхности сцементированного сталагмитом слепка внутренней полости целой пещеры, нацело отпрепарированной эрозией, последующей за временем накопления пещерных отложений. Эта брекчиевидная глыба была переполнена палеолитическими каменными орудиями и раздробленными костями.

В исследованной мною в 1936—1938 гг. пещере в Ахштырском ущелье р. Мзымты (Черноморское побережье Кавказа), содержавшей в пятиметровой толще отложений два мустьерских, верхнепалеолитический, неолитический и поздние слои, нижний мустьерский слой располагался на слое речного галечника; находка эта свидетельствует, что в среднечетвертичное время, когда человек впервые заселил эту пещеру, ее устье находилось почти на уровне реки, изредка заливавшей наиболее пониженную ее часть. Сейчас отверстие пещеры открывается в отвесной скале, на 110 м выше современного уровня реки.

Эта глубина ущелья, пропиленного Мзымтой за вторую половину четвертичного периода, зависела как от деятельности реки, так и от местного

поднятия, происходившего в мустьерское и последующее время и приведшего к образованию известнякового гребня, перпендикулярного к течению реки.

В Средней Азии четвертичные поднятия имели больший размах, нежели на Кавказе. Этими поднятиями было обусловлено значительное усиление денудационных процессов. В частности, они отразились и на пещерах. В некоторых известных мне среднеазиатских пещерах, достаточно древних по времени возникновения и, возможно, заселявшихся первобытным человеком, устьевые части не сохранились — они были срезаны совсем молодой эрозией; это отличает их от кавказских, обычно имеющих древние устьевые части с заглаженными контурами, затянутыми известковым натеком.

Можно привести еще много красноречивых фактов, свидетельствующих о грандиозности геологических явлений, происходивших в четвертичном периоде уже во время существования человечества, а также о громадном промежутке времени, отделяющем нас от первых людей.

Эту громадность протекшего времени необходимо постоянно иметь в виду при изучении наиболее ранних ступеней развития человечества.

* * *

На этом можно было бы поставить точку, если бы из всего изложенного выше не вытекали весьма существенные практические выводы, с которыми необходимо в дальнейшем считаться при постановке поисковых работ на палеолит и специально на нижний палеолит.

Теперь мы знаем, таким образом, места возможных находок нижнего палеолита в условиях более благоприятных, нежели обычные аллювиальные и поверхностные местонахождения. Поиски в разрушенном карсте могут дать находки не только орудий этого времени, но и костных остатков животных и, может быть, самого человека в условиях малонарушенного культурного слоя.

Весьма перспективными являются и поиски верхнепалеолитических местонахождений подобного типа. Постановка таких работ позволит значительно расширить территорию, на которой возможно ожидать обнаружения многослойных памятников и получения, таким образом, решающего стратиграфического аргумента для выяснения сложного и во многом спорного вопроса хронологических взаимоотношений однослойных стоянок под открытым небом.

Поиски погребенных пещер и навесов с палеолитическими остатками надо будет развернуть во многих таких местах, где согласно старым традиционным представлениям ожидать их совершенно не приходилось. В первую очередь, среди таких районов нужно указать область распространения рыхлых понтических известняков (строительный ракушняк), тянущихся вдоль всего северного берега Черного моря.

Великолепной иллюстрацией возможных здесь находок является открытие в с. Ильинке, под Одессой,[12] где в разрушенной пещере в 1939 г. А. Д. Рощин и Т. Г. Грицай обнаружили остатки мустьерского и верхнепалеолитического возраста. Рыхлость этих известняков обуславливает, с одной стороны, то, что даже относительно молодые остатки (конец верхнего палеолита) находятся в них в уже разрушенных пещерах; с другой стороны, палеонтологические находки одесских катакомб свидетельствуют о том, что карстовые явления в этих известняках были развиты уже в плиоцене и что остатки человека и его культуры, которые здесь можно искать, могут

---

[12] См. мою заметку «О характере культурных остатков из пещеры у с. Ильинки под Одессой». Археология, т. III, Киев, 1949.

восходить к самому началу четвертичного периода, к самой начальной поре человеческой истории.

Чрезвычайно интересно было бы заняться систематическими поисками пещер в верхнедевонских известняках в северной части Воронежской, в Орловской и Тульской областях. В литературе неоднократно отмечались различные карстовые проявления, связанные с этими отложениями.[13]

В разрушенном состоянии достаточно древние пещеры могут быть обнаружены, например, и в гипсах Урала, Прикамья и Горьковской области.

Я не могу пытаться дать здесь хотя бы краткую наметку возможных работ. Приведенных примеров, думаю, достаточно для того, чтобы установить, что разработка методики поисков и исследования местонахождений, связанных с разрушенным карстом, а затем и развертывание систематических работ в этом направлении, является одной из очередных задач советской археологии четвертичного периода.

---

[13] Мне лично пришлось ознакомиться с некоторыми из них в конце 20-х годов во время работ на Гагаринской стоянке, когда мне приходилось вести, правда достаточно беглые, поиски в окрестностях Липецка и Ельца, по Дону, Быстрой Сосне и ее притокам Ворголу и Пальне. Эффектную пещеру коридорного типа, со сталагмитовыми натеками на стенах я видел тогда в каменоломне на окраине Липецка. Она была обнаружена при ломке камня. К сожалению, устьевая часть пещеры, по словам рабочих, содержавшая на дне глинистые отложения, ко времени моего посещения была уже уничтожена в процессе работ.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

А. Н. РОГАЧЕВ

О НИЖНЕМ ГОРИЗОНТЕ КУЛЬТУРНЫХ ОСТАТКОВ КОСТЕНОК I

Экспедиция ИИМК им. Н. Я. Марра произвела разведку нижнего горизонта культурных остатков на месте расположения известного первобытнообщинного поселения верхнепалеолитического времени Костенки I. При исследовании культурного слоя этого поселения, залегающего в верхней части лёссовидного суглинка на глубине 1.20—1.50 м, П. П. Ефименко в 1931 и 1932 гг. обнаружил в глубоких шурфах нижний горизонт культурных остатков, находящийся в основании двухметровой толщи лёссовидного суглинка на глубине более 3.00 м от поверхности. «Особенно интересно то,— писал он,— что этот нижний культурный слой стоянки оказался связанным с горизонтом погребенной почвы, отделяющим лёссовидный суглинок от нижележащего щебенчато-глинистого наноса». [1] В другой книге П. П. Ефименко писал: «Большая глубина залегания позволила нам вскрыть здесь сравнительно небольшую площадь, в связи с чем и находок в виде обработанных кремней было сделано немного. Последние, во всяком случае в отношении нижнего горизонта Костенок I, отделенного от верхнего горизонта толщей лёссовидного суглинка, дают возможность говорить о ранней поре верхнего палеолита, очевидно, задолго предшествующей времени основного исследованного нами здесь памятника — жилого комплекса Костенок I». [2]

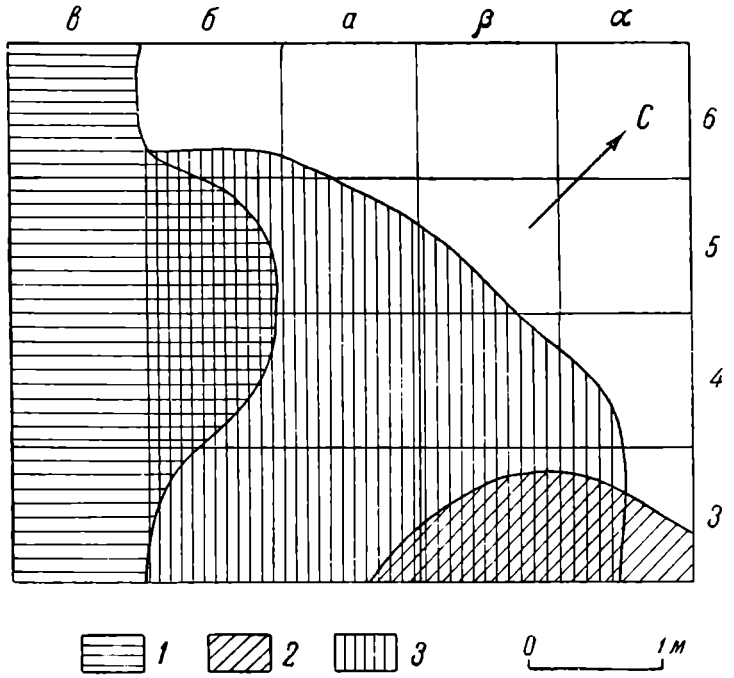
В 1933—1936 гг. при исследовании Костенок I не удавалось найти более или менее выраженного культурного слоя нижнего горизонта. Лишь осенью 1938 г. в небольшом шурфе, заложенном рядом с раскопом П. П. Ефименко, на глубине 3.60 м от поверхности удалось встретить массу кремневых отщепов, пять концевых скребков и несколько характерных для солютрейского времени двустороннеобработанных орудий, изготовленных из цветного валунного кремня. Находки эти представили исключительный интерес в связи с проблемой хронологического расчленения памятников верхнепалеолитического времени Европейской части СССР.

В 1948 г., в Костенках I, рядом с исследованной ранее обширной жилой площадкой, к югу от нее, было заложено три больших шурфа общей площадью 36 м^2. В большом шурфе 5 × 4 м, расположенном частично и на месте прежнего раскопа, у его южного угла, встречены на различных глубинах пять горизонтов культурных остатков. Верхний, средний и нижний горизонты (рис. 24) представлены не только костями животных и расщеп-

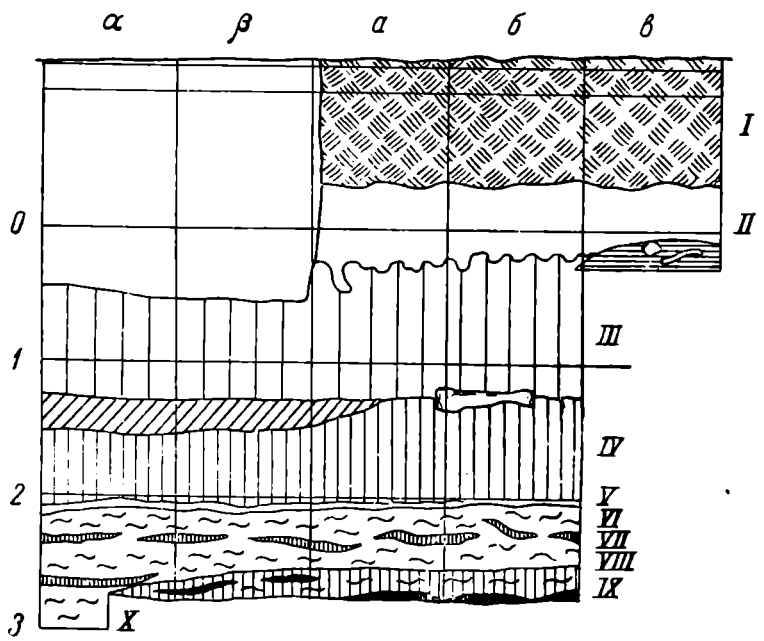
[1] П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, 1934, стр. 95.
[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1938, стр. 445.

ленным человеком кремнем, но и типичными линзами культурного слоя с костным углем, золой, охрой и т. п. Ни одна из этих линз не исследована полностью в плане.

Таким образом, разведками 1948 г. в Костенках I установлен весьма важный факт многослойности этого поселения. Значение этого факта опре-



1



2

Рис. 24. Костенки I: *1*— план основного шурфа; 2— профиль южной стенки основного шурфа

Условные обозначения: *1*—верхний горизонт, *2*— средний, 3— нижний

деляется тем, что это пока единственный памятник на территории СССР, где под верхним слоем солютрейского времени залегают ясно выраженные и, очевидно, более древние горизонты культурных остатков. Поэтому всестороннее изучение серии культурных напластований Костенок I и особен-

но нижнего горизонта является насущной задачей советских археологов и геологов-четвертичников, стремящихся хронологически расчленить многочисленные теперь памятники верхнепалеолитического времени.

Геологические условия залегания культурных остатков в Костенках I (рис. 24—2) описаны докторантом ИГН АН СССР М. Н. Грищенко, принимавшим участие в работах экспедиции.

	Мощность (м)
1. Почвенный покров	0.90
2. Бурый суглинок, перерытый кротовинами. В нижней части его залегает верхний горизонт культурных остатков	0.30
3. Суглинок светлобурый, сильно известковистый, с порошковатым углекислым кальцием по трещинам, порам, а также в виде значительных скоплений. Во всей толще суглинка наблюдается равномерно рассеянная галька мела. Почти во всей толще слоя, преимущественно в его средней части, встречаются отдельные расщепленные кремни, образующие, повидимому, второй горизонт культурных остатков	1.00
4. Суглинок красновато-бурый, плотный с мелкой меловой галькой, редкими дутиками. Порошковатого углекислого кальция мало, редко встречаются известковые трубочки по порам. На северо-восточной и юго-западной стене шурфа наблюдаются обильные выделения порошковатого углекислого кальция по трещинам, круто наклоненным и изогнутым вдоль склона. В верхней части слоя с правой стороны стены шурфа лежит крупная трубчатая кость мамонта, а с левой стороны выделяется выклинивающаяся к западу линза темноокрашенного суглинка, содержащего куски древесного и костного угля, обожженные и целые кости млекопитающих, комочки охры и кремни (третий горизонт культурных остатков). В основании слоя четко выделяется прослойка мелкой меловой гальки. По всей толще суглинка распространены оолиты железисто-марганцовых соединений	1.00
5. Белесая прослойка известковистого, мергелистого суглинка, горизонтальная, слегка измятая и в нескольких местах разорванная	0.05—0.10
6. Суглинок серовато-бурый, неслоистый, мергелистый, оглеенный, с железисто-марганцовыми оолитами и мелкими обломками обожженных костей	0.15
7. Гумусированная прослойка суглинка, измятая, разорванная, местами расчлененная на два горизонта. На поверхности ее встречаются кости животных, комочки охры и отдельные расщепленные человеком кремни (четвертый горизонт культурных остатков)	до 0.10
8. Суглинок светлобурый, мергелистый; в суглинке встречается мелкая меловая галька, оолиты железисто-марганцовых соединений и охристо-желтые разводы	0.20
9. Гумусированная прослойка суглинка менее четко выраженная, чем верхняя (слой № 7), но тоже измятая и прерывистая. На поверхности ее и в вышележащем суглинке наблюдается скопление кремня, костей, примазка охры, костного и растительного угля, составляющих нижний, или пятый, горизонт культурных остатков. Вся эта масса культурных остатков распределяется в толще суглинка мощностью	0.20—0.25
10. Ниже раскоп продолжен шурфом у юго-западной стены. Этим шурфом вскрыт суглинок, бурый, слоистый, с белыми прослойками мергеля, переполненный меловой галькой. Во всей толще его встречаются оолиты железисто-марганцовых соединений	1.20

С точки зрения современного рельефа местности, Костенки I представляют наиболее типичное место поселения верхнепалеолитического времени. Оно расположено в устьевой части широкого и глубокого древнего оврага, на его левом отлогом западном склоне, на солнечной стороне. От степных и долинных ветров место поселения защищено высокими берегами лога, а от поймы Дона — высоким уступом. Костенки I, как Боршево I и Тельманская стоянка, располагаются, по определению М. Н. Грищенко, на второй надпойменной террасе Дона, поднимающейся до 28 м над летним уровнем Дона.

Археологические материалы, собранные в процессе полевого исследования Костенок I, за исключением тщательно исследованного П. П. Ефименко верхнего горизонта, являются незначительными и не позволяют

дать столь же полную характеристику нижним горизонтам. Однако они заслуживают внимания, поскольку проливают свет на мало изученный отрезок верхнепалеолитического времени, предшествующий Костенкам I и всей этой группе сходных памятников.

Верхний горизонт Костенок I (рис. 24) хорошо известен по работам П. П. Ефименко, который в 1923—1936 гг. вскрыл полностью и исследовал остатки обширного жилища на площади больше 600 м^2. В большом шурфе 1948 г. (5 × 4 м), заложенном у южного угла обширного прежнего раскопа на расстоянии 5—6 м от границы этого жилища, также в верхнем слое лёссовидного суглинка встречена, повидимому, окраина аналогичного комплекса находок. Кремневые орудия и расчищенная нами большая яма свидетельствуют о сходстве вновь встреченных культурных остатков с уже известными по прежним раскопкам.

Яма нового комплекса культурных остатков верхнего горизонта имеет овальную форму, 1.75 × 1.20 м. Глубина ее от поверхности пола верхнего горизонта 0.70 м. По внешнему виду и по характеру заполнения она напоминает крупные краевые ямы жилой площадки Костенок I В заполнении ее встречены главным образом кости мамонта: лопатка, лежащая ребром вдоль стены ямы, нижняя челюсть, торчащая подбородочным выступом вниз, пять первых шейных позвонков в анатомическом порядке, крестец (в анатомическом порядке пять позвонков) и пять других позвонков в анатомическом порядке. В верхней части заполнения залегало несколько ребер мамонта и череп небольшого хищника, повидимому волка. Заполнена яма обычным суглинком, в котором часто встречаются костные угли и небольшое количество кремневых отщепов и пластин.

Вопрос о ямах в жилищах или в системе жилищ палеолитического времени поставлен теперь широко советскими исследователями. По заполнению этой ямы можно судить об использовании ее для хранения запасов мяса, хотя не исключена возможность трактовки ее и в плане ритуального сооружения. На всей площади шурфа, на уровне верхнего горизонта, на месте раскопа П. П. Ефименко и в той части, которую вскрыли мы, почти не встречалось культурных остатков. Только у юго-западной стены, рядом с описанной ямой залегают культурные остатки и кости мамонта, оставленные нерасчищенными, так как изучение культурного слоя верхнего горизонта не являлось нашей задачей.

Второй горизонт культурных остатков в большом шурфе представлен значительным количеством мало характерного расщепленного кремня, залегающего в суглинке на глубине 1.50—1.90 м от поверхности. Четкой стерильной прослойки между верхним горизонтом и этими находками нет, но является мало вероятной их связь с верхним горизонтом. Здесь на площади в 16 м^2 встречено шесть скребков, шесть пластинок с ретушью, три нуклевидных осколка, крупная песчаниковая галька и 140 кремневых пластин и отщепов. Среди этих находок лишь изредка встречались мелкие осколки костей животных, осколки от пластин зубов мамонта и очень редко отдельные костные угли.

В шурфе *де* 16—19 (2 × 3 м), заложенном на 10 м выше по склону от большого шурфа, на глубине 130—180 м встречено пять скребков, 69 кремневых пластин отщепов, несколько небольших осколков камней, обломок челюсти лошади, осколок тазовой кости, повидимому этого же животного, и несколько мелких обломков и осколков костей. Эти находки как бы продолжают отдельно встречающиеся кремни и кости верхнего горизонта, залегающего непосредственно под черноземом; но упомянутые кости лошади и вместе с ними отдельные кремни залегают на значительной глубине и, несомненно, ниже пола исследованного жилища, расположенного рядом. По общему виду и по цвету кремни второго горизонта

ничем не отличаются от кремней верхнего горизонта. Отсутствие же следов кротовин и относительно большое количество находок заставляют полагать, что эти находки являются периферией какого-то, возможно, мощного и более древнего культурного слоя, тем более, что среди кремней второго горизонта встречаются крупные желтые расколотые кремни, отсутствующие в верхнем горизонте, и нет наконечников с выемкой или их обломков. Предположение, что находки, выделяемые нами как второй горизонт, образовались в результате размыва культурного слоя, залегающего где-то выше по склону оврага, является мало вероятным.

Третий горизонт культурных остатков (рис. 24) обнаружен только в большом шурфе. Он залегает в средней части двухметровой толщи лёссовидного суглинка на глубине 2.25—2.50 м от поверхности. Хорошо выраженный культурный слой, обычный для остатков жилищ, локализуется только у южного угла шурфа и продолжается под его юго-западной стеной, занимая площадь около 2 м^2. Рядом с этой линзой культурного слоя в шурфе и в стенах его встречены крупные кости мамонта, залегающие на этом же уровне. Толщина культурного слоя, насыщенного охрой, золой, костным углем, расщепленным кремнем и осколками костей животных, не превышает 0.25 м.

Расщепленные кремни встречались лишь в линзе культурного слоя. Здесь встречено 172 отщепа, из них 35 со следами пребывания в огне, три скребка, пластинка и два отщепа с ретушью, четыре микропластинки с ретушью и нуклеус. В отличие от верхних горизонтов, все эти кремни меловые, черного цвета, слегка просвечивающиеся, без патины. Преобладают отщепы часто с желвачной коркой. Материал этот явно недостаточен для суждения о возрасте горизонта, но сам факт наличия такого рода культурных остатков, залегающих под мощным слоем Костенок I, является важным.

Четвертый горизонт культурных остатков, обнаруженный в основном шурфе, залегает в основании лёссовидного суглинка в верхней прослойке ископаемой почвы, на глубине 3.10 м. В разных местах шурфа, непосредственно в гумусированной прослойке встречены отдельные кости лошади, крупный осколок кости, возможно мамонта, и несколько мелких обломков костей, а вместе с ними два кремневых отщепа с ретушью, кремневая пластинка, 9 отщепов и крупный осколок плотного песчаника. Все кремни валунные, желтого и розоватого цвета.

Культурные остатки четвертого горизонта представлены и в двух других шурфах, заложенных в 5 и 10 м выше по склону оврага. В первом, в верхней прослойке ископаемой почвы встречено ребро крупного животного и крупный нуклевидный осколок желтого валунного кремня. В другом шурфе, расположенном еще выше по склону, на глубине 3.20 м, на границе лёссовидного суглинка и слоистого мергелистого суглинка, встречено значительное количество обломков и осколков костей мамонта и отдельные расщепленные желтые валунные кремни. Ископаемой почвы здесь нет, культурные остатки залегают непосредственно на плотном мергелистом суглинке, являющемся нижней границей распространения этих находок.

Следует отметить присутствие здесь 4 обломков ребер крупных животных, обломков остистых отростков позвонков мамонта, крупного обломка трубчатой кости мамонта и больше двух десятков мелких осколков костей животных. Вместе с этими костями, залегающими в слое мощностью 0.20—0.25 м, встречено три осколка камней, 14 кремневых отщепов и обломок, повидимому наконечника копья, обработанного двусторонней плоской ретушью, выстругивающей поверхность. Таким образом, при продолжении раскопок необходимо учитывать возможность встречи с более насыщенным

культурным слоем, залегающим в верхней гумусированной прослойке или на контакте лёссовидного и мергелистого суглинков.

В отношении пятого, или нижнего, горизонта культурных остатков имеются значительно бо́льшие наблюдения и материалы, позволяющие в предварительном плане поставить вопрос о его датировке. Он обнаружен только в большом шурфе на глубине 3.50—3.75 м от поверхности и залегает во второй гумусированной прослойке и выше нее в мергелистом суглинке.

Культурные остатки пятого горизонта состоят из массы расщепленного валунного кремня и кварцита, отдельных кремневых орудий, костяного шила, пятен охры, крошек охры, небольшого количества осколков костей и костного угля. По цвету культурный слой ничем не отличается от окружающего суглинка, лишь местами он окрашен красной охрой в виде пятен в плане и в виде линз в разрезе. Однако по насыщенности его расщепленным кремнем и по другим признакам удалось достаточно точно определить границу его распространения по плоскости. Культурные остатки сосредоточены в южном углу шурфа, граница их распространения проходит примерно по диагонали восток — запад (рис. 24). К северу от нее, за пределами культурного слоя встречено всего лишь около двух десятков кремневых отщепов, а к югу, на противоположной половине шурфа, на площади около 8 м^2 встречено больше 1200 экз. расщепленных кремней. Самое большое количество кремней находится в южном угловом квадрате шурфа (247 экз. на 1 м^2). По направлению к границе культурного слоя встречается все меньше и меньше кремней и других находок. Следовательно, здесь обнаружен край строго определенного комплекса находок, являющийся, судя по локализации культурных остатков, возможно, остатком жилища. Определенный материал для суждений в этом плане будет получен лишь по вскрытии всей площади этого культурного слоя или значительной его части. Скопление костного угля наблюдалось в этом углу шурфа; взятые здесь образцы, похожие на очажную массу, еще не подвергнуты анализу.

При описании суглинков, залегающих под лёссом, М. Н. Грищенко отмечает волнообразную покоробленность и измятость прослоек, что, по его мнению, может быть объяснено явлениями промерзания этих горизонтов в последующее вюрмское время. Такой деформации был подвергнут и нижний горизонт культурных остатков, вследствие чего многие кремни занимают торчащее положение, а пол или нижняя граница находок устанавливались с большими трудностями.

В нижнем горизонте Костенок I совершенно отсутствует обычный широко известный меловой кремень (сенонский). Все орудия, отщепы и осколки изготовлены из цветного валунного кремня и местного палеогенового кварцита.

Самой многочисленной группой кремневых орудий являются скребки, представленные 11 экз. (рис. 25*а*—*6*—*11*). Пять скребков изготовлены из массивных отщепов, поэтому имеют высокую форму. Полукруглое и ровное лезвие их тщательно оформлено ретушью. Два скребка по форме приближаются к округлым. Размеры их незначительны, 37—22 мм длиной. Три скребка значительно бо́льших размеров (длина 57 мм), от других скребков отличаются выраженной подтреугольной формой, т. е. сильно суживаются к основанию (рис. 25*а*—*8*, *9*). Полукруглый рабочий край их достаточно широк и приострен ретушью. Особенностью этих скребков является и то, что нижняя поверхность их выровнена рядом сколов, благодаря чему эти крупные скребки имеют вид двусторонне обработанных орудий. Менее значительная подтеска, выравнивающая нижнюю плоскость, наблюдается на скребках, изготовленных из массивных отщепов, и у одного из округлых скребков. Объясняется это явление не только отсутствием

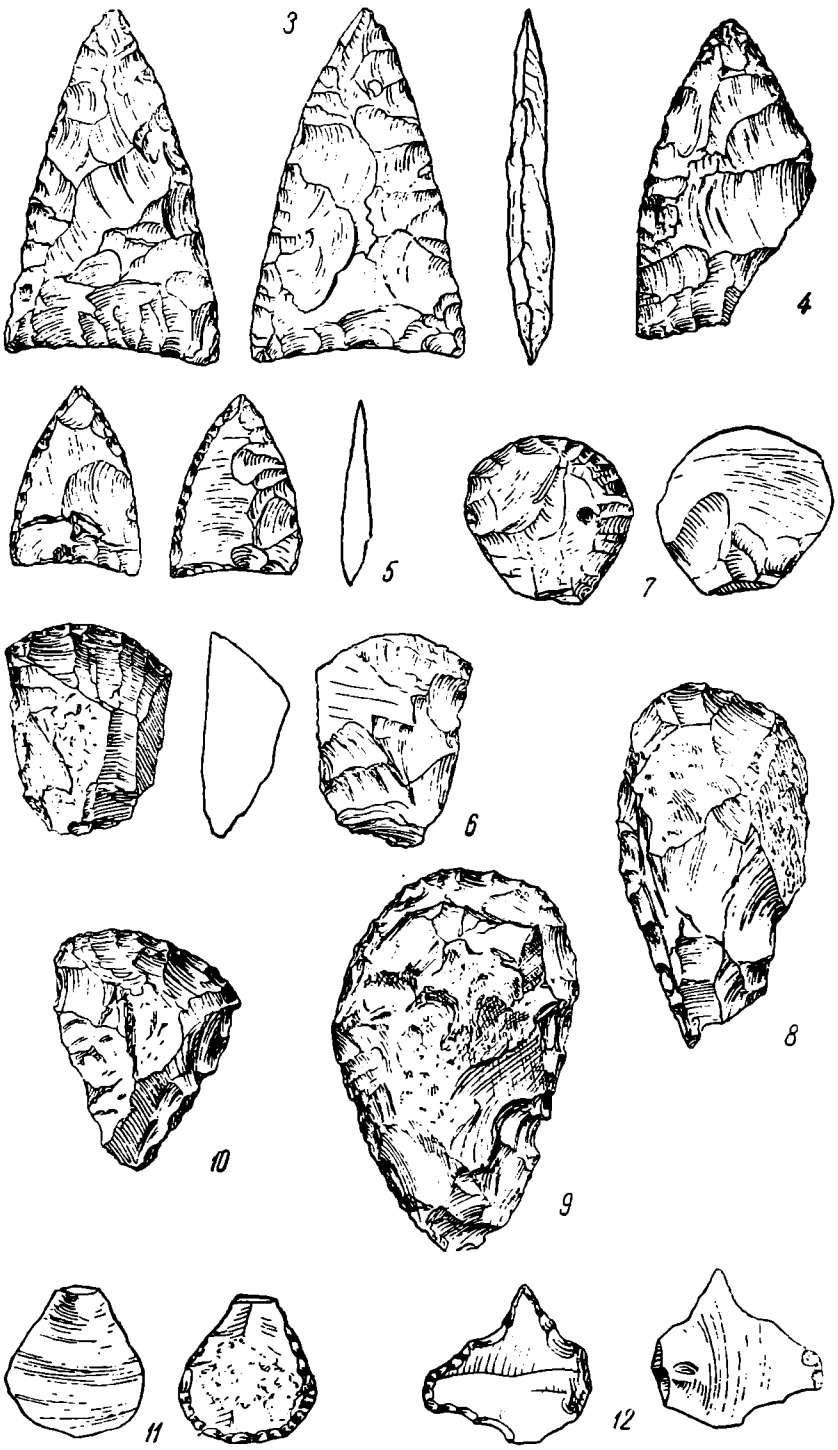


Рис. 25*а*. Кремневый инвентарь нижнего горизонта стоянки Костенки I
3—5 — наконечники копий; *6—11* — скребки; *12* — проколка;

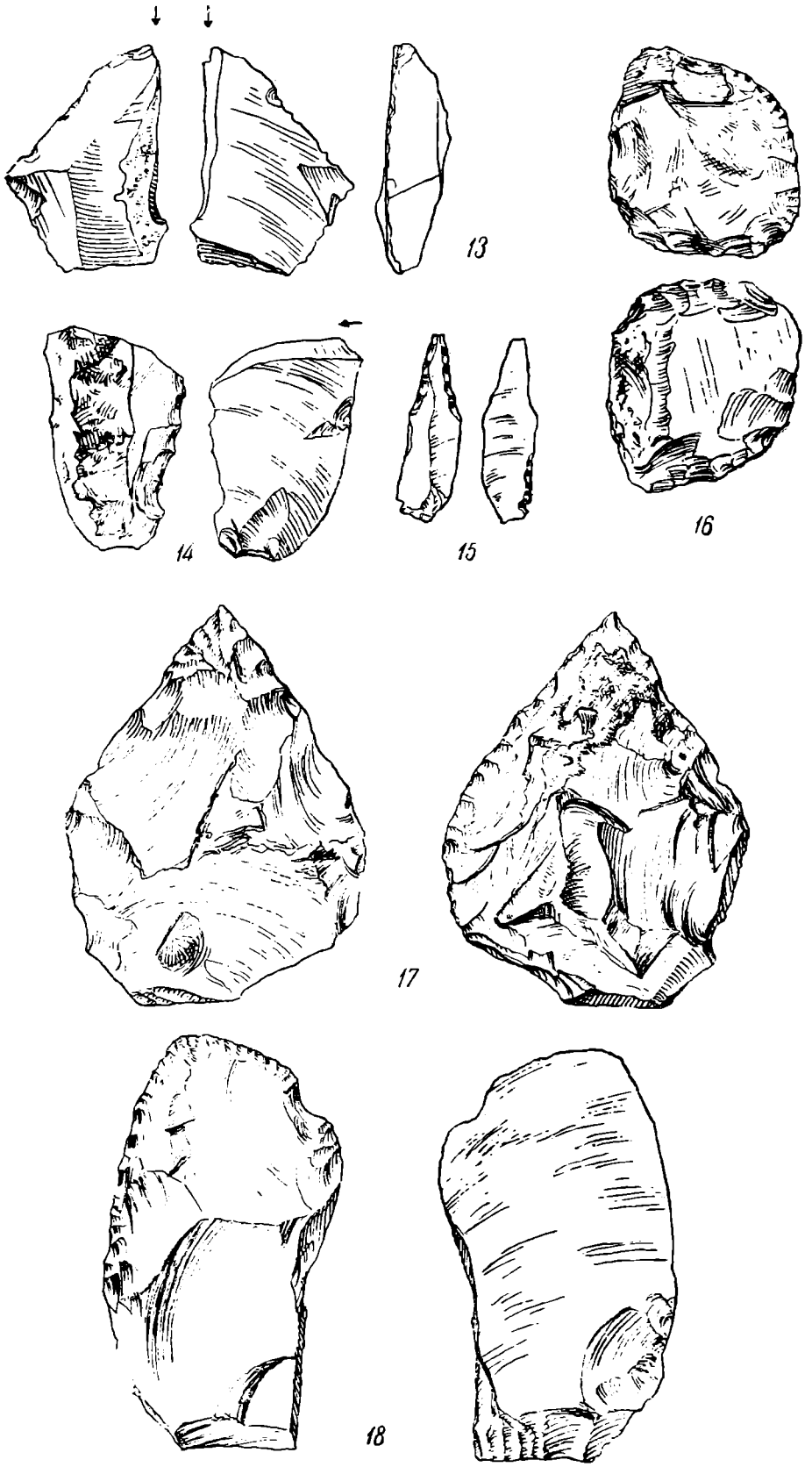


Рис. 256. Кремневый инвентарь нижнего горизонта стоянки Костенки I

13 — 14 — резцы; *15* — проколка; *16* — долотовидное орудие с подтеской противоположных концов; *17* — остроконечник; *18* — скребловидное орудие

для скребков подходящих заготовок в виде пластин и отщепов с ровной отбивной поверхностью, но, повидимому, и технической традицией, тянущейся из глубокой древности.

Резцов в коллекции из нижнего горизонта всего лишь шесть, изготовлены они из отщепов, некоторые из них приближаются по очертаниям к пластинам. Пять резцов имеют совершенно определенную форму, широко представленную среди резцов в Супонево. Одна или обе противоположные удлиненные грани пластин или отщепов имеют достаточно крутую ретушь, а резцовый скол нанесен с верхнего конца орудия (рис. 25*б* — *14*). Лишь один резец боковой, с ретушью на конце (рис. 25*б* — *13*). Такие резцы широко известны в верхнепалеолитическое время, но этот экземпляр особенно близок к резцам этого вида из Ильской.[3]

Проколок в коллекции всего лишь четыре. Две представляют собой отщепы с острыми концами, подправленными еле заметной ретушью. Другие две достаточно характерны. Острие одной оформлено ретушью на боковой грани отщепа. Другая проколка изготовлена из грубой пластинки, верхний конец которой тщательно приострен ретушью, нанесенной симметрично с обеих граней (рис. 25*а*—*12* и 25*б*—*15*).

Совершенно исключительный интерес имеют кремневые наконечники метательных орудий с вогнутым основанием, представленные тремя целыми экземплярами и несколькими мало характерными их обломками (рис. 25*а*—*3*—*5*). Эти наконечники изготовлены с помощью плоской ретуши, выстругивающей поверхность орудия с обеих сторон. Вогнутое основание их также оформлено двусторонней ретушью и отличается от боковых граней особой остротой и ровностью края. Длина наконечников 50—26 мм, ширина у основания 32—19 мм; толщина их незначительна, не более 5 мм. Фасетки, покрывающие поверхность наконечников, неровные; крупные чередуются с мелкими, часто занозистые. Этим они отличаются от многих наконечников солютрейского и неолитического времени.

Ближайшей аналогией этим наконечникам метательных орудий являются известные североиспанские наконечники с вогнутым основанием. Обермайер считает их солютрейскими, ссылаясь на навес Куэто де ла Мина, где они залегают между мадленским и ориньякским слоями.[4]

Сходный по форме наконечник копья имеется в Ильской палеолитической стоянке. Он достаточно хорошо воспроизведен и описан С. Н. Замятниным.[5] Следовательно, наконечники из нижнего горизонта Костенок I не являются какой-то чуждой формой для орудий палеолитического времени Европейской части СССР. По сравнению с наконечником из Ильской они представляют более совершенные формы этого орудия.

По технике изготовления к наконечникам близок своеобразный нож (рис. 26). Он сделан из массивного валуна (длина 125 мм, ширина 55 мм, толщина 25 мм) путем двусторонней обтески и ретуши. Верхний конец его тщательно приострен ретушью с обеих сторон, а основание оформлено грубыми сколами. Одна из длинных граней его прямая и, за исключением значительного участка у верхнего конца, почти совершенно необработана и массивна. Противоположная грань в виде крутой дуги тщательно оформлена и обработана ретушью с обеих сторон. Рабочим местом у этого ножа, удобного для вспарывания и разрезания, является острый конец и отретушированный полулунный край.

---

[3] В. А. Городцов. Результат исследования Ильской палеолитической стоянки. МИА СССР, вып. 2, 1941, стр. 19.

[4] H. Obermaier. Fossil Man in Spain. 1925, стр. 171—174.

[5] С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 212, рис. на стр. 217.

Два орудия по форме и по технике изготовления приближаются к долотовидным с подтеской концов (рис. 25*б* — *16*); большое количество таких орудий имеется в Костенках IV. Изготовлены они не из пластинок или отщепов, а из кусков кремня.

Существенно отметить присутствие в коллекции одного остроконечника и нескольких скребловидных орудий (рис. 25*б* — *17* и *18*). Остроконечник изготовлен из валуна, нижняя поверхность выровнена несколькими сколами, края и острый конец его отретушированы. В Чекурче, Ильской и Киик-Коба сходные по форме остроконечники имеются в большом количестве. Скребловидные орудия недостаточно типичны и представляют собой крупные кремневые пластины с ретушью по одному краю.

Кроме описанных выше орудий, в коллекции имеется около 30 отщепов с ретушью и примерно такое же количество их с еле заметными следами

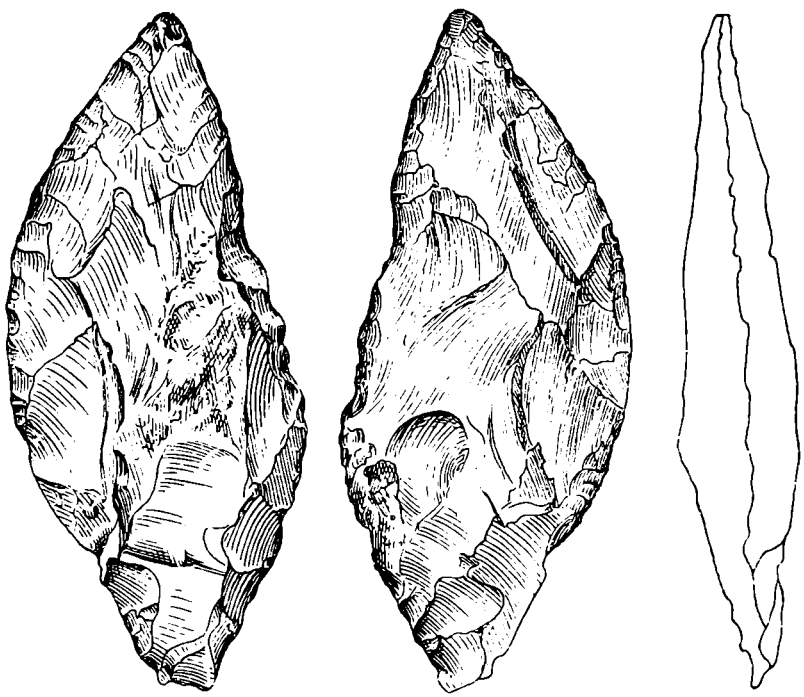


Рис. 26. Костенки I. Кремневый нож

ретуши. Остальная же масса отщепов (больше 1200 экз.), главным образом мелких и очень мелких, не имеет следов вторичной обработки.

Состав коллекции кремневых орудий и техника изготовления их свидетельствуют о верхнепалеолитическом времени культурных остатков нижнего горизонта. Наличие концевых скребков, резцов, наконечников метательных орудий достаточно совершенных форм, проколок и других орудий не позволяет сомневаться в этом выводе.

Вместе с тем, при взгляде на коллекцию кремневого инвентаря нижнего горизонта Костенок I бросается в глаза примитивность техники расщепления кремня и техники изготовления орудий. Почти отсутствуют удлиненные пластины; небольшое количество имеющихся пластин крайне грубы и приближаются по очертаниям к отщепам. Отсутствуют призматические или дисковидные нуклеусы, имеется лишь один отщеп, отколотый от нижней части дисковидного нуклеуса. Среди двух десятков нуклевидных осколков нет таких, от которых отделялись пластинки.

Было бы ошибочно объяснять эти особенности техники обработки кремня лишь плохим качеством использованного материала. Цветной валунный кремень широко использовался обитателями Костенок III и

Костенок II в мадленское время. Там из желтого валунного кремня изготовлялись прекрасные удлиненные пластины с правильными гранями, совершенно схожие с пластинами из мелового кремня. Техника обработки кремня, несмотря на присутствие хорошо отретушированных и совершенных форм наконечников, является достаточно примитивной, поэтому нет оснований не соглашаться с выводом П. П. Ефименко, определяющим возраст нижнего горизонта Костенок I ранней порой верхнепалеолитического времени. Господство техники отщепа и очень древней техники отесывания заготовки при изготовлении орудий свидетельствуют, как и данные стратиграфии, о большей древности этого памятника.

При незаконченности исследования нижних горизонтов культурных остатков в Костенках I было бы преждевременно делать из имеющихся фактов далеко идущие выводы. Костенковско-Боршевский район на Дону и Новгород-Северский район палеолитических местонахождений на Десне, тщательно обследованный М. В. Воеводским,[6] должны явиться опорными пунктами исследований при решении проблемы хронологического расчленения верхнепалеолитических памятников Русской равнины. Особого внимания заслуживают Костенки I как многослойный памятник, проливающий свет на мало изученный отрезок времени, предшествующий древнейшей группе верхнепалеолитических памятников (Пушкари I и др.).

---

[6] М. В. Воеводский. Ранний палеолит Русской равнины. Уч. зап. МГУ, вып. 115, 1948.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

М. Н. ГРИЩЕНКО

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ КОСТЕНКОВСКО-БОРШЕВСКОГО РАЙОНА ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Геологические условия залегания археологических памятников Костенковско-Боршевского района на Дону долгое время оставались недостаточно выясненными, тем более неясной была палеогеография этого района во время пребывания здесь человека верхнего палеолита.

По поручению Костенковской экспедиции ИИМК в 1938 г. автором были проведены специальные исследования для выяснения стратиграфического положения культурных остатков в районе распространения палеолитических стоянок на Дону.

Собранный при этих исследованиях фактический материал и первые выводы по четвертичной геологии района до сих пор не опубликованы, за исключением самых кратких сведений о геологии и геоморфологии района в путеводителе геологических экскурсий, составленном автором в 1941 г. для Воронежского пленума Советской секции АИЧПЕ.

В 1948 г. та же экспедиция под руководством А. Н. Рогачева проводила дополнительные исследования на наиболее интересной стоянке Костенки I, расположенной на левобережном склоне приустьевой части Покровского лога (рис. 27).

Разведочным шурфом П. П. Ефименко здесь встретил два слоя культурных остатков, причем нижний слой, по Ефименко, лежал в меловом дилювии, ниже лёссовидных суглинков. В шурфе 1938 г., заложенном на этой же стоянке и описанном мною,[1] остатки нижнего культурного слоя были отмечены на глубине 3.5 м только в светлобуром и белесом суглинке с редкой меловой галькой, выше горизонта гумусированного суглинка, который отделяет древний овражный аллювий основания II террасы от покрывающих его бурых суглинков, что не совсем отвечало данным П. П. Ефименко.[2]

Повторными раскопками 1948 г., поставленными А. Н. Рогачевым, выявлены новые весьма интересные детали геологического строения и условий залегания культурных остатков на площадке стоянки Костенки I, подтверждающие наблюдения П. П. Ефименко и выясняющие палеогеографическую обстановку времени появления здесь человека верхнего и среднего (?) палеолита.

---

[1] Путеводитель геологических экскурсий Воронежского пленума Советской секции АИЧПЕ, 1941.

[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1939.

Первым был заложен шурф *бв* 11—14, глубиной 4.60 м и сечением 2×4 м (рис. 28). В юго-западной стенке шурфа видно:

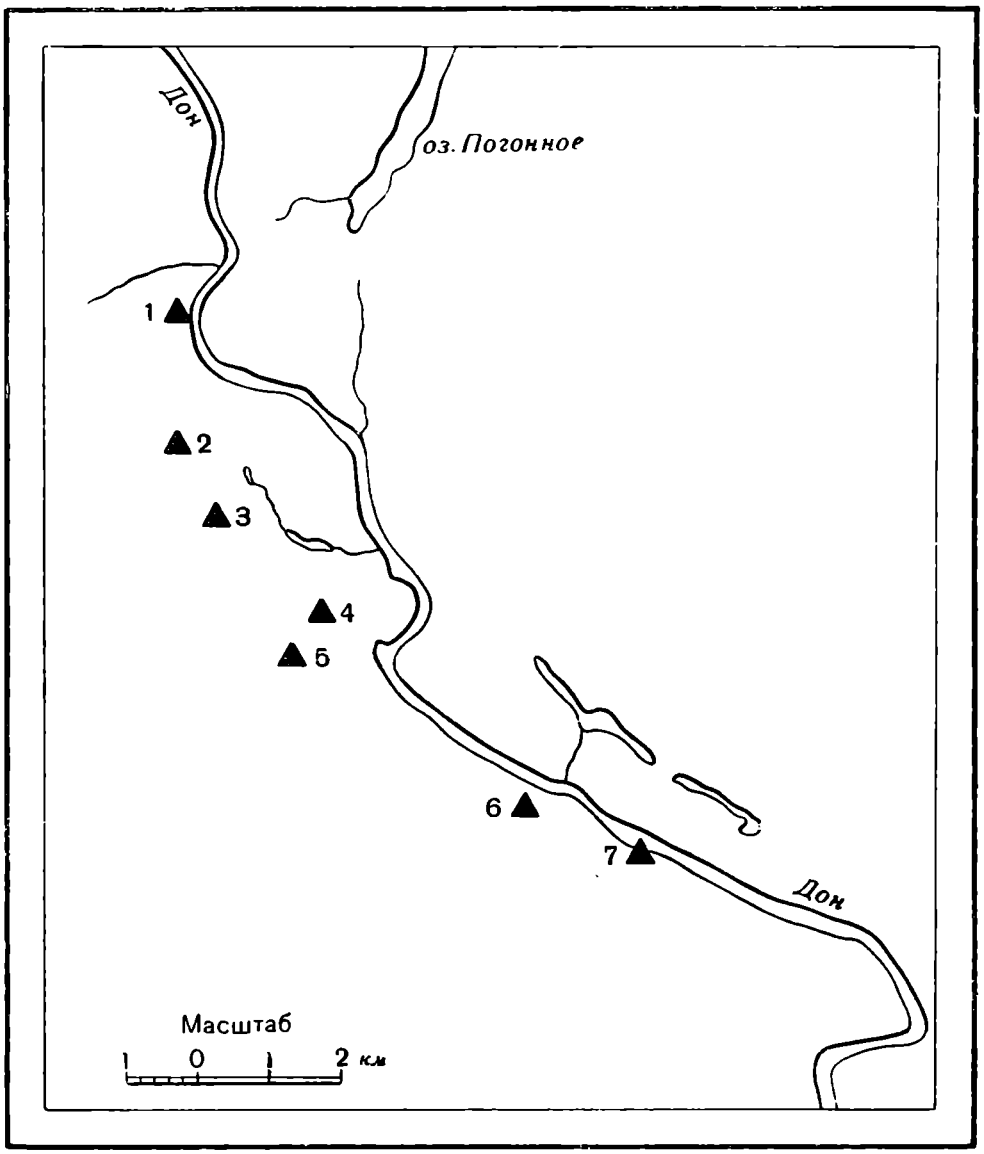


Рис. 27. Схема расположения палеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района на Дону

1 — Костенки III; *2*— Костенки I (стоянка Полякова); *3* — Костенки II; *4* — Александровская (Костенки IV); *5* — Тельмановская; *6* — Боршево I; *7* — Боршево II

Мощность (м)

1. Почвенный покров книзу переходит в бурый суглинок, перерытый кротовинами 1.00
2. Суглинок бурый, известковистый, пористый, с лжемицелиями, крупными зернами кварца и полевого шпата, мелкой крошкой и галькой мела, с многочисленными кротовинами, выполненными почвой. В верхней части этого суглинка лежит верхний горизонт культурных остатков с кремнем и крупными костями млекопитающих 0.75
3. Такой же суглинок более светлой окраски, без резкого перехода к слою № 2. В суглинке наблюдается скопление порошка углекислого кальция в виде гнезд и жил, приуроченных к трещинам. Эти жилы наклонены под углом до 60° к горизонту, в сторону склона и гнезда часто удлинены параллельно жилам извести. В суглинке встречаются многочисленные оолиты рыхлых железисто-марганцовистых соединений. У основания суглинка, непосредственно на нижележащей гумусовой прослойке лежат

кости крупных млекопитающих и отдельные кремни. Эти находки отвечают, повидимому, положению второго горизонта культурных остатков, отмеченных в шурфе 1938 г. 1.00

4. Прерывистая прослойка сильно гумусированного суглинка . . . . . 0.03—0.10
Прослойка суглинка, несомненно, разорвана вторичными процессами, а отдельные куски ее смещены в разное положение, поставлены вертикально, а местами и опрокинуты.

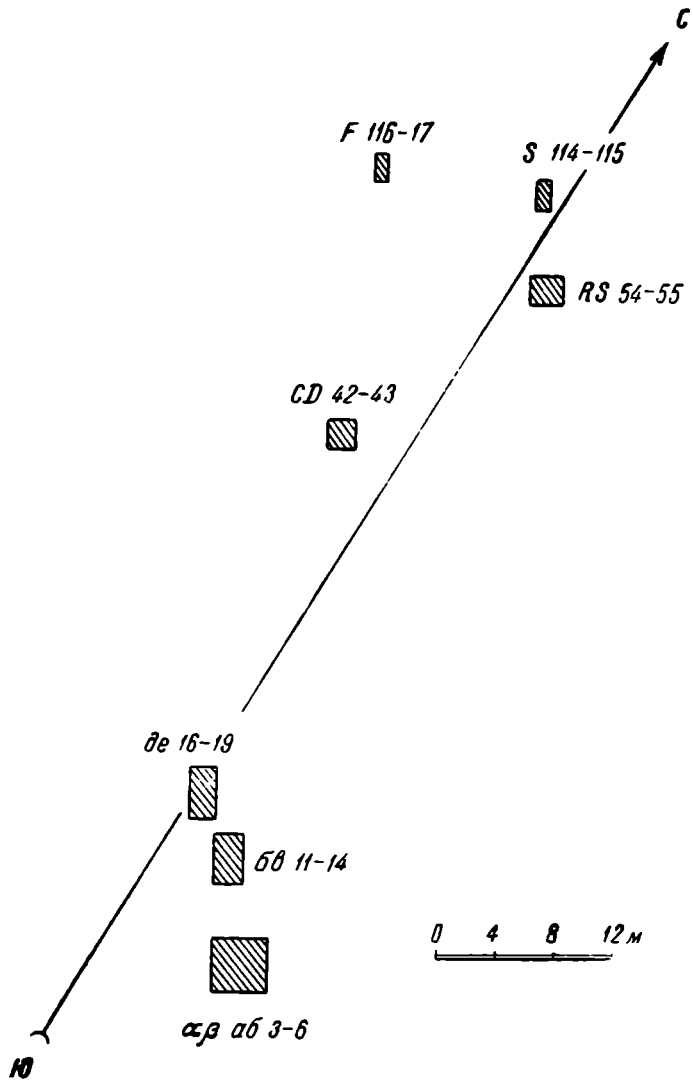


Рис. 28. Схема расположения шурфов 1948 г. на стоянке Костенки I

5. Мергель светлобурый, белесый, в сухом состоянии почти белый, с меловой крошкой и галькой, плотными стяжениями углекислого кальция, линзами мелового дилювия и оолитами железисто-марганцовистых соединений. Слой мергеля длинными языками или «гребнями волн» расчленяет вышележащую гумусированную прослойку и вклинивается в бурые суглинки слоя № 3. В юго-западной стенке шурфа «гребни волн» поднимаются до 30—35 см по вертикали и до 50—55 м по высоте; следуя друг за другом, они наклонены к юго-востоку, в сторону падения современного и, повидимому, древнего склона. Мощность основного слоя мергеля 0.50
Нижняя поверхность также неровная, отдельными языками мергель внедрен в подстилающие породы на 10—15 см. В юго-восточной стенке «волны» занимают более неопределенное положение. Лишь одна, наиболее высокая «волна» поднимается до 20 см и распадается на три языка, направленных в разные стороны. На северо-восточной стенке «волны» неясные, а на северо-западе прикрыты ступенями шурфа. В слое мергеля

намечается слабо выраженная слоистость, явно нарушенная, волнистая, мятая, прерывистая.

6. Вторая прослойка гумусированного суглинка также прерывистая, тонкая. Положение ее соответствует направлению древнего склона к юго-востоку. Мощность прослойки . . . . . 0.03—0.05
7. Суглинок светлобурый, переполненный хорошо окатанной меловой галькой. В юго-западной стенке мощность этого суглинка 0.25 м. К юго-востоку и северо-востоку прослойка выклинивается до 2—3 см.
8. Третья прослойка гумусированного суглинка, общей мощностью до 10 см, но наиболее окрашенная гумусом часть ее всего 2—3 см и не всюду выдерживается; в северо-восточной стенке прослойка выпадает вовсе.
9. Суглинок бурый, с выклинивающимися прослойками белого и зеленовато-серого мергеля, с отдельными гальками мергеля. Слоистость суглинка более правильная, но также измятая 0.50
10. Мергель светлобуровато-серый, неявно слоистый, с мелкой галькой мела и прослоями желто-бурого песчаного суглинка. При разборе слоя в мергеле встречались мелкие раковинки моллюсков 0.10

Приведенное описание разреза дает основание всю толщу пород, вскрытых шурфом, разбить на три различных по генезису горизонта (рис. 29).

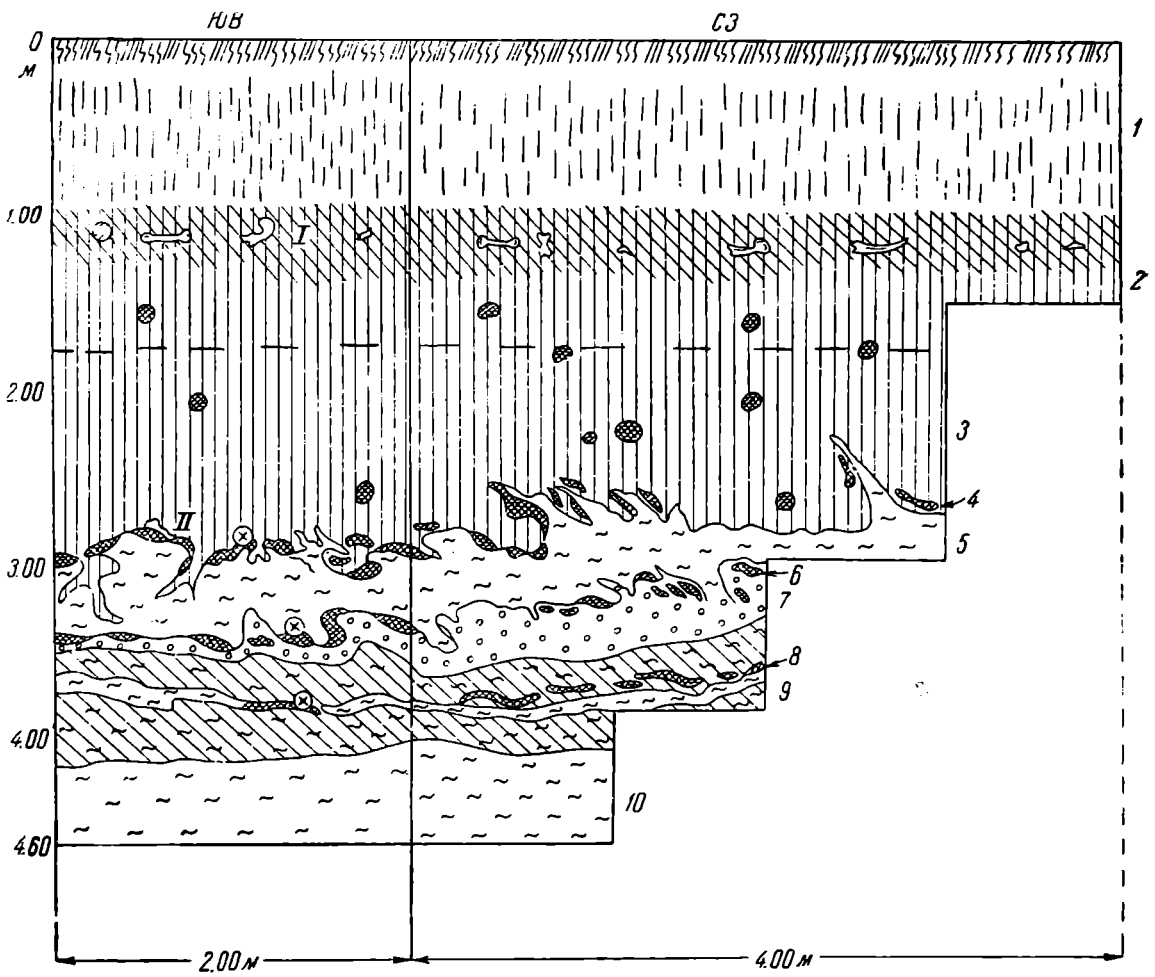


Рис. 29. Развертка шурфа *бв* 11—14 по ЮВ и СЗ стенкам. Костенки I

I—II — горизонты культурных остатков; ⊗ — место отбора проб на спорово-пыльцевые анализы. Описание пород дано в тексте

1. Внизу (слой 9—10) — древние аллювиально-дилювиальные породы Покровского лога, отложенные в пределах широкого и плоского ложа его. Эти породы представляют собой выносы из впадающих в лог притоков и материал смыва с обнаженных склонов во время паводков сезонного или ливневого характера. На такое происхождение этих пород указывает как

слоистость их и наличие гальки, так и остатки раковин наземных моллюсков.

Послойное и линзовидное залегание меловой гальки свидетельствует о периодических массовых выносах меловых пород из оврагов в моменты наибольшего сброса воды со склонов в бассейн лога. Меловой мергель представляет, повидимому, осадок меловой мути в водоеме озерно-болотного типа после прекращения паводка.

2. Средняя часть разреза характеризуется наличием трех прослоек гумусированных пород среди аллювиальных осадков, напоминающих почвы, сформированные, повидимому, в очень короткий срок после высыхания

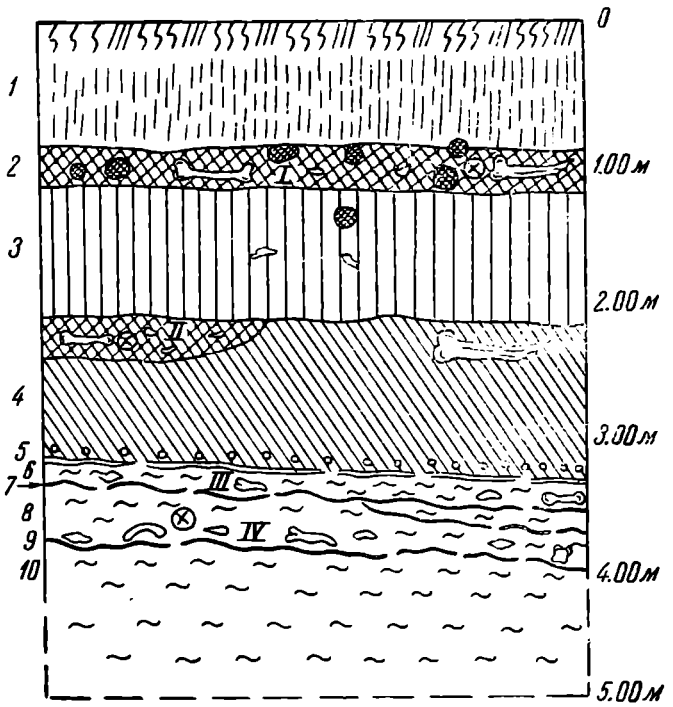


Рис. 30. Схематический разрез шурфа-раскопа αβаб 3—6 стоянки Костенки I (по ЮВ стенке раскопа)
I—IV — горизонты культурных остатков; ⊕ — место отбора проб на спорово-пыльцевые анализы. Описание пород дано в тексте

водоема до повторного заноса его паводком. В накоплении гумусированного материала, возможно, принимала участие и болотно-озерная растительность часто пересыхающего водоема.

3. Наконец, верхняя часть разреза представлена бурыми суглинками; пористыми, известковистыми, неслоистыми, с мелкой меловой галькой. Наличие в породе меловой гальки и дресвы — валунного материала, указывает на тесную связь этих суглинков с коренными отложениями и мореной. Но природа или генезис этих суглинков остаются неясными. Вероятнее всего допустить, что материал суглинков стекал со склонов при сильном промачивании пород склона. Это могло происходить в периоды неглубокого оттаивания верхней части пород приводораздельного склона (солифлюкционное течение пород).

Культурные остатки палеолита лежат на поверхности верхней гумусированной прослойки средней части разреза (нижний горизонт этого шурфа) и в пределах верхней части суглинков, почти непосредственно под современной почвой (верхний горизонт).

Такая картина геологического строения повторяется в самом большом раскопе — αβаб 3—6, имеющем сечение 4 × 4 м, углубленном до 5,0 м

и расположенном на месте шурфа 1938 г. (рис. 30). В отношении археологических остатков этот раскоп гораздо сложнее. В юго-восточной стенке этого раскопа вскрыты:

	Мощность (м)
1. Почвенный покров	0.90
2. Бурый суглинок, перерытый кротовинами. В нижней части его лежит верхний горизонт культурных остатков палеолита	0.30
3. Суглинок светлобурый, сильно известковистый, с порошковатым углекислым кальцием по трещинам, порам, а также в виде значительных скоплений. Во всей толще суглинка наблюдается равномерно рассеянная галька мела. Здесь же встречаются редкие полуокатанные кремни, не связанные с определенным горизонтом. Есть кротовины, особенно много их в нижней части слоя. По всей толще суглинка распространены оолиты железисто-марганцовистых соединений.	1.00
4. Суглинок красновато-бурый, плотный, с мелкой меловой галькой, редкими дутиками и кротовинами. Порошковатого углекислого кальция мало, редко встречаются известковые трубочки по порам. На северо-восточной и юго-западной стенке наблюдаются обильные выделения порошковатого углекислого кальция по трещинам, круто наклоненным и изогнутым вдоль склона. В верхней части склона, с правой стороны стенки, почти в горизонтальном положении лежит крупная трубчатая кость мамонта, а с левой стороны выделяется выклинивающаяся к западу линза нарушенного, перерытого темноокрашенного суглинка, содержащего куски древесного и костного угля, обожженные и целые кости млекопитающих, комочки охры и кремни (второй горизонт культурных остатков). У основания суглинков четко выделяется прослойка мелкой меловой гальки, а во всей толще — железисто-марганцовистые оолиты	1.00
5. Белесая прослойка известковистого, мергелистого суглинка, горизонтальная, слегка измятая и в нескольких местах разорванная	0.05—0.10
6. Суглинок серовато-бурый, неслоистый, мергелистый, оглеенный, с железисто-марганцовистыми оолитами и обломками обожженных костей	0.15
7. Гумусированная прослойка суглинка измятая, разорванная, местами расчлененная на два горизонта. На поверхности ее встречаются кости, комочки охры и редкие кремни (третий горизонт культурных остатков)	До 0.10
8. Суглинок серовато-бурый, мергелистый; в суглинке встречается мелкая меловая галька, оолиты марганцовисто-железистых соединений и охристо-желтые разводы	0.20
9. Гумусированная прослойка суглинка менее четко выраженная, чем верхняя (слой № 7), но тоже измятая и прерывистая. На поверхности ее и в вышележащем суглинке наблюдается скопление кремня, костей, примазок охры, костного и растительного угля (четвертый горизонт культурных остатков). Вся эта масса культурных остатков распределяется в толще суглинка мощностью	0.20—0.25
10. Ниже раскоп продолжен шурфом у юго-западной стенки. Этим шурфом вскрыт бурый суглинок, слоистый с белыми прослойками мергеля и темносерого суглинка, переполненный меловой галькой. Во всей толще его встречаются оолиты железисто-марганцовистых соединений	1.20

Таким образом, и в этом шурфе четко выделяются три горизонта пород, генетически отличающихся друг от друга. Внизу лежат мергелистые суглинки, слоистые, с меловой галькой и мелкой наземной фауной моллюсков,— овражный аллювий. В средней части — три гумусированные прослойки суглинка, разделенные типичным овражным аллювием. Верхние две гумусированные прослойки местами сливаются в одну. Наконец, верхнюю часть разреза слагают бурые суглинки неслоистые, известковистые, с галькой и дресвой мела.

При обработке этого раскопа установлена большая насыщенность пород обработанным кремнем и сопровождающим его материалом древних стоянок человека, по которым устанавливается до четырех горизонтов культурных стоянок: 1) в верхней части суглинков, 2) в средней части их, 3) над

верхней прослойкой гумусированного суглинка и 4) над нижней прослойкой гумусированного суглинка.

Картина геологического строения и распределения культурных остатков существенно меняется вверх по склону. В шурфе *де* 16—19, расположенном в непосредственной близости к шурфу *бв* 11—14, встречены следующие породы по описанию юго-западной стенки:

	Мощность (м)
1. Почвенный покров	0.80
2. Суглинок бурый, сильно перерытый кротовинами	0.50
3. Суглинок бурый, пористый, с лжемицелиями и мелкими комочками мела, редко с меловой галькой, преимущественно в нижней части. В верхней части суглинка встречаются кремни и кости (верхний культурный горизонт)	1.00
4. Такой же суглинок, сильно обогащенный порошковатым углекислым кальцием, равномерно распределенным в породе, с кротовинами	0.30
5. Суглинок светлобурый, лёссовидный, сильно известковистый, с мелкой крошкой и галькой мела, с гнездами и полосами порошка углекислого кальция, по трещинам, сильно наклоненным по направлению склона; редко встречаются кротовины. В верхней части суглинка встречаются кости и кремни (второй горизонт культурных остатков)	0.50
6. Суглинок светлобурый, белесый, мергелистый, с мелкой галькой мела, слоистый, с прослоями и линзами темнобурого суглинка; граница слоя № 5 и 6, неровная, четкая	0.30
7. Суглинок темнобурый, слабо гумусированный, повидимому соответствует гумусированным прослойкам средней части разреза первых двух шурфов	0.20
8. Суглинок светлобурый, мергелистый, слоистый, с меловой галькой и комочками темнобурого суглинка, возможно, смытого почвенного горизонта	0.30

В этом шурфе очень слабо выражена гумусированная прослойка, несмотря на то, что шурф расположен не далее 1—2 м к северу от шурфа *бв* 11—14. Очевидно, условия формирования или сохранения этого горизонта резко менялись на коротких расстояниях.

Культурные остатки в разрезе шурфа встречаются только в двух горизонтах. Первый, общий для всей площади разведок, лежит на глубине около 1.50—1.80 м, второй залегает на глубине 3.00—3.10 м у основания лёссовидного суглинка над слабо гумусированными породами.

Еще бо́льшая разница в строении пород наблюдается в более удаленном вверх по склону шурфе *сд* 42—43, расположенном в 30 м к северо-востоку от шурфа *де* 16—19, описание которого здесь приводится.

	Мощность (м)
1. Почвенный покров	0.80
2. Суглинок бурый, перерытый кротовинами и смешанный с почвой	0.70
3. Суглинок бурый и темнобурый, лёссовидный, с лжемицелиями, меловой крошкой и галькой; редко в суглинке встречаются конкреции рыхлого углекислого кальция, преимущественно в нижней части. Здесь же встречаются оолиты железисто-марганцовистых соединений. Во всей толще суглинков кротовины. Нижняя граница слоя суглинка неровная; длинными языками неясного очертания суглинок погружается в нижележащую породу. В юго-западной и северо-восточной стенке шурфа заметен четкий наклон этих языков в сторону склона	1.10
4. Суглинок светлобурый, участками белесый от примеси порошковатого углекислого кальция с многочисленной крошкой и мелкой галькой мела, оолитами железисто-марганцовистых соединений. Суглинок неслоистый, редко в нем встречаются прерывистые неровные прослойки мергеля или оглеенной глины. В северо-восточной и юго-западной стенке шурфа порошковатый углекислый кальций трещин, как и в других шурфах, дает наклон до 60° по отношению к горизонту. Во всей толще суглинка	

встречаются редкие кротовины. Верхняя поверхность белесого суглинка неровная, с языками суглинка слоя № 3, напоминающими мерзлотные явления, но не характерные.

5. Отдельные комочки и линзы темнобурого и буро-черного гумусированного суглинка, аналогичного верхнему слою гумусированного суглинка шурфа *бв* 11—14. На уровне этого суглинка встречена крупная кость	0.10
6. Суглинок белесый и мергелистый, с прослойками, линзами и карманами бурого суглинка в смеси с меловой галькой	0.60
7. Суглинок бурый и темнобурый, местами гумусированный, с меловой галькой. Гумусированная прослойка 0.05 м наблюдается во всем разрезе, нечеткая, местами напоминает кротовину	0.20
8. Суглинок бурый, с меловой галькой	0.30
9. Суглинок бурый и серовато-бурый, песчаный, с дресвой мела	0.30
Общая глубина .	4.85 м

В этом шурфе прослойки гумусированного суглинка еще менее ясны, и вовсе выпадают горизонты культурных остатков.

Очень мало дали для выяснения геологического строения неглубокие разведочные шурфы, заложенные почти у тылового шва второй надпойменной террасы.

Шурф *R* 54—55 в 40 м севернее шурфа *бв* 11—14, за дорогой, у изгороди:

	Мощность (м)
1. Почвенный покров	1.00
2. Суглинок бурый, известковистый, с кротовинами	1.00
3. Суглинок светлобурый, с мелкими раковинками наземных моллюсков, конкрециями углекислого кальция и галькой мела	0.20
Общая глубина . .	2.20 м

Шурфы *F* 116—117 и *C* 114—115 были углублены только в почвенный покров до 0.70 м.

Для геологической датировки археологических памятников Костенковско-Боршевского района большое значение имеют геоморфологические и геологические особенности его. Все культурные остатки стоянки Костенки I связаны с породами второй надпойменной 20—25-метровой террасы. Более высокая, третья 55—65-метровая аккумулятивная терраса Дона сложена флювиогляциальными отложениями первой (донской) стадии рисского оледенения и перекрывающими их флювиогляциальными и древнеаллювиальными отложениями второй (московской) стадии того же рисского оледенения.

Очевидно, аккумуляция осадков этой высокой террасы продолжалась в течение всей рисской ледниковой эпохи. Образование уступа ко второй террасе началось, повидимому, в конце рисской ледниковой эпохи и в начале риcс-вюрмского межледниковья. На высоте 35—40 м в склоне долины Дона выделяется уступ, представляющий собой скульптурную террасу, на которую опиралась целая сеть древних балок. Этой террасой отмечена длительная задержка в глубинной эрозии, геологическая дата которой еще не определена. Лишь после оформления этой террасы углубление долины возобновилось и продолжалось до отметок значительно ниже современного уровня реки.

Врезание долин сменилось аккумуляцией в них осадков, которые и слагают II надпойменную террасу. В разрезе этой II надпойменной террасы, в с. Девице на Дону, в 40 км южнее Костенок, видна погребенная почва дерноволугового типа, сформированная на древнеаллювиальных глинах с фауной моллюсков и прослоями вулканического пепла. Гумусированные прослойки на границе между древним аллювием с фауной моллюсков и лёссовидными суглинками стоянки Костенки I могут соответствовать только этой погребенной почве II террасы. Условия образования этих

прослоек были иные. Каждая гумусированная прослойка на площадке стоянки лежит на овражно-балочном аллювии и перекрывается им. Такое чередование этих пород характеризует неустойчивый гидрологический режим Покровского лога в период формирования погребенной почвы, что вполне естественно в условиях глубокой балки с крутыми склонами и большим водосбросом. Гумусированные прослойки представляют собой частью накопление органической массы в пределах заболоченного водоема, частью результат почвообразования на поверхности временно пересыхавшего водоема. Периодическое усиление влажности (ливневые осадки) вызывало усиленный смыв, вынос делювия и заиление водоема, временное прекращение аккумуляции растительных остатков или почвообразовательных процессов. Неповсеместное развитие трех гумусированных прослоек указывает на чисто локальный характер этих процессов.

Существенное изменение физико-географической обстановки в районе обусловило накопление нового типа осадков — бурых лёссовидных суглинков, слагающих верхнюю часть II надпойменной террасы.

Формирование описанной погребенной почвы по общепринятой схеме относится к рисс-вюрмскому межледниковью. Если не учитывать 30—40-метровой скульптурной террасы, такая датировка вполне согласуется с геоморфологическими особенностями района. При этой датировке погребенной почвы лежащие над ней бурые лёссовидные суглинки должны быть отнесены к эпохе вюрмского оледенения, его первой стадии.

Первое появление остатков культуры древнего человека на стоянке Костенки I отмечается над самой нижней прослойкой гумусированного суглинка (шурф — яма *аβав* 3—6); такие же остатки встречаются в породах между гумусированными прослойками и на поверхности самой верхней из них.

Таким образом, площадка в районе раскопок служила местом поселения древнего человека на протяжении почти всего периода формирования горизонта погребенной почвы с перерывами на то время, когда эта площадка временно заливалась водой или заносилась илом. Собранный на площадке инвентарь, возможно, и установит длительность таких перерывов в историческом отношении, геологически же это одна и та же эпоха формирования погребенной почвы, датируемая рисс-вюрмом.

Второй горизонт культурных остатков лежит в средней части бурых суглинков. По времени накопления эти суглинки отвечают формированию II надпойменной песчаной террасы левого берега Дона, высотой 20—25 м и датируемой первой стадией вюрмского оледенения (W_1).

Третий, основной горизонт культурных остатков залегает в самой верхней части тех же лёссовидных суглинков II надпойменной террасы.

Исходя из условий залегания этих остатков, второй горизонт будет соответствовать средине первой стадии вюрмского оледенения, а верхний — концу ее.

Собранный при геологическом обследовании палеонтологический материал позволяет хотя бы в общих чертах восстановить физико-географическую обстановку района в период обитания здесь человека верхнего палеолита.

Из аллювиальных глин основания II надпойменной террасы у с. Девица, на которой сформировалась погребенная почва, была собрана фауна моллюсков. По определению И. В. Даниловского, здесь найдены: *Radix auricularia tumida* Held., *Stagnicola palustris* Müll., *Paraspira leucostoma* Millet., *Planorbis planorbis* L., *Bathyomphalus contortus* L., *Aplexa hypnorum* L., *Valvata pulchella* Stud., *Bithynia leachi* Shepp., *Bithynia tentaculata* L.

Приведенная фауна — холодолюбивая; возможно, это первый комплекс моллюсков, заселивших водоемы этого района после рисского оледенения.

Он характеризует пребореальную климатическую обстановку, сложившуюся в период максимального углубления долины до начала почвообразовательных процессов. К этому времени относится момент мощного вулканического извержения на Кавказе, давшего массу вулканического пепла, остатки которого сохранились во многих местах в бассейне Дона, в том числе и в с. Девица в аллювиальных глинах, содержащих приведенную в списке фауну.

В пониженных местах рельефа, в том числе и в Покровском логу, откладывался овражный аллювий, выстилающий днище древних балок, слагающих основание пород II террасы. На крутых склонах балок обитала наземная фауна, представленная следующими формами, смытыми со склонов и отложенными вместе с аллювием (по определению И. В. Даниловского): *Zonitoides nitidus* Müll., *Euomphalia strigella* Drap., *Succinea oblonga* Drap., *Succinea oblonga arenaria* Boud.-Chaut., *Vallonia tenuilabris* A. Br., *Pupilla muscorum* Müll.

Дополнительные материалы для характеристики физико-географических условий района в более позднее время дают спорово-пыльцевые анализы образцов, взятых из всех трех гумусированных прослоек и суглинков на уровне культурных остатков более высоких горизонтов. Флора этого

Таблица 1

Спорово-пыльцевые анализы образцов пород из палеолитических стоянок Костенки I
(цифры обозначают число подсчитанных зерн)

Состав растительности	Место взятия образца					
	Шурф *аб* 3—6			Шурф *бв* 11—14		
	Суглинок верхнего культурного горизонта (глубина 1.10 м)	Суглинок второго культ. горизонта (глубина 2,70 м)	Суглинок нижнего культ. горизонта (глубина 3.70 м)	Верхн. гумусир. просл. (глубина 2.75 м)	Средняя гумусир. просл. (глубина 3.25 м)	Нижняя гумусир. просл. (глубина 3.55м)
Древесная	—	—	1	—	1	2
Недревесная	81	11	14	55	61	54
Споры	1	—	—	—	—	—
Водоросли	—	—	3	9	12	11
Общее число подсчитанных зерен	82	11	18	64	74	67
Pinus	—	—	1	—	1	2
Corylus	—	1	1	—	2	—
Compositeae	71	2	2	—	—	—
Artemisia	2	1	—	2	3	2
Chenopodiaceae	6	4	5	50	50	50
Gramineae	2	1	1	—	—	—
Zaliateae	—	—	1	—	—	—
Poligonaceae	—	1	—	—	—	—
Amarantaceae	—	—	—	1	—	—
Неопределенные	—	1	4	2	8	2

района в период первого появления здесь человека (третий и четвертый горизонты культурных остатков) была чрезвычайно бедная.

Древесная растительность здесь, повидимому, совершенно отсутствовала, так как пыльца ее представлена только отдельными зернами наиболее летучей пыльцы сосны и пыльцы орешника.

Более определенное положение в спектре занимает пыльца травянистой растительности. Среди нее господствуют представители маревых (*Cheno-*

podiaceae), дающих 27—78% всего состава пыльцы; значительно меньшее количество пыльцы принадлежит сложноцветным, в том числе и полыни (*Artemisia*), при единичных зернах представителей других семейств. Очевидно, окрестности наиболее древних палеолитических стоянок представляли безлесную, прохладную и влажную луговую степь с весьма однообразной растительностью.

При датировке пород основания II террасы рисс-вюрмом остается непонятной исключительная бедность ископаемой пыльцевой флоры этого района в сравнении с богатыми и теплолюбивыми флорами рисс-вюрмских торфяников северных районов (Потылиха, Троицкое, Микулино и др.). Ее можно объяснить лишь неполной синхронностью осадков, содержащих остатки флоры. Формирование гумусированных прослоек стоянки Костенки I и более выдержанного горизонта погребенной почвы основания второй надпойменной террасы с. Девицы, возможно, относится к самому концу рисс-вюрмского межледниковья и началу вюрмской ледниковой эпохи, когда ухудшение климатической обстановки вызвало коренное изменение растительного покрова.

К сожалению, фауна млекопитающих из нижних горизонтов культурных остатков пока еще не изучена, поэтому не может быть использована в оценке физико-географической обстановки этого района для времени пребывания здесь человека наиболее древней культуры.

Резкое изменение климатической обстановки в этом районе после формирования гумусированных прослоек и погребенных почв отмечено явными следами мерзлотных процессов, которыми охвачены все три гумусированные прослойки вместе с вышележащими и подстилающими их породами почти на всю глубину шурфов. Наибольшей деформации подверглись верхние горизонты этих осадков, включая и самый верхний слой гумусированных прослоек. Характер этих нарушений схематически изображен на чертеже развертки двух стенок шурфа *бв* 11—14, где эти явления наиболее четко представлены. Здесь видны явные разрывы гумусированных прослоек со значительным смещением их, вплоть до опрокидывания. В разрывах между обрывками гумусированных прослоек вклинились подстилающие породы в виде языков, клиньев, котлов и кипунов, подробно описанных А. И. Москвитиным для областей вечной мерзлоты и древних осадков ледниковой эпохи.[3] В меньшей степени языки и клинья заметны в нижних прослойках.

В юго-восточной стенке шурфа, идущей поперек склона, явления деформации грунта под влиянием мерзлотных процессов не очень четкие и менее определенных очертаний. Наоборот, в северо-западной стенке, где четко очерчивается древний склон, совершенно ясно наблюдается волнообразное смятие слоев с опрокидыванием гребней волн вдоль склона в сторону понижения. Та же самая картина наблюдается в шурфе *де* 16—19 и раскопе *абвгаб* 3—6, доведенных до погребенной почвы и подстилающих пород. Ненормальное положение отдельных кремней на ребре или под большим углом наклона к поверхности, а также размещение в большой толще суглинка, возможно, также обязано этим процессам деформации пород.

Эти материалы дают основание допускать коренное изменение климатической обстановки после образования почвы, наступление сильного похолодания, вызвавшего глубокое промерзание грунтов, быть может, с образованием зоны вечной мерзлоты и деформацией их при периодическом или общем оттаивании. Такое похолодание естественно сопоставить с одной из стадий вюрмского оледенения.

---

[3] А. И. Москвитин. О следах мерзлоты и необходимости их распознавания. Мерзлотоведение, т. II, вып. 1. 1947.

Перерыв между нижними и следующим, средним (вторым), горизонтом культурных остатков на стоянке Костенки I заполнен бурыми суглинками. Эти суглинки известковистые, с лжемицелиями, белоглазкой, мелкими конкрециями углекислого кальция, хорошо развитой пористостью, вследствие чего носят признаки лёссовидных пород. Во всей толще суглинка встречаются крошка и мелкая галька мела, крупные зерна кварца, зерна полевого шпата; а в нижней части — многочисленные рыхлые оолиты железисто-марганцовистых соединений.

Время накопления этих суглинков можно сопоставить с накоплением второй песчаной террасы левого берега Дона, датируемой вюрмским оледенением.

Что касается генезиса этих суглинков, то состав и строение исключают эолово происхождение их. Нельзя связывать их с деятельностью более или менее значительных водных потоков, так как при наличии больших местных уклонов состав выносимого ими материала был бы гораздо грубее. Накопление этих суглинков связано, вероятно, с солифлюкционными процессами, с течением по склонам периодически оттаивающей массы пород на поверхности еще мерзлого грунта.

В средней части этих суглинков, в раскопе *аβаб* 3—6, на глубине 2.10 м лежит линза переработанного суглинка с культурными остатками (второй горизонт). Спорово-пыльцевые анализы суглинка из этого горизонта дали почти такой же состав пыльцы, как и в нижних горизонтах. При очень малой общей концентрации пыльцы в породе здесь вовсе выпадает пыльца древесных форм растений, а также остатки диатомовых водорослей.

В дополнение к списку флоры из нижних горизонтов, в среднем горизонте появляется только одно зерно гречишных (*Poligonaceae*), что не вносит никакого изменения в представление о растительности окрестностей палеолитических стоянок второго горизонта, по сравнению с нижними.

Только на уровне верхнего горизонта культурных остатков состав травянистой пыльцы несколько меняется; здесь резко увеличивается количество пыльцы сложноцветных (*Compositeae*) за счет маревых; пыльца же древесной растительности, а также остатки диатомовых отсутствуют и в этом слое. Такое незначительное изменение в составе растительности не может указывать на существенные изменения в ландшафте этого района и климатической обстановке этого времени в сравнении с нижележащими горизонтами. Отмеченные выше климатические особенности подтверждают и остатки фауны млекопитающих. В. И. Громов, В. И. Громова и В. В. Карачаровский дают следующий список этой фауны, собранной на стоянке Костенки I (верхний горизонт): мамонт — *Elephas primigenius* Blum., лошадь — *Equus* (*Equus*), олень северный — *Rangifer tarandus* L., овцебык мускусный — *Ovibos moschatus* Zimm., волк — *Canis lupus* L., песец — *Vulpes lagopus* L., лисица — *Vulpes vulpes* L., лев пещерный — *Felis spelaea* Goldf., медведь бурый — *Ursus aff. arctos* L., сурок — *Marmota* sp., заяц — *Lepus* sp., слепушонка — *Spalax microphtalmus* Güld., хомяк — *Cricetus cricetus* L.

Наличие в составе этой фауны явно холодолюбивых животных, обитателей степей, находится в полном согласии с данными по флоре этого горизонта.

Таким образом, как геологические, так и палеонтологические данные указывают на то, что в период накопления пород II террасы, вмещающих не менее четырех горизонтов культурных остатков верхнего палеолита, климатическая обстановка в этом районе менялась от влажной, прохладной, до холодной, с глубоким промерзанием грунтов и, возможно, образованием зоны вечной мерзлоты. На всем протяжении времени пребывания здесь человека лесная растительность отсутствовала, травянистая же рас-

тительность была бедная и очень однообразного состава. Эта растительность составляла, повидимому, пищу многочисленных травоядных животных, одновременных человеку верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе.

Находясь в безлесной местности с неблагоприятной климатической обстановкой, человек искал убежища в складках рельефа, располагая свои стоянки в глубоких балках коренного берега Дона.

Вопрос о происхождении каменного материала, послужившего исходным сырьем для изготовления человеком орудий труда, до сих пор оставался открытым. Большинство исследователей полагало, что для производства орудий своего труда обитатель Костенковско-Боршевского района мог пользоваться только местным материалом, среди которого ведущее место занимал кремень из меловых отложений.

Геологические исследования, проведенные автором в 1938 г., показали, что в коренном положении в районе древних поселений распространены только палеогеновые песчаники на водоразделе балок между Костенками — Боршево и южнее. Мелового же кремня в коренном положении нигде на правобережном склоне долины Дона от Гремячьего до Урыва обнаружить не удалось. Встречающиеся здесь кремни различной окраски принадлежат к ледниковым отложениям. В связи с этим напрашивается вывод, что имеющийся на стоянках инвентарь из мелового кремня не местного происхождения, а принесен сюда откуда-то из других районов. Ближайшие месторождения кремня, связанные с сенонскими мергелями, известны в бассейне р. Оскола. Здесь он выходит во многих обнажениях балок левобережного склона долины реки на расстоянии 50—60 км к западу и юго-западу от Костенок. Такое расстояние, очевидно, уже тогда не могло служить

Таблица 2

Состав каменного материала палеолитических стоянок на площадке Костенки 1, в раскопе «Заб 3—б» (собрано с м²)

Название породы	Нижний (четвертый) горизонт (глубина 3.7[illegible] м)	Третий горизонт (со всей площадки раскопа; глубина 3.45 м)	Второй горизонт (глубина [illegible].20 м)	Первый (верхний) горизонт (глубина 1.10 м)
Кварцит зеленовато-серый, палеогеновый	21	1	—	1
Кварцит розовый и розовато-серый, валунный	6	2	—	—
Кремень розовато-серый и светлосерый, валунный	84	1	—	—
Кремень бурый, красный, валунный	65	2	—	—
Кремень черный, валунный	2	—	—	—
Кремень белый, валунный	4	—	—	—
Кремень светлокоричневый, прозрачный, валунный	2	—	—	—
Кремень коричневато-серый, валунный	4	—	—	—
Известняк окременелый с фауной, валунный	1	—	—	—
Кремень темносерый, просвечивающийся, верхнемеловой	—	—	90	123
Кремень такой же, с патиной и обожженный, верхнемеловой	—	—	16	—
Кремень серовато-коричневый, полупрозрачный, меловой	—	—	1	—
	189	6	107	124

человеку препятствием в использовании мелового кремня для производства каменных орудий. Однако этот кремень не всегда был доступен человеку, поселившемуся на Дону. Анализ каменного материала, собранного при раскопках из различных горизонтов культурных остатков, дал результаты, сведенные в таблицу 2.

Большое многообразие материала дает самый нижний горизонт культурных остатков. Наибольшее количество экземпляров в нем приходится на кремень розовый и светлосерый (44.4%), бурый и красный (34.4%) из морены и местный серый палеогеновый кварцит (11.1%). В значительно меньшем количестве использовались розовые кварциты и кремни другой окраски, также встречающиеся в морене. Что касается меловых кремней, то они в этой коллекции отсутствуют. Отсутствуют меловые кремни и в следующем выше горизонте. Но в верхних двух горизонтах, связанных с бурыми суглинками, картина резко меняется. Здесь валунный материал вовсе выпадает. Весь каменный материал представлен только меловым кремнем, если не считать одной находки палеогенового песчаника в верхнем горизонте.

Таким образом, меловой кремень в Костенках стал известен человеку со времени образования двух верхних горизонтов культурных остатков. До этого же времени для изготовления каменных орудий использовался только местный палеогеновый песчаник и кремни из местной морены.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

А. П. ЧЕРНЫШ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАДИМИРОВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

В 1947 г. возле с. Владимировка, Подвысоцкого района, Кировоградской обл., продолжала, под руководством Т. С. Пассек, свои работы Трипольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР. Кроме исследования Владимировского трипольского поселения, экспедицией были произведены дальнейшие исследования Владимировской палеолитической стоянки.[1] Задачей работ 1947 г. являлось выяснение геологических условий местонахождения стоянки и получение полных комплексов типичного инвентаря для каждого из слоев стоянки.

Так как река за время, прошедшее после раскопок 1946 г., размыла больше 100 м^2 площади стоянки, то раскоп был заложен выше, по склону берега. В 1947 г. была исследована площадь в 179 м^2. Раскоп был докопан до глубины 6 м, а контрольные полосы квадратов — до глубины 7 м.

В результате работ 1947 г. было определено, что стоянка находится в толще отложений II надпойменной (I лёссовой) террасы, прислоненной к коренному берегу р. Синюхи, имеющей высоту 10.5 м.

Раскоп дал возможность уточнить наблюдения 1946 г. о геологических слоях, в которых были обнаружены остатки стоянки. До глубины 2 м находился гумусированный слой; от 2 до 4.40 м залегал светложелтый лёсс; ниже находились лёссовидные суглинки с незначительной слоистостью, а от 5.5 м и ниже были прослежены слои глин аллювиального происхождения. Исследования 1947 г. подтвердили наличие восьми культурных слоев на стоянке.

Первый культурный слой (рис. 31—*1—9*) находился в лёссе на глубине 2 м 55 см — 2 м 65 см.[2] В этом слое было встречено небольшое количество находок: 262 экз. кремневых находок, 75 фрагментов костей, 5 камней и кусочки краски. Остатков кострищ не было обнаружено. Орудия труда представлены скребками, резцами, пластинками с притупленной спинкой, пластинкой со скошенным краем и сегментообразным орудием. Небольшие нуклеусы представлены примитивно конической, неправильно призматической и дискообразной формами. На дискообразных экземплярах заметны следы сработанности, возможно их употребляли для рубки костей. Короткие скребки изготовлены на маленьких пластинках

[1] А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка у села Владимировка. КСИИМК, вып. XXI, М., 1947.

[2] Глубинные отметки 1947 г. превышают цифры 1946 г., так как раскоп был расположен примерно на 40—50 см выше по склону берега, против раскопа 1946 г.

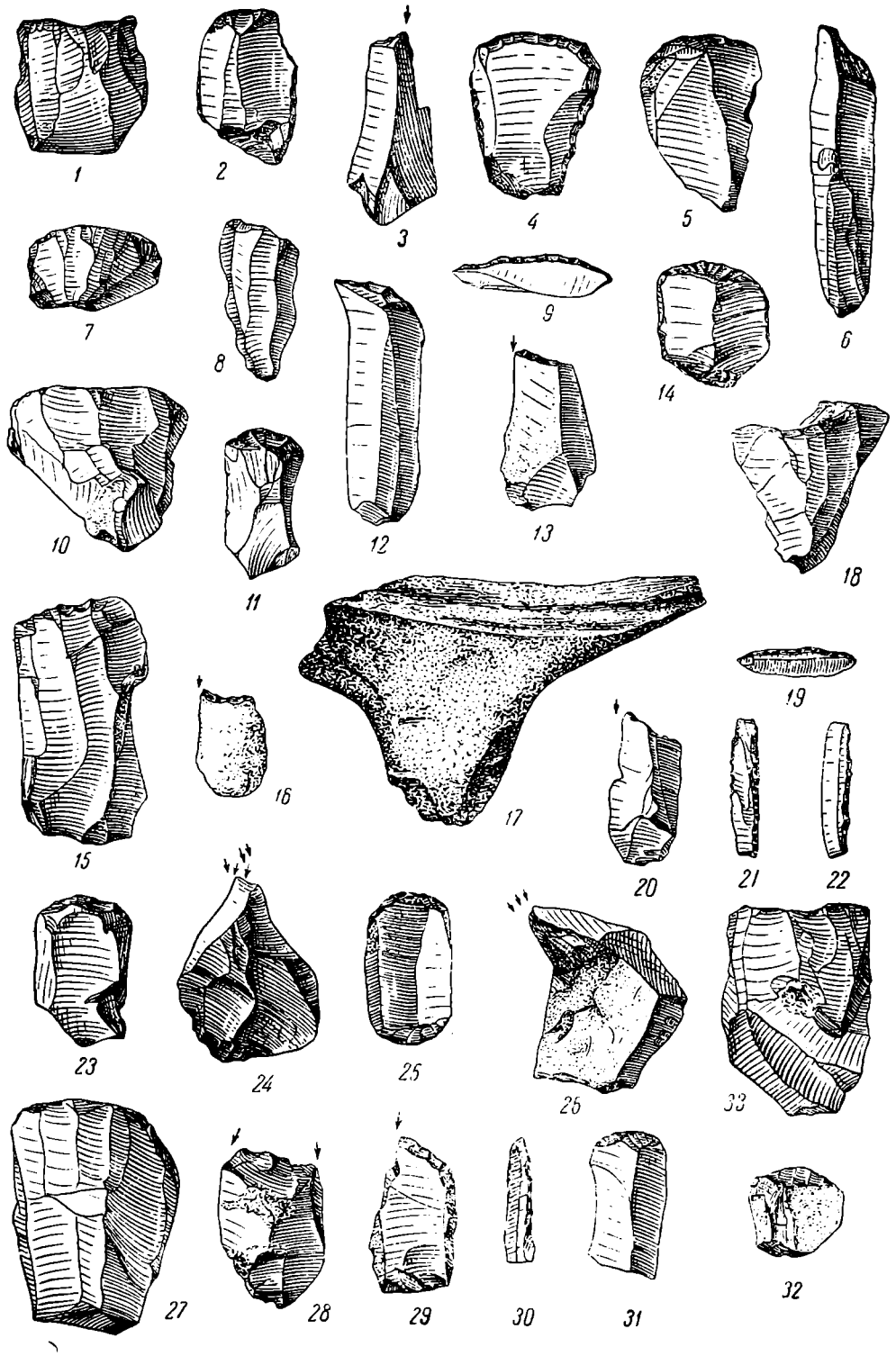


Рис. 31. Кремневый инвентарь Владимировской стоянки

1—9 — из первого культурного слоя; *10—14* — из второго слоя; *15—26* — из третьего слоя; *27—33* — из четвертого слоя ($^2/_3$ нат. вел.)

и отщепах (5 экз.). Обнаруженный в этом слое низкий продолговатый сегмент аналогичен экземпляру, встреченному в 1946 г. в третьем слое (рис. 31—*9*).

Подобные орудия были встречены в азильском слое пещеры Шан-Коба (Крым), в азильской стоянке Канцерка (Запорожская обл.) и на других стоянках азильского времени. Обнаруженный в первом слое кремень яв-

ляется местным галечным речным кремнем. По определению В. И. Зубаревой, в первом слое были встречены 11 костей северного оленя, 10 обломков кости лошади, 3 фрагмента костей бизона. Все кости были раздробленные.

Небольшой по мощности, первый культурный слой является окраиной сезонного стойбища охотников на северного оленя, лошадь и бизона, которое было расположено восточнее исследованной в 1947 г. площади.

Ниже этого слоя, на глубине 2 м 85 см — 2 м 90 см были обнаружены остатки второго культурного слоя (рис. 31—*10—14*). Небольшое количество находок (325 экз. кремневых поделок и обломков, 109 фрагментов костей, кусочки охры и ракушки *Unio*) располагалось преимущественно в западных квадратах раскопа. В этом слое были встречены нуклеусы (11 экз.), скребки (5 экз.), резцы (7 экз.), нуклеобразные обломки и пластина со скошенным ретушью краем.

Для изготовления орудий употреблялся местный галечный кремень. Формы нуклеусов те же, что и в первом слое. Часть нуклеусов дискообразной формы употреблялась как рубящие орудия. Скребки второго слоя изготовлены на отщепах и на коротких массивных пластинах. Резцы — двойные и боковые. Пластинка со скошенным краем аналогична экземпляру первого слоя. Средние размеры пластин второго слоя — 5 см. Пластины преимущественно слабо ограненные. Орудия изготовлялись на месте, о чем свидетельствует наличие большого количества отходов производства.

Фауна второго слоя представлена северным оленем (65 фрагментов костей) и лошадью. Содержимое раковин *Unio* употреблялось в пищу. Кусочки желтой и красной охры были прослежены почти по всей площади. Исследованная площадь является периферией сезонной стоянки охотников на северного оленя и лошадь, которая находилась где-то западнее.

Ниже указанного слоя, на глубине 3 м 15 см — 3 м 25 см был обнаружен третий культурный слой стоянки (рис. 31—*15—26*). Находки концентрировались преимущественно в северных и восточных квадратах. В этом слое было встречено 2350 экз. кремневых находок, 1015 фрагментов костей, 39 кусочков краски (в среднем 2—3 см в диаметре), 8 каменных плиток и камней. В этом слое были также встречены ракушки *Unio*. По цвету кремень третьего слоя светлокоричневый (85%) и темнокоричневый; кремневый инвентарь частично покрыт синей патиной (10%). Кремень местного происхождения, речной, галечный.

В северо-восточной части раскопа были обнаружены остатки кострища размером 50 × 60 см, с толщиной линзы 5 см. Черное пятно кострища резко выделялось на фоне светложелтого лёсса. В кострище были встречены остатки пережженных костей, пережженные ракушки и остатки угля. Большинство находок концентрировалось вокруг кострища.

Кремневый инвентарь третьего слоя состоит из нуклеусов (37 экз.), нуклеобразных обломков (27 экз.), резцов (42 экз.), скребков (17 экз.), пластинок с притупленной спинкой (7 экз.), пластин и отбросов производства. Нуклеусы встречены примитивно-конические, неправильно-призматические и уплощенно-дискообразные. Размер их не превышает 6 см. Таким небольшим нуклеусам соответствуют и встреченные пластины, среди которых правильно ограненных пластин почти нет. Резцы третьего слоя представлены одним тройным резцом, тремя двойными, шестью угловыми, двумя билатеральными и боковыми. Часть резцов — многофасеточные нуклеобразные, а часть составляет группу микрорезцов (их размеры не превышают 3 см). Скребки третьего слоя изготовлены преимущественно на концах коротких пластин и обломков пластин. Лишь в одном экземпляре встречен двойной скребок размерами 34 × 18 × 6 мм, который напоминает двойные скребки верхнего горизонта Боршево I и стоянки Гонцы. Пластинки с притупленной спинкой преимущественно тонкие, удлиненные. В этом слое

встречена пластинка с небольшими зубчиками по левому краю; правый край пластины обрублен ретушью. Эта пластинка является своеобразной кремневой микропилкой — вкладышем. Одна из пластинок с притупленной спинкой имеет слегка скошенные ретушью края и своей формой приближается к низким удлиненным сегментам.

В этом слое были встречены два фрагмента рогов северного оленя со следами продольного разрезывания кремневыми орудиями. Эти экземпляры могли быть разрезаны с помощью нуклевидных, многофасеточных резцов, приближающихся по форме к орудиям типа рабо.

Фауна этого слоя, по определению В. И. Зубаревой, состоит из северного оленя (626 фрагментов костей от 13 особей), байбака (59 фрагментов костей от 9 животных), песца (2 косточки от двух животных) и лошади (27 фрагментов костей от одного животного). Все кости были раздроблены, очевидно с помощью камней, обнаруженных в этом же слое. Некоторыми камнями могли растирать краску.

Материалы третьего слоя являются остатками сезонного стойбища, центр которого находился немного восточнее раскопа 1947 г.

Ниже этого слоя, на глубине 3 м 35 см — 3 м 45 см был прослежен четвертый культурный слой, в котором было обнаружено 569 экз. кремневых находок, 304 фрагмента костей, 15 кусков краски, 3 камня и ракушки *Unio* (рис. 31—*27—33*).

Находки располагались преимущественно в восточных квадратах раскопа и особенно в северо-восточной части, где были встречены остатки двух кострищ, размерами 30 × 30 см и 40 × 30 см, с толщиной линз 4 и 5 см. В кострищах находились пережженные кости, кремневые обломки, пережженные ракушки и вкрапления угля. На расстоянии 40 см от этих кострищ были обнаружены 6 скребков и 1 резец.

Кремень этого слоя аналогичен кремню предыдущего слоя, но было встречено больше экземпляров с синей патиной (20% от общего количества кремня).

В четвертом слое встречено 8 нуклеусов, 6 нуклеобразных обломков, 20 резцов, 12 скребков, пластинка с притупленной спинкой и пластина с частичной ретушью по краю. Большинство нуклеусов этого слоя имеет неправильно-призматическую форму и лишь один экземпляр приближается к примитивно-конической. Несколько нуклеусов имеют перпендикулярную к их оси подтеску, что прослежено было в этом слое и в 1946 г. Скребки преимущественно концевые, а некоторые из них представляют собой обломки сломанных при работе скребков на концах пластин. Резцы четвертого слоя преимущественно боковые. Двойных резцов найдено лишь 2 экз., а билатеральных лишь 1 экз. Пластинка с притупленной спинкой по своей форме аналогична экземплярам третьего слоя.

Обнаруженные в этом слое куски краски достигали 8—10 см в диаметре и концентрировались преимущественно в одном месте, которое, возможно, являлось участком, где сохранялись запасы охры.

Фауна этого слоя представлена костями северного оленя (от трех животных), лошади и песца. В этом слое обнаружены 9 фрагментов косточек от двух птиц (род птиц еще не определен). Кости птиц в палеолитических стоянках встречаются очень редко. До настоящего времени они встречены в Новгород-Северской стоянке, в Мезине, Гонцах, Дубовой балке и в Кайстровой балке 2. Как и в вышележащих слоях, все кости были обнаружены раздробленными.

Находка ракушек *Unio* в четырех верхних слоях стоянки свидетельствует о том, что эти слои были остатками летних охотничьих временных поселений. Поселение времени четвертого слоя было менее продолжительным, чем поселение третьего слоя. Раскопом 1947 г. была схвачена часть

стойбища охотников на северного оленя и лошадь времени четвертого слоя, центр которого находился восточнее.

Ниже этого слоя, на глубине 3 м 70 см — 3 м 75 см, были обнаружены остатки пятого культурного слоя стоянки, который был представлен лишь отдельными находками. Среди них фрагменты костей северного оленя и бизона.

Ниже пятого слоя, на глубине 4 м 5 см — 4 м 10 см был обнаружен шестой культурный слой стоянки, в котором было собрано 281 экз. кремневых находок, 248 экз. обломков костей, несколько кусочков краски и один камень. Все они концентрировались в крайних восточных квадратах раскопа. Кремень был использован такой же, как и в вышележащих слоях, но патинизированного кремня было до 30%.

В шестом слое были обнаружены 3 нуклеуса, концевой скребок, 2 резца, 1 сверлообразное орудие и 1 пластинка с притупленной спинкой (рис. 32—*1—5*). Здесь же были обнаружены дискообразные орудия. Своеобразные диски — рубящие орудия — были найдены в верхнепалеолитической стоянке Костенки I и на стоянке Мальта Афонтова Гора II. Резцы этого слоя представлены одним двойным и одним билатеральным. Сверлообразное орудие изготовлено на пластинке путем обработки скашивающей ретушью двух противолежащих краев верхнего конца пластины. По сравнению с пластинами вышележащих слоев, в этом слое пластины более крупные.

Фауна этого слоя состоит из фрагментов костей северного оленя (от двух животных), лошади (от двух животных), байбака (от двух животных), бизона и нескольких фрагментов костей мамонта.

Раскопом исследована периферия сезонного стойбища, основная часть которого находилась восточнее исследованной в 1947 г. площади. Шестой слой — последний из слоев стоянки, прослеженный в лёссе.

В слое лёссовидных суглинков с небольшой слоистостью, на глубине 4 м 55 см — 4 м 50 см были обнаружены остатки седьмого культурного слоя (рис. 32—*6—10*). Инвентарь этого слоя состоит из кремневых находок (124 экз.), фрагментов костей (33 экз.) и одного камня. В этом слое были прослежены остатки кострища 50 × 50 см, с толщиной линзы 2—3 см, вокруг которого концентрировались находки. В кострище находились пережженные кремневые обломки, пережженные косточки и остатки угля. Ниже кострища была полоска суглинка, обожженного до красно-желтого цвета, толщиной 5 мм.

Кремневый инвентарь этого слоя покрыт синей и темносиней патиной. Из орудий труда обнаружены лишь 4 концевых скребка. Наибольший из скребков изготовлен на массивной пластине 90 × 35 × 10 мм. Этот экземпляр был поднят в разных квадратах раскопа в двух обломках, которые отличаются цветом патины. Кремневый инвентарь седьмого слоя на 2—3 см превышает средние размеры кремневых находок вышележащих слоев и отличается от вышележащих более сильной степенью патинизации.

В этом слое был обнаружен квадратный в разрезе обломок костяного орудия, орнаментированный перпендикулярными нарезами. Размеры этой находки: 35 × 13 × 13 мм. Подобный экземпляр был обнаружен М. В. Воеводским в стоянке Чулатово I.[3] Фауна седьмого слоя представлена фрагментами костей лошади (от двух животных) и северного оленя.

Ниже этого слоя, на глубине 4 м 85 см — 4 м 95 см находились остатки восьмого культурного слоя. Среди небольшого количества находок (48 экз. кремневых находок, 15 обломков костей и 1 камень) были встре-

---

[3] М. В. Воеводський. Кремінні і кістяні вироби палеолітичної стоянки Чулатів I, «Палеоліт і неоліт України», т. I, Київ, 1947, стр. 119.

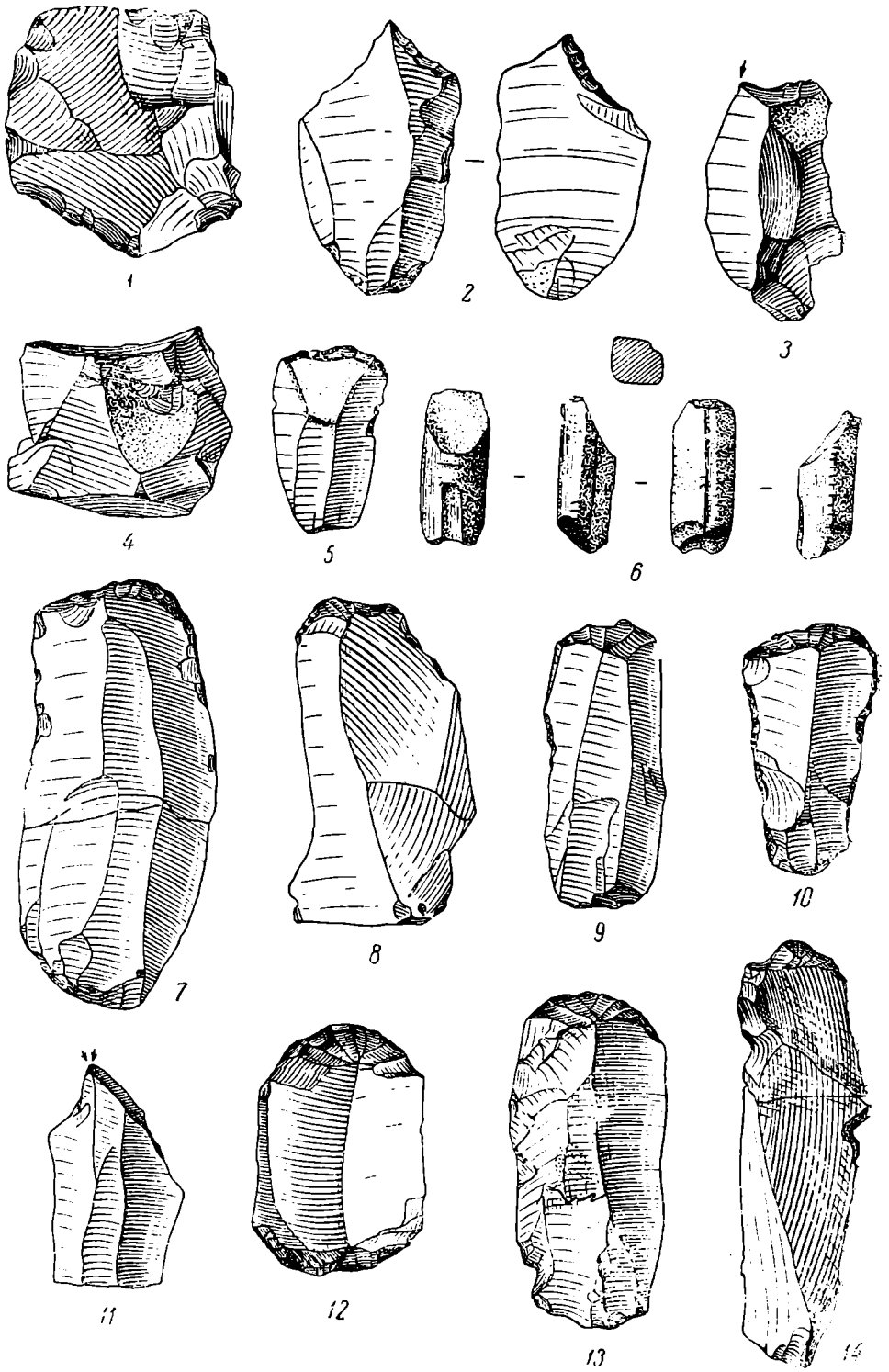


Рис. 32. Кремневый инвентарь Владимировской стоянки

1—5—из шестого культурного слоя; *6—10* — из седьмого слоя; *11—14*—из восьмого слоя (²/₃ нат. вел.)

чены 5 скребков и 1 срединный резец. Кремневый инвентарь этого слоя покрыт синей и темносиней патиной.

В этом слое прослежены остатки четырех кострищ размером: 140 × × 150 см, 20 × 20 см и 25 × 20 см; четвертое кострище большей частью осталось в нераскопанной в 1947 г. площади. Толщина линз этих кострищ не превышала 2 см. Кострища были заполнены пережженными костями и кремневыми обломками.

В восьмом слое был встречен двойной скребок, 56 × 35 × 10 мм. Остальные скребки являются скребками на концах пластин (рис. 32—*11—14*). Размер наибольшего из них: 97 × 23 мм. Следовательно, кремневый инвентарь восьмого слоя не только цветом патины, но и размерами аналогичен седьмому слою и резко превышает средние размеры кремневых орудий и пластин всех остальных вышележащих слоев. Фаунистические остатки восьмого слоя состоят из фрагментов костей северного оленя, лошади, бизона и мамонта. Сезонное летнее стойбище времени этого слоя было очень кратковременно, о чем свидетельствует не только небольшое количество находок, но и небольшая толщина остатков кострищ.

Ниже восьмого слоя в 1947 г. находки не были встречены.

Владимировская палеолитическая стоянка своими культурными слоями представляет временные летние стойбища охотников и собирателей, периодически селившихся на берегу реки. Этот тип поселений появляется в конце палеолита, именно в тот период, когда начали исчезать и исчезли носорог и мамонт и когда главным предметом охоты являлись северный олень, лошадь и бизон. За стадами этих кочевых животных вынуждены были кочевать группы охотников. Данный тип поселений встречен на таких стоянках, как Журавка, Ямбург, Осокоривка, Чулатово II, Дубовая балка, Кайстровая балка I—IV, верхний горизонт Боршево II и т. д., на которых, как и во Владимировке, обнаружены пятна, или скопления, культурных остатков небольшой мощности, располагавшихся преимущественно вокруг недолговечных кострищ.

Геологически (вторая надпойменная терраса), палеонтологически (мамонт в нижних горизонтах и его отсутствие в верхних горизонтах) и типологически (крупный кремневый инвентарь в нижних горизонтах и мелкий кремневый инвентарь в верхних горизонтах; появление примитивно-конических нуклеусов, микрорезцов и сегментов в верхних горизонтах) Владимировская многослойная стоянка является памятником, относящимся ко времени перехода позднего мадлена в азиль. В отличие от ранее исследованных многослойных стоянок в порожистой части Днепра (Осокоривка, Ямбург, Дубовая балка, Кайстровая балка III—IV), где большинство слоев представлено лишь отдельными находками, Владимировская стоянка является многослойной стоянкой, где для каждого слоя представлены не только руководящие типы орудий труда, но также и палеонтологические остатки.

Исследование Владимировской стоянки впервые показало, что в этот переходный период растет роль собирательства; до настоящего времени в инвентаре других палеолитических стоянок Европейской части СССР не были прослежены находки ракушек того же речного вида, что во Владимировке (лишь в Гонцах была обнаружена одна створка ракушки *Unio*)

Нижние четыре слоя относятся к позднему мадлену, четвертый слой является переходным (мадленские типы орудий труда и в то же время начало микролитизации орудий, появление примитивно-конических нуклеусов). С этого слоя начинается азиль, а три верхних слоя Владимировской стоянки представляют ранний азиль степной части УССР. Данное уточнение датировки слоев Владимировской стоянки стало возможным лишь после раскопок 1947 г., в результате которых каждый из слоев и вся стоянка целиком получили полный комплекс характерного инвентаря. Исследование Владимировской стоянки заполняет до известной степени пробел в изучении периода от начала позднего мадлена до первой половины азиля, как отрезка времени, представленного наименьшим количеством ясно выраженных памятников для территории УССР.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 1932 г. на II Международной конференции АИЧПЕ в Ленинграде мною была сделана попытка обобщить разрозненные данные о мезолитических памятниках Восточной Европы.[1] В 1940 г., в связи с накопившимися к тому времени новыми материалами, высказанные ранее положения были уточнены и значительно дополнены.[2] Картина развития мезолита рисовалась тогда в следующем виде:

1. На большей части Восточной Европы мадленская эпоха позднего палеолита сменяется свидерской стадией мезолита. В этот период происходят крупные изменения в хозяйстве и технике первобытного общества.

Загонная охота на крупных стадных травоядных, характерная для позднего палеолита, в раннем мезолите сменяется охотой небольших групп охотников, вооруженных гораздо более совершенным оружием — луком и всякого рода ловушками на мелкого зверя. Это давало возможность гораздо более полно освоить занимаемую территорию.

2. Эти моменты послужили толчком к распадению крупных коллективов на более мелкие единицы. Не следует, однако, думать, что произошла «индивидуализация» этих групп и нарушение связи между ними. Несомненно, некоторые такие производственные единицы связывались в племенную группу, объединяемую сезонными облавными охотами, владением общей охотничьей территорией, родовыми праздниками и прочими моментами общеродового порядка.

Рыболовство в этот период, возможно, было развито несколько больше, чем в верхнем палеолите, но не имело еще сколько-нибудь крупного значения. На этой стадии человек заселяет значительные пространства, освобожденные от ледникового покрова и ставшие пригодными для обитания.

3. В позднейшее время, на базе, довольно однородной на всей территории свидерской стадии, происходило формирование культур позднего мезолита, различных по своему характеру в южных степных областях и на лесном севере.

На юге, в связи с дальнейшим развитием бродячей охоты и усложненного собирательства, развиваются микролитические вкладышевые ору-

---

[1] М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. Тр. II Междунар. конфер. Ассоц. по изучению четвертичного периода Европы, вып. 5, М.—Л., 1934, стр. 230—245.

[2] М. В. Воеводский. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. СА, № 5, М.—Л., 1940, стр. 144—150.

дия, а в северных, богатых озерами и мелкими речками, формируются племена с рыболовецко-охотничьим хозяйством и характерным развитием крупных каменных и костяных орудий, приспособленных для рыболовства и обработки дерева.

В настоящее время, в связи с большим количеством материала, добытого в различных областях Европейской части СССР, и некоторыми исследованиями на территории Польши, имеется возможность получить значительно более полное представление о характере и истории развития мезолита Восточной Европы.

На Русской равнине, взамен нескольких разрозненных некомплексных и плохо документированных коллекций свидерской культуры, происходивших в основном из сборов прошлого столетия, сейчас имеется около десятка более или менее систематически исследованных стоянок и местонахождений. В Крыму работами последнего десятилетия выявлено большое количество памятников, среди которых имеется несколько многослойных пещерных стоянок, давших возможность проследить стратиграфическую последовательность комплексов от ранней стадии мезолита до неолита. В бассейне Десны, откуда были известны лишь отдельные находки кремневых орудий, сейчас открыто несколько стоянок с совершенно новой культурой. И, наконец, в Польше появилось несколько публикаций, посвященных мезолиту, и среди них монографическое описание основной стоянки — Свидры Виельке. Все эти данные позволили раскрыть гораздо более сложную картину развития мезолита, нежели это представлялось ранее, и установить более определенно закономерности, ранее едва намечавшиеся.

Оказалось, что единой для всей Восточной Европы свидерской стадии не существует. Кажущееся единство объясняется, во-первых, широким распространением кремневых иволистных и черешковых наконечников стрел и, во-вторых, наличием пережиточных мадленских форм орудий. Оба эти явления характерны вообще для ранней стадии мезолита почти всей Европы. Весь остальной инвентарь, развившийся в послемадленское время, оказывается различным на разных территориях, что позволяет выделить ряд культурных областей и установить характерные для них особые пути развития материальной культуры. На основании изучения условий расположения стоянок, стратиграфии культурных слоев и морфологии орудий в некоторых областях оказывается возможным проследить этапы развития культуры в течение всего мезолита.

На Русской равнине имеется шесть стоянок свидерской культуры, подвергнутых более или менее систематическим исследованиям, и несколько пунктов с находками свидерских орудий. По технике обработки и формам орудий они принадлежат к разным хронологическим стадиям. К сожалению, вследствие расположения стоянок на песчаных развеваемых дюнах, ни на одной из стоянок не сохранилось остатков бытовых сооружений, изделий из кости и кухонных отбросов. Весь дошедший до нас материал состоит из кремневых орудий и отбросов производства; лишь на одной стоянке — Елин бор — П. И. Борисковский обнаружил остатки жилой ямы с очажным слоем. Исследованные стоянки находятся в северо-западной части Русской равнины — на Оке, Верхней Волге и Соже. Три из них расположены на Оке: Гремячее, у с. Гремячее, против впадения р. Жиздры, в Калужской обл.;[3] Борковская, у с. Борки, близ гор. Рязани[4] и Елин

---

[3] М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. МИА СССР, вып. 2, М.—Л., 1941, стр. 142—148.

[4] М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки. МИА СССР, вып. 2, М.—Л., 1941, стр. 149—157.

бор, у с. Елино, в 20 км выше Мурома.[5] Две стоянки расположены на Верхней Волге: Скнятинская, у дер. Скнятино, Калязинского района, близ устья р. Нерли[6] и Соболевская у дер. Соболево, недалеко от впадения р. Дубны.[7] Одна стоянка — Грянск — находится на р. Соже[8] и серия местонахождений — на правых притоках верхней Десны и на Зап. Двине.[9], [10]

Условия расположения стоянок позволяют установить их связь с историей речных долин и определить геологический возраст. Все они располагаются либо на краю I надпойменной (боровой) террасы, либо на больших песчаных буграх, возвышающихся на пойме, обычно близ коренного берега, и являющихся останцами боровой террасы. Обычная высота поселений над уровнем реки — 10—15 м. Ни в одном случае не отмечено расположение стоянок или достоверных находок свидерской культуры на пойменной террасе. Это позволяет установить, что эти поселения могут относиться к окончанию накопления аллювия боровых террас упомянутых рек и к началу формирования уступа к пойменной террасе.

Остатки фауны — кости благородного оленя — найдены лишь на стоянке у дер. Крыжи, на Зап. Двине ниже гор. Витебска.[11] На скнятинской стоянке П. Н. Третьяковым был собран палеоботанический пыльцевой материал, давший следующую картину.[12]

«Под тонким слоем современного почвенного покрова лежит верхний горизонт дюнного, светлобурой окраски, несколько слоистого по структуре песка. Мощность этого горизонта неравномерна и колеблется в пределах 0.25—1.50 м. Следующим горизонтом дюн является слой погребенной почвы, имеющей интенсивную черную окраску, несколько светлеющую книзу. Мощность слоя 0.15—0.20 м. Ниже слоя погребенной почвы лежит аморфный по строению горизонт белого песка, мощность которого достигает, повидимому, 6—8 м. Дюна подстилается древнеаллювиальными песками с мелкими галечниками; слой с остатками эпипалеолитического возраста толщиной около 0.20—0.25 м лежит в самом верхнем горизонте белого песка, непосредственно под погребенной почвой, почти не отличаясь по окраске от нижележащих горизонтов. Пыльцевой спектр скнятинских дюн при рассмотрении его сверху вниз, до горизонта погребенной почвы включительно, дает картину постепенного уменьшения пыльцы сосны и ели и увеличения количества пыльцы ольхи и березы. Параллельно этому в погребенной почве появляется пыльца липы и орешника. Ниже погребенной почвы картина резко меняется, свидетельствуя о похолодании климата. Падает количество пыльцы сосны и березы, резко возрастает количество пыльцы ели. Лежащие ниже горизонты дюны остатков пыльцы не сохранили. Данные этого спектра говорят о том, что скнятинские дюны сформировались в бореальное время, конец которого отражает пыльца из слоя с эпипалеолитическими находками. Горизонт погребенной почвы перекрыл

---

[5] М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин бор. СА № 3, М.—Л., 1937, стр. 77—99.

[6] П. Н. Третьяков. Новые данные по эпипалеолиту Верхнего Поволжья. Бюлл. Ком. по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.—Л., 1940, стр. 39—41.

[7] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Участок Скнятино-Молога, стоянки родового общества. ИГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 145—156.

[8] К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сяредняга Сажа. Зап. Аддзелу гуманіт. навук, кн. 11. Працы Археол. Камісіі, т. II. Изд. Белор. АН, Минск, 1930, стр. 462—467.

[9] К. М. Поликарпович. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий верхнего Приднепровья. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. 5, М.—Л., 1934, стр. 75—87.

[10] К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—35 гг. СА, № 5, М.—Л., 1940, стр. 81—87.

[11] К. М. Поликарпович. Указ. соч., стр. 84.

[12] П. Н. Третьяков. Указ. соч.

дюну в атлантическое время; его нарушение и отложение верхнего слоя песка произошло в последующие периоды — суббореальный, субатлантический и современный.

Если обратиться к схеме соотношения стадий эпипалеолита с геологическими и климатическими явлениями послеледникового времени, разработанной для польских материалов Л. Савицким, то придется признать, что культурный слой скнятинских дюн, относящийся к бореальной эпохе, должен соответствовать по времени третьему, последнему этапу в развитии свидерских памятников, этапу, предшествующему тарденуазу.

С точкой зрения Третьякова по этому вопросу можно согласиться, так как инвентарь скнятинской стоянки, как увидим ниже, действительно, вместе с другой верхневолжской стоянкой — Соболевской, принадлежит к позднему этапу свидерской культуры. Единственной поправкой к палеоклиматической датировке будет то, что она относится не к концу бореального периода, а к его началу, что вполне согласуется и с данными приведенного пыльцевого спектра.

В связи с указанным выше характером памятников основным критерием относительной датировки памятников может служить анализ техники и формы кремневых орудий. Более ранние памятники сохраняют еще много позднепалеолитических черт, а в позднейшее время идет процесс «микролитизации» орудий. По этому признаку стоянки можно разбить на три группы. К наиболее ранней относятся Гремячее и Грянск, к средней по возрасту — Елин бор, Борковская и Скнятинская и к поздней — Соболевская. Положение прочих стоянок из-за отсутствия в публикациях детального описания материала остается пока неясным.

Почти единственным видом заготовок для орудий свидерской культуры являются ножевидные пластинки, встречающиеся в многих сотнях на всех стоянках. Они отличаются от позднепалеолитических значительно большей правильностью и меньшей шириной. Скалываются они с правильных конических нуклеусов, причем негативы идут вокруг всего нуклеуса. Нуклеусы мадленской эпохи обычно менее правильные, скалывание пластинок происходит с одной стороны, а основание скошено и образует по отношению к стороне с негативами от сколотых пластинок острый угол. Сработанные мадленские нуклеусы имеют вид плоских плиток, а свидерские — тонких вытянутых конусов.

В стоянках средней и особенно поздней поры свидерской культуры нуклеусы имеют меньшие размеры с более узкими негативами от сколотых пластинок. Ножевидные пластинки в ранних стоянках имеют длину 4—7 см, при ширине 1—2 см. Преобладают более широкие и массивные пластинки, а миниатюрных почти не встречается.

В стоянках средней поры ширина пластинок редко превышает 1 см и появляется большое количество (в Борковской около 50%) очень мелких правильных пластинок, имеющих длину 1—2 см и ширину всего 0.5—0.3 см (рис. *33—9, 10*). Большинство их без всякой обработки, употреблялись они в качестве вкладышей; часть же специально оформлялась притупляющей ретушью по краю, вставляющемуся в прорезь стержня. Наружный, режущий, край чаще всего оставлялся без обработки, но иногда слегка выравнивался тонкой приостряющей ретушью.

На стоянке Елин бор найдены мелкие пластинчатые вкладыши специальной формы. Обычная длина их около 2 см, при ширине 0.8—1.0 см. Один из длинных краев притуплен, второй покрыт тонкой приостряющей ретушью. Притупляющей ретушью оба конца у них срезаны под прямым углом (рис. *33—7, 8*).

Характерная особенность стоянок поздней поры (например, Соболевской) — значительное преобладание миниатюрных правильных пластинок,

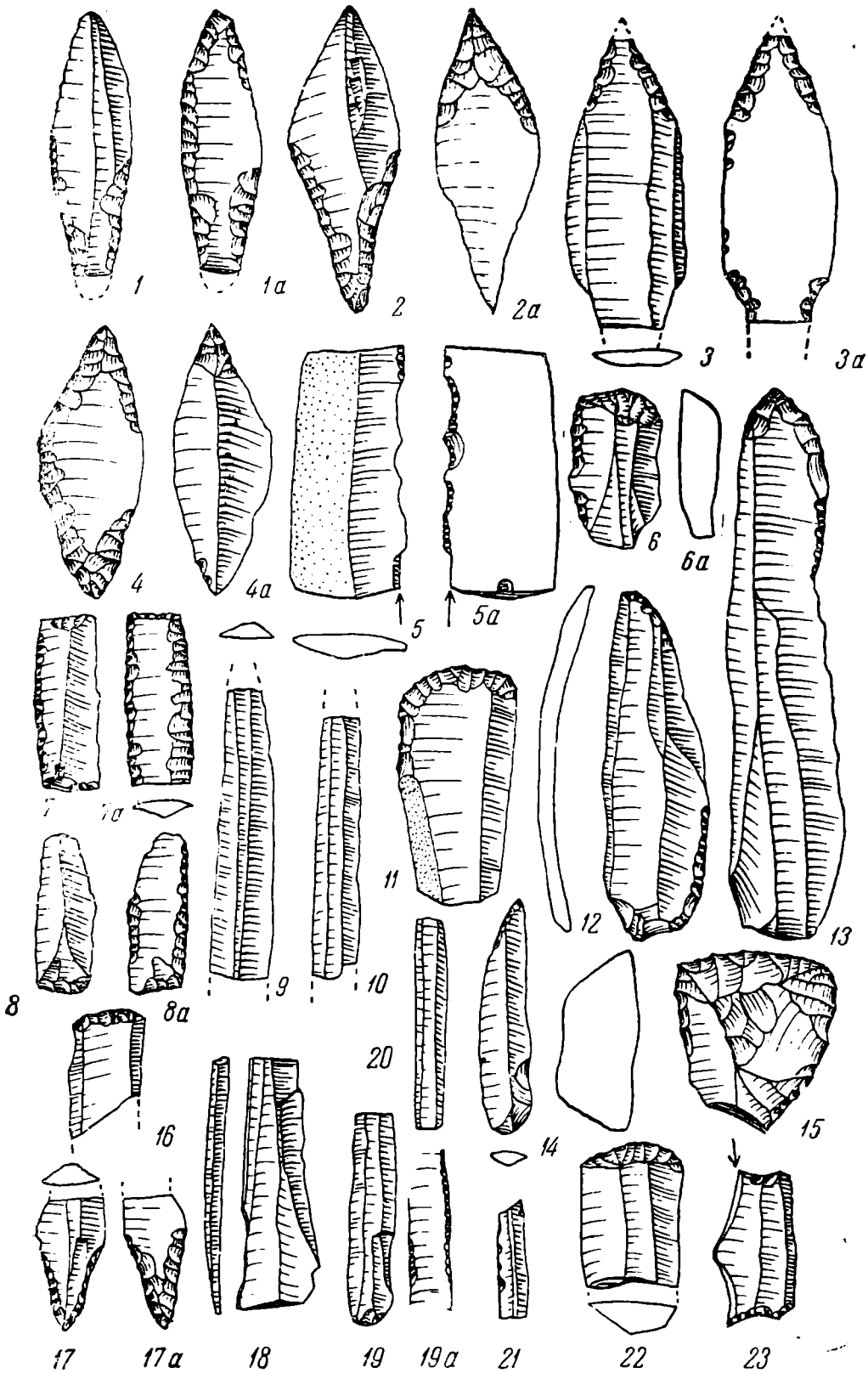


Рис. 33. Кремневый инвентарь мезолитических стоянок

1—15 — Елин бор; *16—23* — Соболево

шириной не более 1.0 см (рис. *33—18, 21*). Более широкие встречаются редко.

Треугольников, трапеций и других геометрических очертаний вкладышей, характерных для мезолита южных степных областей, в памятниках свидерской культуры не встречается. Лишь в Борковской стоянке среди многих сотен орудий найдено два миниатюрных наконечника стрел с поперечным лезвием, имеющих форму очень высокой трапеции.

Значительная часть орудий в стоянках ранней поры свидерской культуры сохраняет еще мадленский облик. Особенно хорошо это видно на скребках и резцах. Скребки стоянки Гремячее представлены лишь одним типом — на конце ножевидной пластинки. Дугообразный рабочий край обработан крутой ретушью, а боковые стороны оставлены без обработки. В стоянках средней поры — Елином боре, Борковской и Скнятинской — такие скребки на длинных пластинках встречаются единицами (рис. *33—11*), а основная масса состоит из скребков на коротких массивных пластинках или правильных удлиненных отщепах (рис. *33—6*). Кроме того, значительный процент составляют небольшие округлые скребки, часто изготовленные со сколов с основания нуклеусов. Обработка у них имеется не только на конце, но и формирует боковые грани (рис. *33—15*). Размеры скребков значительно меньше, чем в ранней стадии. Обычная длина концевых скребков 3—4 см, а диаметр округлых 2—3 см. В позднесвидерских стоянках концевые скребки изготовляются на более плоских и правильных пластинках, причем рабочий край часто значительно более пологий, чем в более раннее время (рис. *33—16, 22*).

Основное отличие от южных областей заключается в отсутствии на всех стадиях свидерской культуры небольших округлых скребков с обработкой вокруг всего края.

Резцы в свидерской культуре представлены двумя типами — боковыми и на углу сломанной пластинки. В стоянках ранней поры боковые резцы имеют еще совсем мадленский характер. Они изготовлены на широких массивных пластинках, рабочий конец затуплен крутой ретушью; резцовые сколы однофасеточные и широкие.

В стоянках средней и поздней поры количество боковых резцов уменьшается. Они имеют значительно меньшие размеры и изготовляются из более правильных небольших пластинок.

Резцы на углу сломанной пластинки, встречающиеся в позднем палеолите в небольшом количестве, в свидерской культуре являются преобладающим типом, что характерно и вообще для мезолита. Они изготовляются на правильных пластинках, обычно со сколами на двух, а иногда и на всех четырех углах (рис. *33—5, 23*). Хронологические различия сказываются лишь в размерах, значительно меньших в поздних стадиях. В позднесвидерских стоянках довольно часты совсем миниатюрные резцы на правильных пластинках. Процент резцов и разнообразие их вариантов в свидерской культуре значительно меньшие, чем в стоянках мадленской эпохи, где они иногда составляют до 60 и выше процентов всех орудий. С одной стороны, это, возможно, связано с меньшей ролью орудий из кости, в первую очередь наконечников, для вырезания стержней которых употреблялись резцы; с другой стороны — в замене резцов разными формами режущих острий, особенно характерных для средней поры свидерской культуры. Некоторые (рис. *33—12—14*) из острий напоминают заготовки для боковых резцов, но на части из них имеются со стороны брюшка очень своеобразные плоские сколы. Очень типичны также почти отсутствующие в мадленских и раннесвидерских стоянках миниатюрные проколки из правильных пластинок, с коротким жальцем, выделенным тонкой краевой ретушью.

Одним из наиболее типичных для свидерских орудий являются своеобразные наконечники стрел. Для ранней поры характерны черешковые наконечники из довольно широких коротких пластинок. Широкое треугольное перо у них образовано заостренной вершиной пластинки и оставлено без обработки. Короткий треугольный черешок выделен крутой притупляющей ретушью, лишь конец черешка иногда бывает обработан несколькими плоскими фасетками — для снятия ударного бугорка.

Для средней поры характерны два типа наконечников — черешковые и иволистные. Оба они очень разнообразны по размерам, пропорциям и деталям обработки (рис. *33—1—4*). Основные признаки, отличающие их от ранней стадии, это более вытянутые пропорции и наличие обработки плоской сострогивающей ретушью на конце пера и черешке. Ретушь, выделяющая черешок, менее крута и заходит дальше на спинку, а самые черешки сильнее оттянуты и больше заострены, чем в ранней стадии.

О характере наконечников поздней поры судить трудно, так как в Соболевской стоянке встречен лишь один обломок черешка. Он треугольной формы, слабо выделен краевой ретушью со спинки. Со стороны брюшка он обработан по всей поверхности плоскими мелкими фасетками (рис. *33—17*).

Наконечники стрел на стоянках обычно составляют значительный процент орудий, причем истинное количество их должно быть гораздо бо́льшим, так как использованные бытовые орудия и инструменты оставались на площади стоянки, а наконечники стрел расходовались во время охоты вне поселения. На стоянке же находятся либо испорченные в процессе выделки, либо неиспользованные по другим причинам, либо обломки черешков, приносимые обратно вместе с древками стрел для ремонта.

Описанные наконечники никогда не встречаются в мадленских стоянках. В некоторых стоянках волго-окского и днепровского неолита сходные формы встречаются в виде единичных экземпляров, но не являются стойкими и сколько-нибудь характерными. На Верхней Волге в некоторых стоянках самого конца неолита уже с сетчатой керамикой встречены орудия, изготовленные из тонких ножевидных пластинок, часть форм которых (концевые скребки, пластинки-вкладыши и мелкие черешковые пластинчатые наконечники стрел) напоминает позднесвидерские.[13] Ввиду отсутствия сколько-нибудь обстоятельного описания материала с этих памятников, отличия их от свидерских сейчас не могут быть выявлены. Генетически они не связаны со свидерскими формами, так как в течение всего неолита такие формы почти не встречаются.

На западе свидерская культура распространена на территории Литовской ССР и Польши, в которой эта эпоха изучена довольно хорошо. В течение последних десятилетий были проведены раскопки нескольких стоянок и опубликованы статьи и сводки.

Наиболее серьезные исследования проведены Л. Савицким, давшим и наименование культуры по стоянке Свидры Виельке.[14] На территории Польши удается проследить основные этапы развития этой культуры, начиная от наиболее раннего, отличающегося от мадленской эпохи лишь некоторыми чертами, и до перехода к культуре конца мезолита, имеющего здесь тарденуазский облик.

Наиболее ранняя стадия представлена стоянкой Новы Млын,[15] обнаруженной в обнажении древней террасы р. Каміенны у дер. Новы Млын,

---

[13] П. Н. Третьяков. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. СА, № 5, М.—Л., 1940, стр. 101—106.

[14] Sawicki L. Przemyst swiderski i stanowiska wydmowego swidry Wielkie I. Przeglad Archeologiezny, т. V, вып. 1, Poznan, 1935.

[15] Там же.

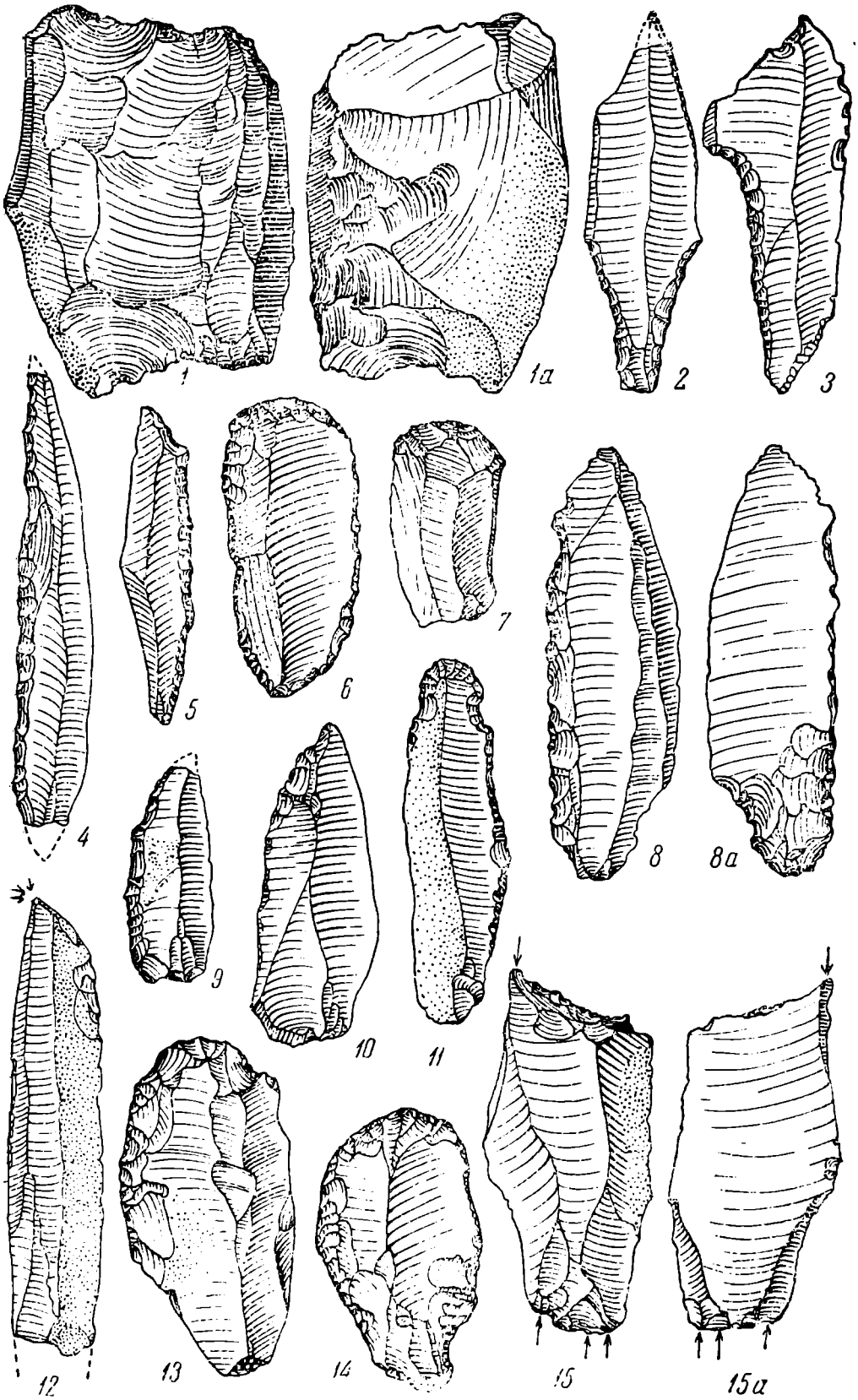


Рис. 34. Кремневый инвентарь стоянки Новы Млын

близ ст. Скаржыско. К сожалению, исследователь не дает более подробного описания условий залегания памятника.

Инвентарь, так же как и на всех других свидерских местонахождениях, состоит лишь из кремневых поделок. Орудия в большинстве представлены очень архаичными формами. По существу от мадленской эту культуру можно выделить лишь по наличию характерных наконечников стрел. Почти все орудия изготовлены из ножевидных пластинок, длинных и часто довольно широких, скалывавшихся с односторонних, со скошенным основанием нуклеусов, совершенно мадленского характера (рис. 34—*1*, *1а*). Скребки почти исключительно концевые, частью на укороченных пластинках, иногда двойные и с частичной ретушью по краям (рис. 34—*6*, *7*, *11*, *13*, *14*). Многочисленные резцы представлены типами боковыми и угловыми (рис. 34—*12*, *15*, *15а*). В значительном количестве имеются небольших размеров косые острия с крутой ретушью на скошенном конце, а иногда и по всему выпуклому краю (рис. 34—*9*, *10*). Аналогичные орудия характерны для любой из стоянок среднего или позднего мадлена бассейнов Днепра или Дона, где они частью являются незаконченными боковыми резцами, а частью служили режущими орудиями.[16]

Среди пластинок с притупленным краем преобладают довольно крупные формы, напоминающие иногда позднепалеолитические типа ля-Граветт (рис. 34—*4,5*), и отсутствуют мелкие правильные пластиночки, типичные для поздних стадий мезолита.

Для многочисленных наконечников характерны очень архаичные формы со слабо выделенным черешком и частичной обработкой на основании и на вершине пера (рис. 34—*2*, *3*, *8*, *8а*). Они отличаются крупными размерами, неустойчивой формой, зависящей часто от формы пластинки, и довольно грубой ретушью со сравнительно крупными желобчатыми фасетками. Широкий черешок большей частью оформляется крутой краевой ретушью, но на некоторых экземплярах для снятия выступающего ударного бугорка применяется плоская поверхностная ретушь. Сходные формы спорадически встречаются в позднемадленских стоянках Европы.

Более поздняя стадия представлена основной стоянкой Свидры Виельке I и другими аналогичными ей местонахождениями. Эта стоянка расположена близ устья рч. Свидер, правого притока Вислы, в 20 км к юго-востоку от Варшавы.[17] Местонахождение представляет собой участок боровой террасы Вислы с развеваемыми дюнными всхолмлениями.

Культурного слоя и первоначальной планировки поселения не сохранилось, так как они разрушены ветровой эрозией и весь материал собран на поверхности. Лишь в нескольких пунктах исследователь обнаружил небольшие скопления («гнезда») изделий, сохранившие первоначальное положение. Обильный кремневый инвентарь состоит из большого количества готовых орудий, полуфабрикатов и отбросов производства. К сожалению, автор исследования не приводит полной статистической характеристики типов орудий, ограничиваясь лишь морфологическим описанием вещей, и лишь частично сообщает количественные показатели.

Материал представляет собой все стадии обработки кремня — от кремневых желваков, отбросов производства (нескольких тысяч), полуфабриката, ножевидных пластинок (около 2000) и большого числа готовых изделий. Материалом для орудий служили в основном коричневый и коричневато-красный кремень, происходящий из верхнеастартского яруса северо-восточного склона гор Святого креста. Нуклеусы сохраняют еще

---

[16] М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка. Русск. антропол. журн., т. XVIII, вып. 1—2, М., 1929.

[17] L. Savicki. Указ. соч.

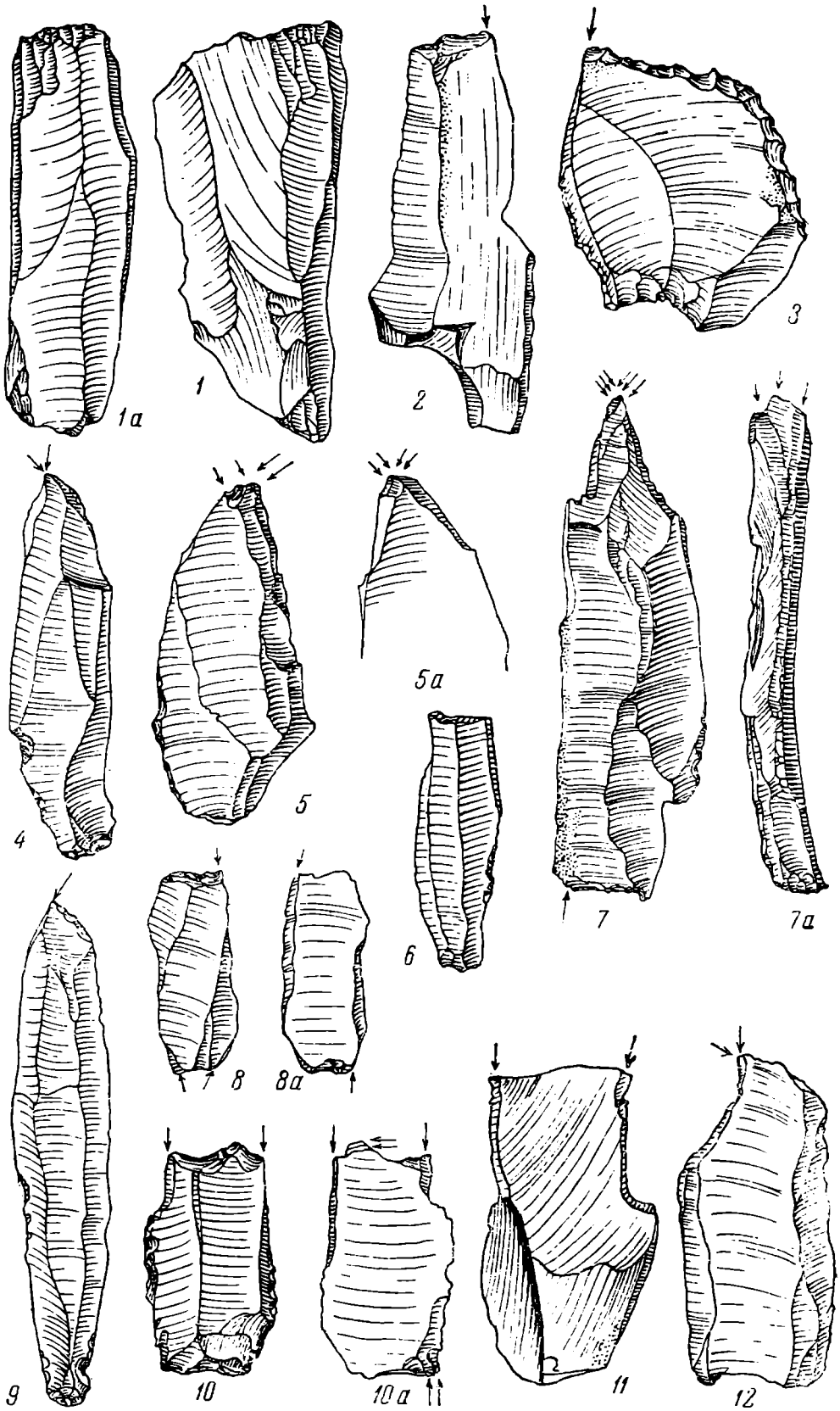


Рис. 35. Кремневый инвентарь стоянки Свидры Виельке I

полностью позднепалеолитические черты — с отколом пластинок — лишь с одной стороны и скошенным основанием (рис. 35—*1*, *1а*).[18] Тыльная сторона нуклеуса, противоположная стороне, с которой скалывались пластинки, обычно обита поперечными или продольными сколами (рис. 35—*1а*). Длина нуклеуса 5.5—10 см. Ножевидные пластинки правильной формы, с параллельными краями, тонкие; достигают длины 9 см, при ширине 1—2 см. Правильностью очертаний и тонкостью они довольно значительно отличаются от позднемадленских. Часть сработанных нуклеусов была использована в качестве массивных нуклеобразных скребков.[19] Для приспособления их для этой цели основание оживляется дополнительным сколом, а край основания с боковой стороны подправляется типичной скребковой ретушью. Вдоль края основания на таких орудиях имеются следы потертости от работы.

Аналогичное использование части нуклеусов нами прослежено на нескольких мадленских стоянках Десны. Но особенно характерными они являются для раннемезолитических стоянок, где из них вырабатываются стойкие формы нуклеобразных скребков. Очень ярко это видно на примере стоянки Покровщина.[20] К сожалению, этот род орудий не обратил на себя внимания исследователей палеолита и неолита, и в описании стоянок характеристика подобных форм обычно отсутствует. Некоторые из нуклеусов переделаны в массивные угловые резцы.

Резцы довольно многочисленны (40 экз.). Все они изготовлены на ножевидных пластинках. Среди них основная масса (25 экз.) принадлежит к типу обычных боковых резцов (рис. 35—*2*, *3*, *8*, *8а*, *9*, *10*, *10а*). У них вершина скошена и обработана притупляющей ретушью, почти не заходящей на боковые грани. Резцовые сколы однофасеточные и обычно короткие, редко заходящие ниже середины пластины.

В меньшем количестве представлены угловые резцы, у которых режущий угол образован сколами по обе стороны рабочего угла. Направление его по отношению к оси пластинки различно; чаще всего угол расположен прямо по оси — такая форма обычно называется срединным резцом, но иногда рабочий угол отклоняется вправо или влево. Повидимому, направление рабочего угла не имело значения (рис. 35—*4*, *5*, *5а*, *7*, *7а*, *12*). В очень небольшом количестве представлены резцы типа на углу сломанной пластинки (рис. 35—6, 11).

Все резцы и по своим формам, и по количественному соотношению типов полностью сходны с материалом стоянок среднего и особенно позднего мадлена Восточной Европы — таким, как Гонцы, Тимоновка, Рабочий ров и другие.

Для мезолита, особенно позднего, характерно уменьшение размеров резцов и резкое преобладание типа на углу сломанной пластинки.

Довольно многочисленные острия представлены двумя типами: косых острий, у которых конец скошен крутой притупляющей ретушью, и более или менее симметричных, с коротким широким жальцем. Первая форма (рис. 36—*5*, *6*) частично является заготовками для боковых резцов и встречается в позднемадленских стоянках и в свидерских бассейнах Оки и Верхней Волги. Вторая (рис. 36—*7*, *8*, *10*) — типичное орудие для свидерской культуры и нехарактерна для мадленской эпохи.

Орудия этого рода хорошо представлены в окских стоянках Елин бор, Гремячее и Борки.

---

[18] L. Savicki, указ. соч., табл. V, фиг. 3 и 3а.

[19] Там же, табл. V, фиг. 3, 3а и 6.

[20] М. В. Воєводський. Результати робіт Деснянської експедиції 1936—1938 рр. Палеоліт і неоліт України. Изд. Ин-та археол. АН УССР, Київ, 1947.

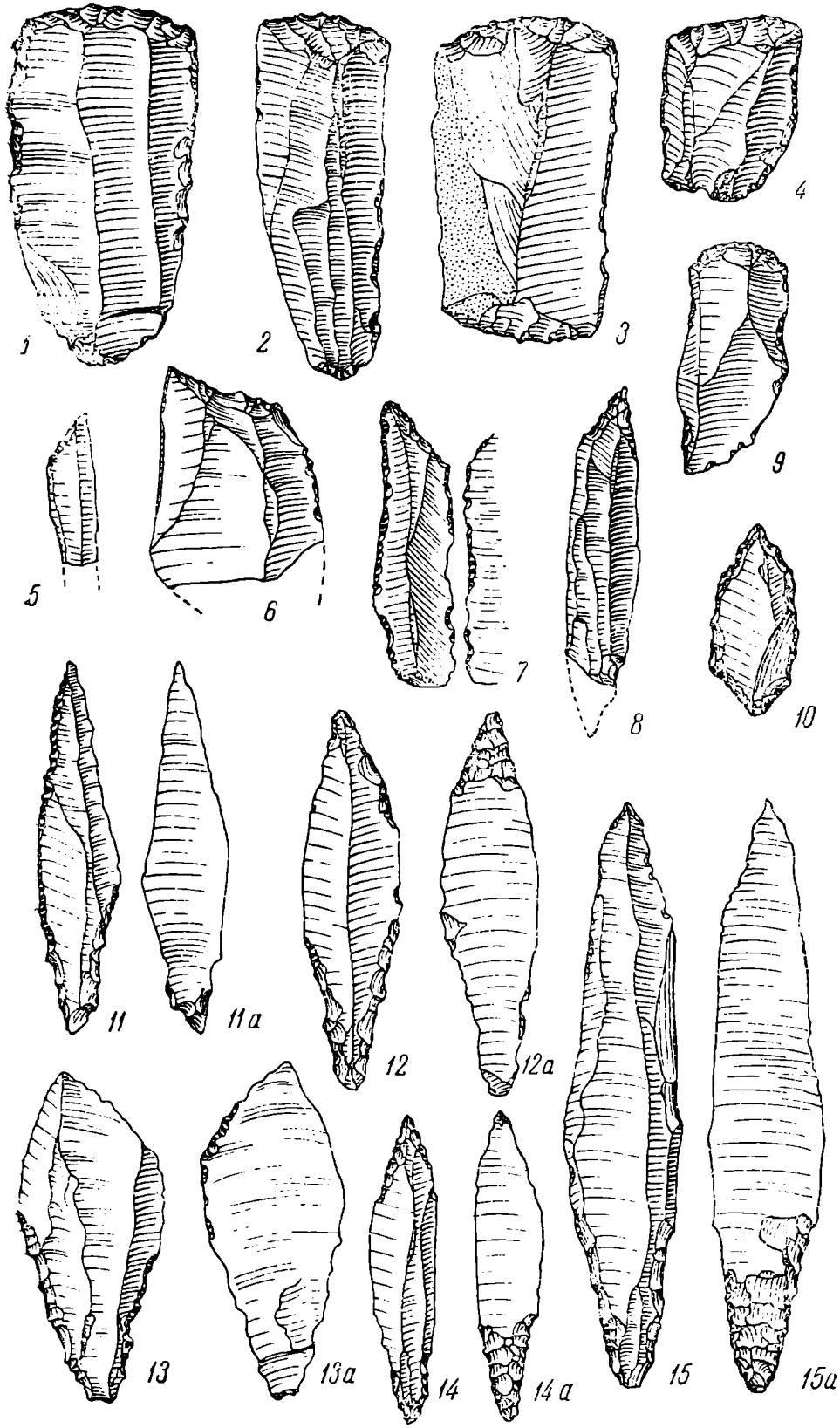


Рис. 36. Кремневый инвентарь стоянки Свидры Виельке I

Скребки на стоянке Свидры Виельке относятся к типу концевых (рис. 36—*1—4, 9*). Все они изготовлены на слегка укороченных более массивных пластинках, с дугообразным рабочим концом, обработанным кру-

той ретушью, с длинными желобчатыми фасетками. Несколько скребков двойных. Боковые грани у всех оставлены без обработки.

По своему характеру обработки скребки целиком повторяют мадленские. Среди них отсутствуют короткие, часто округлые скребки, характерные для более позднего мезолита — позднесвидерского и тарденуазского.

Наиболее характерным типом орудий описываемой стоянки являются многочисленные наконечники стрел (рис. 36—*11—15*). Все они вытянутых пропорций, иволистной формы, часто с хорошо выделенным черешком. Размеры их очень различны — от 4 до 9 см. Характерной их особенностью является частичная обработка лишь на основании и на конце пера. Боковые грани, за редким исключением, оставлены без обработки. На значительной части наконечников плоской сострогивающей ретушью со стороны брюшка снят ударный бугорок. Значительно реже такая же обработка имеется на вершине пера. Черешки довольно широкие, слабо выделены крутой краевой ретушью со стороны спинки.

Таким образом, описанный комплекс, сохраняя много мадленских элементов, ясно выделяется основными своеобразными чертами.

С описанным выше новомлынским комплексом совпадают все основные элементы, и отличия прослеживаются лишь в деталях, позволяя установить определенную генетическую связь.

Среди отличий свидерского комплекса от новомлынского можно отметить более узкие и правильные пластинки, более правильные формы наконечников, с более тонкой и плоской ретушью, отсутствие острий с ретушью по всему выпуклому краю и отсутствие крупных пластинок с притупленным краем, сходных с палеолитическим типом ля-Граветт.

Все эти черты говорят о более поздней стадии свидерской культуры, представленной в описываемой стоянке. Из окских стоянок к ней очень близка стоянка Гремячее, в которой, несмотря на небольшое количество материала, хорошо выявлены все основные элементы, представленные на стоянке Свидры Виельке I.

Все прочие стоянки Европейской части СССР относятся к более поздней стадии. Позднейшая стадия представлена комплексами типа Свидры II, выделенной Савицким из сборов на части площади, занятой стоянкой Свидры Виельке I, на основании изготовления орудий из другого сорта кремня и расположения на другой части дюны. К той же стадии, но, может быть, к несколько более позднему времени, относится серия местонахождений, фигурирующих под названием «хвалибоговицкой культуры», выделенной Козловским.

Различные названия культур даны указанными авторами в значительной мере с позиций приоритета в открытии и определении значения новых памятников. Почти в одно время появилась серия статей Круковского и Савицкого с описанием новой открытой ими культуры на р. Свидер и Козловского, опубликовавшего результаты обработки им сборов, происходящих со стоянки у дер. Хвалибоговице. Первые два исследователя произвели обстоятельное изучение стоянок, условий их залегания и морфологии орудий; второй же ограничился лишь выделением из сборов прошлого столетия серии орудий на основании морфологического анализа. В результате название «свидерская культура» удержалось прочно, а «хвалибоговицкая» употребляется почти исключительно в работах самого Козловского.

В памятниках Свидры II и Хвалибоговице можно проследить позднейший этап в развитии свидерской культуры и выделить элементы перехода к поздней стадии мезолита Польши, имеющей здесь микролитический — «тарденуазский» облик.

Позднесвидерские памятники частью еще сохраняют архаичные формы

орудий в виде угловых и боковых резцов на длинных пластинках (рис. 37—*1*, *2*, *3*, *5*) и части наконечников, имеющих облик, вполне аналогичный раннесвидерской стадии (рис. 37—*4*). Но большая часть орудий

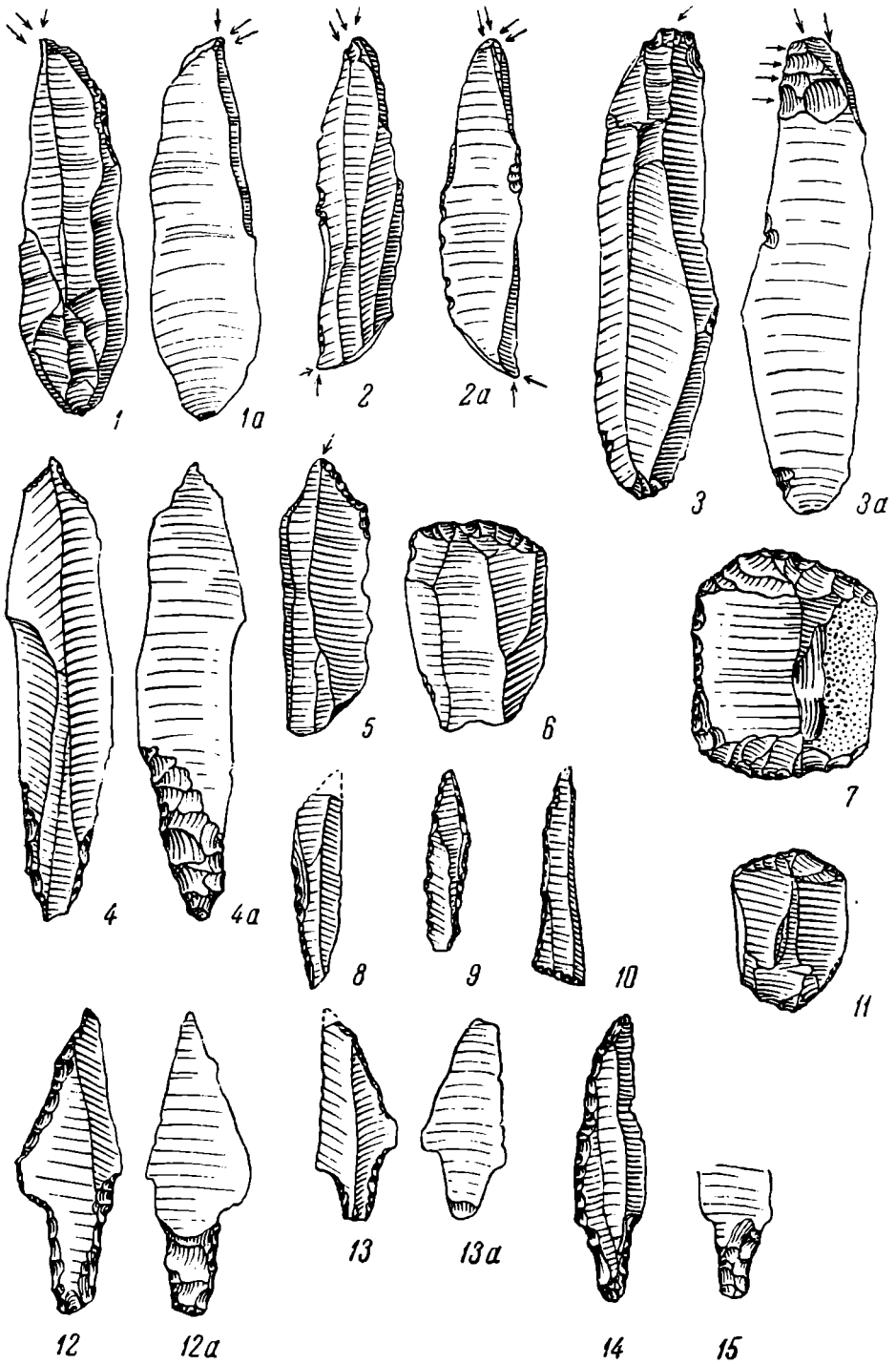


Рис. 37. Кремневый инвентарь стоянки Свидры Виельке II

имеет более поздний облик — со значительными элементами микролитизации. Особенно ярко это прослеживается в памятниках хвалибоговицкого типа, представляющих, повидимому, несколько более поздний этап.

Эти изменения хорошо видны на всех категориях орудий. Среди скребков преобладают изготовленные на небольших правильных отщепах или коротких пластинках, длиной всего 2—3 см. Часть из них двойные и при-

ближающиеся к округлым тарденуазским (рис. *37—6, 7, 11*). Большинство наконечников имеет меньшие размеры и более разнообразную форму. Среди них реже встречаются иволистные формы и значительно преобладают черешковые, с резко выделенным коротким треугольным черешком или с боковой выемкой (рис. *37—12, 13, 14*).

Среди других орудий характерны небольшие косые острия[21] и довольно разнообразные небольшие пластинки-вкладыши с одним краем, обработанным тонкой крутой ретушью (рис. *37—8, 9, 10*). Стоянки этой стадии распространены значительно дальше на север, вплоть до побережья Балтики, близ устья Вислы, и до Гамбурга на северо-западе.

Из памятников восточной группы к этой же стадии принадлежат стоянки на Оке и Верхней Волге: Елин бор, Борки, Скнятинская и др.

Восточная и западная группа, несмотря на большое сходство, имеют отличия локального характера. Так, например, в стоянках Польши почти полностью отсутствуют правильные вытянутые пластинки-вкладыши, в значительном количестве представленные на стоянке Елин бор, а также некоторые формы наконечников и острий и т. д. Но эти отличия касаются лишь второстепенных деталей и могут быть прослежены в любой археологической культуре, занимающей большую территорию. Во всех же основных элементах сходство настолько велико, что позволяет все упомянутые памятники отнести к одной культуре, сохраняющей единство на всем протяжении своего развития.

На степных пространствах юга — в Крыму и прилегающих областях левобережной Украины — выделяется особая культурная область, с иным характером хозяйства и своеобразными формами орудий. На территории Крыма за советский период обнаружено более 100 мезолитических местонахождений, среди которых имеются не только открытые, но и пещерные поселения. Среди последних есть несколько многослойных стоянок, позволивших установить стратиграфическую последовательность культурных комплексов. Кроме того, в пещерах сохранились в ненарушенном виде детали планировки, остатки бытовых сооружений, костяные изделия и кухонные отбросы — кости животных и раковины моллюсков. Все это дает возможность в более полном виде восстановить облик поселений и форму хозяйства, нежели на материале остатков открытых дюнных стоянок.

По пещерным стоянкам сейчас можно проследить основные этапы развития мезолита Крыма от наиболее ранней стадии, еще сохраняющей позднепалеолитические черты, и до перехода к неолиту. Наиболее полную картину культурных напластований дают пещеры Шан-Коба, Замиль-Коба I и Мурзак-Коба.

В Шан-Кобе прослежено шесть слоев, содержащих культурные остатки двух стадий мезолита и одной неолита.[22-24]

I комплекс включает находки из первого слоя. Инвентарь представлен многочисленными мелкими трапециями «со струганной спинкой», сегментами, наконечниками стрел с двусторонней обработкой, несколькими костяными шильями, обработанным клыком кабана, и обломками грубых глиняных сосудов. Этот комплекс, судя по наличию пластинок «со струганной спинкой», наконечников стрел с плоской двусторонней ретушью и глиняной посуды, принадлежит уже к неолитической эпохе.

---

[21] L. Sawicki. Указ. соч., табл. XXII, фиг. 34.

[22] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. 5, М.— Л., 1934, стр. 114—183.

[23] С. Н. Бибиков. Грот Мурзак-Коба. Новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, № 5, 1940, стр. 159—178.

[24] С. А. Трусова. Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г. СА, № 5, М.— Л., 1940, стр. 298—301.

II комплекс включает находки второго и третьего слоев. Кремневый инвентарь состоит из трапеций, сегментов, острий, ножевидных пластинок с боковыми выемками, концевых скребков и угловых резцов. Костяные изделия состоят из шильев наконечника дротика круглого в сечении и др. Комплекс принадлежит к тарденуазскому времени.

III комплекс включает находки четвертого, пятого и шестого слоев. Инвентарь состоит из крупных сегментов, частью переходящих в низкие треугольники; реже встречаются грубые трапециевидные формы и косые острия, длинные пластинки с краевой ретушью, резцы боковые и угловые, концевые скребки и довольно грубые иволистные наконечники стрел с частичной ретушью. Костяные изделия состоят из наконечников стрел, проколок и крупных шильев. Комплекс датируется азильским временем.

В пещере Замиль-Коба I имеются четыре слоя, содержащих культуру азильского и тарденуазского характера и аналогичных соответствующим комплексам Шан-Кобы. [25]

Пещера Мурзак-Коба дала один культурный слой с обильными находками тарденуазского характера. [26]

Данные этих пещерных стоянок дополняются многочисленными открытыми поселениями, расположенными на плато горной части Крыма. Последние содержат остатки «тарденуазского» и неолитического облика. [27–29]

В «азильских» комплексах Шан-Кобы и Замиль-Кобы кремневый инвентарь еще частично сохраняет позднепалеолитические черты. Прежде всего это сказывается в характере ножевидных пластинок — довольно широких и массивных, не отличающихся правильностью очертаний, и в сохранении некоторых архаичных типов орудий. Среди последних можно отметить боковые резцы со скошенным концом, притупленным краевой ретушью, [30] концевые скребки на длинных пластинках, [31] косые острия с выпуклым ретушированным краем, [32] длинные пластинки с притупленным ретушью краем, близкие к палеолитическим, типа ля-Граветт. [33] Но основная масса орудий имеет характер, резко отличный как от позднего палеолита, так и от более северных — свидерской и деснинской культур.

Основное отличие заключается в очень раннем появлении и широком развитии,— по сравнению с более северным мезолитом,— пластинчатых вкладышевых орудий геометрических очертаний. Преобладающее количество их в этом комплексе состоит из длинных низких сегментов, переходящих частично в несколько более высокие треугольники и трапеции. [34] Концевые скребки, по сравнению с палеолитическими, отличаются меньшей длиной и изготовляются главным образом из коротких массивных пластинок или правильных отщепов. Иногда они приобретают округлые очертания, но ретушь имеется лишь на конце и почти отсутствует на боковых

---

[25] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба № 1. Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 8—32.

[26] С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, № 1, М.—Л., 1936, стр. 195—212.

[27] О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, № 5, М.—Л., 1940, стр. 93—100.

[28] Б. С. Жуков. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июне 1927 г. Журн. «Крым». М.—Л., 1927, № 2 (4), стр. 99—107. Изд. Главнауки.

[29] А. С. Моисеев. Каменный век на Крымской яйле. Природа, М.—Л., 1923, № 1, стр. 122—126.

[30] Д. А. Крайнов. Указ. соч., т. I, ф. 11. С. Н. Бибиков. Предварительный отчет..., рис. 5, фиг. 12.

[31] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 6, фиг. Д.

[32] Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., т. VII, фиг. 6.

[33] Там же, фиг. 7.

[34] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 5, фиг. 1, 2, 6, 7.

сторонах.[35] Характерны проколки с вытянутым жальцем на узких пластинках[36] и вытянутые косые острия с притупляющей краевой ретушью.[37] От мадленских и свидерских они отличаются большей тонкостью пластинок и вытянутостью острия.

Среди резцов преобладают угловые на пластинках и отщепах.[38] Резцы на углу сломанной пластинки сравнительно редки. Они становятся основным типом в поздних стадиях мезолита.

В небольшом числе встречаются иволистные и черешковые наконечники стрел, с частичной ретушью на основании и вершине пера.[39] На иволистных ретушь имеется не только по краю, но стесывает на концах поверхность со стороны брюшка. При общем сходстве формы этих наконечников со свидерскими, их пропорции, характер черешка и детали обработки настолько отличны, что совершенно несомненно их самостоятельное возникновение. Иволистные наконечники лучше оформлены и более многочисленны в стоянке Сюрень II,[40] являющейся, возможно, несколько более поздней, чем нижние слои Шан-Кобы и Замиль-Кобы.

Основная часть нуклеусов имеет хорошо выраженный мезолитический облик.[41] Основание у них прямое, направлено под прямым углом к плоскости откола пластинок. Пластинки часто скалываются вокруг всего нуклеуса, поэтому сработанные нуклеусы имеют коническую форму. Лишь некоторая часть их сохраняет позднепалеолитический облик со скошенным основанием и плоскостью откола с одной стороны.

Культуру ранней стадии мезолита Крыма я в дальнейшем буду называть «шан-кобинской» стадией, а название «азильская» будет применяться лишь в смысле определения ее хронологического положения — непосредственно за мадленской эпохой позднего палеолита.

Отличия же в характере почти всего комплекса инвентаря от классического азиля Франции не позволяют говорить об их связи, поэтому название раннего мезолита Крыма «азильской» культурой считаю неверным.

Из приведенного описания ясно видно, что отличия кремневого инвентаря ранней стадии крымского мезолита — шан-кобинской стадии — от свидерской являются очень резкими и касаются всех основных категорий орудий. Сходство прослеживается лишь в некоторой части концевых скребков, косых острий и боковых резцов, унаследованных в обеих культурах от позднего палеолита.

Второе, более существенное сходство со свидерской заключается в наличии иволистных и черешковых наконечников стрел. Но этого рода наконечники широко распространены вообще в культурах раннего мезолита Европы и Средиземноморья[42] и не являются характерной особенностью описываемых комплексов Восточной Европы. Отличие от свидерской прослеживается и в относительном количестве указанных наконечников по сравнению к другим метательным орудиям.

Несмотря на значительную площадь раскопок и очень большое количество орудий, добытых в указанных стоянках, эти наконечники встречены в единичных экземплярах. В свидерских же памятниках они являются одним из наиболее распространенных и характерных изделий.

---

[35] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 6, фиг. в, г.
[36] Там же, рис. 6, фиг. е.
[37] Д. А. Крайнов. Указ. соч., т. II, фиг. 10.
[38] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 5, фиг. 9, 11.
[39] А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., т. VIII, фиг. 2; Д. А. Крайнов. Указ. соч., т. II, фиг. 6, 7.
[40] Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч.
[41] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 6, фиг. 6.
[42] L. Sawicki. Указ. соч.

В Крыму основным типом наконечника являлось сложное орудие, состоявшее из костяного (а может быть, и деревянного) стержня с продольными желобками, куда вставлялись кремневые пластинки геометрических очертаний. Кроме того, здесь обнаружено и большое количество разнообразных костяных наконечников без вкладышей.[43]

По хорошей сохранности культурного слоя удалось проследить бытовые детали.

В пещере Шан-Коба в нижних слоях обнаружены остатки небольших очагов и кострищ со слабыми следами действия огня и малой мощностью золистых отложений.[44] В нижнем слое Замиль-Кобы I располагался большой очаг, сложенный из камней. Внутри него находилось немного угольков, обломков обожженных костей и золы. Земля под кострищем и очажные камни слабо обожжены. Вокруг очага было скопление кухонных отбросов — раздробленных костей животных.[45] Количество орудий и отбросов производства в обеих стоянках сравнительно невелико и во много раз меньше, чем в любой из позднепалеолитических стоянок.

Судя по слабой насыщенности слоев культурными остатками, малому количеству изделий и слабому воздействию огня в кострищах и очагах, стоянки этого времени имели временный характер и населялись, вероятно, в зимние периоды. Судя по тому, что культурные остатки не залегают целиком в одном горизонте, а частью рассеяны в толще слоев различной окраски и фактуры, можно предполагать, что они скопились в результате неоднократного посещения пещер. К аналогичному выводу приходит О. Бадер при описании пещеры Буран-Кая.[46] Кости животных в «азильских» слоях крымских пещер представлены следующими видами.

Фауна стоянок шан-кобинской стадии

	Буран-Кая	Замиль-Коба (нижний слой)	Шан-Коба (нижний слой)	Сюрень II		Буран-Кая	Замиль-Коба (нижний слой)	Шан-Коба (нижний слой)	Сюрень II
Бизон	+	+			Куница каменная			+	+
Сайга	+		+	+	Заяц-русак		+	+	+
Марал	+	+	+	+	Косуля европейская				+
Баран		+			Сеноставец малый				+
Кабан	+	+	+	+	Бобр				+
Лошадь	+	+	+	+	Байбак			+	
Осел дикий	+		+	+	Хомяк обыкновенный			+	+
Волк		—		+	Хомяк серый				+
Собака			+	+	Мышь лесная				+
Лисица	+		+	+	Полевка обыкновенная				+
Корсак				+	Пеструшка степная желтая				+
Медведь бурый	+			+	Слепушонка				+
Лев пещерный	+			+	Тушканчик большой				+
Кошка лесная			+		Тушканчик малый				+
Рысь	+		+	+	Емуранчик				+
Барсук			+	+					

[43] Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., т. VIII, фиг. 12, 13; С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 8, фиг. в, г.

[44] С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, № 1, М.—Л., 1936, стр. 195—212.

[45] Д. А. Крайнов. Указ. соч.

[46] О. Н. Бадер. Новые данные по палеолиту Горного Крыма. Бюлл. Ком. по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.—Л., 1940, стр. 85—88.

Характер ландшафта и геологический возраст различных стадий крымского мезолита в настоящее время не могут быть восстановлены с желаемой полнотой. Наибольший материал для этих вопросов дают данные изучения флоры и фауны из культурных слоев пещерных стоянок.

Исследование древесных углей дало следующую картину.[47]

В Сюрени II и нижних слоях Шан-Кобы флора представлена осиной, рябиной обыкновенной, крушиной слабительной, березой и можжевельником. В ее составе совершенно отсутствуют представители широколиственных, характерных для более позднего времени и для современного Крыма. Весь приведенный список полностью повторяет состав флоры ориньякских слоев Сюрени I. Таким образом, в раннем мезолите Крыма продолжает существовать древесная растительность ледникового времени.

В тарденуазских слоях Шан-Кобы, Фатьма-Кобы и Кук-Река флора представлена дубом, кленом и рябиной обыкновенной, т. е. имеет уже современный облик. Среди юауны в культурных слоях шан-кобинской стадии уже отсутствуют представители ледникового комплекса. Здесь нет мамонта, северного оленя и других холодолюбивых животных, характерных для крымского палеолита.[48] Из животных, характерных для палеолита, удерживаются, и то в небольшом числе, пещерный лев, дикий осел, бизон и сайга.

Охотничья добыча состоит из лесных животных и, в меньшем числе, степных. Наибольшее значение приобретает кабан, количество особей которого значительно преобладает над другими животными. О более высоком уровне охотничьего хозяйства, по сравнению с палеолитом, свидетельствует наличие собаки, встреченной в двух стоянках.

Кроме охоты, несомненно, значительную роль играло собирательство. Следы его прослеживаются по скоплениям раковин съедобных моллюсков *Helix vulgaris*, обнаруженных в культурных слоях.[49] Рыболовство, повидимому, не играло сколько-нибудь заметной роли, так как кости рыб встречены в очень небольшом числе лишь в одной Сюрени II.[50] О малом значении рыболовства говорят и условия расположения стоянок, явно не тяготеющих к местам, удобным для рыбной ловли.

Следующая стадия, обычно называемая исследователями крымского мезолита «тарденуазской» — по аналогии с тарденуазской культурой Франции, представлена значительно бо́льшим количеством местонахождений. Среди них имеется несколько пещерных стоянок — средний слой Шан-Кобы, верхний слой Замиль-Кобы, Мурзак-Коба, Фатьма-Коба и др. и целая серия открытых поселений на плато горной части Крыма.

Стратиграфическое положение этой стадии лучше всего выявляется в пещере Шан-Коба, где соответствующий слой подстилается описанной выше шан-кобинской культурой и перекрывается неолитическим слоем. В Замиль-Кобе она также залегает выше слоя с шан-кобинской культурой. Эта же культура хорошо представлена в пещере Мурзак-Коба, где имеется лишь один культурный слой с очень хорошим несмешанным комплексом вещей. Поэтому «тарденуазскую» стадию мезолита Крыма я в дальнейшем буду называть «мурзак-кобинской».

---

[47] А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры по остаткам древесного угля. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. 5, М.—Л., 1934, стр. 66—74.

[48] Вера Громова и В. И. Громов. Материалы по изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии. Тр. Сов. секции АИЧП, вып. 1, Л., 1937, стр. 52—97.

[49] С. Н. Бибиков. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время. МИА СССР, вып. 2, М.—Л., 1941, стр. 140—141.

[50] М. И. Тихий. Рыбы из палеолита Крыма. Природа, 1928, № 11, стр. 1007.

В культурном слое стоянок Мурзак-Коба и Фатьма-Коба обнаружены современные им погребения.[51]

Обильный кремневый инвентарь этой культуры сохраняет по форме близость к шан-кобинской, что позволяет установить их непосредственную преемственность. Указанное сходство сказывается прежде всего в переживании тех же типов иволистных и черешковых наконечников стрел.[52] Они отличаются от более ранних шан-кобинских меньшими размерами, более четким выделением черешка и большей тонкостью плоской ретуши.

К формам, также пережившим от шан-кобинской стадии, относятся концевые скребки на ножевидных пластинках и боковые резцы. Они отличаются лишь меньшими размерами — чертой, характерной вообще для кремневых орудий мурзак-кобинской культуры.[53]

Процент этих типов орудий меньший по сравнению с предыдущей стадией. Для описываемой культуры более характерны округлые скребки на небольших отщепах с ретушью, идущей почти вокруг,[54] а среди резцов более часты угловые и на углу сломанной пластинки.[55]

Одним из многочисленных орудий являются узкие, часто довольно массивные пластинки с ретушированными выемками, повидимому, игравшие роль выемчатых скобелей для обстругивания круглых древков стрел.[56] Обильные геометризованные пластинки-вкладыши представлены также иными формами, чем в шан-кобинской стадии. Длинные низкие сегменты почти не встречаются. Взамен их появляются многочисленные трапеции — средние и высокие, короткие сегменты и иногда треугольники,[57] ножевидные пластинки, более узкие и правильные.

Нуклеусы в общем имеют тот же характер, что и раньше, но негативы от сколотых пластинок более узкие. В некотором количестве появляются небольшие плоские нуклеусы, приспособленные для скалывания небольших тонких пластинок. Они делаются значительно более частыми в поздней, неолитической, стадии.

Вместе с описанным инвентарем в верхнем слое Замиль-Кобы I найдены два примитивных, грубо оббитых кремневых топора без следов шлифовки. Топоровидные орудия в единичных экземплярах встречаются и в позднем мезолите более северных областей.[58] Это свидетельствует о первых проявлениях новой техники, свойственной уже неолиту.

Из костяных орудий Мурзак-Кобы очень любопытен обломок наконечника выскакивающего гарпуна. Пятка у него имеет вид конуса и отделена от тела выступами для привязывания ремня; гарпун, судя по сохранившимся остаткам, был снабжен двумя рядами клювовидных зубцов.[59] Зубчатые гарпуны совершенно неизвестны в восточноевропейском палеолите. Описанный гарпун имеет аналогии в западноевропейском мадлене.

Среди других изделий характерны костяные шилья с вытянутым жальцем, гладкие наконечники стрел или дротиков и костяной стержень с про-

---

[51] Г. Ф. Дебец. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму. Антропол. журн. 1936, № 2, стр. 144—165; Е. В. Жиров. Костяки из грота Мурзак-Коба, СА, № 5, М.— Л., 1940, стр. 179—186.

[52] С. Н. Бибиков. Грот Мурзак-Коба, рис. 11, фиг. и, р; Д. А. Крайнов. Ук. соч., т. VII, фиг. 8.

[53] С. В. Бибиков. Грот Мурзак-Коба, рис. 11, фиг. а, д, р, ф, н; Д. А. Крайнов. Указ. соч., т. VI, фиг. 2.

[54] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 12, фиг. в, г.

[55] Там же, рис. 12, фиг. з.

[56] Там же, рис. 10, фиг. б, к.

[57] Там же, рис. 11, фиг. л, п; Д. А. Крайнов. Указ. соч., т. VIII, фиг. 4, 5.

[58] П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. Русск. антропол. журн., т. 13, вып. 3—4, М., 1924, рис. 145—146.

[59] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 13-а.

дольным желобком для вставки кремневых вкладышей.[60] Последний служил, вероятно, не наконечником, а оправой ножа или пилки.

Из приведенного выше краткого описания можно видеть, что инвентарь мурзак-кобинской стадии, сохраняя некоторое количество элементов, общих с шан-кобинской, во всех основных чертах представляет собой дальнейшую стадию развития крымского мезолита. Ее наиболее характерной чертой является процесс «микролитизации», т. е. уменьшение размеров и большая стандартность форм кремневых орудий, особенно геометризованных пластинок-вкладышей. Это свидетельствует об усовершенствовании техники оснащения наконечников метательных орудий кремневыми лезвиями. Характер хозяйства, повидимому, остается близким к предыдущей стадии.

Попрежнему поселения имеют небольшие размеры, малую мощность культурного слоя, слабо насыщенного поделками, отбросами производства и кухни.

Наряду с сохранением ведущего значения охоты можно проследить значительное усиление роли собирательства. В последнем большое значение приобретает добывание съедобных наземных влаголюбивых моллюсков — *Helix vulgaris*. В небольшом количестве они встречаются и в слоях с шан-кобинской культурой, но во всех пещерах с мурзак-кобинской культурой раковины образуют целые прослойки близ кострищ и заполняют кладовые в боковых нишах.

В пещерах Шан-Коба и Юсуф-Коба встречены и специальные ямки, служившие для запекания моллюсков.[61] Повидимому, усиливается и роль рыболовства. По сообщению Бибикова[62] в стоянке Мурзак-Коба среди кухонных отбросов имеется много костей рыб. Но все же основным занятием остается охота, что видно из состава инвентаря, среди которого преобладают орудия охоты, и из условий расположения стоянок. Пещерные стоянки, несмотря на нахождение их на краю речных долин, располагаются на большой высоте над руслом и явно не тяготеют к воде. Огромное же количество открытых стоянок находится на плато «яйл», в нагорной части Крыма,[63, 64] вдали от водоемов, богатых рыбой. Они обычно расположены близ карстовых родников и небольших озерков. Судя по всем данным, время мезолитических поселений совпадает с влажным и теплым климатом послеледникового времени, когда крымское нагорье было покрыто лесом и поселения располагались на лесных полянах и опушках вблизи небольших родников.

Многочисленные стоянки нагорной части Крыма занимают небольшие площади и, несмотря на обилие кругом известняковых глыб, почти не сохранили остатков постоянных жилых сооружений. Лишь на одной стоянке Ат-Баш был обнаружен очаг из больших камней.[65]

Количество изделий на стоянках также невелико. Повидимому, нагорные открытые стоянки представляют собой сезонные (вероятно, летние) поселения небольших родовых групп. Нахождение среди культурных остатков морских галек и раковин свидетельствует об их передвижениях

---

[60] С. Н. Бибиков. Указ. соч., рис. 8, фиг. в, г, д; рис. 7, фиг. а.

[61] С. Н. Бибиков. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время. МИА СССР, вып. 2, М.—Л., 1941, стр. 140—141.

[62] С. Н. Бибиков. Грот Мурзак-Коба. Новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, № 5, 1940, стр. 159—178.

[63] А. С. Моисеев. Каменный век на Крымской Яйле. Природа, М.—Л., 1923, № 1, стр. 122—126.

[64] О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, № 5, М.—Л., 1940, стр. 93—100.

[65] Б. С. Жуков. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июне 1927 г. Журн. «Крым», М.—Л., 1927, № 2 (4), стр. 99—107.

вниз, к морскому побережью.[66] Вероятнее всего, что в зимнее время эти группы жили в пещерных стоянках, имеющих поселения более постоянного характера и лучше приспособленных к условиям суровой зимы горного Крыма.

Остатки млекопитающих из кухонных отбросов состоят в основном из лесных животных, и лишь небольшое количество в виде сайги и дикого осла среди материала из верхнего слоя Замиль-Коба I свидетельствует о том, что охотники посещали и степные районы.

На большое значение охоты указывают также кости собаки, систематически находимые в слоях этой эпохи. На первом месте среди объектов охоты стояли кабан и марал. Остальные животные встречаются большей частью в небольшом количестве.

В. И. Громов и Вера Громова на основании того, что среди остатков кабанов преобладают кости поросят, высказывают предположение о возможности приручения свиней в мезолите.[67] Вопрос этот представляет очень большой интерес, но при современном уровне нашего знания культуры мезолита он не может быть разрешен.

К мурзак-кобинской стадии относятся три человеческих погребения — два в гроте Мурзак-Коба[68] и одно в Фатьме-Коба.[69] Все погребения без вещей, расположены на площади стоянок, в толще культурного слоя. Такой обряд характерен для палеолита. По мнению Г. Ф. Дебеца, все три скелета принадлежат к позднему варианту кроманьонского типа Европы.[70]

Фауна мурзак-кобинской культуры

	Мурзак-Коба	Замиль, 1 верхний слой	Фатьма-Коба	Шан-Коба, 2—3 слои		Мурзак-Коба	Замиль, 1 верхний слой	Фатьма-Коба	Шан-Коба, 2—3 слои
Марал	+	+	+	+	Собака	+	+	+	+
Косуля	+		+	+	Барсук	+			+
Кабан	+	+	+	+	Кошка лесная		+	+	+
Муфлон				+	Рысь		+	+	
Сайга		+			Куница каменная				+
Осел		+			Хомяк обыкновенный			+	+
Медведь	+				Заяц русак	+		+	
Лисица	+		+	+	Суслик рыжеватый			+	
Волк			+	+					

Что касается открытых стоянок, то, к сожалению, вследствие отсутствия в многочисленных статьях описаний собранных на них орудий, в настоящее время не представляется возможным разделить относящиеся, с одной стороны, к мурзак-кобинской стадии и, с другой, к неолитической эпохе. По находкам некоторых остатков глиняной посуды принадлежность их к неолиту не вызывает сомнения.[71] К неолиту же относится и верхний слой

[66] О. Н. Бадер. Новые данные по палеолиту Горного Крыма. Бюлл. Ком. по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.—Л., 1940, стр. 85—88.

[67] Вера Громова и В. И. Громов. Материалы по изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии. Тр. Сов. секции АИЧПЕ, вып. 1, Л., 1937, стр. 52—97.

[68] С. Н. Бибиков. Грот Мурзак-Коба. Новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, № 5, 1940, стр. 159—178.

[69] Е. В. Жиров. Костяки из грота Мурзак-Коба. СА, вып. 5, М.—Л., 1940, стр. 179—186.

[70] Г. Ф. Дебец. Указ. соч.

[71] С. Н. Бибиков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 26—31. О. Н. Бадер. Некоторые итоги изучения эпипалеолита в Крыму. Тезисы доклада. Изд. АН СССР, май 1936 г.

в пещере Шан-Коба.[72] Исследователь сообщает, что инвентарь в этом слое состоит из большого количества правильных ножевидных пластинок, геометризованных пластинчатых вкладышей, концевых и округлых скребочков и резцов. Общее отличие кремневых изделий от предыдущих стадий — это их миниатюрность. Значительный процент «микролитов» — вкладышей и скребочков — размером не превышает 1.5—2 см.

Среди форм, характерных для неолитической стадии и не встречающихся в мурзак-кобинской стадии, отметим небольшие сегменты со спинкой, покрытой по всей дуге плоской ретушью, и небольшие, высокие трапеции «со струганой спинкой». Вся поверхность со стороны спинки у них как бы сострогана плоскими фасетками, нанесенными с боковых сторон. Эти орудия настолько характерны, что могут служить руководящим датирующим типом.

В верхнем слое Шан-Кобы трапеций «со струганой спинкой» встречено около 100 экз.[73] Они находятся и во всех открытых стоянках, содержащих керамику (Ат-Баш, Джайляу-Баш, Балин-Кош, Кара-Кач и др.).

Мезолитические стоянки левобережной Украины, к сожалению, изучены значительно хуже. Наибольшее число памятников исследовано Н. Сибилевым на Донце.[74] Но способ издания типологическими сериями, принятый автором, не дает возможности выделить комплексы даже главнейших стоянок и тем самым получить характеристику различных стадий.

По краткому отчету Сибилева и суммарному описанию П. П. Ефименко стоянки с «микролитическим инвентарем» располагаются на дюнах I надпойменной террасы, т. е. в обычных условиях для мезолитических поселений Русской равнины. Вследствие этого остатки фауны и костяные орудия до нас не дошли.

П. П. Ефименко[75] указывает, что стоянки с ранненеолитическим «макролитическим» инвентарем располагаются часто на пойме, то на песчаных грядках, то просто на луговом берегу реки. Судя по условиям расположения и характеру орудий, эти стоянки относятся уже к более позднему времени, к раннему, а может быть, и к развитому неолиту.

Судя по изданным материалам сборов Сибилева, кремневые орудия стоянок окрестностей Изюма совершенно аналогичны крымскому мезолиту. В них, несомненно, представлены обе поздние стадии — «мурзак-кобинская» и «неолитическая».

Орудия наиболее ранней «шан-кобинской» стадии встречаются в единичных экземплярах. Так же как и в Крыму, иволистные и черешковые наконечники стрел сравнительно редки, а большинство изделий состоит из небольших пластинчатых вкладышей геометрических очертаний — низких, средних и высоких трапеций, сегментов и столь характерных для конца мезолита Крыма трапеций «со струганой спинкой».

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая работа печатается по незаконченной рукописи, хранящейся в архиве М. В. Воеводского. Безвременная кончина М. В. Воеводского не дала ему окончить разделы, посвященные характеристике мезолита Десны,

---

[72] С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, № 1, М.— Л., 1936, стр. 195—212.

[73] С. Н. Бибиков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 26—31.

[74] Н. В. Сибилев. Старовинності Ізюмщини, в. II, 1926 р., в. III, 1928 р., вып. IV, 1930.

[75] П. П. Ефименко. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма. «Старовинності Ізюмщини», вып. III, стр. 5—10.

Прибалтики и общеисторическим выводам. Содержание работы было доложено М. В. Воеводским 2 апреля 1948 г. на антропологической секции ученого совета Биофака МГУ. Основные выводы этого доклада сводились к следующему:

1. В мезолите в результате крупных изменений в хозяйстве (переход от загонной охоты на крупных травоядных к охоте мелкими группами охотников с луками и рыболовству) при большей подвижности населения человек смог активнее освоить особенности ландшафта. Поэтому в мезолите нет того однообразия в инвентаре стоянок, как в палеолите восточной Европы. Анализ материалов мезолитических стоянок позволяет выделить ряд областей с разным производственным инвентарем, приспособленным к данным природным условиям.

2. Теперь надо говорить не о свидерской стадии для всей восточной Европы, а о свидерской культурной области, охватывающей лишь северную часть восточной Европы. В бассейне Оки и на Верхней Волге прослеживается развитие свидерской культурной области от раннемезолитических памятников (Гремячее) до неолита (через Елин бор и Соболево).

3. От свидерских стоянок лесных охотников резко отличаются мезолитические стоянки Крыма и левобережья Украины, оставленные бродячими охотниками степной полосы, занимавшимися и правильным собирательством (наземных улиток и т. д.). В Крыму выделяются две мезолитические культуры — ранняя и поздняя: Шан-Кобинская и Мурзак-Кобинская.

4. На средней Десне раскопками стоянок (у с. Пушкари) Покровщина и Песочный ров выделена другая своеобразная культура.[1] Для нее характерно преобладание орудий на отщепах: концевых округлых скребков, скобелей и т. д. и грубых нуклевидных скребел, развивающихся из типа рабо. Геометрические орудия отсутствуют. Стрелы — подтреугольные с поперечным лезвием и асимметричные с боковой выемкой. В ранней стоянке Покровщина переживают палеолитические формы орудий, в поздней — Песочный ров — зарождаются неолитические.

5. В Прибалтике выделяются мезолитические культуры Лингби и Гамбургская, возникшие на свидерской основе. Для них характерны морское рыболовство и собирательство. Находки в стоянках остатков рыб открытого моря и моллюсков банок моря говорят о наличии лодок. Обработка дерева вызвала широкое распространение в Прибалтике рубящих и долбящих макролитических орудий.

6. На основе единой материальной культуры позднего палеолита возник ряд культур и культурных областей мезолита с различным инвентарем, характер которого обусловила производственная традиция в определенных природных условиях. По материалам Десны, Крыма и Прибалтики можно говорить о сложении этой традиции в небольших районах. Территория Деснинской и Крымских мезолитических культур примерно равна территории неолитических культур восточной Европы — районов, несомненно заселенных отдельными племенами. Это говорит о возникновении племенной организации в мезолите, что подтверждают этнографические материалы о племенах, стоящих на той же стадии.

---

[1] Характеристике этой культуры посвящена печатающаяся в «Кратких сообщениях» статья М. В. Воеводского и А. А. Формозова «Стоянка Песочный ров».

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

М. В. ВОЕВОДСКИЙ и А. В. ЗБРУЕВА

МАЛО-ОКУЛОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

На берегу р. Велетьмы, в пойме р. Оки, между деревнями Малое Окулово и Волосово Горьковской обл., на невысокой песчаной гряде расположена группа интереснейших археологических памятников — славянское селище, стоянка и курганный могильник эпохи бронзы, остатки неолитической стоянки (рис. 38).

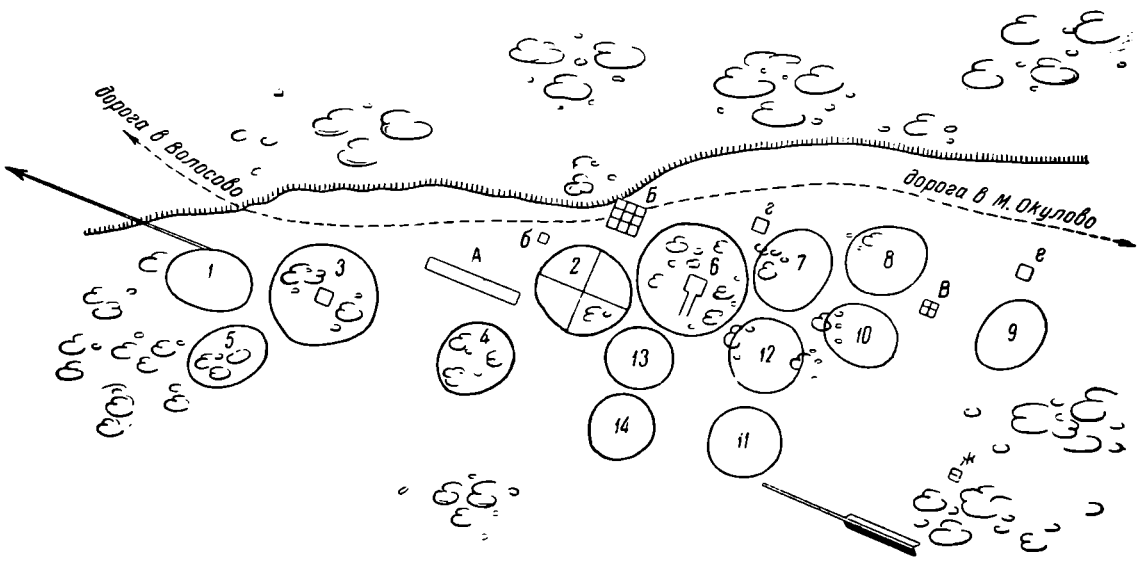


Рис. 38. План расположения археологических памятников на берегу р. Велетьмы (курганы обозначены цифрами)

Эта стоянка — один из древнейших памятников окского неолита. Льяловскую и Мало-Окуловскую стоянки можно объединить в наиболее раннюю группу среднерусских неолитических поселений, поэтому исследование ее представляет большой научный интерес, как изучение раннего этапа развития неолитической культуры на территории Средней России.

Следы неолитической стоянки были обнаружены во время раскопок курганного могильника, относящегося к эпохе бронзы — ко второй четверти II тысячелетия до н. э.[1] Раскопки производились экспедицией Московского антропологического ин-та в 1927—1928 гг. В насыпи курганов № 1 и 2, расположенных в северной части могильника (рис. 38), сразу под дерном стали попадаться обломки типичной неолитической глиняной

[1] А. В. Збруева. Мало-Окуловский могильник. СА, № 9, 1947.

посуды — толстостенные, с примесью дресвы в глиняном тесте и ямочно-гребенчатым орнаментом, а также кремневые орудия, отщепы и осколки кремня.

В кургане № 2 эти находки продолжались ниже древней поверхности почвы, которая ясно прослеживалась в разрезе насыпи по линии восток — запад и ниже уровня погребения, которое находилось на глубине около 50 см.

Немного ниже горизонта, под северной, а отчасти под южной половиной насыпи, показались темные и углистые пятна с находками ямочно-гре-

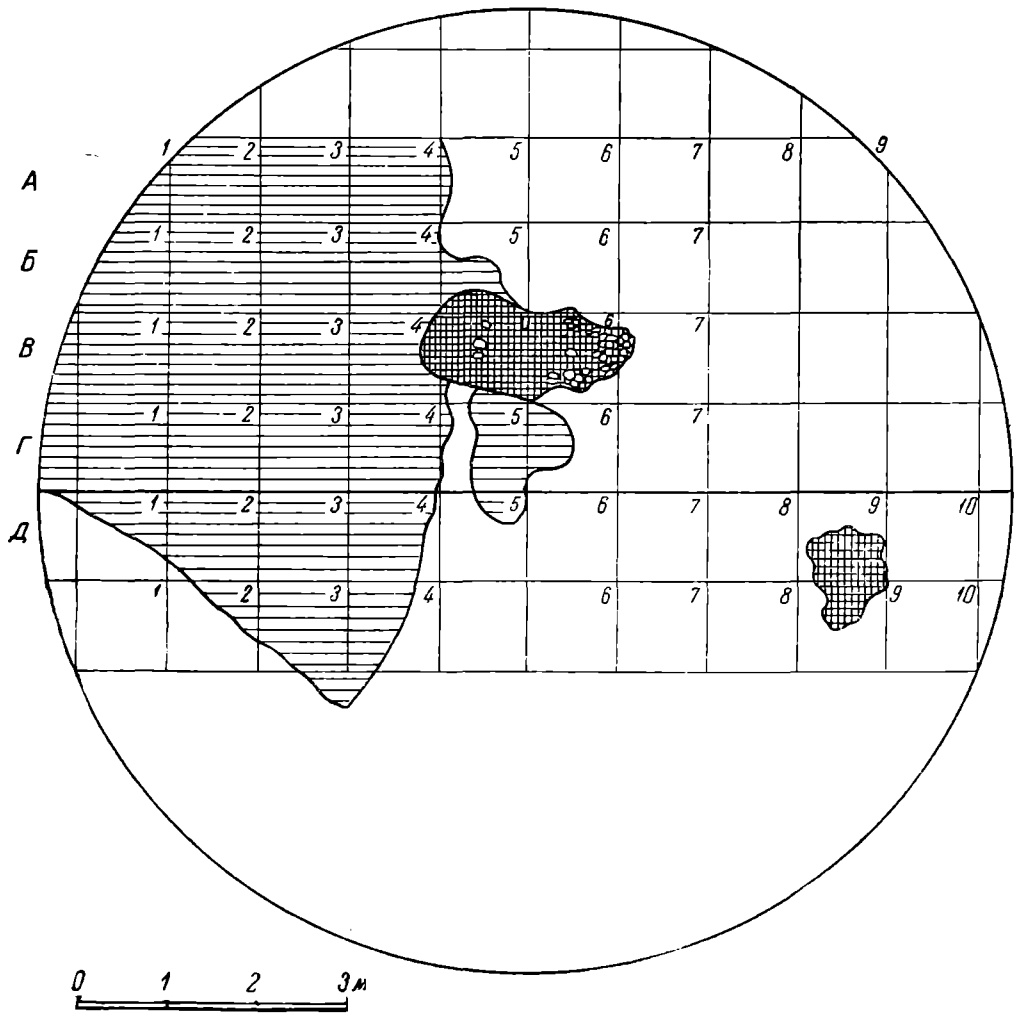


Рис. 39. План темных пятен под насыпью кургана № 2 на глубине 40—60 см. Цифрами и буквами обозначена квадратная сетка

бенчатой керамики и кремня. Лежавшая под насыпью площадь с глубины 20 см была разделена на участки в 1 м^2 и раскапывалась как стоянка. С глубины 20—30 см под северной половиной насыпи отдельные темные пятна слились в большое пятно, в восточной части которого выделился углистый слой с кремнем и ямочно-гребенчатой керамикой, лежавшей сплошь в несколько рядов — остатки древнего очага. Второе очажное пятно с керамикой и кремнем обнаружилось под южной частью насыпи (рис. 39). Очажные пятна шли до глубины 70 см; до этой же глубины наблюдалась и средняя часть темносерого пятна. Все эти наблюдения указывали, что под насыпью кургана № 2, главным образом под северной его половиной, находились остатки древнего жилища с очагом; большая часть жилища

была размыта до насыпки курганов, а потом еще разрушена в связи с рытьем могилы и устройством насыпи кургана № 2.

Предположение о размыве древней стоянки возникло вследствие слишком незначительной для неолитического жилища глубины (60 см от поверхности) залегания характерного для пола жилища черного слоя с на-

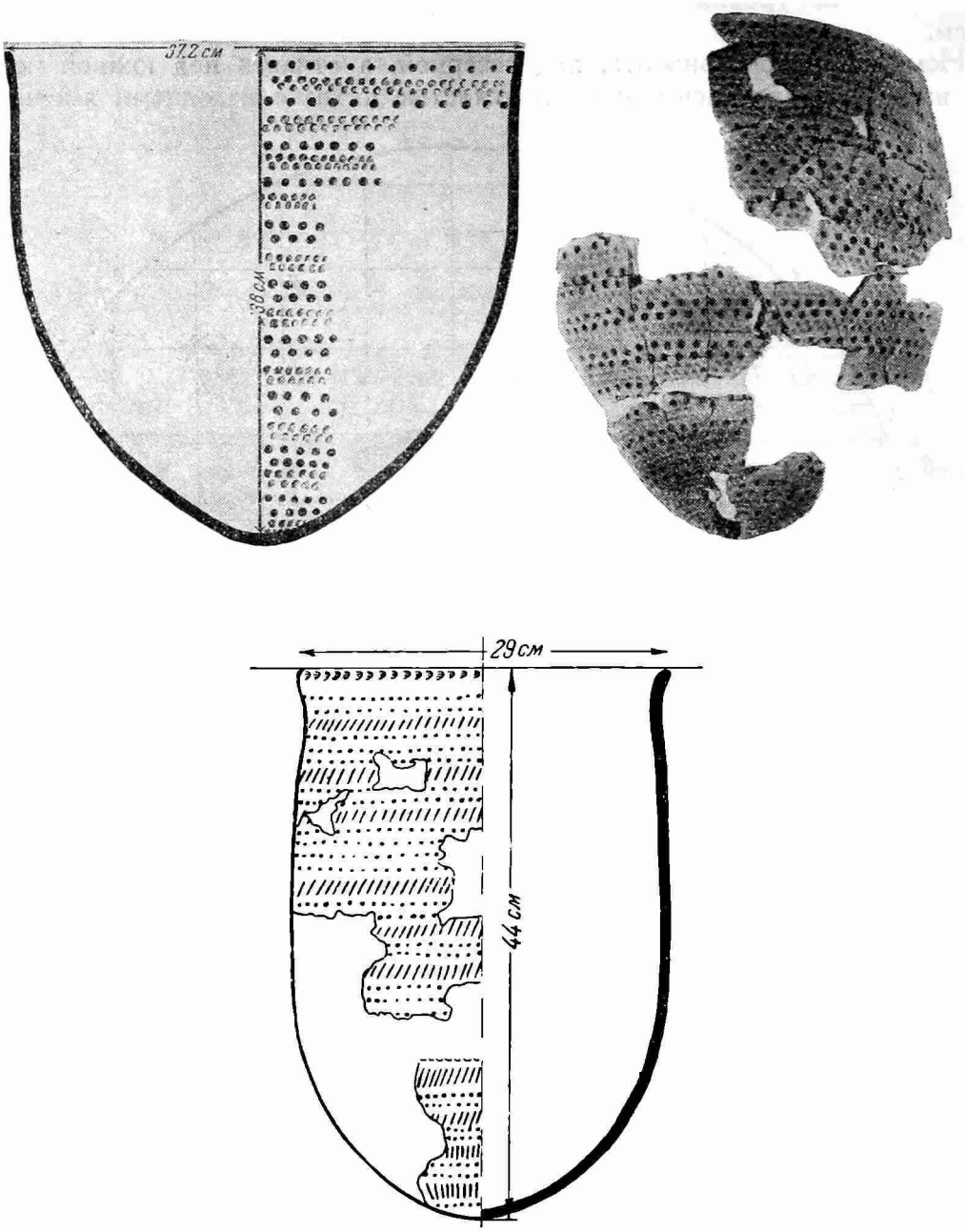


Рис. 40. Реставрированные сосуды Мало-Окуловской стоянки

ходками и очагом. На глубине 70 см находки и темные пятна прекратились и ниже шла материковая глина.

Окраска и насыщенность слоя с находками, а также наличие больших фрагментов целых сосудов производили впечатление остатков жилища, относящегося к неолиту. Приводим выписки из дневника 1928 г.

1. «В кургане № 2 с глубины около 20 см и ниже располагалась масса обломков сосудов в черном углистом слое и целые части сосудов, состоя-

щие из отдельных фрагментов, что дает возможность предполагать в этом месте существование очага древней стоянки».

2. В восточной части гребня, оставленного для наблюдения над строением насыпи кургана 2-го «на участке 3/8 на глубине 30—70 см было обнаружено черное углистое пятно округлой формы диаметром 60—80 см, в котором встречались мелкие обломки жженых костей, ямочно-гребенчатая керамика, очень незначительные куски красной краски и много мелких угольков. Повидимому, здесь была очажная яма, связанная с древней стоянкой».

Во время раскопок курганов в 1927—1928 гг. были сделаны также наблюдения, указывающие на то, что на территории курганного могильника находилась не только неолитическая стоянка, но еще и стоянка эпохи бронзы.

Для уточнения этих наблюдений и определения границ обоих памятников и их стратиграфии были поставлены рекогносцировочные раскопки 1929 г.

Так как обломки неолитических сосудов встречались главным образом в насыпях курганов № 1 и 2, лежащих в северной части могильника,— в насыпи же остальных курганов они попадались более редко среди фрагментов посуды бронзовой эпохи, а в насыпи кургана № 9 совсем не встречались,— казалось вероятным, что неолитическая стоянка занимала северную часть площади могильника. В то же время фрагменты сосудов бронзовой эпохи, найденные в насыпях остальных вскрытых курганов (№ 8, 9, 10, 12), могли в равной мере относиться и к культурному слою стоянки, из которого были насыпаны курганы, и к погребениям, как одна из особенностей погребального обряда.

Для выяснения поставленных вопросов были заложены небольшие траншеи А и Б в северной части могильника, где наиболее часто находились обломки неолитической посуды и произведена шурфовка как в северной, так и в южной и юго-восточной его части, где имелись указания на существование стоянки эпохи бронзы (рис. 38).

В траншее А (1.5 × 13.5 м) под дерном залегал культурный слой с находками (песок серо-желтый мелкозернистый), который почти во всех участках на глубине около 80 см — 1 м подстилался тонким слоем более светлого песка, ниже которого шла глина. Иногда переход культурного слоя в более светлый песок был мало заметен. Лишь в участке 7 культурный слой доходил до глины на глубине около 1 м. В культурном слое до 60—80 см шли находки ямочно-гребенчатой керамики и кремневых орудий, отщепов и осколков; среди них: два мелких обломка полированных орудий, кремневый отбойник, ножевидная пластинка, кремневый скребок. На участках А/1—3 на глубине 60 см заметны были небольшие темные пятна; в одном из них был найден отбойник; в том же участке (А/3) на глубине 60 см лежала часть неолитического сосуда. Никаких находок, связанных с бронзовой стоянкой, здесь не было, так же как в насыпи кургана № 1. Культурный слой был однороден. Отсюда можно сделать вывод, что севернее кургана № 2 находилась лишь неолитическая стоянка, но уже в насыпи кургана № 2 попадались обломки сосудов бронзовой эпохи.

В траншее Б (4.5 × 4.5 м) культурный слой находился под дерном и разделялся на два горизонта: верхний, состоявший из мелкозернистого серо-коричневого песка, который шел до глубины 40—50 см, и нижний — из более светлого песка сероватого цвета, с темными пятнами, углублявшегося до 1 м. Ниже начиналась материковая глина. В верхнем горизонте культурного слоя встречались преимущественно обломки посуды бронзовой эпохи, а в нижнем — только ямочно-гребенчатая керамика. В большинстве участков с глубины 57—60 см до глубины 82—85 см шли темные пятна

неправильных очертаний, некоторые — с углем; в одном из этих пятен на участке Б/1 находилась небольшая ямка (длина ее 70 см, ширина 50 см, глубина 25 см), наполненная мелкими раковинами.

Очевидно, в этом месте культурный слой неолитической стоянки, частично уже уничтоженный размывом, был перекрыт культурным слоем бронзовой эпохи. Темные пятна различной по интенсивности окраски,— некоторые из них с углем или золистыми включениями,— являются остатками древнего культурного слоя, очагов, а может быть и жилища.

В шурфе В (3×3 м) под довольно толстым дерновым слоем (16—26 см) шел однородный культурный слой (песок мелкозернистый серо-желтый) до глубины 60—80 см. У западной стенки шурфа посредине заметно было снижение культурного слоя до 146 см, на дне которого находилась прослойка с углем длиной около 20 см. Такая же прослойка выстилала дно чашевидного включения внутри культурного слоя, которое начинаясь под дерном, шло до глубины 60—85 см; эта углистая прослойка — вероятно, следы небольшого очага. Скопления находок здесь не было.

Культурный слой в шурфе В имел очень неровный прерывистый нижний край; отдельные пятна его лежали среди подстилающего слоя; в верхней части иногда наблюдались пеплистые включения, в нижней или средней — песчаные. В общем, он производил впечатление перемешанного. Это впечатление подтвердилось и находками: неолитическая керамика попадалась с глубины 20—30 см, в то же время обломки сосудов эпохи бронзы встречались на глубине 60—70 см. Керамики той и другой эпохи было сравнительно немного, так же как и кремня.

Шурфы Е и Ж (1.5×1.5 м), заложенные еще южнее, почти не дали находок керамики. В шурфе Ж находился лишь кремень, в шурфе Е, кроме кремня, один обломок сосуда, отсутствующий в коллекции. Но в насыпи кургана № 9, самого южного, совершенно не было обломков неолитической керамики, зато во всех горизонтах ее и ниже, до самого погребения, обнаружены были обломки посуды бронзовой эпохи.

Очевидно, стоянка бронзовой эпохи начиналась примерно около кургана № 2, частично перекрывала неолитическую, которая занимала северную часть курганного поля, примерно до кургана № 8, и затем продолжалась далее к югу до конца песчаной гряды. Культурный слой ее был не толст и не богат находками. Главная масса их находилась в насыпях курганов, сильно разрушивших культурный слой стоянки. Судя по обломкам посуды, могильник должен быть хронологически близок к стоянке бронзовой эпохи.

Прежде чем перейти к описанию находок на неолитической стоянке, необходимо отметить, что если выделение неолитической керамики из посуды эпохи бронзы не представляет труда, то разграничение кремневых орудий, напротив, значительно труднее. Неолитические наконечники стрел были выделены М. В. Воеводским во время начатой авторами совместно обработки коллекции, но остальные кремневые орудия им выделены не были.

Ввиду того, что типологическое выделение неолитических кремневых орудий в данном случае представлялось А. В. Збруевой невозможным, ею были приняты за основу стратиграфические данные. Прежде всего она относила к неолитической стоянке тот кремневый материал, который был найден под северной половиной насыпи кургана № 2 (на глубине 30—70 см) в темных пятнах и среди скоплений неолитической керамики; затем — кремень из траншеи А, где также не было обломков сосудов бронзовой эпохи; наконец, отчасти материал из нижних слоев траншеи Б. Из остальных каменных орудий привлекались лишь близкие формы, каждый раз с соответствующими оговорками.

Кремневые поделки Мало-Окуловской неолитической стоянки изготовлены из валунного кремня разного цвета и неодинакового качества. Один наконечник стрелы, от которого сохранился лишь обломок, был сделан из кварцита, а единственное шлифованное орудие, от которого также сохранились лишь два мелких обломка,— из диорита. Большая часть кремневых орудий сделана на отщепах. Обломки нуклеусов тоже указывают на отбивание отщепов, иногда довольно крупных. Ножевидных пластинок мало. Из них изготовлено лишь одно орудие.

Из орудий производства в коллекции имеется небольшой отбойник из массивной в разрезе овальной гальки, покрытой следами многочисленных ударов, и обломок нуклеуса, служивший, повидимому, ретушером.

Крупные орудия, грубо обработанные приемами макролитической техники, характерные для Льяловской стоянки, среди кремневых орудий Мало-Окуловской стоянки отсутствуют.

Наконечников стрел всего 4 целых и 2 обломка. Они имеют листовидную или ромбоидальную форму. Поперечный разрез их линзовидный. У некоторых слегка выделен утолщенный черешок. Все наконечники обработаны плоской сплошной ретушью. Лишь на одном перо обработано с одной стороны только краевой ретушью. Размеры целых наконечников варьируют в следующих пределах: длина — 3.2—3.5 см, наибольшая ширина — 1.1—1.7 см (рис. 41—*1—3*). Один обломок наконечника — от более крупного орудия; его длина около 5.5 см, наибольшая ширина 2.3 см. (рис. 41—*4*). Второй обломок сделан из кварцита, по форме и обработке не отличается от описанных выше целых.

Очень интересна группа массивных скребковидных орудий (3 экз.). Наиболее типичное из них изготовлено из массивного отщепа желтоватого кремня и имеет форму, близкую к удлиненной трапеции. Со стороны спинки оно обработано по всему краю довольно крутой ретушью. На брюшке сбит ударный бугорок и произведена подработка рабочего края орудия. Следы работы, которые можно наблюдать со всех сторон, как со спинки, так и с брюшка, указывают, что орудием не скребли, а долбили какие-то твердые предметы. Размеры его: 5 × 3.5 — 3 × 1.2 см (рис. 41—*5*).

В группе скребков (4 экз) интересен один массивный скребок подчетырехугольной формы, с выступом и участком корки на одной из длинных сторон. Из остальных трех сторон две обработаны мелкой ретушью и имеют следы в виде мелких заломов. Подработки с брюшка нет. Размеры скребка 5 × 3 × 2 см (рис. 41—*6*).

Заломы вдоль всего рабочего края имеет также небольшой округлый скребок на отщепе коричневого кремня, обработанный почти кругом, посредине более крутой, по краям более отлогой ретушью. Заломы эти указывают на какие-то особые функции орудия. Брюшко его гладкое. Размеры скребка: 3.4 × 3 × 0.8 см (рис. 41—*7*).

Остальные два скребка изготовлены из плоских отщепов кремня. Рабочий край одного орудия — дуговидный, обработан со стороны спинки мелкой крутой ретушью; у второго экземпляра обработана также одна из боковых сторон отлогой заостряющей ретушью. Размеры его: 3.7 × 2 × 0.4—0.2 см (рис. 41—*8*).

Группа режущих орудий состоит из двух целых экземпляров и одного обломка. Одно из целых орудий изготовлено на ножевидной пластинке желтого кремня. Оно обработано очень тонкой отжимной ретушью со стороны спинки почти кругом, а короткие стороны подработаны и со стороны брюшка. Одна из коротких сторон немного более массивна, скошена и вместе с одной из длинных сторон образует дуговидное лезвие ножа. Другая

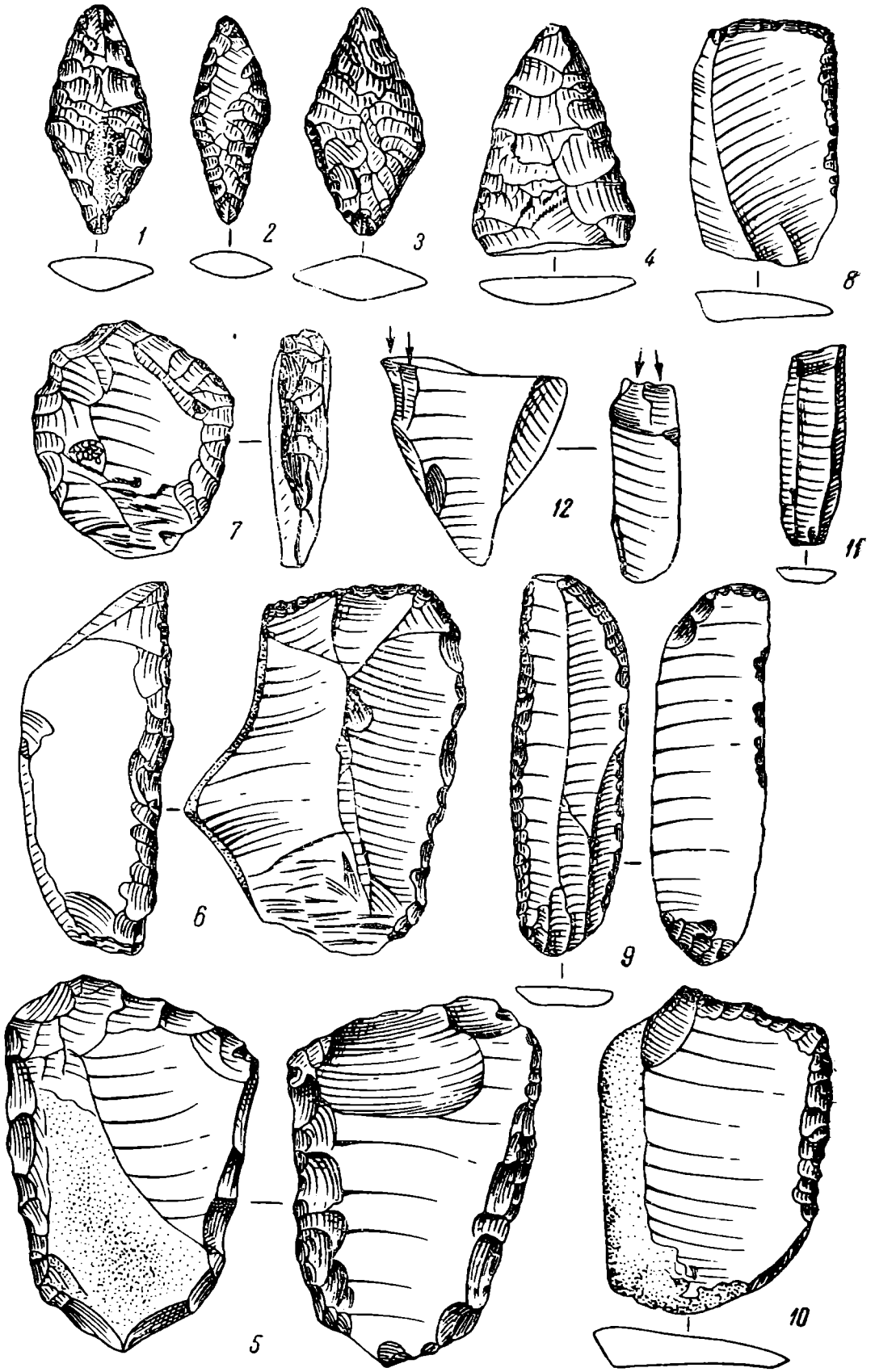


Рис. 41. Кремневые орудия Мало-Окуловской стоянки

1 — 4 — наконечники стрел; *5* — скребковидное орудие; *6—8* скребки; *9—10* — режущие орудия; *11*—ножевидная пластинка; *12* — резец нат. вел.)

длинная сторона дает прямое лезвие. Размеры: 5.8 × 1 см; 6 × 0.4 см (рис. 41—*9*).

Второе режущее орудие сделано на плоском отщепе желтоватого кремня с коркой. Два рабочих края образуют почти прямой угол; обработаны они со стороны спинки отлогой заостряющей ретушью. Размеры: 4.8 × 3.5 × × 0.3—0.6 см (рис. 41—*10*).

Кроме режущих орудий, в коллекции имеется небольшая ножевидная пластинка. Размеры ее: 3 × 1; 0.7 × 0.3 см (рис. 41—*11*).

Из трех грубых массивных резцов, имеющихся в коллекции, лишь один был найден в нижних горизонтах культурного слоя, над насыпью кургана № 2. Этот резец — на довольно массивном обломке нуклеуса темносерого кремня. Резцовый скол короткий, с заломами; верхняя площадка неровная. Длина — около 3.5 см, толщина — около 1 см (рис. 41—*12*). Небольшая группа грубых, довольно массивных резцов имеется среди орудий Льяловской стоянки.

Кроме того, в коллекции имеется обломок заготовки довольно крупного орудия.

Керамика

Во время раскопок курганов и шурфовки стоянки было собрано довольно большое количество обломков глиняной посуды, при обработке которой, совместно с М. В. Воеводским, удалось выделить около 70 сосудов.

Из фрагментов посуды, лежавшей под северной половиной насыпи кургана № 2, на глубине 40—70 см, удалось склеить почти целиком два сосуда, которые были реставрированы (рис. 40), и несколько крупных частей других сосудов. В нижнем горизонте культурного слоя траншеи А была найдена нижняя часть большого сосуда, а в других местах — довольно крупные фрагменты горла и стенок.

Все эти данные позволяют установить форму и размеры сосудов. В большинстве случаев это — крупные толстостенные сосуды; более мелких очень мало, а совсем миниатюрных — лишь один обломок. Диаметр горла их 30—40 см; о высоте большинства из них судить трудно, вероятно, она примерно такая же. Форма сосудов однообразна. Все они яйцевидные, с прямым или чуть отогнутым горлом, некоторые из них более высокие и узкие (рис. 40). Сосуды изготовлялись ленточной техникой от руки; в глиняном тесте имеется примесь мелкой дресвы. Внешняя и внутренняя поверхность их хорошо заглажена тряпкой или кожей, изредка внутри на отдельных участках — зубчатым штампом; наружная поверхность, за редким исключением, сплошь покрыта ямочным и гребенчатым орнаментом. Иногда гребенчатый орнамент покрывает венчик и, в редких случаях, внутреннюю поверхность горла. Изредка орнамент из гребенчатых или дуговидных вдавлений находится на отдельных участках внутренней поверхности, главным образом на бугорках, получившихся при нанесении ямок с наружной стороны.

Толщина горла большинства крупных сосудов — около 1 см, стенок — 0.8—0.9 см, днища — 1.5—2 см. Однако есть два-три крупных сосуда более тонкостенных: толщина их горла около 0.6 см, стенок — 0.8 см, днищ — около 1 см. Несколько более мелких сосудов имеют толщину горла 0.5—0.6 см, стенок — около 0.6 см, днищ — около 1 см.

Обжиг сосудов производился на кострах, но он довольно хороший, хотя цвет фрагментов посуды в изломах не однородный. Внешняя и внутренняя поверхность посуды красновато-коричневая.

Основной элемент орнамента, который встречается на всех сосудах,— глубокая круглая ямка с коническим дном, нанесенная белемнитом. Этот

элемент чаще всего сочетается с различными отпечатками гребенчатого штампа, реже — с оттисками перевитой веревочки и небольшими неглубо-

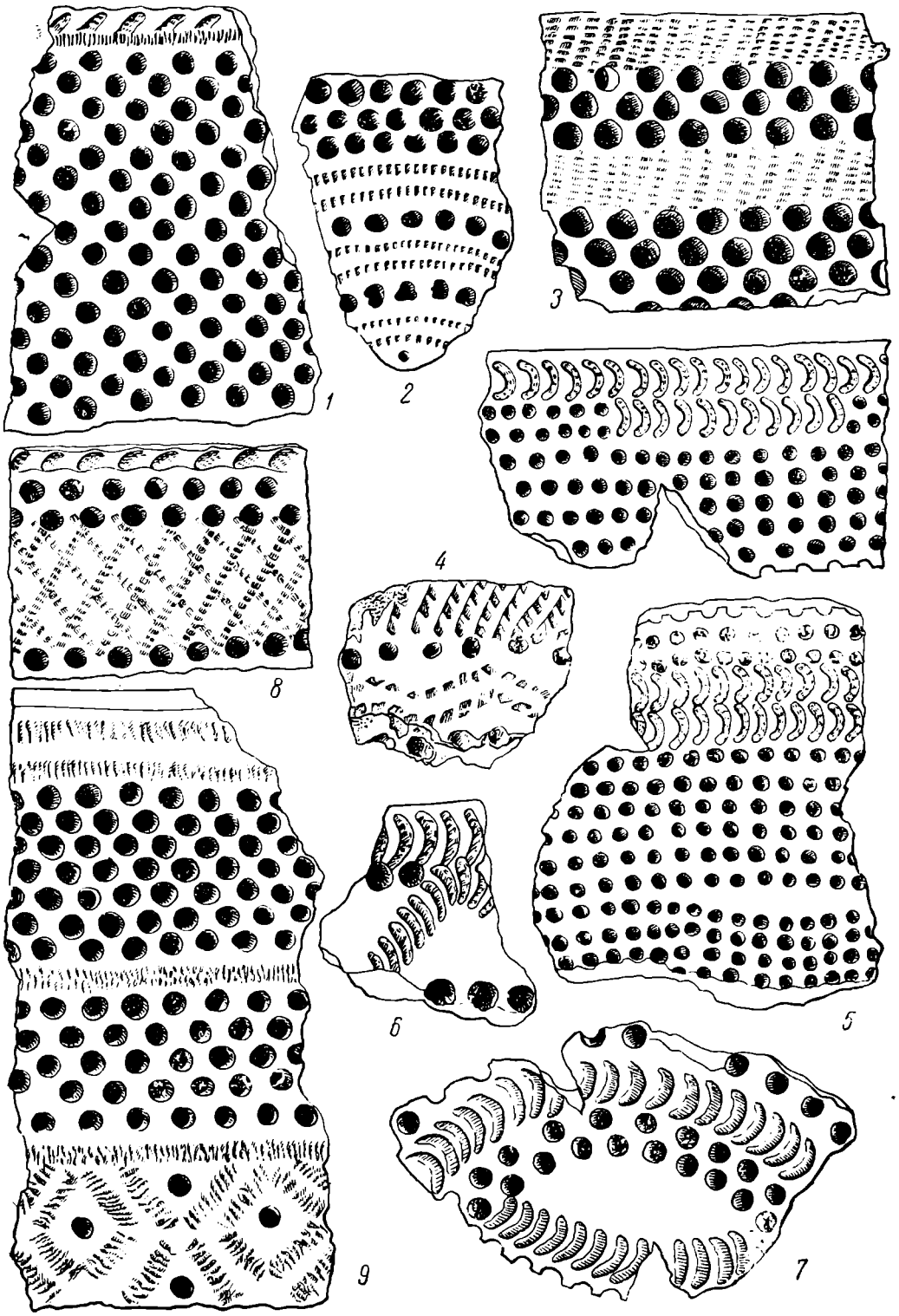


Рис. 42. Керамика Мало-Окуловской стоянки ($^1/_2$ нат. вел.)

1 — часть сосуда с ямочным орнаментом; *2—6* — фрагменты сосудов с ямочным гребенчатым орнаментом; *7* — фрагмент сосуда с орнаментом из ямок и полулунных вдавлений; *8* — фрагмент сосуда с орнаментом из ямок и отпечатков гребенчатого штампа, образующих ромбы; *9* — фрагмент сосуда с орнаментом из ямок и отпечатков перевитой веревочки

кими округлыми ямками с округлым дном. Лишь 4—5 сосудов, насколько можно судить по сохранившимся обломкам, были сплошь покрыты

горизонтальными рядами круглых ямок. Только на краю горла и на венчике двух из них находятся отпечатки перевитой веревочки и ямки (рис. 42—*1*).

Орнамент большинства сосудов (свыше 20) состоит из сочетания горизонтальных рядов круглых ямок и гребенчатого штампа. Ямки иногда расположены горизонтально (как, например, на нижней части сравнительно небольшого сосуда, рис. 42—*2*) отпечатки гребенчатого штампа чаще всего составляют полосы вертикальных или косых вдавлений (рис. 42—*3*) или (в одном лишь случае) образуют двойной горизонтальный зигзаг (рис. 42—*4*). В некоторых случаях (6—7 сосудов) отпечатки зубчатого штампа имеют полулунную форму (рис. 42—*5*—*6*) и иногда образуют более сложный орнамент. К сожалению, небольшое количество обломков от этого сосуда не позволяет проследить его полностью.

Сосудов, орнаментированных круглыми ямками в сочетании с оттисками перевитой веревочки, сравнительно немного (5—6). В большинстве случаев отпечатки веревочки образуют зоны горизонтальных или косых вдавлений, и лишь орнамент одного сосуда является более сложным (рис. 42—*9*). 5—6 сосудов орнаментированы горизонтальными зонами крупных круглых ямок, в сочетании с горизонтальными рядами более мелких округлых ямок с круглым дном. Эти крупные сосуды (рис. 40) несколько более тонкостенны, как об этом говорилось выше.

Несколько сосудов (6—7) имеют орнамент, состоящий из сочетания круглых ямок с полулунными вдавлениями, расположенными горизонтальными рядами. В одном случае наблюдается более сложный узор, который удалось выяснить лишь частично (рис. 42—7). В коллекции имеется также сосуд с оригинальным узором. По краю горла идет поясок гребенчатых отпечатков, нанесенных штампом, сделанным на ребре округлой гальки. Ниже горизонтальные ряды круглых ямок, между которыми находятся косые отпечатки гребенчатого штампа, образующие ряды ромбов (рис. 42—*8*).

В центре днищ сосудов обычно помещается круглая ямка, вокруг которой концентрическими кругами расположены горизонтальные пояски тех видов орнамента, которые нанесены на каждом данном сосуде.

Вопрос о датировке Мало-Окуловской стоянки [2] рассматривается в связи с хронологическими и локальными модификациями керамики на территории Средней России. Относя глиняную посуду Льяловской и Мало-Окуловской неолитических стоянок к одной наиболее ранней группе, Б. С. Жуков охарактеризовал эту круглоямочную и гребенчатую керамику, с которой генетически связаны более поздние группы той же территории. [3] По его мнению, керамика обоих этих памятников была наиболее чистой, свободной от внешних влияний. При этом древнейшим из них он считал Льяловскую стоянку и датировал льяловскую культуру 3000—2500 гг. до н. э. [4] По этой датировке Мало-Окуловская стоянка должна относиться к несколько более позднему времени, в пределах III тысячелетия до н. э.

Для определения характера хозяйства древнего населения стоянки, археологических данных мало. Неизвестны размеры стоянки, характер жилищ, остатки костей животных, употреблявшихся в пищу. В коллекции имеется всего несколько кремневых наконечников стрел, которые могут свидетельствовать о существовании охоты на диких зверей. Но самое расположение остатков поселения на песчаной гряде у водоема в пойме р. Оки заставляет предполагать охотничье-рыболовческое хозяйство, обычное для неолитических племен, и коллективный труд по добыванию средств существования.

---

[2] Eurasia Septentrionalis Antiqua, IV, Helsinki, 1929.

[3] Например, Языково 2.

[4] Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялово, Московского у. Труды Антроп. института МГУ, т. I, 1925.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

СТОЯНКА МЫС ОЧКИНСКИЙ

(Доклад на Секторе первобытной археологии в ноябре 1948 г.)

Под руководством начальника Деснинской экспедиции ИИМК М. В. Воеводского летом 1947 г. были произведены раскопки стоянки Мыс Очкинский, находящейся на левом берегу р. Десны, между селами Очкин и Боровичи Сумской обл., против с. Пушкари, в 2 км от с. Очкин. Стоянка расположена на сниженном участке боровой террасы левого берега Десны и правого берега Свиги, впадающей в Десну (рис. 43).

Площадь стоянки была прорезана в двух направлениях рвом шириной 5—6 м. На бортах рва в виде узкой полосы находок имеются выходы культурного слоя, размываемого при разливах рекой. Основная площадь стоянки слабо задернована, вершина мыса снижается к пойме, лишена дернового покрова и развевается.

Для установления стратиграфии культурного слоя была проложена контрольная траншея, а затем были заложены два смежных раскопа. Вскрыта площадь 170 м^2.

Культурный слой состоит из темносерого песка с небольшим количеством мелких угольков; подстилается он серовато-желтым песком боровой террасы. Средняя мощность культурного слоя около 50 см; нижняя граница неровная, с плавными понижениями и затеками. По мере понижения к пойме культурный слой буреет, обогащается ржавыми включениями, переходящими в железистые конкреции. К сожалению, в дюнном песке поделки из кости и костные остатки почти не сохранились, за исключением двух обломков кальцинированных костей (по заключению В. И. Цалкина, неопределимых). Археологический материал залегает в культурном слое более или менее равномерно и представлен фрагментами глиняных сосудов и поделками из кремня и кварцита. Исключение представляет один участок,[1] где на дне большого углубления (до 110 см глубины), заполненного культурным слоем стоянки, был найден кремневый клиновидный топорик и на разных уровнях — четыре шаровидных сосуда.

Топорик (рис. 44—*1*) плоский (9.3 × 1.7 × 4.3 см) с прямым лезвием, образованным двумя отшлифованными плоскостями. Тыльная часть и боковые грани оббиты крупными сколами, места между фасетками подшлифованы. Обушковая часть несколько сужена и закруглена, сечение топора линзообразное. Топоры такого типа встречаются с сосудами фатьяновской

[1] Архив ИИМК. Отчет о Деснинской экспедиции 1947 г.

культуры, среднеднепровской и др. Найденные с топором шаровидные сосуды сделаны от руки и отличаются один от другого.

1. Маленький шаровидный сосуд без орнамента, с высокой, слегка отогнутой шейкой (рис. 45—*2*). Внутренняя и внешняя поверхность затерты

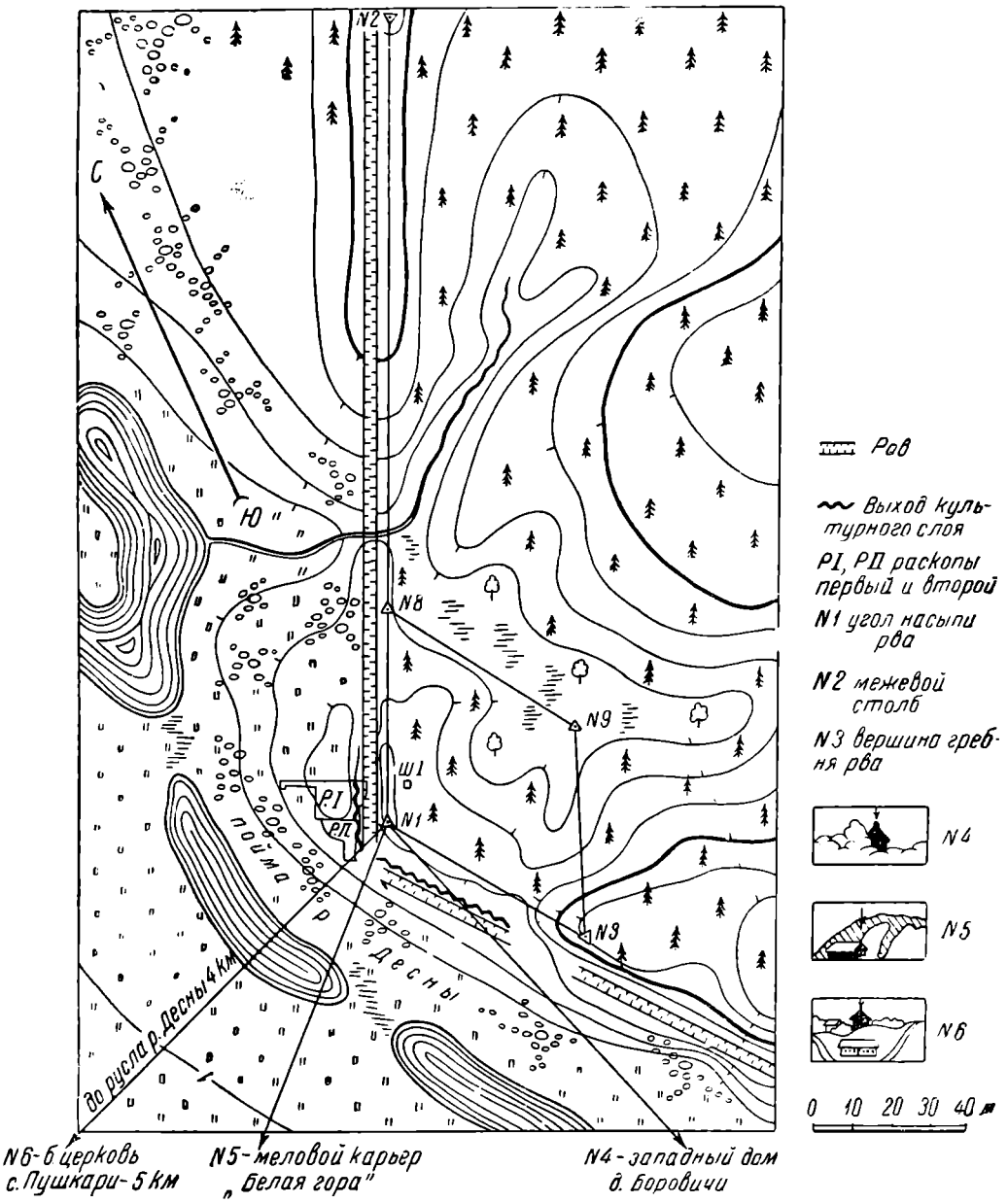


Рис. 43. План расположения стоянки Мыс Очкинский

травой и сглажены. Сосуд плохо моделирован. Диаметр горла 8.5—9.5 см; высота шейки 2.2 см; высота сосуда 7.8 см.

2. Шаровидный сосуд с широким прямым горлом (рис. 45—*1*). Верхняя часть орнаментирована двумя поясками косых гребенчатых отпечатков, окаймленных гребенчатыми полосами и мелкими вертикальными углублениями. Диаметр горла 13 см; высота сосуда 10.5 см.

3. Шаровидный сосуд с высокой, выгнутой наружу и суженной у края шейкой. Плечики крутые, отходящие от шейки почти под прямым углом. По внутренней стороне сосуда, на границе плечиков и шейки, идет валик. Диаметр горла 15 см; высота шейки 13.4 см. Орнамент шейки состоит

из поясков заштрихованных треугольников. По плечикам, у шейки — мелкие вертикальные углубления (рис. 44—3).

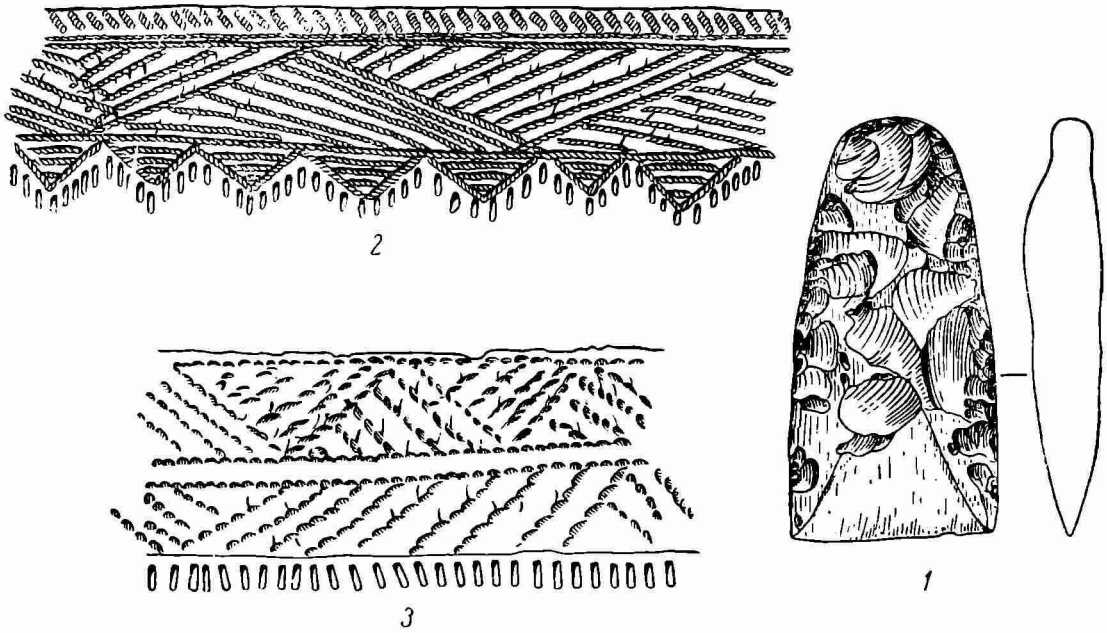


Рис. 44. Вещи из погребения на территории стоянки Мыс Очкинский

1 — топорик; *2*, *3*— развернутый орнамент сосудов 3-го и 4-го ($^5/_6$ нат. вел.)

4. Большой шаровидный сосуд с высокой расширяющейся шейкой, орнаментированной заштрихованными треугольниками.[2] По плечикам от шейки спускаются треугольники, окаймленные вертикальными углублениями (рис. 44—2). Диаметр горла 19 см; высота шейки 3.1 см; высота сосуда 17.7 см.

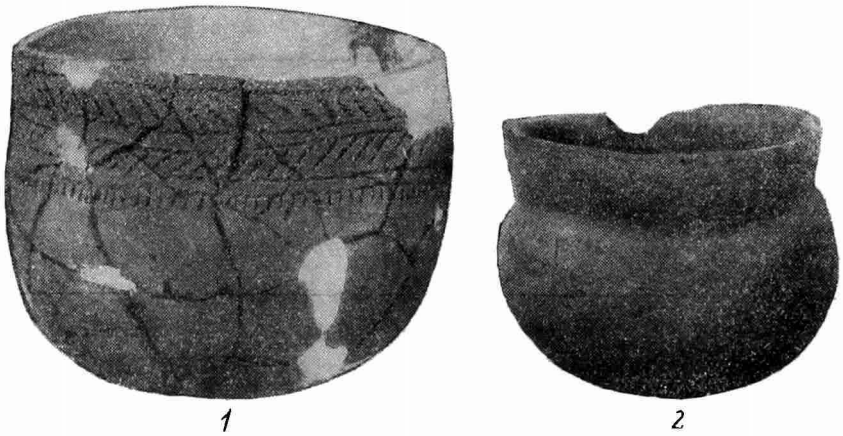


Рис. 45. Сосуды из погребения на территории стоянки Мыс Очкинский (около $^2/_3$ нат. вел.)

На двух последних сосудах орнамент наносился вдавливанием перевитой веревочки пальцами, о чем свидетельствуют следы ногтей поперек шнуровых отпечатков.

---

[2] 4-й сосуд опубликован в статье М. В. Воеводского «Памятники каменного века на Десне». КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 26, рис. 8.

Наши сосуды наиболее близки к днепро-деснинской группе среднеднепровской культуры.[3] В культурном слое стоянки они встречены впервые,[4] однако, как и найденный с ними топор, не принадлежат к бытовому ее комплексу, а, очевидно, происходят из погребения (одного или двух), находившихся на ее площади. В этом убеждает нахождение сосудов вместе с топором, а также то, что сосуды целые (или почти целые) и аналогичных черепков в слое стоянки нет. По аналогии с сосудами среднеднепровской культуры и по топорику (этот тип клиновидных топоров характерен для последних периодов фатьяновской культуры)[5] описанное погребение можно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э. (примерно 1700—1600 гг.).

Вскрытая раскопками площадь стоянки является ее окраинной частью. Основная ее часть, повидимому, располагалась на более высоком участке террасы.

Инвентарь стоянки состоит из каменных поделок и обломков глиняных сосудов.

Каменные орудия изготовлены из темносерого, почти черного, слабо патинированного кремня, происходящего, по определению М. В. Воеводского, из сеноманского яруса мела. Ближайшие выходы кремня имеются у с. Пушкари, на правом берегу р. Десны.

Небольшая часть орудий изготовлена из бучакского кварцита. Есть единичные поделки из валунного кремня. При производстве орудий применялась сколотая и отжимная техника, реже — полирование (частичное). Каменный инвентарь разнообразен и представлен 23-мя типами.

Наиболее многочисленны скребки (106 экз.). Сделаны они преимущественно на широких коротких отщепах, часто первичных, с меловой коркой. Есть массивные скребки с крутой ретушью и более плоские — с пологой. Рабочий край дугообразен, слегка нависает над вогнутым, необработанным, сохраняющим раковистость излома, брюшком. Ретушь краевая, редко заходящая на спинку. Боковые грани обрабатывались редко. Размеры варьируют от 2.2—6.2 см в длину до 2.0—3.6 см в ширину. Формы скребков неправильно округлые и удлиненные (рис. 46—*1*). Из общей массы однотипных скребков выделяется несколько экземпляров: 1) Скребки с правильным дугообразным пологим рабочим краем (рис. 46—*2*). Ретушь тонкая, фасетки удлиненные, тыльные концы скребков слегка сужены (2 экз.). 2) Массивные скребки с высоким (до 2 см) крутым рабочим краем, обработанным узкими длинными фасетками, переходящими на спинку (рис. 46—*5*). Тыльная часть слегка уплощена, переход к ней пологий (8 экз.). 3) Подтреугольные скребки (6 экз.) (рис. 46—*3*). 4) Высокие массивные, иногда нуклевидные (рис. 46—*4*) скребки, сделанные из грубых отщепов с коркой (3 экз.). 5) Комбинированные скребки — дисковидный скребок-резец (рис. 46—*6*) и скребок-скобель.

Многие скребки имеют следы употребления — заполировку края или заломы.

К скребкам примыкают скребковидные орудия (27 экз.), сделанные чаще всего на первичных отщепах с коркой и даже на отростках кремневых желваков. Это — массивные неправильных форм орудия (рис. 46—*15*) с прямым дугообразным или слабо вогнутым рабочим краем, покрытым крутой ретушью.

---

[3] Т. С. Пассек. К вопросу о Среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 46, 47.

[4] Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. Тр. секции археол. РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 374.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 30.

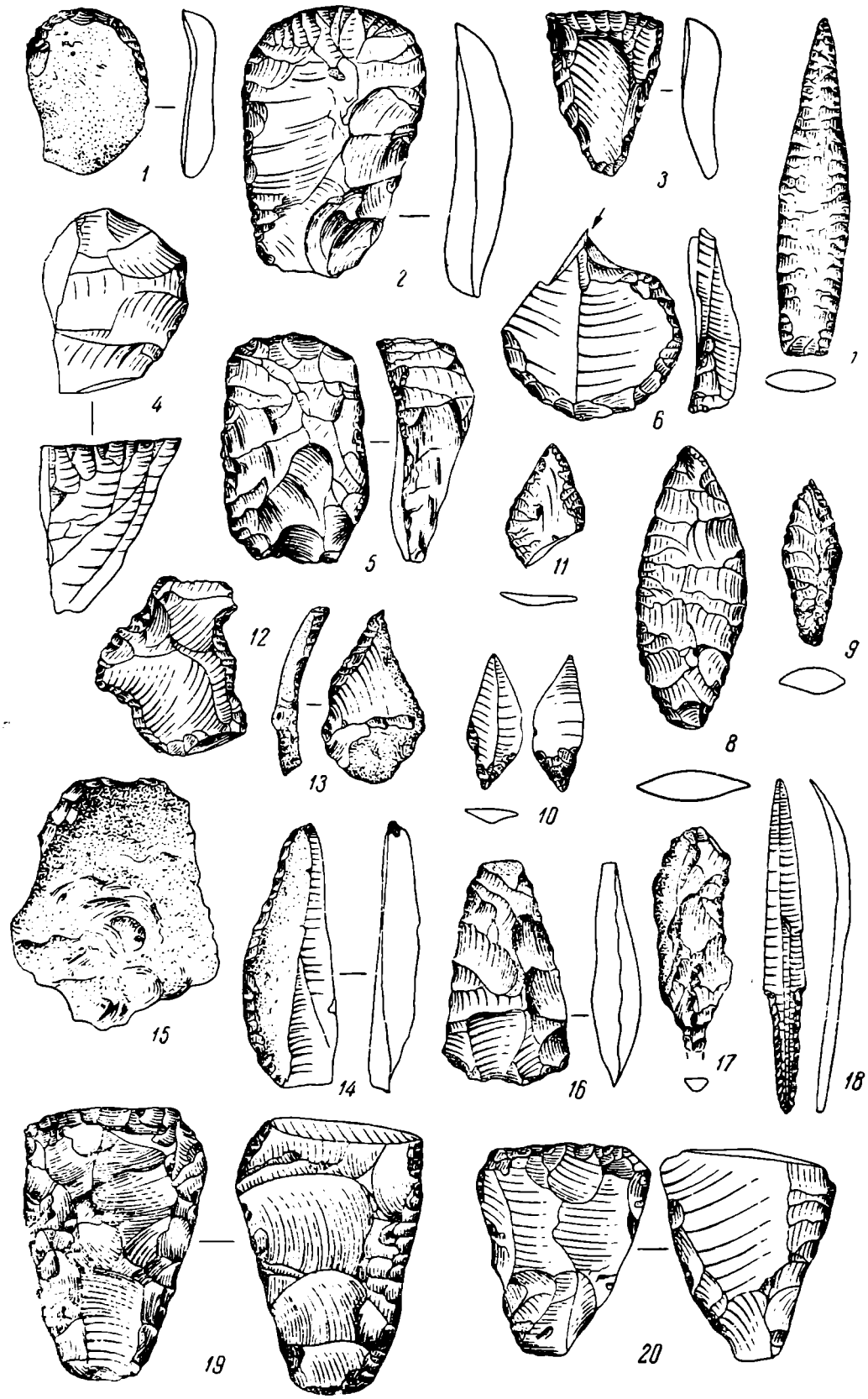


Рис. 46. Кремневый инвентарь стоянки Мыс Очкинский ($^2/_3$ нат. вел.)

Наконечников дротиков найдено 2 целых (рис. 47—*3, 4*) и 3 обломка. Один крупный (15.2 × 4.5 см) листовидный, с закругленным черешком; другой — ромбовидный (9.6 × 3.9 см). Обработаны наконечники сплошной плоской ретушью с обеих сторон, в сечении имеют вид линзы.

Наконечники стрел (5 экз.) разнообразны (экз. 46—*7—11*): листовидный бесчерешковый, листовидный черешковый, подтреугольный черешковый с пильчатой ретушью по краям пера, ромбоидальный и иволистный наконечник с усеченным основанием. Кроме того, имеются 6 обломков наконечников стрел и одна заготовка.

В слое стоянки имеются 15 миниатюрных «топориков» (длина 3.4—5.8 см, ширина лезвий 2—3 см), оббитых с обеих сторон систематическими широкими сколами (рис. 46—*16*). Часть орудий обработана менее тщательно. Оббитые «топорики» имеют суженный уплощенный обушок, вставлявшийся в рукоять. Вставлялись в рукоять и «топорики», переделанные из скребков. Сечение их линзообразное. Остальные «топорики» более грубые, утолщены у обушка и употреблялись без рукояти. Два имеют резцовые сколы; почти на всех есть следы употребления.

Клинья и клиновидные орудия. Часть их (7 экз.) имеет установившуюся форму. Это плоские оббитые клинья, на обушковой части которых имеется один горизонтальный, слегка скошенный в сторону брюшка скол, представляющий площадку для забивания клина (рис. 46—*19, 20*). Почти на всех орудиях высокая часть этой площадки имеет следы сбитости. У многих клиньев следы употребления есть и на остром конце. Часть клиновидных орудий более массивна, не имеет законченной формы, сохраняет частично меловую корку. Но характер рабочей части и следы употребления позволяют присоединить их к группе клиньев. Такие клинья и клиновидные орудия встречены пока только на реках Десне[6] и Соже[7] и являются местной формой.

Долото кремневое; длина 7.8 см, ширина 2.4 см; почти ромбическое в сечении (1.8 см); обработано с обеих сторон со вторичной подправкой по краям. Лезвие 1.7 см длины; обработано узкими длинными (до 2.5 см) сколами (рис. 47—*1*).

Мотыжка из кварцита; длина 9.5 см, толщина около 3 см; длина лезвия — 8 см. В верхней части имеется перехват для привязывания к рукояти. Орудие оббито со всех сторон крупными сколами; асимметричное лезвие и боковые грани обработаны более тщательно. Обушок представляет плоскую овальную площадку размером 6.8 × 2.3 см (рис. 47—*7*).

Пиковидные орудия (2 экз.); изготовлены из кварцита, оббиты с обеих сторон крупными сколами. Одно — овальное, с массивной пяткой и утонченным острием (6.0 × 10.5 × 3 см); другое — узкое, удлиненное, с острыми концами, трехгранное в сечении (4.5 × 11.5 × 2.7 см) (рис. 47—*8*). Имеется 2 обломка кремневых миндалевидных орудий аналогичной обработки.

Резцы преимущественно угловые (8 целых и 7 резцовых отщепов); изготовлены на отщепах и пластинах. Имеются нуклевидные резцы (рис. 47—*5*) с одним и двумя сколами, аналогичные найденным на стоянках Холм (сборы Деснинской экспедиции 1946 г.), Селецкие Дюны (сборы М. В. Воеводского 1946 г.), Боровичи (сборы Деснинской экспедиции 1947 г.).

---

[6] Мостище IV. Материалы Деснинской экспедиции 1939 г. Архив ЛОИИМК, 1939; Стоянка Боровичи. Разведки Деснинской экспедиции 1947 г.

[7] К. М. Паликарпович. Дагістарычные стаянкі сярэдняга Сажа. Працы археол. комиссии, т. II, Менск, 1930; его же. Дагістарычные стаянкі сярэдняга и нижняга Сажа. Працы катэдры археолёгіі, т. I, Менск, 1928.

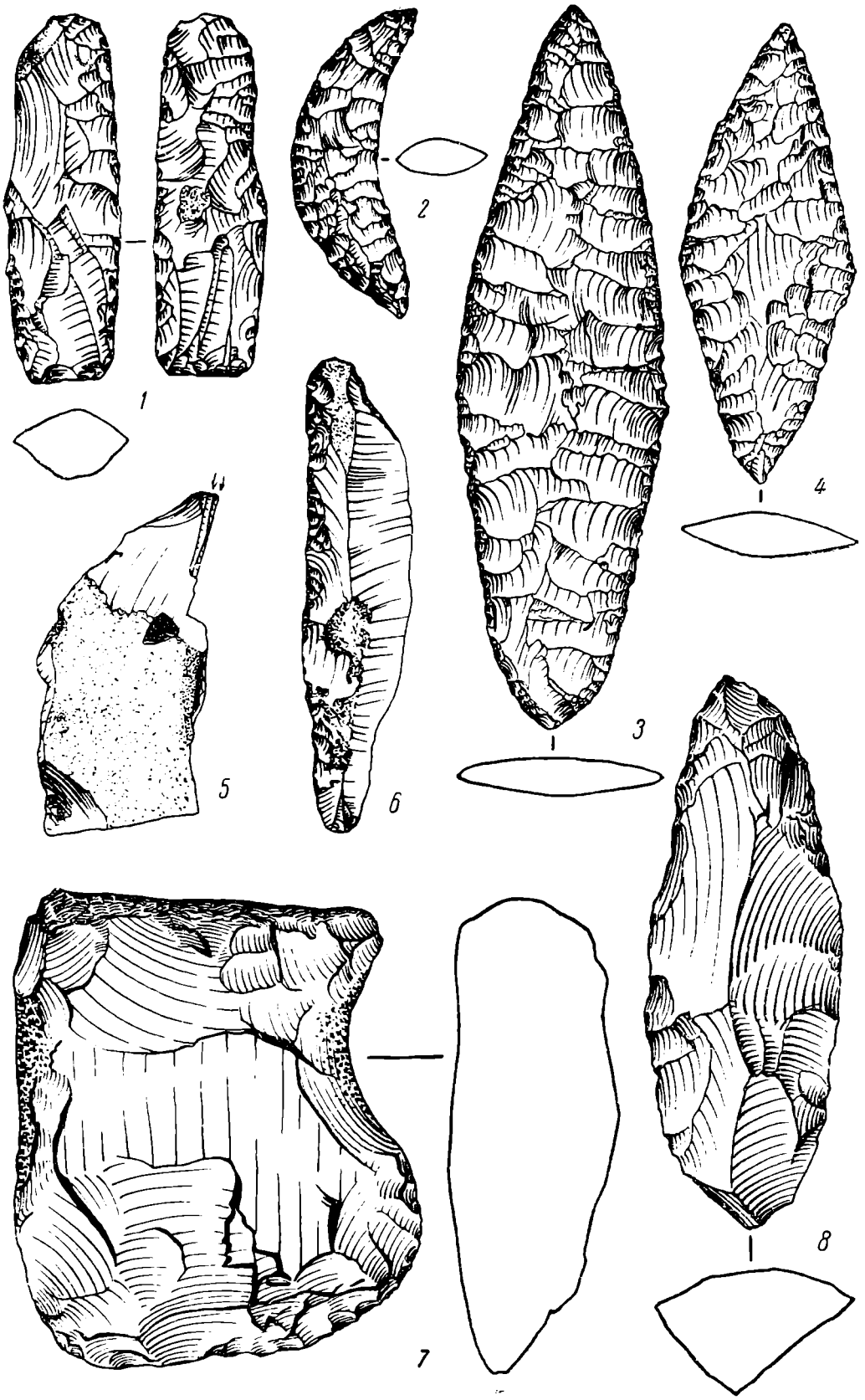


Рис. 47. Кремневый инвентарь стоянки Мыс Очкинский
($^7/_8$ нат. вел.)

Отретушированные острия (26 экз.) сделаны на удлиненных плоских отщепах, реже — на массивных. Ретушь крутая, расположена по обеим граням, реже — по одной. Размеры: 3—7 см (рис. 46—*13, 14*). Часть острий имеет следы употребления: заполировку острия или изломы. Несомненно, ножами служили широкие отщепы с отретушированным режущим краем (45 экз.). Имеются и специальные ножи, изготовленные на удлиненных пластинах, с ретушью по одному из краев (со стороны спинки) (рис. 47—*6*), плоский листовидный нож со сплошной ретушью по обеим сторонам. Интересен кривой нож, обработанный с обеих сторон крупными фасетками сплошной ретуши. Размер его 6.5 × 1.9 см (рис. 47—*2*). Аналогичные, но бо́льших размеров кривые ножи найдены на Селецких Дюнах,[8] в окрестностях дер. Сагутьево.[9] Близкие формы есть в Кубенино.[10]

Немногочисленны находки скобелей (5 экз.), сверл (2 экз.), проколок (1 экз.) (рис. 46—*12, 17, 18*).

Имеются 2 шаровидных отбойника (кремневый и кварцитовый) и 14 кремневых ретушеров. Кроме того, в большом количестве (39 экз.) имеются орудия неопределенных форм и заготовки.

Ножевидные пластины (42 экз.) по отношению к отщепам составляют около 1%. Нуклеусов для скалывания пластин не имеется. Массивных нуклеусов для скалывания отщепов найдено 39. Часть из них представлена сколами с основания, боковыми сколами и другими нуклевидными обломками. Многие имеют следы сработанности.

Найдены 3 осколка полированных кремневых изделий и 9 обломков кварцитовых полировальных плит. Среди подъемного материала 3 крупных обломка зернистой породы, со слегка выпуклой зашлифованной поверхностью; вероятнее всего, это обломки зернотерки (песта).

Необходимо отметить наличие большого числа отщепов с ретушью и следами употребления (около 100 экз.), не говоря уже об обломках, отщепах и осколках — отходах производства, преобладающих количественно над всем материалом стоянки (6554 экз.). Орудий на стоянке найдено всего 422 экз. Такое преобладание отщепов над всем материалом наблюдается на всех памятниках неолита и бронзы р. Десны, исследовавшихся в течение десятка лет Деснинской экспедицией ИИМК. Аналогичная картина была отмечена К. М. Поликарповичем для стоянок р. Сож.[11] Производство орудий велось на самой стоянке, куда приносился кремень с правого берега р. Десны (выходы у с. Пушкари, на расстоянии около 7 км от Мыса Очкинского).

В технике обработки следует отметить преобладание отщепов над пластинами и частое применение макролитических приемов (клинья, пики и т. д.). Формы орудий своеобразны: «топорики», клинья, некоторые типы скребков — местные. Кремневый инвентарь говорит об охотничье-рыболовческом характере хозяйства; однако, судя по находкам пиковидных орудий, мотыжки и обломков зернотерки, было известно и примитивное земледелие. В кремневых орудиях заметны еще неолитические традиции, но многие орудия имеют аналогии в стоянках бронзового века: скребки с высоким рабочим краем, наконечники стрел с пильчатой ретушью пера и клинья, встреченные нами только на стоянках бронзового века рек Десны и Сожа.

Керамический материал стоянки представлен 2113 фрагментами сосудов, разнообразных по примеси, форме, орнаментации. Техника лепки сосудов ручная, ленточная; обжиг неравномерный, произведенный на костре.

---

[8] Сборы М. В. Воеводского 1936 г. Орловский музей.
[9] Сборы Т. Тралло.
[10] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, № 5, 1941, стр. 59, табл. VII.
[11] К. М. Паликарпович. Указ. соч.

Примесью служила дресва, мелкая и крупная, реже — песок. Керамика распадается на ряд групп.

Сосуды с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом имели крупные размеры и яйцевидную форму, прямое широкое горло и прямо срезанный или слегка округлый венчик. Поверхность сплошь покрывалась орнаментом. Стенки тонкие (0.5—0.8 см). Примесь в глине — мелкая дресва. Орнамент начинается на 1—1.5 см отступя от края сосуда. Преобладают ямки неправильной формы: округлые, овальные, угловатые, треугольные, редко — подпрямоугольные, с одним углубленным краем.

Следует выделить ямочно-ромбический элемент орнамента в виде глубоких вдавлений с пирамидальным дном (рис. 48—*1*), иногда рубчатых внутри. Они варьируют по величине и форме, представляя то правильный ромб, то вытянутый и узкий, то почти квадрат. Ромбическая ямка, в противоположность округлой, редко комбинируется с другими элементами орнамента и очень характерна для стоянок позднего неолита и бронзы бассейна р. Десны.

Интересен ромбический штамп, имеющий крестообразную перемычку, соединяющую середины противоположных сторон ромба (рис. 48—*2*). Характерна глубокая ямка, напоминающая отпечаток семечка; она овальная, суженная у одного конца, зубчатая внутри. Такие ямки расположены на сосудах узким концом вверх (рис. 48—*3*). Ямочные элементы иногда комбинировались с короткой мелкозубчатой гребенкой, располагавшейся вертикально, горизонтально и наискось. Узор иногда образован чередующимися поясами ямок и гребенок, но чаще хаотичен (рис. 48—*4*). Это своеобразный местный прием орнаментации. Следует отметить миниатюрные яйцевидные сосудики (3—4 см высоты) с ямочно-гребенчатым орнаментом, а также несколько фрагментов шеек сосуда, орнаментированных гребенкой, переходящей на внутреннюю сторону.

Сосуды с гребенчатым орнаментом, расположенным в верхней части сосудов. Среди узоров имеются: изображения «уточек», плывущих одна за другой, ромбы, зигзаги, кресты, меандры и более сложные геометрические узоры (рис. 48—*5*—*10*).

Керамика толстостенная (1—1.3 см) с примесью крупной дресвы, иногда песка. Шейки слегка сужены, венчики прямо срезанные, слегка отогнутые. По срезу венчиков часто идут отпечатки косой гребенки. Орнамент начинается сразу у края сосудов. Диаметр горла, судя по фрагментам, колеблется примерно в пределах 23—30 см. По орнаменту фрагменты распадаются на группы, позволяющие выделить не менее 19 сосудов с разными узорами. Сосуды эти имели уплощенное дно. В одном случае на стенках сосуда, почти у дна, имеются сквозные отверстия, назначение которых остается непонятным.

Следует выделить небольшую группу фрагментов с защипным орнаментом, толстостенных (1—1.3 см), с примесью дресвы. Все они принадлежат одному сосуду, имевшему, судя по фрагментам, плоское дно и прямую шейку с округлым, слегка скошенным внутрь, венчиком. Орнамент шел редкими поясами по всему сосуду (рис. 48—*11*).

Небольшая группа фрагментов имеет узкие налепные валики, идущие параллельно краю сосуда (рис. 48—*12*). Толщина стенок 0.7—0.9 см. Примесь — дресва. Большинство фрагментов принадлежит одному сосуду. Подобная керамика отмечена К. М. Поликарповичем на Соже и известна в памятниках катакомбной культуры.

Часть керамики имеет прочерченный и нарезной орнамент (рис. 48—*13*—*15*). Узор состоит из линий: параллельных, пересекающихся, образующих ромбическую сетку или «елочку». Иногда орнамент состоит из коротких тончайших штрихов. Сочетание с ямками встречается редко.

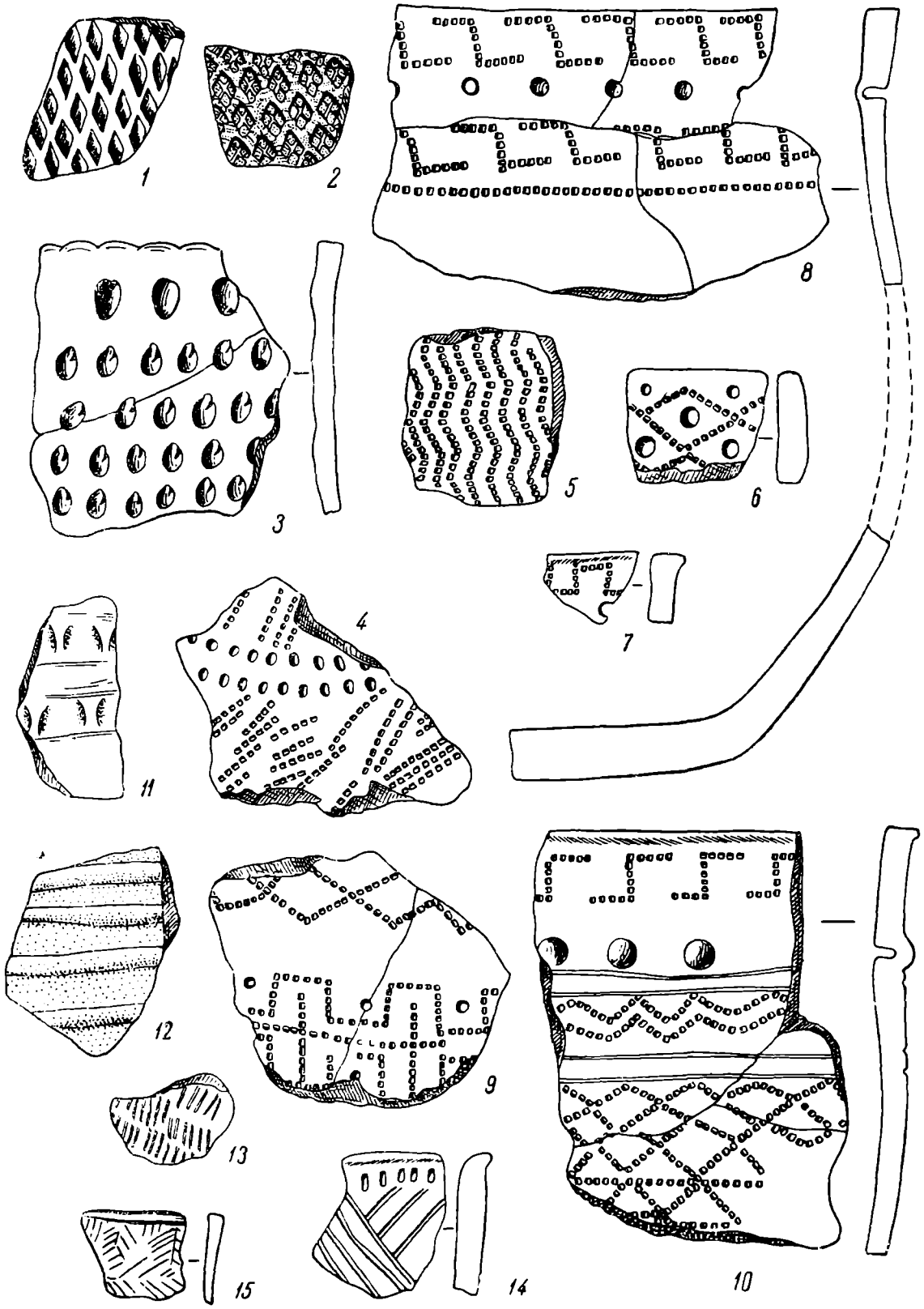


Рис. 48. Керамика стоянки Мыс Очкинский

Толщина стенок различна: 0.2—0.5 см — для фрагментов из хорошо отмученной глины с примесью мелкой дресвы и 1.4—1.5 см — со значительной примесью крупной дресвы. Шейки слегка отогнуты, венчики скошены внутрь.

Небольшая группа черепков имеет текстильный орнамент, представляющий отпечатки плетения или грубой ткани. Имеются фрагменты округлого дна, шейки и плечиков. Все они принадлежат одному сосуду, что дает возможность реконструировать его. Это — круглодонный сосуд, возможно шаровидной формы, с высокой (4 см) шейкой, орнаментированной косой гребенкой по прямому обрезу. По шейке и плечикам шли пояски мелких треугольных ямок; тулово сосуда было покрыто крупной сеткой с разбросанными по ней округлыми ямками.

Встречено несколько фрагментов керамики со шнуровым орнаментом в 2—3 пояска.

Особого внимания заслуживает фрагмент шлакированного сосуда с толстыми стенками (1.8—1.9 см). Это, несомненно, фрагмент тигля.

Таким образом, в керамике стоянки Мыс Очкинский, наряду с остродонными сосудами с ямочным орнаментом, мы наблюдаем преобладание сосудов:

а) плоскодонных, с намеченной, а кое-где выделенной высокой шейкой и геометрическим орнаментом;

б) с сетчатым орнаментом;

в) с нарезным геометрическим орнаментом;

г) с орнаментом из налепных валиков и др.

Все это свидетельствует о бронзовом веке. Находка фрагмента тигля еще раз подтверждает время металла.

Закономерности в расположении материала по вертикали или по площади не наблюдается. Фрагменты разных типов керамики располагались совместно на разных глубинах. Сохранность культурного слоя хорошая, но данные для разделения на разновременные горизонты отсутствуют.

Общий анализ стоянки позволяет говорить о ее долговременности и отнести ее к бронзовой эпохе.

Принимая во внимание датировку углубления с шаровидными сосудами (середина II тысячелетия до н. э.), перерезающего слой стоянки, последнюю следует отнести к более раннему времени — примерно к началу II тысячелетия до н. э. Материал исследуемой стоянки, а также просмотр коллекций местных музеев (Курск, Орел, Брянск) и сборов из разведок Деснинской экспедиции 1938—1939 гг., 1946—1947 гг. и разведок К. М. Поликарповича по р. Сожу показывают культурную общность ряда памятников неолита и бронзы. Именно это позволило М. В. Воеводскому поставить вопрос о выделении здесь особой провинции. [12]

---

[12] М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. Доклад на пленуме ИИМК 18/III 1948 г.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

А. А. ФОРМОЗОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СТОЯНКАХ С МИКРОЛИТИЧЕСКИМ ИНВЕНТАРЕМ В КАЗАХСТАНЕ

В 1947 г. под руководством М. В. Воеводского, очень интересовавшегося микролитами Средней Азии, мною была написана статья «Кельтеминарская культура в Западном Казахстане». В статье были выделены типы каменных орудий, характерные для стоянок Приаралья III — начала II тысячелетия до н. э. и поставлен вопрос о хозяйстве их обитателей.[1] За 1948 г., в результате работ геологов и географов в песках Казахстана, получены новые интересные материалы, значительно дополняющие наши представления о доандроновской эпохе в Казахстане.

Богатая стоянка была обследована В. С. Журавлевым в песках Ак-Кум-Сагиз, на правом берегу р. Сагиза (Актюбинская обл.). Собрано много пластин (длиной 7—8 см, шириной 1—1.5 см) из кремня и кварцита — пород, доставлявшихся из Мугоджар. Из пластин делались почти все орудия, преимущественно ножи двух видов. Первый представлен широкими, относительно короткими массивными пластинами, высотой до 1 см, с трапециевидным сечением; крутая ретушь нанесена со спинки и образует замкнутый овал, так как обработаны и концы пластины. Эти пластины, кроме режущих функций, имели и скребковые. Заглаженность одного орудия говорит об обработке мягкого материала, вероятно кожи (рис. 49—*6*). Второй вид представлен тонкими мелкими пластинами с треугольным или трапециевидным сечением и мелкой ретушью, нанесенной на одном или на обоих боковых краях пластины со спинки, а часто и с брюшка. Край имеет иногда выемчатый характер (рис. 49—*5*). Много сделанных на пластинах концевых скребков, со слегка выпуклым рабочим краем (рис. 49—*7*—*8*). Редки округлые скребки на отщепах, диаметром 4—5 см. Из пластин изготовлялись и вкладыши в виде тонких пластин, шириной около 0.5 см, с сечением, близким к прямоугольному треугольнику. Ретушь нанесена всегда по крутому скату пластинки, а на пологом ее нет (рис. 49—*10*). В сущности эти орудия близки к пластинкам с притупленной спинкой, но их обработанные концы обычно прямые, а не скошенные, как у последних. Такие вкладыши представлены на всех стоянках Западного Казахстана, тогда как геометрические вкладыши типа ямной культуры известны лишь на четырех стоянках — Новобогатинское, Казалинск, Кайран-Коль, Агиспе.

Из других орудий стоянки интересно дублированное: резец на углу сломанной пластинки и проколка (рис. 49—*9*). Нуклеусы конические и пирамидальные, со скошенными основаниями и односторонней обработкой

[1] КСИИМК, вып. XXV, М., 1949.

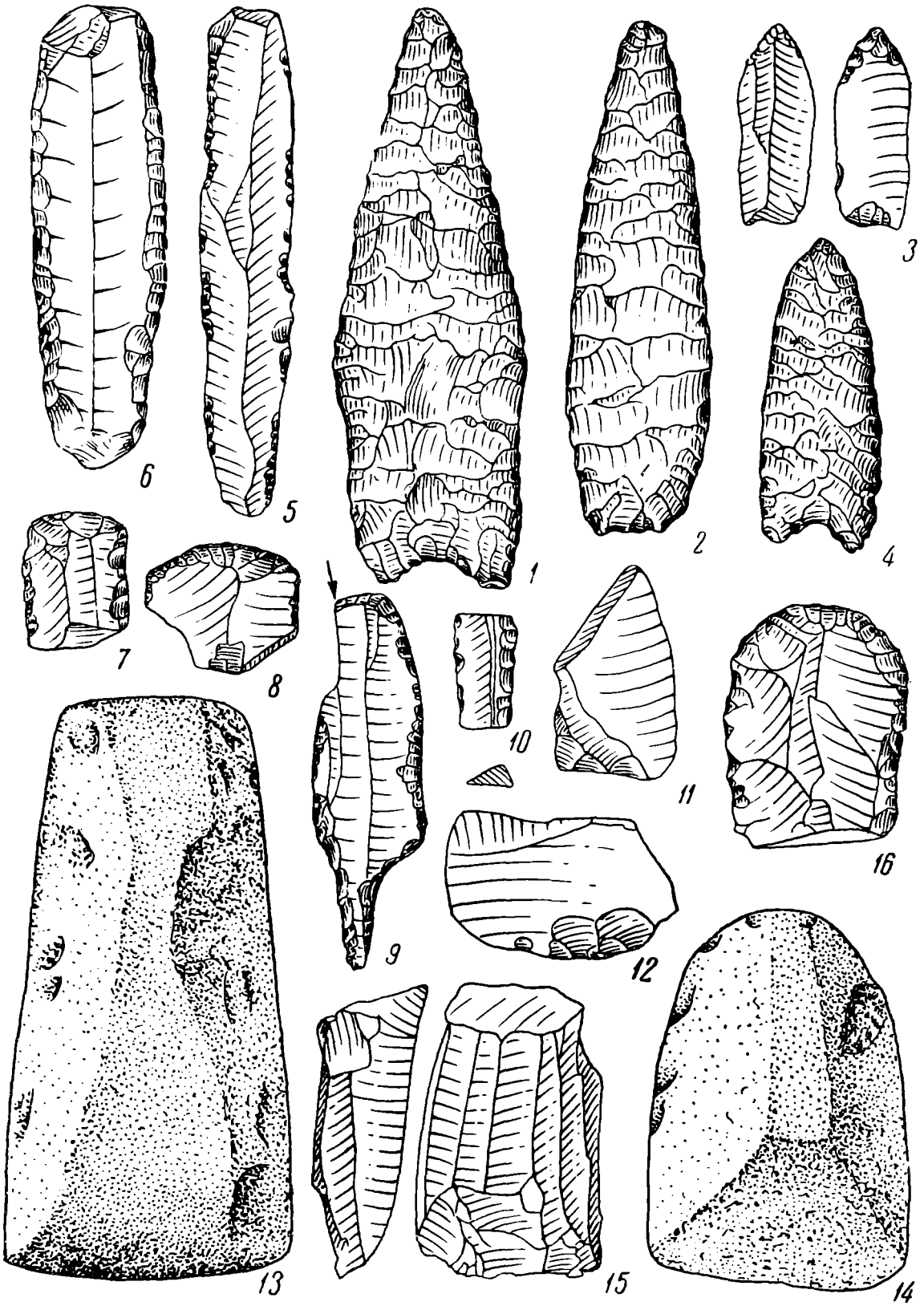


Рис. 49. Находки на стоянке Ак-Кум-Сагиз (нат. вел.)

(рис. 49—*15*). Некоторые нуклеусы имеют рабочий долотовидный конец; этот тип известен по другим микролитическим стоянкам.[2] Впервые в Казахстане представлены подчетырехугольные орудия со стесанными концами, применявшиеся, как указывал М. В. Воеводский, для обработки кости.[3] Возможно их применение и для обработки дерева.[4] Такие подчетырехугольные долотца с прямым рабочим концом и крупными плоскими фасетками (рис. 49—*11, 12*) известны с синхронных нашим грозненских стоянок.[5]

Замечательны полированные орудия Ак-Кум-Сагиза: клиновидный топор, длиной 8 см и шириной 4 см, с овальным сечением и клинышек с забитым обушком и треугольным профилем, длиной 5.5 см, шириной 3.5 см (рис. 49—*13—14*). Найдена галька — гладилка (4.5 × 2.5 см) с рабочей

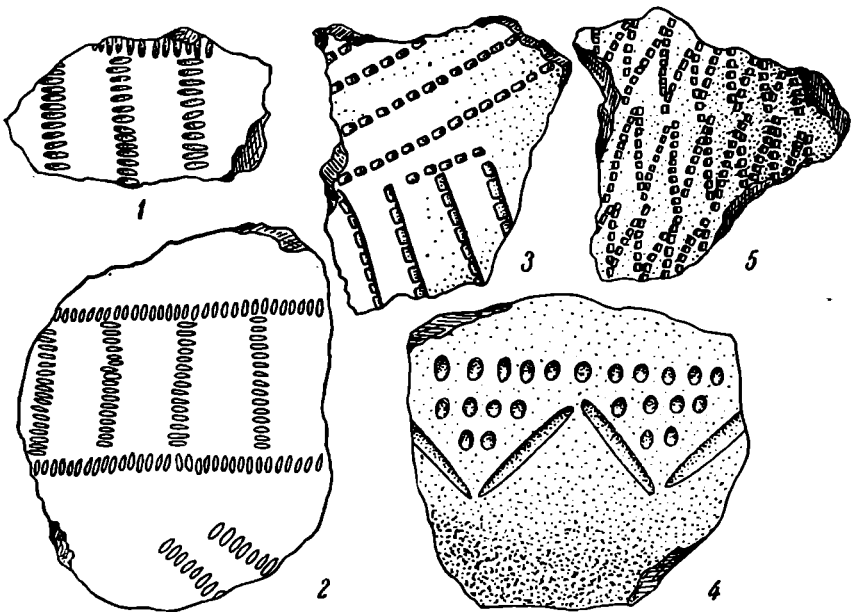


Рис. 50. Керамика стоянок Зап. Казахстана

1 — со стоянки на р. Улу-Иргизе; *2* — из Саксаульской; *3, 4* — со стоянки в песках Ак-Кум-Сагиз; *5* — со стоянки Кум-Жарган-Сай (2/3 нат. вел.)

полировкой и множеством царапин и другая галька с замятым при нанесении ретуши рабочим краем. Встречены наконечники стрел двух известных в Казахстане типов: 3 подтреугольные, на пластинах с плоской зубчатой ретушью, нанесенной с брюшка, и 4 с двусторонней обработкой, листовидные, с выемкой в основании. Длина их 3—4.5 см. Найдены и 2 дротика типичных форм: один с прямым, другой с вогнутым основанием (рис. 49—*1—4*).

Керамика сохранилась плохо. В глину примешивались толченые раковины — современные и палеогеновые и дресва. Венчики сосудов прямые, утолщенные по ободку; на внутренней стенке видны бороздки заглаживания. Орнаменты — гребенчатые елочки, пояс нарезных равнобедренных треугольников, смыкающихся основаниями, обращенных вершинами вниз и заполненных ямками. Точно такие орнаменты встречены на стоянках Сага, Саксаульская и др. Из черепка сделано пряслице, диаметром 3.5 см.

---

[2] В. А. Городцов. Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура. СА, № 1, 1936, стр. 110.

[3] М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, М., 1948, стр. 42.

[4] А. П. Васьковский и А. П. Окладников. Находка обработанного человеком дерева на древней террасе р. Сухуман. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 13, 1948, стр. 86.

[5] Сборы Северокавказской экспедиции ИИМК, с которыми меня любезно ознакомил Е. И. Крупнов.

Впервые найден на стоянке желвак кварцита, правильно оббитый в виде диска, диаметром 5 см.

Другая интересеная стоянка найдена В. В. Пономаревым на среднем течении Эмбы, на правом ее берегу у аула Кок-Тубек, при впадении Акжар-Сая. Большое количество обломков пластин, нуклеусов, сколов с основания нуклеусов, ребристых пластинок и отщепов указывает на выработку орудий на месте, из местного же кремня. Нуклеусы пирамидальные, с односторонней обработкой и скошенными основаниями. Пластины — преимущественно второго типа (рис. 51—*2, 6*), но есть и высокие скребковидные пластины со сплошной краевой крутой ретушью (рис. 51—*1*). Скребки — все концевые на пластинах (рис. 51—*3—4*). На углу сломанных пластинок сделаны резцы. Найдены проколки, одна — на пластине (рис. 51—*9*), другая — на отщепе. Многочисленны вкладыши с односторонней ретушью по крутому скату пластинки (рис. 51—*7—8*). Замечательна находка асимметричного наконечника стрелы на пластине, треугольного одношипного черешкового, того же типа, который С. П. Толстов выделил как характерный для кельтеминарской культуры Хорезма (рис. 51—*5*). В Джанбас-Кале представлены и стрелы с двусторонней обработкой, листовидные с выемкой в основании, т. е. тип, преобладающий на казахстанских кельтеминарских стоянках, в афанасьевских и ямно-катакомбных памятниках. Есть там и обломок подтреугольной стрелы на пластине с зубчатой ретушью.[6] Таким образом, в III тысячелетии до н. э. и в Казахстане, и в Хорезме были распространены все три типа стрел — одношипные черешковые,[7] подтреугольные с зубчатой ретушью на брюшке, сделанные на пластинках, и стрелы с двусторонней обработкой и выемкой в основании. Это еще раз показывает, что культуру микролитических стоянок Западного Казахстана можно назвать кельтеминарской, не придумывая нового термина, вроде «тургайской культуры» С. С. Черникова.

Керамика со стоянки Кок-Тубек имеет в тесте примеси дресвы и растительные. Отметим прямой, утолщенный по ободку венчик.

В Темирском районе Актюбинской обл., в песках Кок-Жиде В. И. Самодуров нашел вместе с кварцитовыми и кремневыми пластинами и концевыми скребками грубую керамику с примесью дресвы. Один из сосудов имел баночную форму с прямым венчиком и слегка выпуклыми стенками, покрытыми горизонтальными оттисками гребенчатого штампа; другой был, повидимому, полуяйцевидным. Он покрыт изогнутыми гребенчатыми линиями, нанесенными качалкой, подобно сосуду из Агиспе. В Джурунском районе, в 200 м к северо-востоку от верховьев оврага Кум-Жарган-Сай, Самодуров на другой стоянке нашел, помимо пластин и керамики с елочным гребенчатым орнаментом, фрагменты, сплошь заполненные отпечатками скачущего штампа (рис. 50—*5*).

На стоянке на левом берегу р. Улу-Иргиза, выше слияния его с Чит-Иргизом Е. П. Бойцова нашла ножи, концевые скребки, вкладыши и двухфасеточный резец на пластинах, а также конические нуклеусы и ретушеры — обломки с замятым рабочим краем (рис. 51—*10—13*). Фрагменты керамики, орнаментированной отпечатками веревочки, находят полную аналогию в керамике с Саксаульской стоянки (ср. рис. 50, *1* и *2*). Орнамент — «горизонтальная лесенка», типичный для усатовской и полтавкинской культур, говорит о времени позднекельтеминарских стоянок — начале II тысячелетия до н. э. В ранних стоянках веревочных орнаментов нет, а преобладают гребенчатые и нарезные.

---

[6] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 11.

[7] В новых сборах В. С. Журавлева на Ак-Кум-Сагизе также имеется наконечник этого типа.

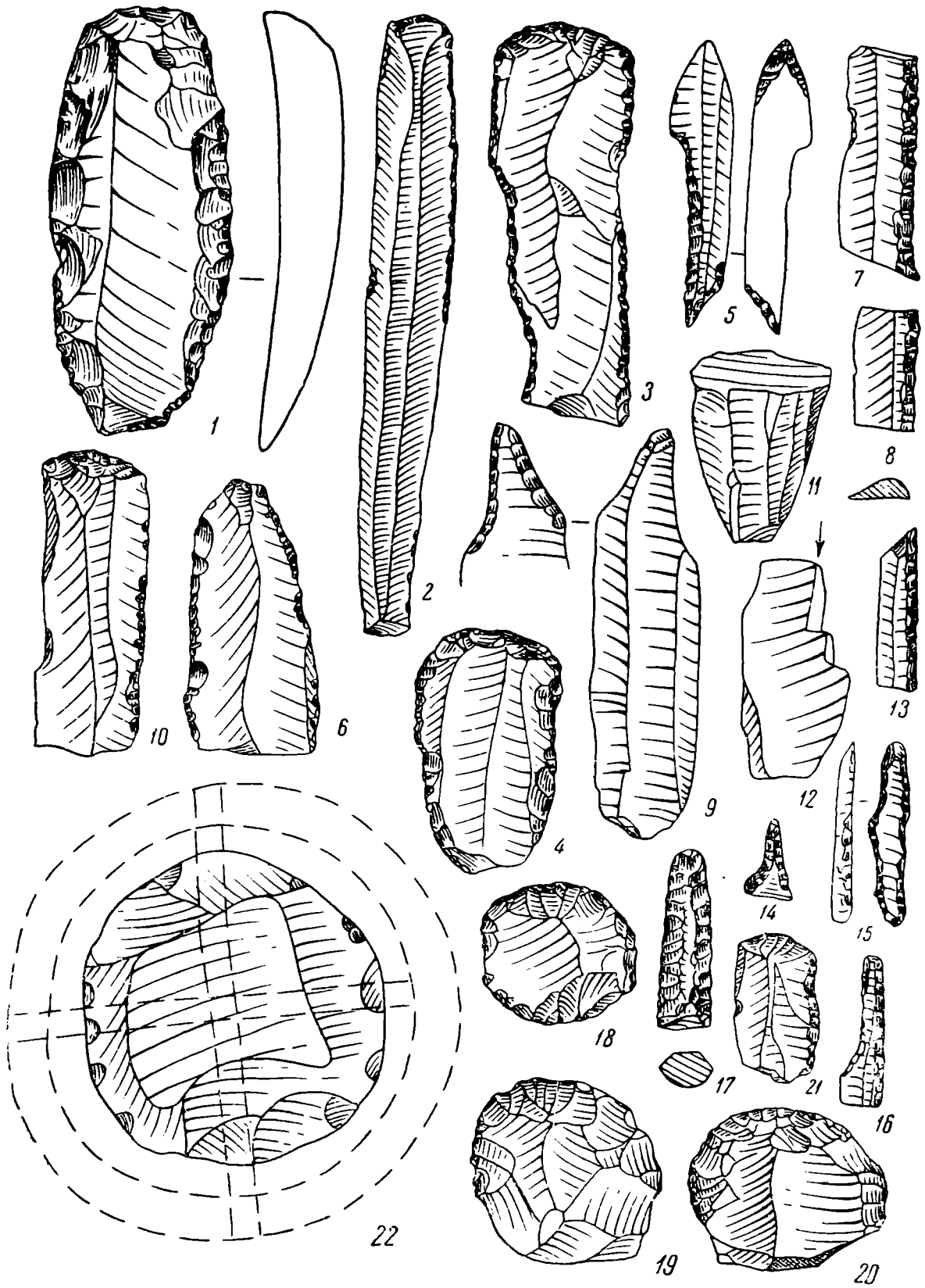


Рис. 51. Находки на микролитических стоянках Казахстана

1—9 — со стоянки Кок-Тубек; *10—13* — со стоянки на р. Улу-Йргизе; *14—16* — со стоянки Беш-Булак; *17—18* — из Тек-баша; *19—21* — со стоянки на р. Сары-Су; *22* — схема закрепления основы грузила со стоянки на р. Сары-Су (1/2 нат. вел.)

Из песков Кызыл-Кум, где давно были известны микролитические стоянки,[8] Б. А. Федорович доставил нам коллекцию из района колодцев и аула Беш-Булак. Пластины из кварцита и окремнелого песчаника, отделенные от пирамидальных нуклеусов, имеют прямую и выемчатую краевую ретушь. Найден резец на углу сломанной пластинки. Уникальна серия из 5 мельчайших острий, длиной 1—2 см, сделанных на пластинах и имевших, повидимому, функции сверл и проколок (рис. 51—*14—16*).

Из пустыни Бетпак-Дала, где в районе колодцев не раз находили стрелы с выемкой в основании, пластины и т. д.,[9] мы получили коллекцию от Ю. А. Орлова из аула Тек-Баш Карсакпайского района. Здесь найдены пластины с ретушью, обломки стрел с двусторонней обработкой и скребки. В отличие от Западного Казахстана, где круглые скребки на отщепах встречаются 2—3 на сотню концевых на пластинах, оба типа представлены здесь равным количеством. Интересна пластина с почти овальным сечением, обработанная с брюшка крутой, почти сплошной ретушью (рис. 51—*17*). Вероятно, это сверло. Керамика почти не сохранилась.

На солонцах правого берега р. Сары-Су, в 120 км к югу от Джезказгана А. Н. Формозов собрал более 500 изделий из кремня и яшмы. Как и в Тек-Баше, наряду с концевыми скребками на пластинах (рис. 51—*21*), здесь найдено около 20 скребков на отщепах с округлым рабочим краем (рис. 51—*19, 20*). Многие пластинки имеют прямую и выемчатую краевую ретушь; на двух — отмечены резцовые сколы. Найден обломок листовидной стрелы, длиной 4 см. Керамика почти не сохранилась на солончаках, встречен лишь один фрагмент с гребенчатым орнаментом. Найден грубообитый кварцитовый диск, диаметром 8 см, аналогичный диску стоянки Ак-Кум-Сагиз.

Подводя итоги обзору новых материалов, надо отметить, что все формы орудий (пластины с краевой прямой или выемчатой ретушью, концевые скребки на пластинах, резцы на углу сломанной пластинки, стрелы с выемкой в основании и т. д.), выделенные нами как типичные для кельтеминарских стоянок, обнаружены и на всех новых стоянках Западного Казахстана. Надо выделить и вновь встреченные или казавшиеся ранее случайными типы: массивные скребковидные пластины, вкладыши на мелких пластинах с ретушью по их крутому скату, пластинки со стесанными концами, долотовидные нуклеусы.

Керамика новых стоянок повторяет известные уже формы: раннюю — полуяйцевидный сосуд и более позднюю — банку, появившуюся вместе со столом.[10] Распространен гребенчатый орнамент, часто покрывающий всю поверхность сосуда (елка, горизонтальные и вертикальные оттиски штампа). Все орнаменты находят аналогии в Джанбас-Кале или Саксаульской, где керамика хорошо сохранилась. Особо стоит сказать об орнаменте из треугольников, заполненных ямками, ибо он перешел в андроновскую культуру. С. А. Теплоухов издал 2 баночных андроновских сосуда с орнаментом из горизонтальных зигзагов, причем пространство между верхним зигзагом и ободком венчика заполнено ямками.[11] Повторение в усложненном виде орнамента кельтеминарской культуры на ранней андроновской керамике еще раз говорит о вероятной генетической связи культур.

[8] А. Ф. Соседко. О находке неолита в центральных Кызыл-Кумах. Природа, № 11, 1931, стр. 1129.

[9] В. А. Селевин. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Дала. Тр. Среднеазиатского ун-та, вып. 12, 1935; А. В. Мухля. В пустыне Бетпак-Дала. Алма-Ата, 1948, рис. 8.

[10] Подобным образом и в афанасьевской культуре яйцевидные сосуды сменяются баночными в предандроновское время. См. М. Н. Комарова «Погребения Окунева улуса», СА, № 9, 1947.

[11] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927, табл. VII, 4, 5.

Изданные нами ранее стоянки Малых Барсуков, приаральских Кара-Кумов, Усть-Урта не были связаны с реками и залегали в песках. Издаваемые ныне стоянки находятся на реках Сагизе, Эмбе, Сары-Су. Характерно, что стоянки пустыни дают, как правило, меньше находок, чем речные. Очевидно, достаточно обеспеченные рыбой обитатели речных долин были более оседлы, чем пустынные охотники, переходившие с места на место за стадами сайгаков, джейранов, джегитаев. Исключение представляет пустынная стоянка Саксаульская; но это позднее поселение скотоводов, население которого, обеспеченное пищей, не было вынуждено часто менять местопребывание. Стоянки пустыни, как мы отмечали, приурочены к нынешним колодцам или местам, где колодцем глубиной в 2 или менее метров можно было дойти до артезианских вод. Все новейшие наблюдения над топографией стоянок подтверждают наш вывод. [12] Надо отметить и некоторую разницу в инвентаре двух групп стоянок. На стоянках охотников за крупными млекопитающими пустыни встречаются предназначенные для них грубые массивные кварцитовые дротики (стоянки в районе Аральска, обследованные Н. Алексеевым, Агиспе), которых почти нет на речных стоянках. Рыболовы охотились, вероятно, в основном на водоплавающую птицу, для добычи которой и предназначены тонкие легкие стрелы на ножевидных пластинах.

О характере рыболовства кельтеминарской культуры мы могли до сих пор судить лишь по определениям костей рыб со стоянки Джанбас-Кала. Г. В. Никольский и Д. В. Радаков предполагали ловлю рыбы крючками и бой гарпунами. [13] В дополнение к этому отметим находку на стоянке у Иргиза обломка стерженька из сланца, возможно, составной части сложного крючка. Но, кроме этого, вероятен лов сетями, ибо в синхронных памятниках они известны, а характер веревочного орнамента керамики показывает достаточный навык в плетении веревок у кельтеминарцев. В связи с этим интересны находки на стоянках Ак-Кум-Сагиз и к югу от Джезказгана каменных дисков, являющихся полной аналогией основам рыболовных грузил, найденных в Новгороде-Великом в 1947 г. при раскопках А. В. Арциховского. Совершенно так же оббитые гальки, тех же размеров охватывались крест-на-крест связанными концами лозы, которую окружала еще одна крупная лоза. Таким образом, в обод в виде круга с вписанным крестом вкладывалась каменная дисковидная основа. Такие грузила указывают на легкую сеть «сплавного» типа. Подобные сети известны в неолите Верхнего Поволжья.

Таковы новые данные о кельтеминарской культуре. Что касается стоянок, расположенных к востоку от кельтеминарских, то они во многом отличаются от последних. В Бетпак-Дале, на Сары-Су, под Джезказганом [14] и в Карагандинской стоянке Долинское [15] наряду с пластинами много отщепов, являвшихся здесь более важным полуфабрикатом, чем пластины. В связи с этим здесь много округлых скребков на отщепах, почти отсутствующих на Западе Казахстана, нет стрел на пластинах, пластинчатых вкладышей и т. д. Это говорит о том, что в эпоху позднего неолита и ранней бронзы Казахстан в культурном отношении не был един, а здесь было несколько культур.

Новые материалы с микролитических стоянок Казахстана показывают, как много могут дать разведки и особенно раскопки на этих памятниках.

---

[12] А. В. Мухля. Указ. соч.; Н. В. Валукинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана. Изв. АН Каз ССР, серия археол., вып. 1, 1948, стр. 33.

[13] Г. В. Никольский и Д. В. Радаков. К истории ихтиологической фауны Средней Азии. Зоол. журнал, 1946, № 1.

[14] Н. В. Валукинский. Ук. соч., таб. 1.

[15] Собрание Эрмитажа. фонд 377 по отделу Сибири.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

Е. И. ГОРЮНОВА

ГОРОДИЩЕ ТОРФЕЛЬ

(Краткая информация о раскопках 1937 г.)

Своеобразный облик культуры деснинских городищ привлекает в последнее время к ним самое пристальное внимание советских археологов. Область бассейна Десны, как уже отметил М. В. Воеводский,[1] представляет большой интерес для выяснения истории формирования древнерусских племен. К сожалению, кроме кратких информаций и отчетов, мы не встретим в археологической литературе сколько-нибудь полных монографий, посвященных этим интересным памятникам. Правда, в результате трехлетних работ Деснинской экспедиции открыто много новых памятников и накоплен значительный материал, позволивший М. В. Воеводскому наметить основные этапы в развитии культуры деснинских городищ эпохи первых веков до и в начале нашей эры. Однако материалы эти, добытые преимущественно в процессе обследования памятников, настолько еще фрагментарны и неполны, что не позволяют составить отчетливого представления о хозяйственном облике поселений, известных нам сейчас под названием «городищ юхновской культуры». В этой связи несомненный интерес представляет одно из среднедеснинских городищ — Торфель, расположенное на окраине гор. Орджоникидзеграда (б. Бежица), которое в 1937 г. было подвергнуто капитальным раскопкам. Была снята вся площадка городища и сделано пять разрезов вала. Вся научная документация раскопок и вещевой материал, заключавшийся в 130 ящиках, были направлены с места раскопок непосредственно в Смоленский музей, который являлся организатором работ. К сожалению, дальнейшая судьба этих материалов, в связи с временной оккупацией Смоленска в период Великой Отечественной войны, неизвестна. В архиве ИИМК (Ленинград) имеется лишь краткий и чисто формальный предварительный отчет Смоленского музея. Полный отчет со всей научной документацией раскопок в ИИМК не поступал.

Ввиду актуальности проблемы изучения деснинских городищ, в частности городищ так называемой юхновской культуры, я, как участник и научный руководитель раскопок 1937 г., решилась реализовать в этой небольшой заметке сохранившиеся отчасти в памяти обрывки непосредственных впечатлений и наблюдений, а также ввести в научный оборот частично сохранившиеся в моем личном архиве полевые зарисовки находок на Торфеле.[2]

---

[1] М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК. вып. XXIV, 1949, стр. 67.

[2] Материалы, взятые у меня Смоленским музеем во временное пользование, не были мне возвращены.

Само собой разумеется, что предлагаемая краткая информация не может претендовать на полноту и ни в коей мере не соответствует широкому объему раскопочных работ, которые были осуществлены в 1937 г.

Городище Торфель расположено на левом надпойменном берегу р. Десны. С полевой стороны оно защищено валом и двумя поясами рвов: одним — с внутренней, другим — с внешней стороны вала. Площадка городища в 1600 м^2 имеет почти четырехугольную форму.

Культурный слой занимает не более двух ее третей, постепенно выклиниваясь в южном и юго-восточном, противоположном от вала, направлениях. В крайних участках культурный слой отсутствует. В северо-западной части, обращенной к валу, он имеет значительную мощность и отчетливо расслаивается на два горизонта, разделенных стерильной песчаной прослойкой. Погребенная почва над нижним культурным слоем ясно прослеживается в разрезе вала, который в последний период жизни городища был подсыпан.

Слои характеризуются не только различной структурой, но и специфическим составом вещевых находок. Верхний слой, более мощный, местами достигающий метра толщины, содержит большое количество золы, угля, сильно гумирован и имеет темносерую, почти черную окраску. Его толща буквально насыщена предметами бытового и производственного назначения: обломками керамики, костями животных, полуфабрикатами, производственным браком и готовыми изделиями из камня, рога, кости и металла. Особенно следует отметить большое количество найденных здесь металлических шлаков (железных и медных), медеплавильных тиглей, льячек и литейных форм. В нижнем слое следов обработки металла не обнаружено. Предварительный анализ форм и орнаментов глиняной лепной посуды, которая составляет в обоих слоях основную массу находок, показал, что посуда эта не однородна (см. ниже).

В северной половине площадки городища открыты следы обширного многокамерного жилища, площадью 6 × 13 м^2, с несколькими очагами. Под каждого очага плотно выложен мелкими, сильно прокаленными камнями. Стены жилища были, повидимому, выведены из мелких бревен или теса и обмазаны глиной. Куски обожженной, очевидно вследствие пожара, стенной обмазки в большом количестве рассеяны в прилегающих к жилищу участках культурного слоя. Некоторые фрагменты обмазки имеют отпечатки тонких жердей или прутьев. Можно предположить, что внутренние перегородки, разделявшие длинное жилище на отдельные семейные ячейки, конструировались из более легкого строительного материала — тонких жердей или плелись из прутьев. Эта плетенка обмазывалась глиной. Земляной пол был несколько углублен и, повидимому, неоднократно подмазывался глиной. Толщу пола составляют сильно гумированные отложения, насыщенные органическими остатками, осколками раздробленных костей и особенно большим количеством рыбьей чешуи, скопления которой прослойками залегают вблизи очагов. Основную массу предметов бытового и хозяйственного обихода, найденных внутри жилища, составляют различные керамические изделия и, главным образом, лепная глиняная посуда, затем всевозможной формы и размеров грузики, пряслица, детские игрушки и т. д. Найдены также поделки из рога и кости, кремневые орудия и отщепы кремня, железные и медные украшения. У южной стены, вне жилища, найдено скопление крупных глиняных шаров, имеющих в диаметре около 6—8 см.

В западной части площадки городища, недалеко от вала, были открыты три полуземлянки: одна — круглой и две — удлиненно-овальной формы. В заполняющем их слое было найдено много обломков тиглей, льячек, ли-

тейных формочек, железных и медных шлаков, обломков железных изделий.

Не имея возможности, ввиду отсутствия материалов, дать детальное описание каждого жилища, представляющего, несомненно, большой научный интерес, остановлюсь на характеристике отдельных групп находок.

Как уже отмечалось, главную их массу, как в нижнем, так и в верхнем слое составляли разнообразные керамические изделия и преимущественно лепная посуда (рис. 52).

Нижний горизонт культурного слоя дал посуду, характерную для городищ юхновской культуры. Посуда эта представлена фрагментами грубых лепных горшков, с довольно шероховатой поверхностью (вследствие примеси в глине зерен шамота), со следами заглаживания. Посуда имеет форму горшков с узким дном, слегка вздутым телом, почти без шейки, прямым, или слабо отогнутым, тупо срезанным венчиком. Орнаментальные украшения бедны и нанесены крайне небрежно. Чаще орнаментирован один венчик, по которому идут насечки или овальные ямки (рис. 53). Иногда неровные отдельные ямки, нанесенные концом косо поставленной палочки, образуют орнаментальный пояс вокруг шейки сосуда (рис. 54). Аналогичная керамика была найдена в нижнем культурном слое Трубчевского городища.[3]

Характерны также небольшие толстостенные, грубо вылепленные сосудики конической формы, с массивным поддоном (рис. 52—*7* и *8*), совершенно аналогичные сосудику, найденному в Горкинском городище.[4] Верхний культурный слой дал более разнообразную керамику, хотя форма сосудов более или менее сохраняется. Появляются лишь горшки с более выступающими плечиками и ясно выраженным горлом (рис. 52—*1*). Этот тип посуды несколько приближается к роменской посуде.

Посуда верхних горизонтов культурного слоя орнаментирована значительно богаче, хотя в штамповке рисунков замечается та же небрежность. Орнамент исключительно штампованный. Особенно характерны плоские круглые ямки, опоясывающие в один или два ряда шейку сосуда. Ямки нанесены прямо срезанной полой птичьей костью (рис. 52—*2* и *3*). Иногда ямки сочетаются с ногтевыми вдавлениями — лунками (рис. 52—*6*). Найдены фрагменты с штампованным зубчатым орнаментом, который располагается параллельными косыми отрезками по плечикам и шейке сосудов (рис. 52—*1*, *4*). Наряду с такой нарядно орнаментированной посудой, мы встречаем здесь грубую гладкую посуду, характерную для нижнего слоя.

Выше упоминалось, что большое количество крупных глиняных шаров было найдено около южной стены длинного дома. Скопление таких же шаров обнаружено вдоль края площадки городища, с ее незащищенной стороны. Шары эти вылеплены из глины, иногда с примесью шамота, хорошо обожжены, гладкие, иногда снабжены несколькими неглубокими ямками или перекрещивающимися желобками, как бы для привязывания веревки. Повидимому, шары эти служили метательным оружием (рис. 53—*10*, *14*).

Характерной для деснинских городищ группой находок являются разнообразные по величине и форме многочисленные грузила для рыболовных сетей. Среди них имеются шаровидные, овальные, грушевидные и уплощенные. Часть из них имеет сквозные отверстия, у некоторых они представляют лишь глубокую ямку. Назначение последних неясно.

В числе мелких грузиков мы встречаем довольно характерную форму в виде небольшого блока или катушки (рис. 53—*17*—*19* и *23*—*25*, *29*), не-

---

[3] В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 98.

[4] М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 70.

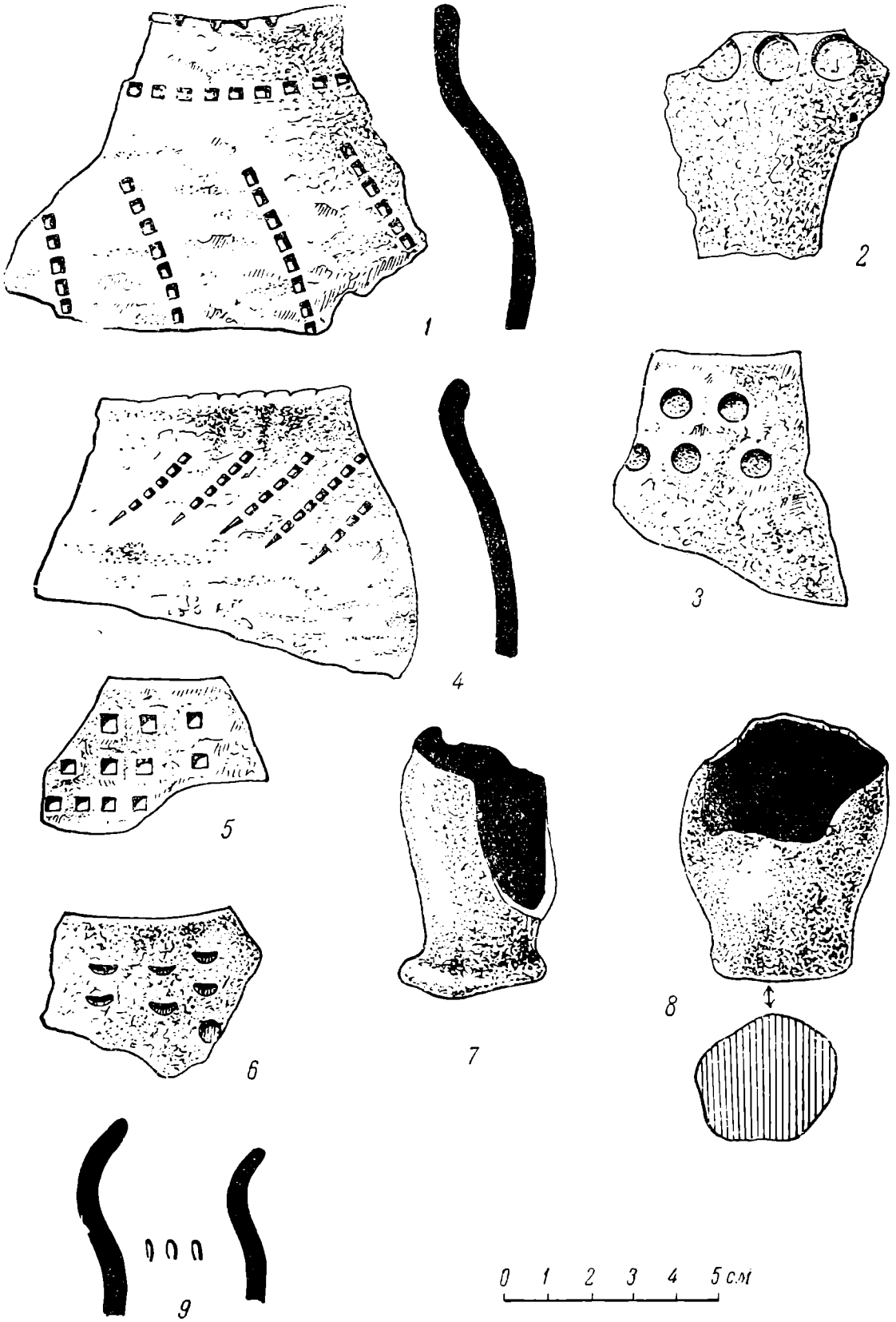


Рис. 52. Городище Торфель. Керамика

1—6 — фрагменты орнаментированных сосудов; *7* — горшочек конический на поддоне; *8*—горшочек на поддоне; *9* — профили сосудов. № *1—6*, *8* — из верхнего слоя; № *7* и *9* — из нижнего слоя

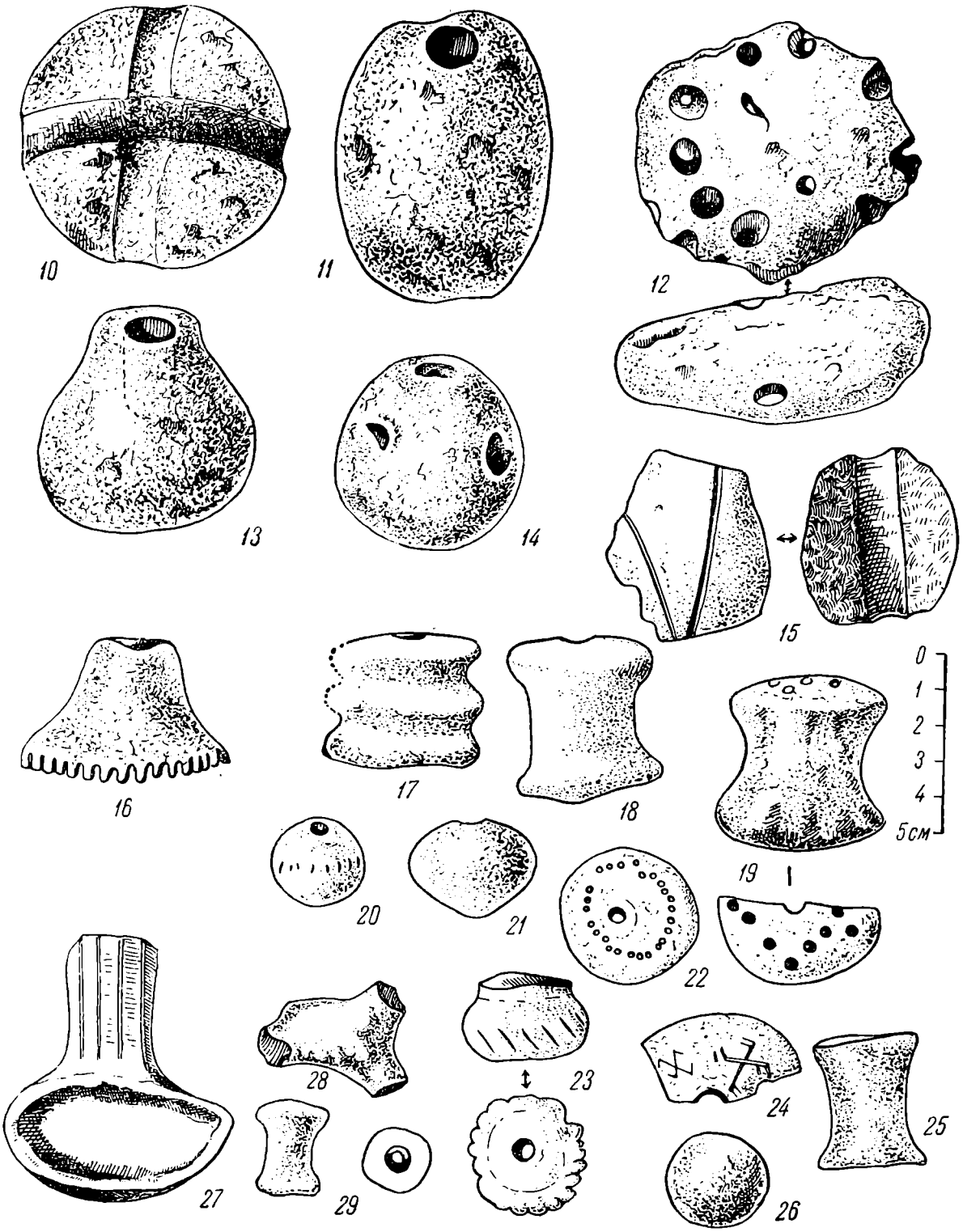


Рис. 53. Керамический инвентарь с городища Торфель

10 — шар с желобками; *11—13* — рыболовные грузила; *14* — шар из верхних слоев разреза вала; *15* — орнаментированный грузик; *16* — грузик «дьякова типа»; *17* — блок; *18* — катушка; *19* — катушка орнаментированная; *20* — грузик; *21* — пряслице; *22* — орнаментированный верх глиняной катушки; *23* — обломок глиняной катушки из раскопа на юго-западном склоне; *24*— обломок орнаментированной катушки; *25* — катушка; *26* — шарик (детская игрушка); *27* — льячка из верхнего слоя разреза вала; *28* — фигурка лося; *29* — глиняная катушка; № *11*, *13* — из нижнего культурного слоя; № *12*, *15*, *17*, *18*, *20—22*, *24—26*, *28*, *29*— из верхнего слоя

редко украшенной мелким ямочным или нарезным орнаментом (рис. 53—*24*), очень напоминающим рисунок на грузиле Юхновского городища.[5] Пряслица и небольшие грузики для ткацких станов обычно шаровидной или биконической формы, часто также украшены орнаментом (рис. 53—*20—21*). Миниатюрные орнаментированные глиняные шарики с узким сквозным отверстием могли служить пуговицами.

Заслуживает упоминания находка глиняного грузика так называемого дьякова типа: это одно из доказательств связи юхновской культуры с культурой городищ дьякова типа. В числе керамических изделий, характерных для деснинских городищ, найдено несколько крупных фрагментов и один целый «рогатый» кирпич (рис. 55—*51, 52*). Эти своеобразные предметы, судя по их нахождению близ очагов, могли служить, как правильно предположил М. В. Воеводский[6] и чему имеются подтверждения в этнографии, подставками для вертела.

В группе глиняных изделий имеются детские игрушки: шаровидная полая погремушка, шарики, миниатюрные горшочки. Особый интерес представляют две небольшие фигурки лося, вылепленные из глины (рис. 53—*28*).

В поздний период жизни поселка металл прочно вошел в хозяйственный обиход. Однако традиция использования камня, кости и рога для выделки бытовых предметов, орудий производства и оружия не была еще изжита населением поселка. Даже в его позднем слое, сохранившем многочисленные следы древней металлургии, мы встречаем полуфабрикаты и готовые изделия из кремня, кости и рога: кремневые нуклеусы, отщепы, ножевидные пластинки и скребки, костяные иглы (рис. 54—*45*), шилья (рис. 54—*42*), челноки (рис. 54—*43*), кочедыги, мундштуки от дудочек-манков (рис. 54—*47*), рукояти ножей и кинжалов и т. п.

В этот же период жизни поселка на Торфеле широкое развитие получило железоплавильное и меднолитейное дело. Железо добывалось из местной болотной руды, которую обжигали в примитивных сыродутных горнах. Следов выплавки руды на территории самого поселка не найдено. Повидимому, горны устраивались где-то за пределами селения. В слое землянок найдено довольно значительное количество железных шлаков и криц. Их небольшие размеры и миниатюрные размеры готовых железных изделий свидетельствуют о том, что железо добывалось в сравнительно небольших количествах.

Из железных вещей среди находок имеются: небольшой, своеобразной формы топор-колун, который мог служить и кузнечным молотом (рис. 54—*31*); железная однозубая острога (рис. 54—*30*), обломки серпов (рис. 54—*32*), ножи, шилья, стрелы римского типа, которые определяют дату верхнего слоя городища, и обломки других неопределенных предметов.

Если железо добывалось переработкой местного сырья, то медь получалась жителями поселка издалека, путем торгового обмена. Повидимому, металл привозился не в виде руды, а в виде брусков чистой меди. Среди находок имеется несколько таких брусков. Медь шла исключительно на отливку украшений: бус, серег, пряжек, бляшек, подвесок, браслетов, булавок, пуговиц и пр. Найдено несколько экземпляров характерных для юхновской культуры булавок, с загнутым в виде петли концом (рис. 54—*35*).

Химический анализ готовых изделий не производился, но можно предполагать, что для отливки украшений употребляли не чистую медь, а сплав ее, повидимому, с оловом. Большее или меньшее его содержание в сплаве определялось на-глаз цветом излома и хрупкостью вещи.

Литейные формы, найденные в значительном числе, изготовлялись из

---

[5] Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Тр. ГИМ, т. VIII, М., 1938, стр. 126.

[6] Указ. соч., стр. 73.

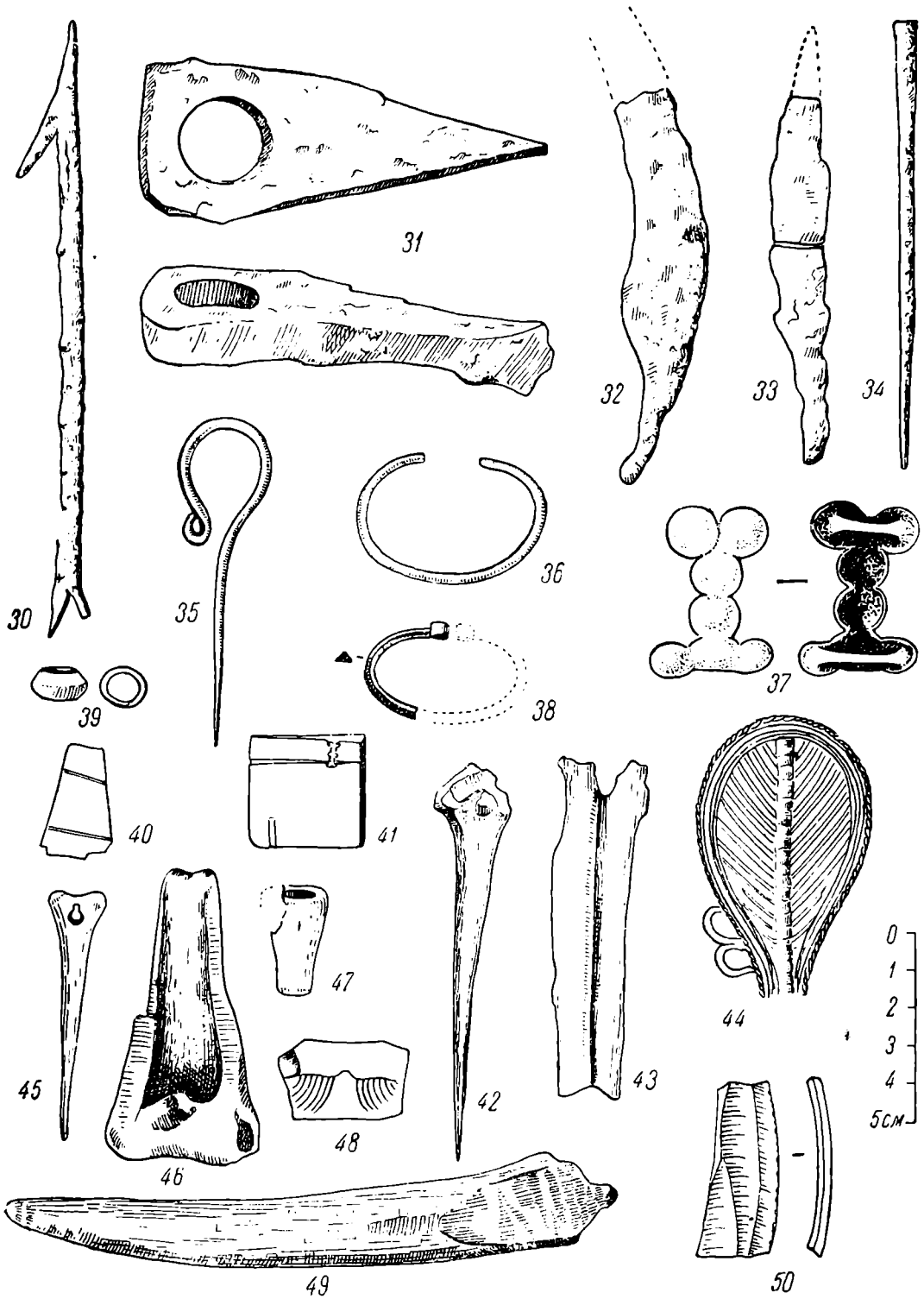
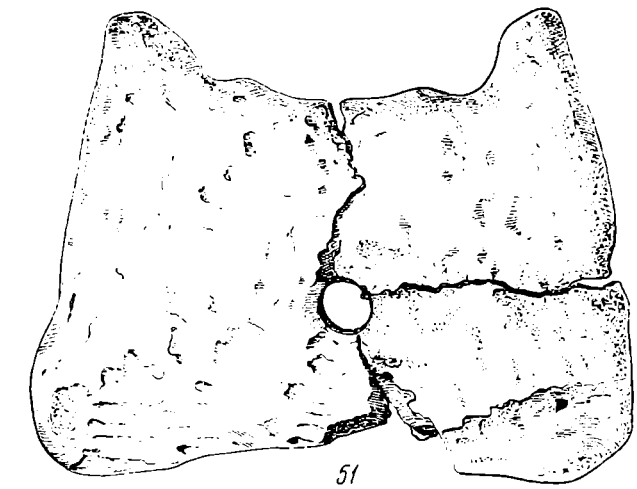


Рис. 54. Инвентарь из верхнего слоя городища Торфель

30 — острога (со склона городища); *31* — топорик; *32* — обломок серпа; *33* — обломок ножа; *34* — острие; *35* — булавка; *36* — браслет; *37* — бляшка; *38* — пряжка; *39* — бусина; *40* — подвеска из разреза вала; *41* — литейная форма из опоки; *42* — костяное острие; *43* — костяной челнок; *44* — навершие булавки; *45* — игла костяная; *46* — кость со следами распила; *47* — костяной мундштук от дудочки — манка; *48* — обломок литейной формочки из опоки; *49* — рог лося, обработанный срезами; *50* — корневая ножевидная пластинка; № *30—34* — железо; *35—40* — бронза

опоки и глины. Их разнообразие, тщательность отделки и высокая жароустойчивость, проверенная опытом в специальной производственной лаборатории, свидетельствуют о высоком уровне техники литейного дела (рис. 54—*41*, *48*).

Характер хозяйства насельников городища довольно отчетливо рисуется на основании собранного при раскопках обширного материала. Найденные обломки серпов и каменной зернотерки не позволяют еще говорить о развитом земледелии, которому не благоприятствовала и природная обстановка — обилие на широком пространстве болот. Значительно больший удельный вес в экономике хозяйства имело скотоводство, с разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей, мясо которых употреблялось в пищу. Несмотря на значительную величину стада (о чем можно судить по обилию находок костей домашних животных), охота продолжала играть роль источника питания. Об этом свидетельствуют находки костей крупных мясных животных, как, например, медведя, лося, кабана, и более мелкого — зайца. Однако этим роль охотничьего промысла не исчерпывалась; он, несомненно, имел еще чисто товарное значение. Добыча пушнины стимулировалась интересами торгового обмена. Абсолютное преобладание костей домашних животных отнюдь не отражает реального со-



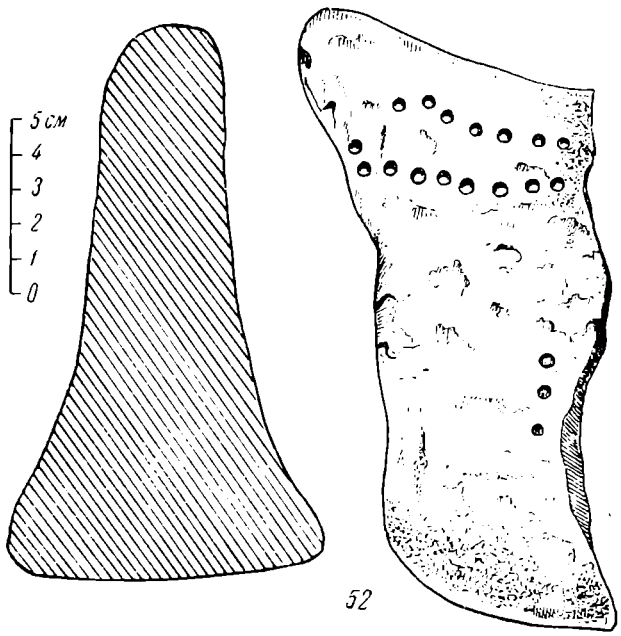


Рис. 55. Городище Торфель. Рогатый кирпич из верхнего культурного слоя

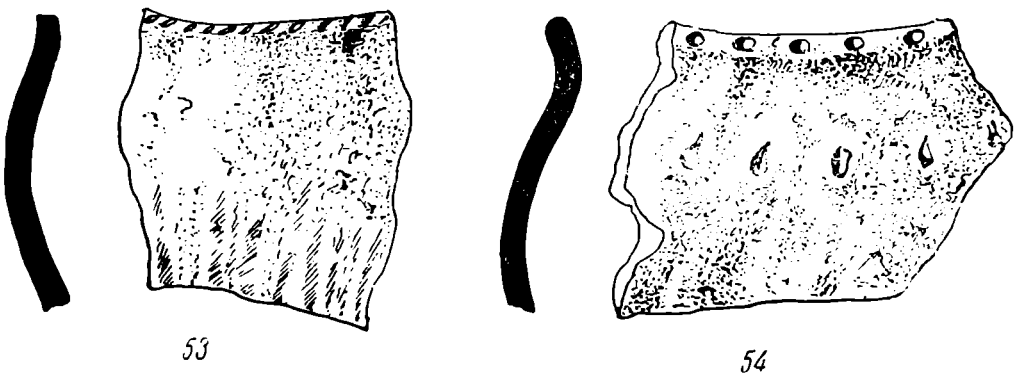


Рис. 56. Городище Торфель. Фрагменты сосудов из нижнего культурного слоя

отношения роли охоты и скотоводства. Как известно из практики всех охотничьих народов, тушки убитых зверей (пушных) никогда не приносятся охотником в стойбище или поселок, а оставляются на месте промысла, в лесу.

Наряду с охотой огромное значение в хозяйстве жителей поселка имело рыболовство. Об этом говорит не только огромное количество разнообразных по форме и величине рыболовных грузил, свидетельствующее о разнообразии рыболовных снастей и приемов, но также мощные скопления рыбьих костей и чешуи, которыми местами буквально насыщен культурный слой.

Дата верхнего слоя городища, которая определяется находками стрел римского типа, относится к I в. н. э. Нижний слой, повидимому, может быть датирован более ранчим временем — первыми веками до нашей эры (рис. 56).

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

А. В. КИРЬЯНОВ

РЕСТАВРАЦИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Керамика почти всегда занимает наибольшее место среди археологических материалов, добываемых археологическими экспедициями. Как правило, целые сосуды встречаются редко; в основном керамический материал находят при раскопках в виде разрушенных сосудов или отдельных фрагментов.

Имеющиеся литературные источники по реставрации керамики бедны и ограничиваются работами б. Института археологической технологии Академии истории материальной культуры. К тому же они недостаточно освещают вопрос техники реставрации и рекомендуют клеящие вещества, в настоящее время устаревшие, в связи с наличием богатого выбора их из искусственных смол. Настоящая работа по реставрации керамики обобщает опытную работу и реставрационную практику Лаборатории ИИМК.

Физико-механические свойства древней керамики

Весь процесс изготовления керамических сосудов, начиная с момента появления керамики до позднейших времен, сводился к заготовке глиняного теста, лепке сосудов от руки, а в позднейшее время — формовке на гончарном круге с последующим обжигом.

Технологический процесс изготовления керамических сосудов всегда определял физико-механические свойства их, главнейшими из которых были пористость и прочность. Основные условия, определяющие эти свойства керамики,— состав глиняного теста и качество обжига. Условия залегания в течение столетий коренным образом влияют на сохранность и состояние сосудов. Керамический материал, добываемый при раскопках, может поэтому иметь иные физико-механические свойства, по сравнению с его первоначальным состоянием. Минеральные элементы почвы, попадая в поры черепка вместе с почвенной водой и отлагаясь там, нарушают структуру черепка, оказывая известное влияние на его пористость и прочность. Наибольшим изменениям подвергаются сосуды, где в компоненты глиняного теста входят примеси минерального и органического происхождения. Показания прочности керамического черепка для целей реставрации не имеют значения. Достаточно изучить пористость черепка, так как это свойство определяет характер склейки в смысле подбора клеящего состава соответствующей вязкости. Определение пористости древней керамики Камеральная лаборатория ИИМК ставит целью изучения для тех видов керамики, которые поступали в Лабораторию для обработки. Этот материал в достаточной мере может характеризовать типы керамического материала различных эпох.

Одним из наиболее простых методов определения пористости керамики является испытание ее на влагопоглощаемость. Сущность этого метода сводилась к следующему: отдельные фрагменты сосуда высушиваются при 110° С и после просушки взвешиваются на технических весах с точностью до 0.01 г (р. сух.). Затем черепки помещают в сосуд, над дном которого устанавливается металлическая или веревочная сетка, предохраняющая черепки от соприкосновения с перегретым дном сосуда, и заливают водой. Черепки кипятят в воде в течение 2—3 часов, затем оставляют стоять в той же воде 1—2 суток. Насыщенные водой черепки вынимают из сосуда, слегка обтирают полотенцем и взвешивают (р. насыщ.). Вычисления водопоглощаемости ведутся по такой формуле:

$$\text{Водопоглощаемость} = \frac{\text{р. насыщ.} - \text{р. сух.}}{\text{р. сух.}} \times 100^{\circ}.$$

Показания пористости испытанного керамического материала представляются в таком виде:

№ п. п.	Наименование керамики	Вес сухого образца в г (р. сух.)	Вес насыщенного образца в г (р. насыщ.)	% пористости
1	Московская лощеная керамика	59.95	65.8	9.0
2	Языковская керамика из Языковской неолитической стоянки	58.12	64.65	11.2
3	Хорезмская керамика из Топрак-Кала 1946 г.			
	№ 1	57.77	63.75	13.5
	2	51.65	59.3	11.9
	3	30.25	34.35	13.3
4	Трипольская керамика из пос. Владимировка. Раскопки 1946 г.			
	С рисунком № 1	17.95	20.2	12.7
	С рисунком 2	19.32	21.3	10.4
	Без рисунка № 1	27.5	31.07	13.0
	Без рисунка 2	21.3	24.95	17.5
5	Камская экспедиция 1946 г.			
	№ 1	33.96	39.65	16.7
	2	27.87	37.5	34.9
	3	19.68	23.3	12.9
	4	22.6	25.9	14.9
6	Керамика из Старой Рязани 1946 г. . . .	22.5	26.25	16.6
7	Панфиловская керамика 1946 г.			
	Плотная, № 1	62.32	77.4	22.6
	Рыхлая, № 2	30.15	44.55	47.7

Колебания пористости лежат в пределах 9—47.7%. Наименьшую пористость имеет керамика из Хорезма (11.9—13.5%) и трипольская из пос. Владимировка (10.4—17.5%). Наибольшая пористость отмечается у панфиловской керамики (22.6—47.7%).

Требования, предъявляемые к клеящим веществам при реставрации древней керамики

Древние керамические сосуды часто поступают в реставрацию в виде отдельных фрагментов (до 100 и более). Разбитые древние сосуды должны быть собраны с большой точностью, чтобы в реставрированном сосуде была представлена четко форма древнего сосуда. Места склейки отдельных фрагментов должны быть точно пригнаны между собой, и сосуд в завершенном состоянии должен представлять монолитное целое. Сборка сосудов, состоящих из небольшого числа фрагментов, не представляет трудностей. Реставрация же сосудов, состоящих из большого числа отдельных фрагмен-

тов, представляет значительные трудности, требуются навык и соответствующая техника. При склеивании сосудов с большим числом фрагментов почти всегда возможны, а порой и неизбежны, ошибки. При склеивании отдельных фрагментов, вследствие многих причин, порой не зависящих от реставратора, возможно неточное соединение фрагментов. Такого рода ошибки возможны и при дальнейшем последовательном соединении других фрагментов и склеивания частей сосудов, состоящих из нескольких фрагментов. В результате таких небольших неточностей, при окончательной сборке сосуда порой получаются значительные отклонения, нарушающие правильное соединение частей сосудов. Такая неточность совпадения может достигать значительной величины. Наибольшее отклонение и неточность соединений возможны при склеивании керамики с обкатанными краями, нечетко выраженным изломом, засоренностью поверхности излома посторонними элементами в виде остатков нерастворимых солей и иных механических вкраплений. Отклонение неизбежно при плохой расчистке поверхностей склеиваемых фрагментов. Это часто наблюдается у керамики рыхлой, слабо обожженной, дающей нечеткий излом. У керамики плотной, с ярко выраженной линией излома, дающей при соединении отдельных фрагментов точное сопряжение, отклонения наблюдаются редко.

Нередко при применении клеев, которые довольно толстым слоем наносятся на поверхность склеиваемых предметов (цементы и др.), отклонения бывают довольно часто. Кроме того, такого рода клеящие вещества исключают всякую возможность исправления этих недостатков, вследствие их необратимости, т. е. неспособности их при воздействии тепловых и химических агентов приобретать первоначальное состояние. Для исправления ошибок сосуды, скленные такого рода клеями, могут быть разобраны только при механическом воздействии на них.

Для последующего склеивания таких сосудов должна быть произведена расчистка «швов» от ранее нанесенного клея. Механический способ расчистки не исключает возможности повреждения микрорельефа склеиваемых поверхностей фрагментов. Эти повреждения при повторной склейке сосуда могут вызвать еще большее несовпадение фрагментов. Все неточности и неизбежные отклонения при склейке можно исправлять только при склеивании сосудов клеями, обладающими термопластическими свойствами, т. е. способностью клея размягчаться и быть пластичным при известной температуре, зависящей от его химических свойств. При применении термопластичных клеев для реставрации керамики неизбежные и возможные ошибки, допущенные при склеивании отдельных фрагментов или целых сосудов, легко исправляются при подогревании сосуда и отжимании клея в момент его полного размягчения.

Итак, термопластичность клея — первое и самое необходимое условие при склеивании древних керамических сосудов. Кроме того, клей должен давать достаточно прочную пленку, обеспечивающую хорошее склеивание фрагментов сосудов.

В настоящее время среди искусственных смол имеются смолы, обладающие клеящими свойствами и удовлетворяющие всем требованиям, необходимым при склеивании керамики.

Клеи термопласты

За последнее время количество клеящих веществ значительно увеличилось благодаря клеям из искусственных смол. Эти клеи дают основную массу клеящих веществ различных отраслей техники и быта. Среди массы искусственных смол, обладающих клеящими свойствами, имеются термопластичные смолы, которые при испытании в Лаборатории ИИМК удовлетворяют всем требованиям, необходимым при реставрации керамики.

Лучшими оказались:

1. Поливинилацетатная смола. Бесцветная прозрачная масса без запаха и вкуса. Уд. вес 1.19. Температура размягчения лежит в пределах 60—70°. Хорошо растворяется в ацетоне, этиловом спирте, толуоле. Раствор смолы бесцветен.

2. Полистрол. Твердая прозрачная, бесцветная, стекловидная или белая порошкообразная масса. Уд. вес 1.05. Температура размягчения лежит в пределах 80—100°. Растворяется в бензоле, толуоле, этиловом эфире.

Кроме этих клеев термопластов, Лаборатория ИИМК испытала клеи, которые не обладают термопластическими свойствами, но находят применение при реставрации керамики. Они применяются при склеивании отдельных фрагментов, хорошо соединяющихся друг с другом, при склейке днищ, а также и сосудов, состоящих из небольшого числа фрагментов, которые при сборке дают хорошее соединение, исключающее возможность отклонения. Лучшим из них можно назвать клей БФ-4. В Лаборатории ИИМК этот клей с большим успехом применяется для склеивания разнообразных археологических предметов (керамики, кости, железа, дерева и др.).

Процесс склеивания керамики

Склеивание керамики основано на проникновении в поры керамики клеящего состава и образования пленки клея между склеиваемыми поверхностями керамики.

Согласно закону поверхностного натяжения, клеящий состав, нанесенный на поверхность керамики, проникает в поры керамики; переплетаясь в капиллярах, он образует «мостик» между поверхностью склеиваемых фрагментов.

Глубина проникновения клеящего состава находится в зависимости от пористости черепка и вязкости клеящего состава. Как правило, чем глубже проникновение клеящего состава в поры керамики, тем лучше и прочнее склеивание. Соответствующим подбором вязкостей клеящих составов можно усилить проникновение клея в поры керамики. Таким образом, процесс склеивания керамики чисто механический, основанный на законах проникновения клея в поры керамики. Применяемые в лаборатории клеи обеспечивают достаточно прочную склейку керамики.

Техника склеивания сосудов

Склеивание керамических сосудов требует определенного навыка и техники, которые приобретаются практикой. В реставрационной практике Лаборатории ИИМК совершенно отказались от клеев, ранее применявшихся при реставрации керамики (шеллак, белковые клеи и пр.), а полностью перешли к новейшим клеящим веществам из искусственных смол. По длительным наблюдениям лучшие результаты при склеивании керамики получены при применении поливинилацетоновой смолы. Клей из этой смолы дает очень прочное склеивание: как термопласт он удобен при исправлении ошибок, допущенных при склеивании.

Для склеивания приготовляются два рабочих раствора — один 10—15°, другой 40—50°. Смолу растворяют в ацетоне, так как ацетоновые растворы, в отличие от других, дают более быстрое схватывание, вследствие большей летучести ацетона, что обусловливает и удобство работы.

Не останавливаясь на описании подготовки керамики к склеиванию (промывка, просушка, подборка), вся работа по технике склеивания сводится к следующему.

У склеиваемых фрагментов достаточно жесткой щеткой тщательно прочищают обе соединяющиеся поверхности. Такая расчистка «шва» произво-

дится для удаления пыли, частиц приставшей почвы и различных механических вкраплений, которые могут мешать плотному соединению склеиваемых поверхностей и лучшему смачиванию их клеящим составом. Очень плотно приставшая почва и другие элементы, которые не счищаются щеткой, удаляются осторожно иголкой или скальпелем, с последующей прочисткой щеткой. Затем при помощи кисточки или палочки на расчищенную поверхность наносится сначала слой клея меньшей концентрации.

Клеящий состав меньшей концентрации наносится для лучшего смачивания рельефа склеиваемых поверхностей и для лучшего пропитывания поверхностного слоя. При пористой керамике клеящий состав быстро впитывается внутрь керамики. Затем наносится вторично клей меньшей концентрации. По прошествии некоторого времени, если не замечается быстрого «высыхания» клея (обусловливаемого опять впитыванием клея), на поверхность наносится слой клея большей концентрации. Клеящий состав наносится в небольших количествах, во избежание выхода его из «швов» при соединении склеиваемых поверхностей.

После нанесения клея склеиваемые фрагменты соединяются между собой при некотором усилии. Необходимо указать, что при склеивании указанными выше составами не получается быстрого «схватывания», как это наблюдается при применении шеллака или канифольно-восковой мастики. Склеенные фрагменты помещаются в ящик с песком в вертикальном положении таким образом, чтобы центр тяжести фрагментов проходил в плоскости склеиваемых поверхностей. Такое положение в песке склеенных фрагментов дает затвердение клея без всяких отклонений. Для ускорения работы в песок размещаются склеенные фрагменты, из которых по затвердевании клея собираются уже части сосуда.

В зависимости от окружающей температуры, толщины стенок керамики и размеров склеиваемых фрагментов «схватывание» получается через 10—20 минут. По прошествии этого времени получается достаточно прочное склеивание, при котором возможно последующее склеивание фрагментов. При склеивании целых сосудов необходимо производить последовательное соединение фрагментов таким образом, чтобы не было входящих углов, что в последующем затрудняет работу и может влиять на точность соединения.

Ошибки, допущенные при склеивании отдельных фрагментов в смысле неточности соединения их, исправляются следующим образом. Части фрагментов по линии «шва» разогревают на электрической плитке или спиртовой лампочке. При нагревании клей приобретает пластичность и, не отрывая фрагменты друг от друга, исправляются ошибки и неточности склеивания. При сборке целых сосудов из больших частей нередко отмечается несхождение венчика или средней части. В таких случаях весь сосуд подогревается, и после приобретения клеем пластичности сосуд обжимается до полного схождения всех его частей.

В практике реставрации встречаются случаи повторного переклеивания некоторых фрагментов. В таких случаях «швы» разъединяются при подогревании, и ранее нанесенный клей смывается при помощи кусочка ваты или марли, смоченной в растворителе (спирт, ацетон). После удаления клея из «швов» склеивание производится обычным порядком.

Некоторую сложность представляет реставрация керамики с неясно выраженной линией излома. Нередко у такой керамики края излома стерты или, как говорят, обкатаны. Наиболее часто такое явление наблюдается у слабо обожженной керамики. Склеивание такого рода керамики не всегда происходит успешно при применении обычных способов. Склеиваемые поверхности соприкасаются не плотно, поэтому не обеспечивается прочное склеивание. В таких сосудах на местах соприкосновения нередко получаются «просветы» и неточности совпадения фрагментов. В этих случаях

фрагменты с неточным совпадением «сажают» на мастику, которая приготовляется следующим образом. Берут керамику, близкую по цвету с фрагментами склеиваемого сосуда, толкут ее в ступке до образования порошка. Истолченная керамика просеивается через частое сито. Клеящий состав наполняют этим порошком до потери текучести клея. Полученную мастикообразную массу наносят, как клей, на склеиваемые поверхности, предварительно смазанные жидким клеем, и соединяют их. При засыхании мастики получается прочное склеивание. Этой же мастикой заполняются просветы.

Правильно склеенный сосуд при просушивании должен быть звонким, что указывает на его монолитность. Дребезжащий звук указывает на дефекты, допущенные при склеивании.

При склеивании сосудов нередко получаются затеки клея и выход его из швов на внутреннюю и внешнюю поверхности, что портит его внешний вид. При окончательной отделке сосуда все затеки и выходы клея на поверхности должны быть зачищены. Для этого кусочек ваты или марли смачивается растворителем (ацетон, спирт), которым протираются места затеков до полного удаления клея. Очистка затеков на сосудах с раскрашенной поверхностью требует большой осторожности и тщательности. Предварительно на менее ответственных местах сосуда производят испытание на обесцвечивание красок растворителем и уже после производят очистку обычным способом.

При реставрации склеиваются различные типы сосудов — от очень плотных до весьма рыхлых и пористых. При склеивании плотной керамики с малой пористостью не происходит быстрого впитывания клея внутрь керамики. Нередко бывает достаточно однократного нанесения клея на поверхность для получения прочного склеивания.

Закрепление рыхлой керамики

Встречаются случаи склеивания керамики, которая крошится, при небольшом усилии распадается на части, расслаивается. Эти явления наблюдаются у керамики слабого обжига, которая подвергалась действию разрушающих факторов во время залегания в почве. Склеивание таких сосудов представляет большие трудности, а порой и невозможность их реставрации. Такого рода керамика, иногда весьма ценная в археологическом отношении, должна быть перед склеиванием закреплена.

В настоящее время имеется богатый выбор закрепляющих средств; среди них искусственные смолы занимают первое место как по легкости работы с ними, так и по конечному результату. Для закрепления такой керамики в Лаборатории ИИМК были разработаны два способа:

1) способ поверхностного закрепления керамики;

2) способ, основанный на погружении керамики в закрепляющий состав.

При первом способе закрепление керамики производится нанесением закрепляющего состава при помощи кисти на поверхность керамики. При этом способе закрепляющий состав не проникает глубоко в поры керамики. Все же получается достаточно прочная пленка на всей поверхности закрепленного фрагмента.

Лучшие результаты получаются при применении способа погружения керамики в закрепляющий состав. Этот метод основан на вытеснении воздуха из пор керамики и заполнения их закрепляющим раствором.

Наилучшие результаты получаются при закреплении керамики с большой пористостью. Для закрепления могут быть применены смолы полимеризационные, т. е. затвердевающие при нагревании, а также смолы, не подвергающиеся полимеризации.

В практике Лаборатории ИИМК хорошие результаты получены при применении смол, среди которых наиболее пригодным оказался клей БФ-4.

Техника закрепления

Все фрагменты закрепляемого сосуда хорошо просушиваются при 105—110° С. После просушивания фрагменты помещают в сосуд с закрепляющим раствором (раствор смолы в спирте в отношении 1 : 4 или 1 : 5). После погружения начинается выделение пузырьков воздуха из пор и заполнение их закрепляющим раствором. Для лучшего заполнения пор раствор подогревают до 30—35°. Фрагменты выдерживаются в растворе до полного прекращения выделения пузырьков. Извлеченные из раствора фрагменты кладут на сетку для стекания излишней жидкости. По прошествии некоторого времени керамика обсыхает; необсохшие места с большим скоплением закрепляющего состава протирают марлей или ватой, смоченной в спирте, для удаления излишнего состава. Несмытый с фрагментов закрепляющий состав дает в этих местах лакированную поверхность. Обсохшие фрагменты помещают в сушильный шкаф, где выдерживают минут 15—20 при t 35—40°. Затем температуру повышают до 120—140°и выдерживают керамику при этой температуре около 1—1.5 часа. При этом происходит процесс полимеризации, т. е. затвердевание смолы. После этого керамика приобретает достаточную прочность, обеспечивающую возможность ее склеивания. Охлаждение керамики ведут в сушильном шкафу. Клей БФ-4 не нарушает микрорельефа керамики, но немного изменяет цвет ее в сторону потемнения.

Необходимо указать, что при применении клея БФ-4 можно керамику не подвергать нагреванию. Через сутки получается достаточно прочное закрепление, допускающее сборку сосудов без опасения разрушения и ломкости фрагментов.

Дефекты и повреждения керамики

Главнейшими видами повреждений и дефектов, с которыми наиболее часто приходится встречаться в практике реставрации, следующие.

1. Трещины на сосудах. Иногда на первый взгляд хороший сосуд или часть сосуда при простукивании дает дребезжащий звук, что указывает на присутствие трещин в сосуде. Трещины на сосудах иногда слабо выражены и могут итти в самых различных направлениях. В случае непринятия мер к исправлению этого дефекта, может быть распадение сосуда по линиям трещин. Для исправления этого дефекта с внутренней стороны сосуда в трещину заливают клеящий состав слабой концентрации. На керамике невысокой механической прочности, поддающейся действию инструмента (нож, скальпели и др.), необходимо «расшить» линию трещины, т. е. с внутренней стороны расчистить линию трещины скальпелем или ножом, не повреждая наружной поверхности сосуда. Расчищенную трещину заливают клеем, и сосуд обвязывают веревкой или шпагатом. При удачной заливке швов получается прочное сцепление клея по линии трещины и отсутствие дребезжания при простукивании сосуда.

Трещины на сосудах, полученные при обжиге, более широки, дают просвет и не сближаются при сдавливании сосуда. Такого рода трещины не представляют опасности для распадения сосуда. Они заделываются мастикой, сделанной на том же клею.

2. Расслаивание керамики. Нередко встречается расслаивание керамики, которое происходит вследствие потери связи между частицами массы. Такое явление иногда наблюдается даже на лощеной керамике (отслаивание

лощеной поверхности). Если отслаивающиеся части держатся на сосуде, то между расслаивающимися слоями наливают клей, после чего фрагмент или сосуд зажимают, чтобы обеспечить плотное соприкосновение отслаивающихся частиц. Отстающие от сосуда части тщательно наклеивают на сосуд. Хорошие результаты получаются при применении клея БФ-4.

3. Слущивание поверхностного слоя. На целых сосудах или отдельных фрагментах происходит иногда слущивание поверхностного слоя. На поверхности сосуда появляется тонкая рыхлая пленка, разбитая на множество мелких частиц, которая при небольшом усилии рассыпается. В этом случае сосуды просушивают, и поврежденный поверхностный слой при помощи кисти или пульверизатора пропитывают клеящим составом слабой концентрации. При хорошем впитывании состава необходимо двух-, трехкратное покрытие. Хорошие результаты получаются при применении клея БФ-4, разведенного в спирте.

Гипсовка сосудов

При подборке сосудов часто нехватает некоторых частей. Склеенный сосуд из неполного числа фрагментов получается с отверстиями, что влияет на его прочность. В таких случаях принято заполнять места отсутствия фрагментов мастикой или гипсом. Такое заполнение придает сосуду бо́льшую прочность и нормальное зрительное восприятие. Наиболее удобно и быстро заполнять недостающие места гипсом. Для этого применяют гипс мельчайших фракций, который при последующей отделке загипсованных мест, путем зачистки металлической сеткой или шкуркой, дает гладкую полированную поверхность. В случае применения гипса крупных фракций при отделке выступает «зерно», т. е. вкрапления крупных частиц гипса, что не дает гладкой поверхности загипсованных мест.

Техника гипсовки. Места отсутствия фрагментов в сосуде закладывают с внешней стороны пластилином или скульптурной глиной с таким расчетом, чтобы получилось правильное очертание сосуда или лучше с небольшим запасом для срезания гипса при последующей отделке. Затем с внутренней стороны накладывают гипс, полностью закрывающий отверстие. Небольшую часть гипса накладывают на края керамики для более прочного удерживания гипса в отверстии. После затвердевания гипса снимают пластилиновую накладку и производят обрезку и зачистку гипса с внешней и внутренней сторон сосуда. Обрезка гипса с внешней стороны в мягком состоянии недопустима, так как мягкий гипс, попадая при обрезке на поверхность сосуда, замазывает его внешнюю поверхность, оставляя плохо смываемую белесость, которая портит внешний вид сосуда. Особенно это относится к сосудам без поливы и лощения.

Обрезка и зачистка гипса на внешней поверхности производятся в соответствии с формой сосуда. Зачистка загипсованных мест производится металлической сеткой. После высыхания загипсованных мест они вновь зачищаются металлической сеткой или шкуркой.

В настоящей работе даны только первые результаты опытов и реставрационной практики Лаборатории ИИМК в части склеивания древних керамических сосудов. Опытная работа Лаборатории направлена в настоящее время на изучение новых клеящих веществ, улучшение реставрационной техники, разработку более совершенных методов закрепления керамики, а также на очистку и консервацию древних сосудов.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

II. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

М. П. ГРЯЗНОВ

КОСТЯНОЕ ОРУДИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

(Доклад, прочитанный в Секторе палеолита ЛОИИМК 22 мая 1948 г.)

В ГИМ (Москва) хранится собрание вещей разного времени, доставленных из Западной Сибири крестьянином б. Тарского окр. С. Усовым. Особого внимания среди них заслуживает обработанный кусок бивня мамонта (инв. № 39952). Бивень принадлежит молодому экземпляру животного (рис. 57). Наибольший диаметр его 4.2 см. Дистальный конец отпилен находчиком и отсутствует. Длина сохранившейся части 23.5 см. Проксимальный конец равномерно закруглен и заглажен и имеет повреждение — отколот небольшой кусок. На расстоянии около 7 см от проксимального, более толстого конца, бивень глубоко (до 5—8 мм) надрублен со всех сторон. Поверхность получившегося таким образом широкого опоясывающего предмет жолоба состоит из многих фасеток, имеющих вид глубоких, равной величины и формы зарубок или выбоинок. Это следы рубки орудием с массивным, неправильной формы лезвием — очевидно, каменным орудием с лезвием, обработанным крупными сколами.

Поверхность бивня не сохранила свою первоначальную микроструктуру. Она всюду равномерно шероховата, покрыта множеством мелких желобков, как бы следов изъеденности корнями растений. Поэтому невозможно точно установить способ обработки предмета и проследить характер его изношенности. Ясно лишь, что закругленность и сглаженность проксимального конца бивня была делом рук человека, но является ли она результатом обработки предмета (например, путем скобления) или это следы его сношенности и сработанности, остается нерешенным.

Непонятно и назначение предмета. Сработанность или тщательная обработка закругленного проксимального конца говорят о том, что это вполне законченное изделие, а грубо надрубленный жолоб можно рассматривать как начальную стадию работы по разделению бивня на части, как один из первых этапов работы над бивнем, оставшейся незаконченной. Не предполагалось ли бывший в употреблении предмет, после повреждения его закругленного конца, использовать как материал для изготовления нового предмета меньших размеров?

Поперечный распил бивня, сделанный находчиком, позволяет увидеть степень сохранности материала предмета. Основная масса бивня сохранилась исключительно хорошо и производит впечатление обычной для нахо-

димой в вечной мерзлоте, годной для поделок «слоновой кости», полностью сохранившей характерный цвет, блеск и, повидимому, прочность. Только местами наблюдается слабое расслаивание по структурным кольцевым линиям. Заметному изменению подверглась лишь периферийная, самая поверхностная часть бивня. Совершенно свежего вида кость заключена как бы в корочку охристого, светлокоричневого цвета, толщиной 1—2 мм. По внешнему виду бивня корка эта одинакова по всей его поверхности, в том числе и на поверхности излома проксимального конца и вырубленного жолоба. Следовательно, обработка бивня и его повреждение произведены до начала образования корки. Как сохранность, так и техника обработки предмета говорят о его верхнепалеолитическом возрасте.

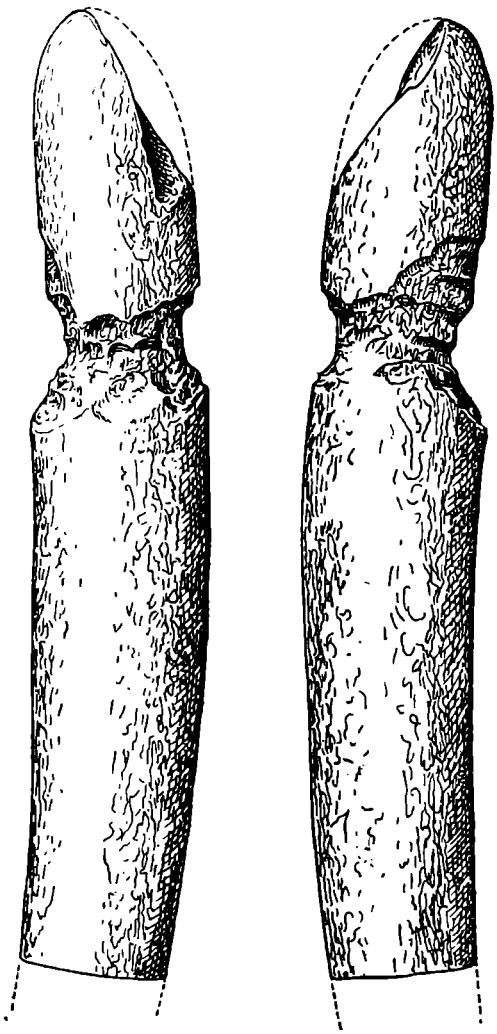


Рис. 57. Орудие из бивня мамонта из Зап. Сибири ($^1/_2$ нат. вел.)

Рассматриваемый предмет сам по себе особого интереса не представляет. Интересно место его находки. Ведь до сих пор мы не знали ни одной находки остатков эпохи палеолита на обширной территории Западно-Сибирской низменности. Крайние западные пункты местонахождений сибирского палеолита, расположенные за пределами этой низменности (Томск, Сростки, Семипалатинск), отделены от находок на Урале расстоянием около 1500 км. Тарский округ, где найден наш предмет, находится почти в центре Западно-Сибирской низменности. Таким образом, мы имеем первое указание на то, что Западно-Сибирская равнина, из разных районов которой известны многочисленные находки костей мамонта и других современных ему ископаемых животных, была обитаема в эпоху палеолита и человеком.

К сожалению, условия находки и точное местонахождение рассматриваемого предмета нам неизвестны. С. Усов в течение многих лет (1897—1911 гг.) почти ежегодно посылал в Археологическую комиссию приобретенные им у местного населения разные древние вещи, найденные преимущественно в пределах Тарского окр., а также и в соседних Тюкалинском и Ишимском округах. В 1900 г. от него получены две посылки. В обеих были кости мамонта. В сопроводительном письме к первой посылке указан «1 зубок мамонта», найденный в Абацкой вол., близ гор. Ишима; [1] в описи ко второй посылке указано: предмет «выпилен из кости мамонта вроде хлеба», без указания места находки. [2] «Зубками» и «зубами» Усов называл коренные зубы мамонта, а бивни он называл «клыками». Таким обра-

[1] Архив ИИМК, 1900, № 4, лист 6—7.
[2] Там же, лист 13—14.

зом, интересующий нас предмет в сопроводительных письмах Усова специально не отмечен, как и некоторые другие присланные им вещи.

В описи предметов, передаваемых из этих двух посылок в ГИМ, написанной рукой А. А. Спицына, наш предмет значится под № 12: «Обломок кости мамонта. Найден в Тарском окр.» [3] Спицын, видимо, располагал какими-то данными, не сохранившимися в архивном деле, которые позволили ему указать место находки предмета, хотя и недостаточно точно. Таким образом, мы вправе считать, что рассматриваемый нами обработанный палеолитическим человеком кусок бивня мамонта найден в пределах Тарского окр. или, во всяком случае, в центральной части Западно-Сибирской низменности, вдоль северной границы степи, в пределах б. Тарского, Тюкалинского и Ишимского округов.

Следует отметить, что именно об этом районе совсем недавно говорил В. Н. Чернецов, предполагая, что район стал заселяться человеком «не ранее конца неолита, а скорее всего — уже в эпоху бронзы», так как здесь, «несмотря на обилие находок четвертичной фауны, предположить наличие памятников, относящихся не только к палеолиту, но и к неолиту почти невозможно из-за отсутствия камня, в частности кремня». [4] Находка Усова приобретает, таким образом, интерес еще и в том отношении, что она свидетельствует о возможности обитания человека каменного века и в таких районах, где нет материала для изготовления каменных орудий. Основным условием существования человека в эпоху палеолита было богатство района его обитания произведениями животного и растительного мира, а не наличие тех или иных каменных пород. При отсутствии камня поблизости он мог, повидимому, совершать специальные экспедиции в отдаленные местности для добычи необходимого ему для изготовления каменных орудий поделочного материала.

---

[3] Архив ИИМК, 1900, № 4, лист 26.

[4] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области (Работы Северобарабинской экспедиции 1945 г.). КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 91.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

С. А. СЕМЕНОВ

ТОПОР В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

В истории первобытной техники вопрос о происхождении топора занимает одно из важнейших мест и заключает в себе глубокий интерес.

Рубящее орудие древнейшего типа бесспорно восходит еще к шелльскому времени. Однако среди шелльских ручных рубил у нас нет никаких оснований видеть топоры в тесном смысле этого слова, т. е. орудия, насаживаемые на рукоятки таким способом, при котором рабочее лезвие расположено в одну линию с рукояткой.

Некоторые французские исследователи, в частности А. Вайзон,[1] пытались представить себе ашельские ручные рубила в качестве топоров, оснащенных рукоятками, но такого рода реконструкции не имели успеха, ибо были лишены твердой основы, являясь продуктом домысла.

Среди археологов до сих пор существует мнение, что топор на рукоятке — факт сравнительно поздний, что он возникает в неолите, где его необходимость объясняется условиями окружающей человека лесной среды.

В настоящее время отдельные советские археологи допускают существование топора в палеолите, но в этом вопросе попрежнему нет убедительных доказательств, общепринятых суждений. Нередко приходится читать о так называемых рубящих дисковидных и нуклевидных формах, которым иногда приписывают функции топоров, хотя в таких типологических догадках больше поисков условной классификации, нежели стремлений разобраться в производственном назначении изучаемых орудий.

Для функционального определения палеолитических орудий сейчас у нас нет других возможностей, кроме изучения их по следам работы. Исследования палеолитических материалов в этом направлении позволяют говорить о существовании топора в эпоху палеолита. Правда, речь пока идет о единичном факте — о топоре, найденном П. П. Ефименко в Костенках I в 1932 г. (рис. 58—*1*).

Орудие это имеет 120 мм длины, 45 мм максимальной ширины и 25 мм максимальной толщины. Изготовлено оно не из крупного кремневого отщепа, как может показаться на первый взгляд, а из цельного желвака продолговатой формы, вскоре после того как он был получен из слоя кремневых месторождений. На это указывают ядерные кольца желвака, центр его, вокруг которого происходила концентрация кремнезема.

Первоначально желвак был оббит двусторонней оббивкой и оформлен в виде продолговатого уплощенного овала, подобно тому как приготовлялись

[1] A. Vayson. La plus ancienne industrie de Saint-Acheul. L'Anthropologie, т. XXX, 1920, стр. 479—482.

ручные рубила ашельской эпохи. Затем, с одного конца тремя поперечными ударами было стесано до половины боковое ребро, на месте которого образовалась неровная площадка из трех крупных фасов. Далее с того же конца были нанесены четыре резцовых скола, в результате чего оформился

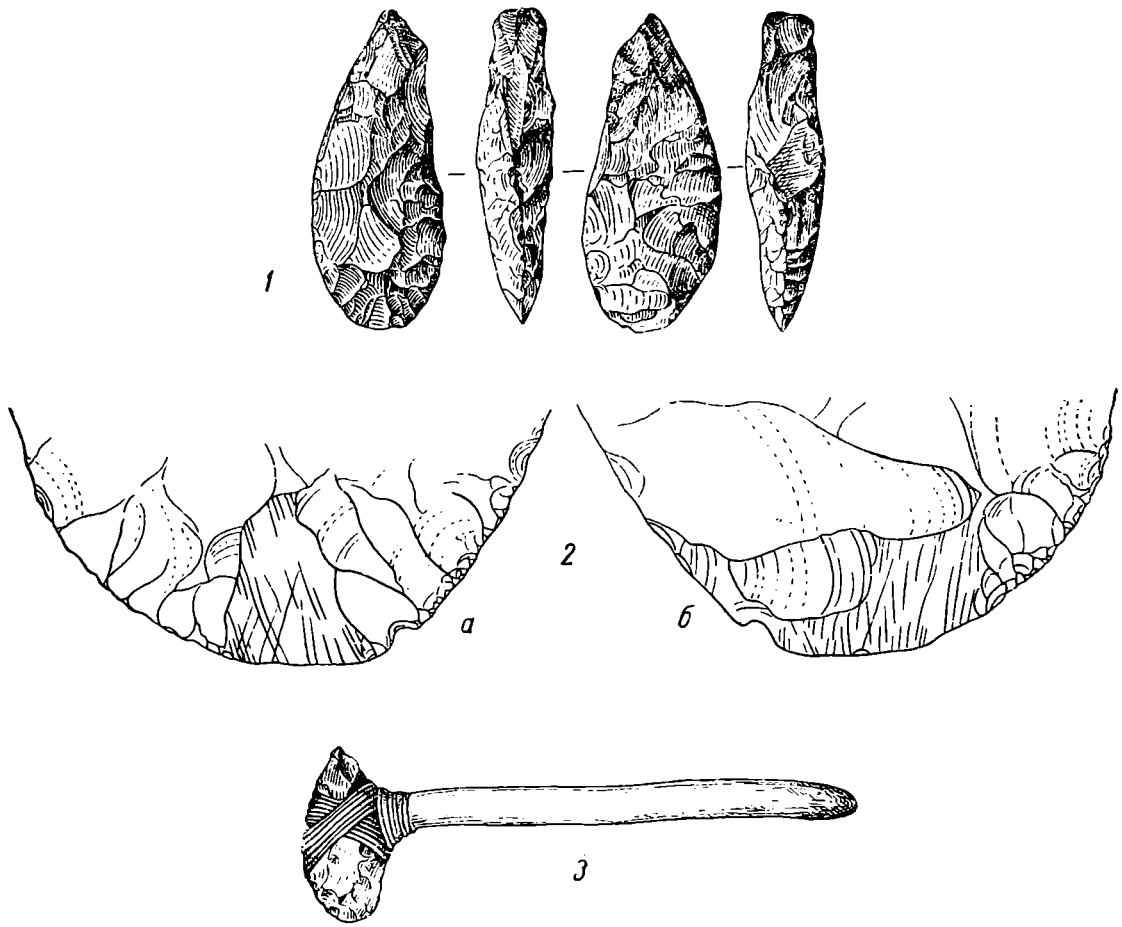


Рис. 58. Каменный топор из Костенок

1 — топор в $^1/_2$ нат. вел.; *2* — (микрорисунок) линейные следы работы на лезвии топора; *а* — левая сторона лезвия; *б* — правая сторона лезвия; *3* — реконструкция топора

обушный конец, принявший продолговатые очертания. Противоположный, рабочий, конец топора был дополнительно обработан по лезвию плоской ретушью.

Орудие покрыто молочной патиной, как и весь кремень из Костенок I.

Форма этого орудия, его симметричный профиль, наличие острого лезвия, стесанное ребро у обушной части, что способствовало креплению к рукоятке,— все это привело П. П. Ефименко к определению орудия в качестве топора.

Поскольку это определение не опиралось на твердую базу, а являлось скорее предположением, хотя и авторитетного ученого, были высказаны сомнения в том, что здесь действительно топор. Сомнения эти высказывались С. Н. Замятниным, Г. А. Бонч-Осмоловским и Г. П. Сосновским. В недавнее время нами была поставлена задача выяснить вопрос о назначении этого орудия новой методикой.

Исследованиями поверхности орудия посредством бинокулярной лупы, привлечением дополнительных свидетельств среди костного материала Костенок I нами было установлено, что в данном орудии мы имеем палеолитический топор.

Топор этот в работе был непродолжительное время. Тем не менее в результате работы на лезвии образовались линейные следы в виде тонких бороздок, идущих от края вверх и достигающих около 10 мм длины. Наиболее существенным в следах было наличие их на обеих сторонах лезвия, что разрешало вопрос о креплении орудия к рукоятке не по способу тесла, а по способу топора, т. е. лезвием, направленным в одну линию с рукояткой. Только при таком креплении рубящего орудия к рукояти образуются линейные следы на обеих сторонах лезвия в процессе работы. Топор чаще всего падает на обрабатываемый объект таким образом, что обе стороны лезвия испытывают одинаковое сопротивление материала.

На тесле же, в силу того, что оно крепится к рукоятке лезвием, направленным перпендикулярно к линии рукоятки (подобно мотыге) и, кроме того, располагается большой осью своего тела не под прямым, а под острым углом к оси рукоятки, следы от работы образуются только (или преимущественно) на одной стороне лезвия, обращенной не к рукоятке, а от нее (наружной).

В расположении следов работы на исследуемом топоре оказалась еще одна весьма существенная деталь. Линии следов, совершенно прямые по

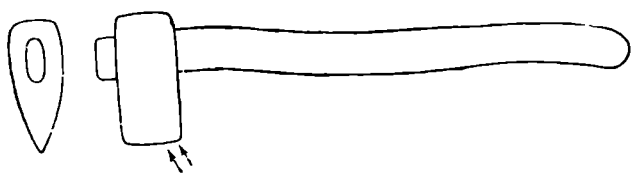


Рис. 59. Стальной топор-колун

начертанию, имели диагональное направление на лезвии. Они, как показано на рисунке, шли под углом к большой оси топора и представляли как бы отрезки его траектории (рис. 58—*2*). На плоских фасах лезвия с одной и с другой стороны, где сохранились следы работы в виде линий, нами нанесены также и случайные линии, идущие в противоположном направлении. Их возникновение объясняется изменением положения рукоятки в некоторых случаях удара топором.

Диагональное расположение линейных следов работы на лезвиях рубящих орудий является важнейшим функциональным признаком топора. На прилагаемой фотографии лезвия стального домашнего колуна мы также видим следы работы диагонального расположения. Этот колун никогда не затачивался. Диагональные линии на лезвии есть результат изнашивания металла о древесину поленьев, на торец которых попадал песок (рис. 59 и 60).

Установленные факты позволили реконструировать орудие в целом, вместе с рукояткой, которая, как показано на рисунке, могла иметь крепление при помощи ремней (рис. 58—*3*).

Относительно материала, который обрабатывался топором в верхнем палеолите, можно сказать следующее: Костенки I, Гагарино, Супонево, Елисеевичи и другие стоянки дают многочисленные факты разрубания костей животных, в том числе бивня мамонта, в виде ярких следов работы на этом материале. На стоянках Мальта, Афонтова гора найдено не мало фрагментов рога северного оленя с аналогичными следами поперечного членения разрубанием.

На ряде примеров разрубания бивня видно, что эта операция производилась остроконечным рубящим орудием наподобие зубила, а сама операция напоминала скорее долбление. Но в других случаях кость разрубалась последовательными и многочисленными ударами топором.

Кроме разрубания кости, топор в верхнем палеолите служил, очевидно, для обработки дерева. Топор из Костенок I, по всей вероятности, применялся для этой цели. Линейные следы от работы, обнаруженные на нем,

Рис. 60. Фотография лезвия стального колуна со следами работы (× 6)

достигают 10 мм длины. Вряд ли на такую глубину каменное лезвие могло врезаться в твердую структуру кости, особенно бивня. По крайней мере, измерение зарубок на кости не показало такой глубины.

Рис. 61. Костенки I. Берцовая кость мамонта со следами ударов топором

Следы ударов топором весьма многочисленны на костях стоянки Костенки I. Особенно они привлекают внимание на крупных костях, например, на трубчатых костях мамонта. На прилагаемой фотографии берцовой кости мамонта можно видеть насечки дугообразной формы. Все насечки

обращены выпуклой стороной в одном направлении — к верхнему эпифизу кости. Кроме того, они показывают, что лезвие рубящего орудия имело округлые очертания и падало на поверхность кости под углом в 55—60° (рис. 61).

Эти признаки следов заставляют думать, что они образовались при затесывании деревянного шеста, поставленного на кость.

Оттиски на пластелине от лезвия изучаемого топора показали признаки, аналогичные следам на кости. Это заставило предполагать, что последние были нанесены, если не тем же топором, то очень близким ему по форме рабочего лезвия и по размерам.

Заслуживает внимания внешнее сходство кремневого топора из Костенок I с гигантолитами из Новгород-Северска (рис. 62).

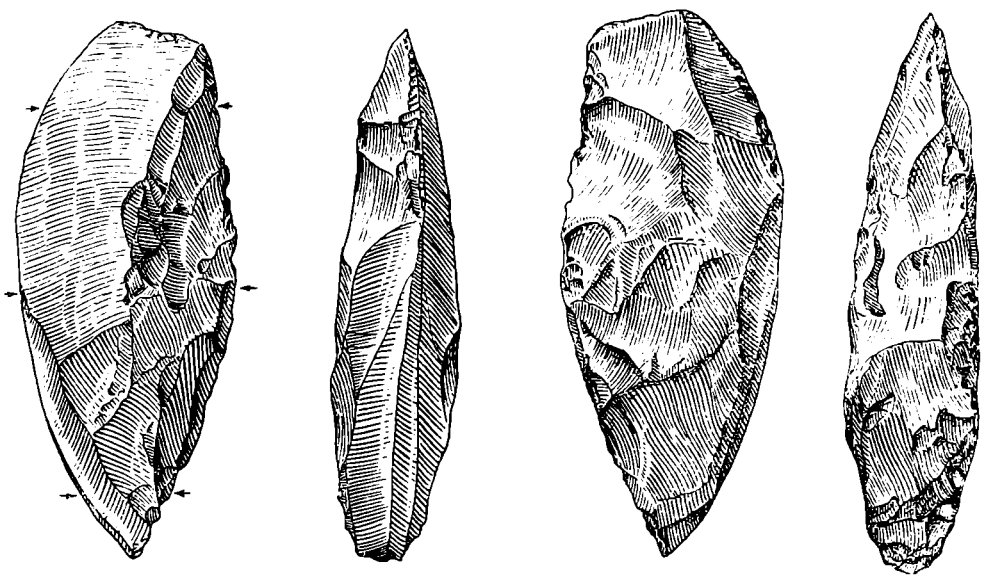


Рис. 62. Гигантолит из Новгород-Северска ($^1/_4$ нат. вел.)

Несмотря на весьма крупные размеры, эти уникальные палеолитические орудия обнаруживают одинаковые приемы изготовления их и очень близкую форму. Прежде всего они безусловно оформлены как рубящие орудия. Это видно по более широкому концу орудий, имеющему тонкий и острый профиль, подобно профилю всякого топора. В то же время противоположный конец, более узкий сбоку (условно назовем его «обушным»), имеет толстый профиль.

Таким образом, мы здесь наблюдаем не совсем обычную форму топора, не имеющую аналогий в неолите. С обушного конца эти палеолитические топоры оформлены узкими длинными сколами, подобными резцовым сколам. Рубящий конец и острое лезвие получены путем широких и плоских сколов с минимальной ретушной подправкой. Гигантолиты пока еще не исследованы аналитическим методом на предмет их производственного назначения.

Топор из Костенок I представляет большой интерес для истории развития каменного топора. Есть достаточно оснований считать его действительно наиболее ранним топором, палеолитическим прообразом шлифованного неолитического топора. В этом орудии обращает на себя внимание рабочая часть — рубящее лезвие. Оно на первый взгляд кажется пришлифованным. Таково было впечатление, когда орудие было открыто. Но вскоре выяснилось, что лезвие не имеет никаких признаков затачивания. Плоские фасы на лезвии с обеих сторон — результат специального скалывания боковыми ударами.

Лезвию рубящего орудия ретушь препятствует глубоко проникать в тело обрабатываемого предмета. Топор с ретушированным лезвием мало эффективен в работе; топор со шлифованным лезвием превосходит его в значительной степени. Однако шлифовка еще не вошла в технический обиход человека палеолитической эпохи. Палеолитический человек заменял шлифовку плоскими сколами.

Техника оформления лезвия плоскими сколами продолжала оставаться в эпоху мезолита и даже на самых ранних этапах новокаменного века. В качестве примера мезолитического рубящего орудия может служить кремневое тесло, найденное М. В. Воеводским в стоянке Песочный ров на Десне. Это тесло (по автору — топор) имеет рабочее лезвие более широкое, нежели лезвие топора из Костенок I. Оно обработано плоской ретушью. Следы работы хорошо видны невооруженным глазом (рис. 63—*1*). Они

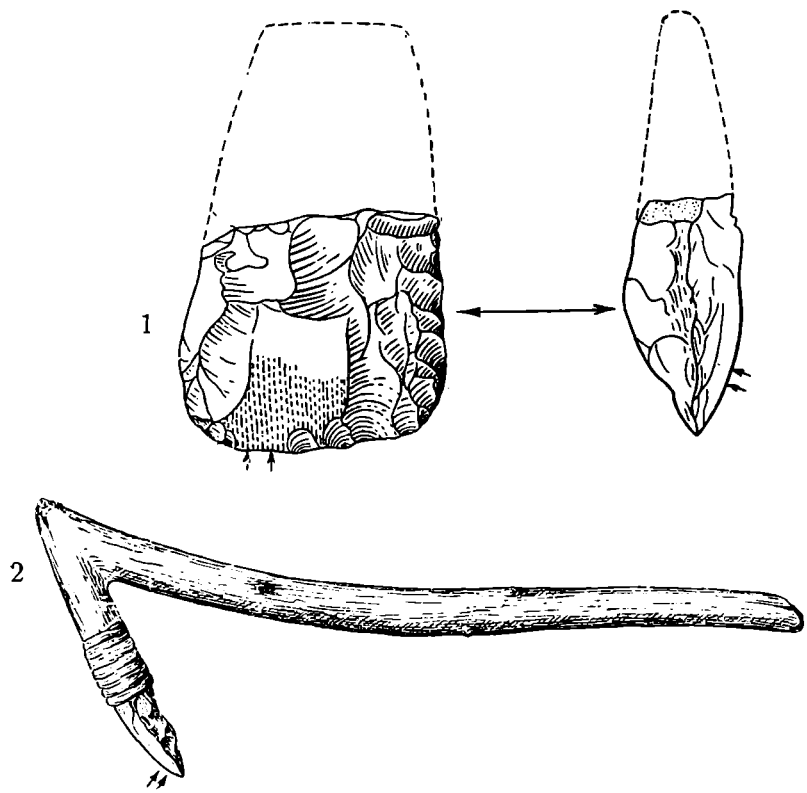


Рис. 63. Тесло из мезолитической стоянки Песочный ров

1 — натуральный вид (пунктиром указаны следы от употребления); *2* —реконструкция

имеют вид залощенности. В бинокуляр отлично различаются линейные признаки, имеющие вертикальное направление, а не диагональное, как в топоре. Вместе с тем следы работы расположены только на одной стороне лезвия, на выпуклой. Расположение следов и текстура их с вертикальным направлением достаточно убедительно показывают, что перед нами тесло (рис. 63—*2*). Различия в расположении и в текстуре следов на теслах и топорах нами были изучены на шлифованных неолитических рубящих орудиях.

Примером ранненеолитических рубящих орудий с лезвием, обработанным плоскими сколами, являются известные «топоры-резаки» из Кампиньи (Франция) и из къеккенмеддингов Дании.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

О. Н. БАДЕР

ОЧЕРК РАБОТ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Азово-черноморская экспедиция[1] 1936 г. обследовала районы Приазовья и Причерноморья между Таганрогом и Одессой; произвела рекогносцировочные работы на палеолитических местонахождениях.[2]

В 1938 г. основное внимание экспедиции было обращено на изучение древних изображений Каменной могилы, о чем речь будет ниже.

В 1939 г. сотрудником Крымской экспедиции Института антропологии МГУ Ю. П. Медведевым, по нашему заданию, было произведено обследование нескольких пунктов в Приазовье: 1) стоянок с микролитическим кремневым инвентарем у с. Вознесенска на р. Молочной, близ Мелитополя; 2) могильника бронзовой эпохи у с. Орловки в Бердянском районе и 3) остатков древних стоянок на р. Берде в районе с. Николаевки.

Среди осмотренных в разведках древних памятников решительно преобладают памятники периода металлов от эпохи бронзы до остатков укрепления и селищ XVII—XVIII вв. Экспедицией собран весьма значительный материал, который должен лечь в основу общей археологической карты обследованных районов.

Особо следует отметить остатки городища античного времени, находящиеся на правом берегу Днепра, выше Херсона, близ с. Понятовка. Здесь, в урочище Глинище, был обнаружен древний некрополь с глубокими грунтовыми могилами (до 2 и более метров от современной поверхности), что хорошо было видно на обнажении глинистого карьера. Приблизительно в полукилометре от «Глинища» на ЮЮВ, на берегу р. Ингулец, находится акрополь; судя по находкам татарской и русской керамики, он, как и некрополь, использовался и в средние века. Акрополь имеет четырехугольную форму со сторонами 0.5 км. За балкой, которая является частью акрополя, встречается много античной и скифской керамики. Общая длина городища по реке превышает 2 км.

Среди найденных на городище предметов отметим монету, которая, по определению А. Н. Зографа, представляет субъэратный денарий императора Домициана (80 г. н. э.). Неподалеку, выше по р. Ингульцу, у с. Никольского, имеется защищенное валом городище со скифской керамикой. Вообще, в районе Херсона, в частности в окрестностях с. Станислава, на

[1] Организована Институтом археологии и ИГН УССР. В состав экспедиции, помимо автора, входили старшие научные сотрудники: А. В. Збруева (Москва), И. Г. Пидопличка (Киев), мл. научный сотр. Д. З. Галич (Киев) и практикант В. И. Зубарева (МГУ).

[2] О. Н. Бадер. Две экспедиции по изучению палеолита в Северном Причерноморье. Антропол. журн., 1937, № 1.

берегу Днепровского лимана (например, на Золотом мысу, у с. Широкое) нередко встречаются остатки поселений с обломками греческой, скифской, римской, а также и более поздней посуды.

Поиски памятников палеолита, при полном отсутствии предварительных сведений, производились путем осмотра обнажений морских побережий, берегов рек и балок, а также обследованием всех ранее известных и вновь обнаруженных палеонтологических местонахождений.[3]

Экспедиция собрала очень большой палеонтологический материал, в большинстве своем хорошо датированный стратиграфически. Этот материал уже вошел в опубликованную И. Г. Пидопличкой сводку палеонтологических четвертичных местонахождений Украины.[4]

Разведки экспедиции дали лишь одно местонахождение, где можно предполагать наличие палеолитических остатков,— у хутора Широкина, между Мариуполем и станцией Буденновской (в сторону Таганрога). Здесь в сентябре 1936 г. сотрудником экспедиции Д. З. Галичем в обнажении морского берега было обнаружено залегание костей мамонта, детально обследованное затем экспедицией.

В. И. Громов считает наиболее вероятным мустьерский возраст остатков из Широкина и никак не позже нижнего ориньяка.

Крупнейшие открытия сделаны экспедицией близ с. Терпенья Мелитопольского района, в урочище Каменная могила.

Нам уже не раз приходилось останавливаться на описании изображений Каменной могилы,[5] поэтому здесь мы ограничимся лишь упоминанием о том, что ее петроглифы могут быть подразделены на четыре или пять различных комплексов, относящихся к разному времени. Древнейший комплекс — палеолитический (рис. 64) и имеет весьма близкие аналогии среди капсийских изображений юго-восточной Испании и Северной Африки. Позднейший комплекс петроглифов Каменной могилы относится к эпохе бронзы, кончая, вероятно, предскифским временем (фигура всадника).

Интересно, что различные комплексы изображений Каменной могилы располагаются на различной высоте над поймой: древнейшие занимают наиболее высокое положение, позднейшие — наиболее низкое. Это наблюдение представляет определенный интерес для геологии, характеризуя процесс развития поймы р. Молочной.

Существенное значение для истории первобытного общества на территории СССР имеют проведенные экспедицией работы по изучению послепалеолитических стоянок между Бердянском и Херсоном. Мы пришли к выводу, что в украинском Приморье, так же как и в Крыму, отсутствуют неолитические стоянки с макролитоидным инвентарем кремневых орудий, столь обычным для неолита более северных районов; что здесь, как и в Крыму, неолитическая культура, вырастая на базе тарденуазской стадии, сохраняет свой микролитический характер.[6] Раскопки одной из таких стоянок, расположенной у подножия Каменной могилы, мы начали в 1938 г.

Эта стоянка находится на самом берегу почти пересохшего Красного озера, староречья р. Молочной, и была найдена в марте 1938 г. сотрудником Мелитопольского музея В. Н. Даниленко. На стоянке были заложены три пробных шурфа и первая рекогносцировочная поперечная траншея

---

[3] И. Д. Брудин. О постплиоценовых находках в Приазовье. Природа, 1936, № 1; И. Г. Пидопличка. К вопросу о палеонтологических находках в Приазовье. Природа, 1936, № 12.

[4] И. Г. Пидопличка. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Київ, 1938.

[5] О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА СССР, вып. 2, 1941; «Петроглифы Каменной могилы». В изд. Ин-та археологии АН УССР.

[6] Его же. Две экспедиции по изучению палеолита в Северном Причерноморье. Антропол. журн., 1937, № 1.

длиною 11 м, шириною 2 м.[7] Культурные отложения стоянки уходят под уровень воды в озере и р. Молочной, но их надводная часть все же достигает большой мощности (3.60 м). Изученные разрезы не дают четкого стратиграфического разграничения культурных слоев, но благодаря общей мощности отложений, а также наличию в них горизонтов интенсивных

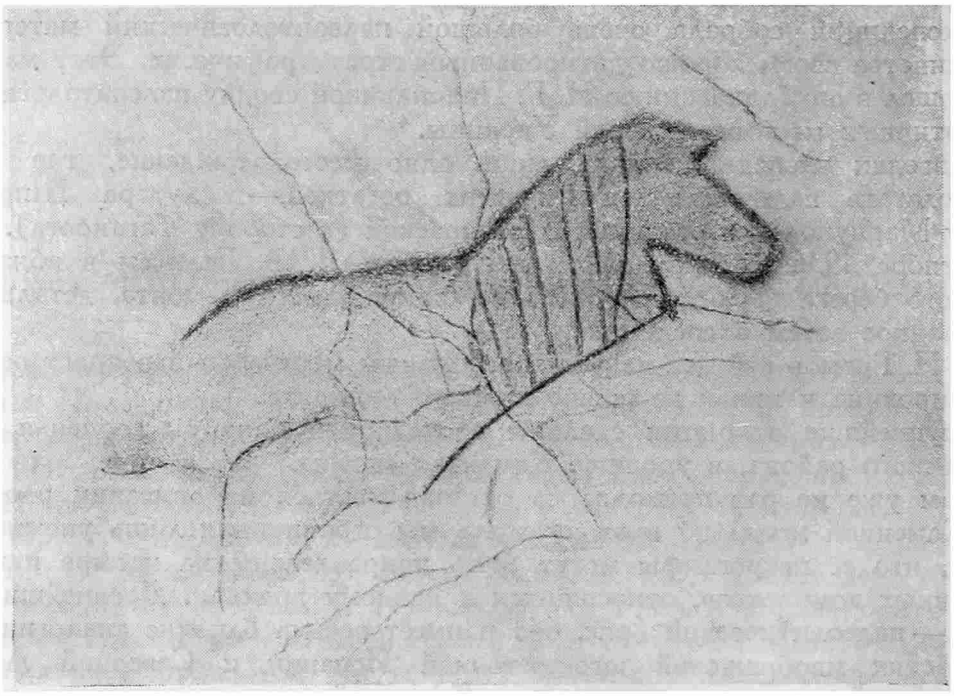


Рис. 64. Фигура лошади, прочерченная на потолке одного из навесов Каменной могилы (ранний комплекс)

скоплений раковин съедобных моллюсков и очажных прослоек, мы получили возможность ориентировочно выделить на стоянке несколько разновременных культурных комплексов.

Сверху, на первом полуметре, в интенсивно-черном слое встречены отдельные фрагменты красноглиняной керамики не ранее римского времени. Отчасти в том же, главным же образом в следующем, постепенно светлеющем горизонте, в два раза более мощном и включающем многочисленные раковины съедобных двухстворчатых речных моллюсков, собраны в небольшом числе обломки сосудов, повидимому баночной формы, с грубо сглаженной поверхностью. Наиболее вероятно отнесение их ко второй половине бронзовой эпохи, ко времени срубной культуры.

Из нижних горизонтов этого слоя происходят находки отдельных, более тонких обломков керамики черного цвета, с примесью толченой раковины к глиняному тесту, с мелкозубчатым и шнуровым орнаментом (рис. 65—*15* и *16*). Эта керамика, видимо, более древняя, т. е. относится ко времени катакомбной культуры, если не к еще более раннему времени. В том же слое вместе с керамикой бронзовой эпохи собрана коллекция кремневых орудий. Техника их может быть с полным основанием названа микролитической. Хорошо представлены тонкие призматические нуклеусы (рис. 65—*13*), ножевидные пластинки, скребки на концах ножевидных пластинок (рис. 65—*6, 7*) и отщепов (рис. 65—*8*), овальные скребочки,

[7] Раскопки продолжил в послевоенные годы В. Н. Даниленко.

с почти круговой, плоской ретушью (рис. 65—*9*, *10*), немного боковых резцов (рис. 65—*12*) и кости со следами обработки (рис. 65—*14*). Именно из этих горизонтов происходят почти все вкладыши трапециевидной формы.

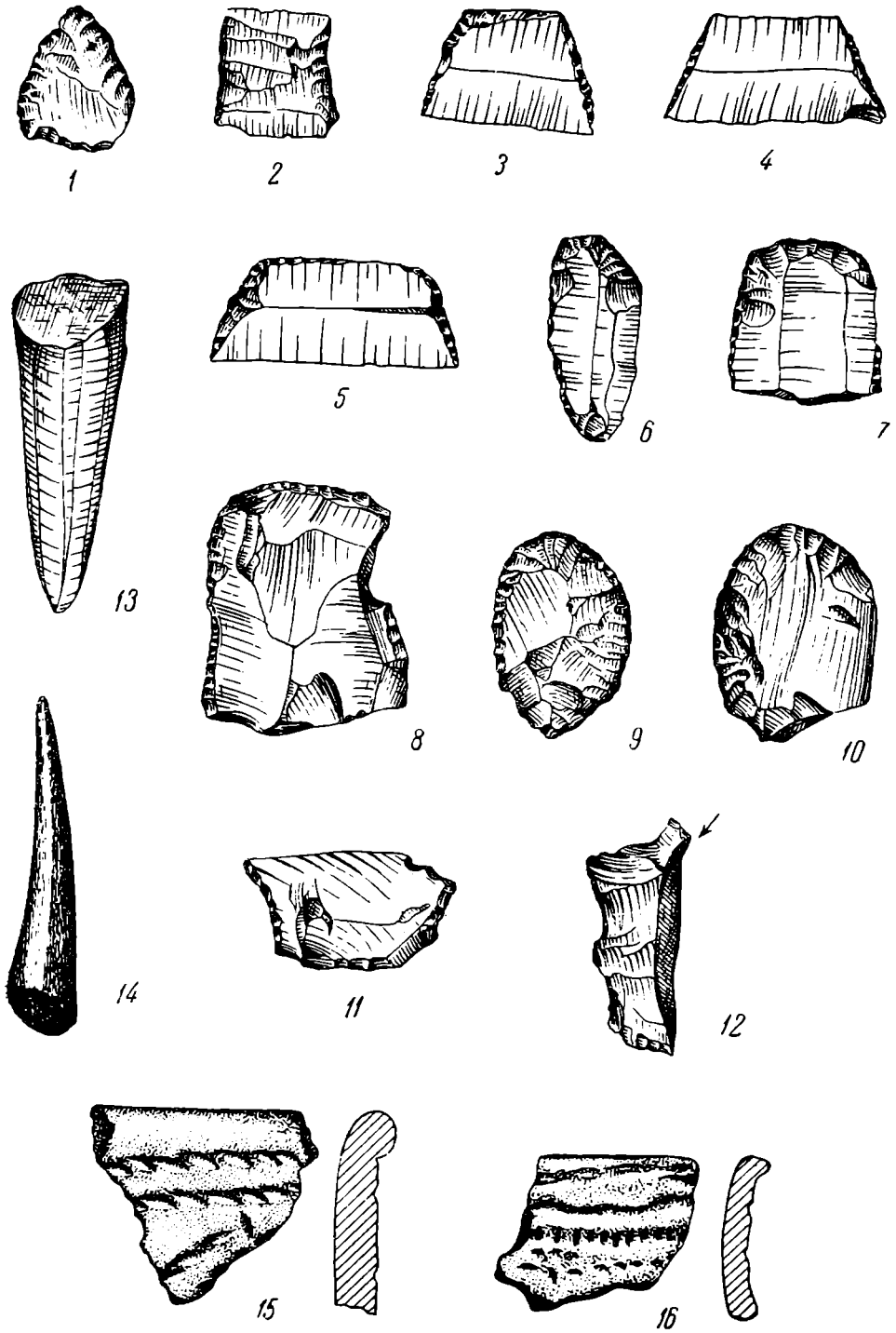


Рис. 65. Стоянка у Красного озера. Предметы из верхнего культурного слоя (бронзовая эпоха)

Они отличаются тщательной отделкой, некоторые имеют сильно удлиненные пропорции (рис. 65—*4*, *5*). Среди них представлены также трапеции со струганой спинкой (рис. 65—*2*). Имеется один маленький плоский наконечник стрелы треугольной формы, сделанный, видимо, также из пластинки; он хорошо обработан с двух сторон тонкой, плоской ретушью

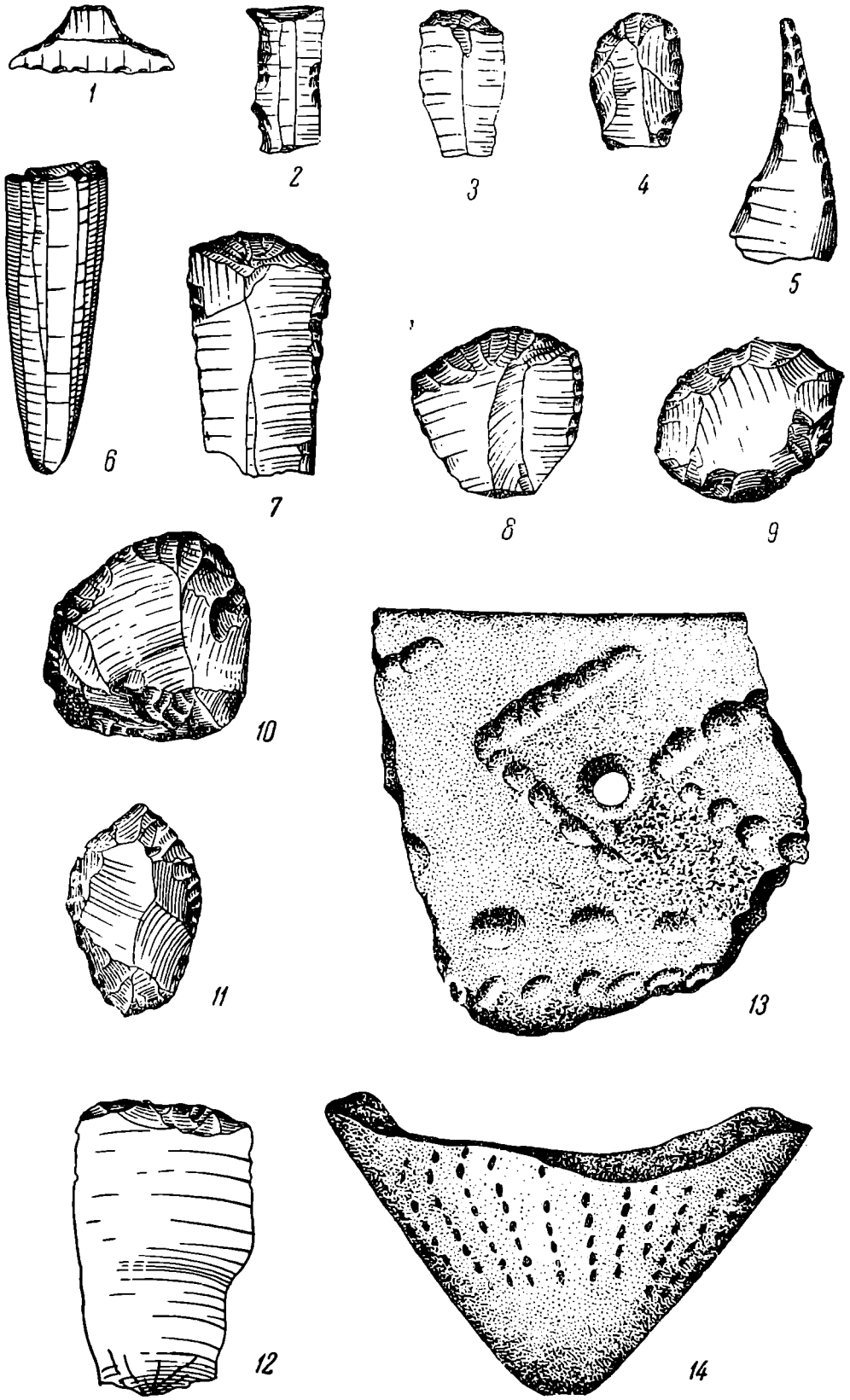


Рис. 66. Стоянка у Красного озера. Предметы из среднего культурного слоя с интенсивными скоплениями раковин (неолитическая эпоха)

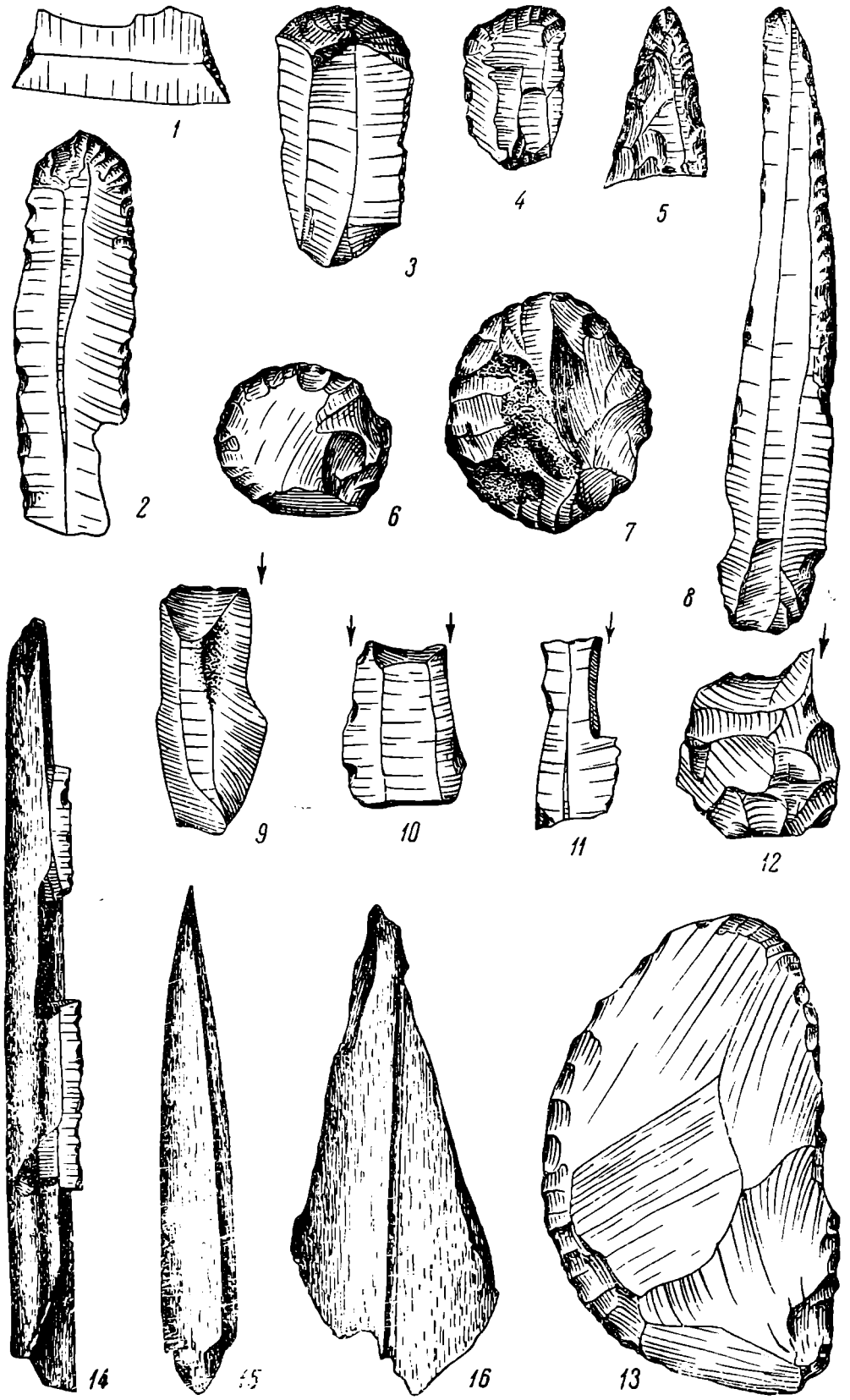


Рис. 67. Стоянка у Красного озера. Предметы из нижнего культурного слоя с очагами и скоплениями раковин (азиль-тарденуазская эпоха)

(рис. 65—*1*). Есть ребристые пластинки. Ножевидных пластинок мало, зато кремневые куски и осколки относительно крупны. Из этого же горизонта происходит обломок крупного каменного полированного орудия. Весь описанный комплекс датируется эпохой бронзы.

Непосредственно под ним, в обширных и чрезвычайно густых скоплениях раковин, найдены обломки крупных глиняных сосудов почти черного цвета, также с примесью толченых раковин к глине, с прямыми шейками и острым дном, украшенные орнаментом в виде гребенчатых и ямочных вдавлений (рис. 66—*13, 14*). В этом слое преобладают скребки на отщепах с округлым рабочим краем (рис. 66—*8—10*); имеется маленькая пластиночка с боковыми выемками (рис. 66—*2*), хорошо известная в крымском тарденуазе, а также маленькая трапеция с вогнутыми ретушированными концами (рис. 66—*1*). По найденной керамике мы относим этот слой к неолиту. Заметим, что аналогичные по форме днища глиняных сосудов вместе с трапециями со струганой спинкой найдены на крымских стоянках Ат-Баш и Балин-Кош. [8]

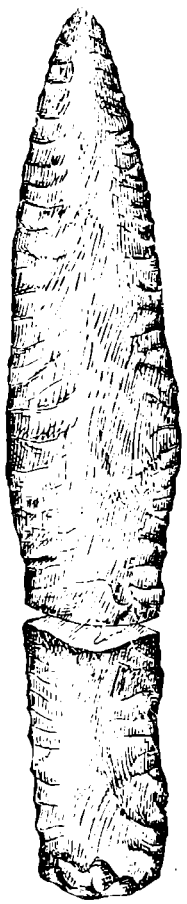


Рис. 68. Кремневые наконечники копья или кинжал из Орловского могильника на Бердянщине (ок. 1/2 нат. вел.)

В нижележащих горизонтах светлого суглинка, содержащих остатки 6—7 очагов и подобные же скопления раковин, керамика отсутствует. Отсюда происходят: длинная трапеция (рис. 67—*1*), скребки на концах ножевидных пластин (рис. 67—*2, 3, 4*) и округлой формы костяные орудия (рис. 67—*15, 16*) частью с сохранившимися вкладышами из маленьких ножевидных пластинок (рис. 67—*14*). Наиболее резкой отличительной чертой этого слоя является относительно большое число резцов на пластинках. Среди них: срединный, боковые, частью с подретушированной ударной площадкой (рис. 67—*9—11*). Один резец сделан на массивном нуклевидном куске (рис. 67—*12*). Ножевидные пластинки узки, тонки, хорошо ограны, часто сломаны с обоих концов для использования в качестве вкладышей.

На глубине около 3 и более метров после нового резкого посветления суглинка собраны лишь единичные и мало характерные орудия. Среди них — 2 аналогичных резца на нуклевидных кусках кремня.

Культурные слои без находок керамики относятся к тарденуазской эпохе, с чертами азиля в нижнем горизонте, где снова увеличивается процент отщепов и орудий на них.

Стоянка у Красного озера в дальнейшем может послужить ключом к правильному пониманию стоянок Яйлы и всей проблемы неолита в Северном Причерноморье. Одной из поставленных нами при этом задач является вопрос о соотношении поздненеолитической и так называемой ямной археологических культур.

Необходимо отметить также произведенное экспедицией в 1938 г. обследование нового могильника бронзовой эпохи у т. Орловки на Бердянщине, обнаруженного сотрудниками Осипенковского музея. Случайно разрушенное колхозниками погребение дало многочисленные кремневые орудия. Среди них крупные ножи и такой же наконечник копья или кинжал великолепной работы (рис. 68).

---

[8] О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, № 5, 1940.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

Н. Н. ГУРИНА

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГРУЗИЛ НА СТОЯНКЕ ВОЙ-НАВОЛОК 9

На северо-восточном побережье Онежского озера, в районе пос. Повенец находится поздненеолитическое поселение, известное в археологической литературе под названием Вой-Наволок 9.

Поселение это исследовалось в течение многих лет; оно было местом длительного пребывания человека, о чем свидетельствуют большая площадь, занятая находками, мощность культурного слоя, наличие остатков летнего и зимнего типа жилищ, хозяйственных кладовых и обилие и характер найденного инвентаря. Совокупность всех данных позволяет сделать вывод, что рассматриваемое поселение принадлежало родовой группе людей, в основе экономики которых лежало рыболовство, частично дополняемое охотой. Сказанное подтверждается расположением поселения на берегу озера, наличием значительного количества рыболовных орудий и строго разработанной техникой их выделки. Ниже нами рассматриваются два связанных друг с другом орудия — грузила и сверла.

Грузила, найденные на пос. Вой-Наволок 9, так же как и грузила с других соседних стоянок этой группы (Вой-Наволок 5, Вой-Наволок 7, Оров-Наволок, Пушсовхоз и др.), представляют собой округлые по форме, уплощенные гранитные гальки, поверхность которых отшлифована водой и песком. Характерными чертами грузил являются: а) окатанность самой гальки, т. е. отсутствие на ней острых режущих граней, способных перерезать веревку или порвать сеть; б) округлость и в то же время достаточная ее уплощенность, способствующая более легкому просверливанию отверстия для крепления грузила; в) твердость породы камня (гальки преимущественно гранитовые, реже — базальтовые и кварцитовые; грузила из песчаника встречаются как исключение); д) почти полное тождество в размере, а следовательно и в весе, всех грузил — в пределах 10—15 см в диаметре.

Все грузила изготовлены исключительно с помощью сверления. Грузила в виде гальки со сбитостью на двух противоположных гранях, предназначенные для привязывания их к сети (наблюдаемые в стоянках лесной полосы Восточной Европы, как, например, Яне, Левшино, а также в многочисленных стоянках Кольского полуострова), здесь вовсе не встречаются.

Вместе с грузилами здесь же на поселении Вой-Наволок 9 были найдены интересные каменные орудия — сверла. Всего обнаружено 4 сверла, изготовленных из кварцита, роговика и базальта (?). Различные по форме, они совершенно тождественны по выполняемой ими функции. Первые два сверла (рис. 69—*1*) представляют собой массивные отщепы кварцита и

роговика, с подчетырехугольным поперечным сечением, размером 10.5 × 4 и 8.5 × 3.5 см. С помощью крупных сколов они к одному концу сильно сужены и имеют подтреугольное поперечное сечение. Концы их достаточно тонки, однако следов сработанности не имеют.

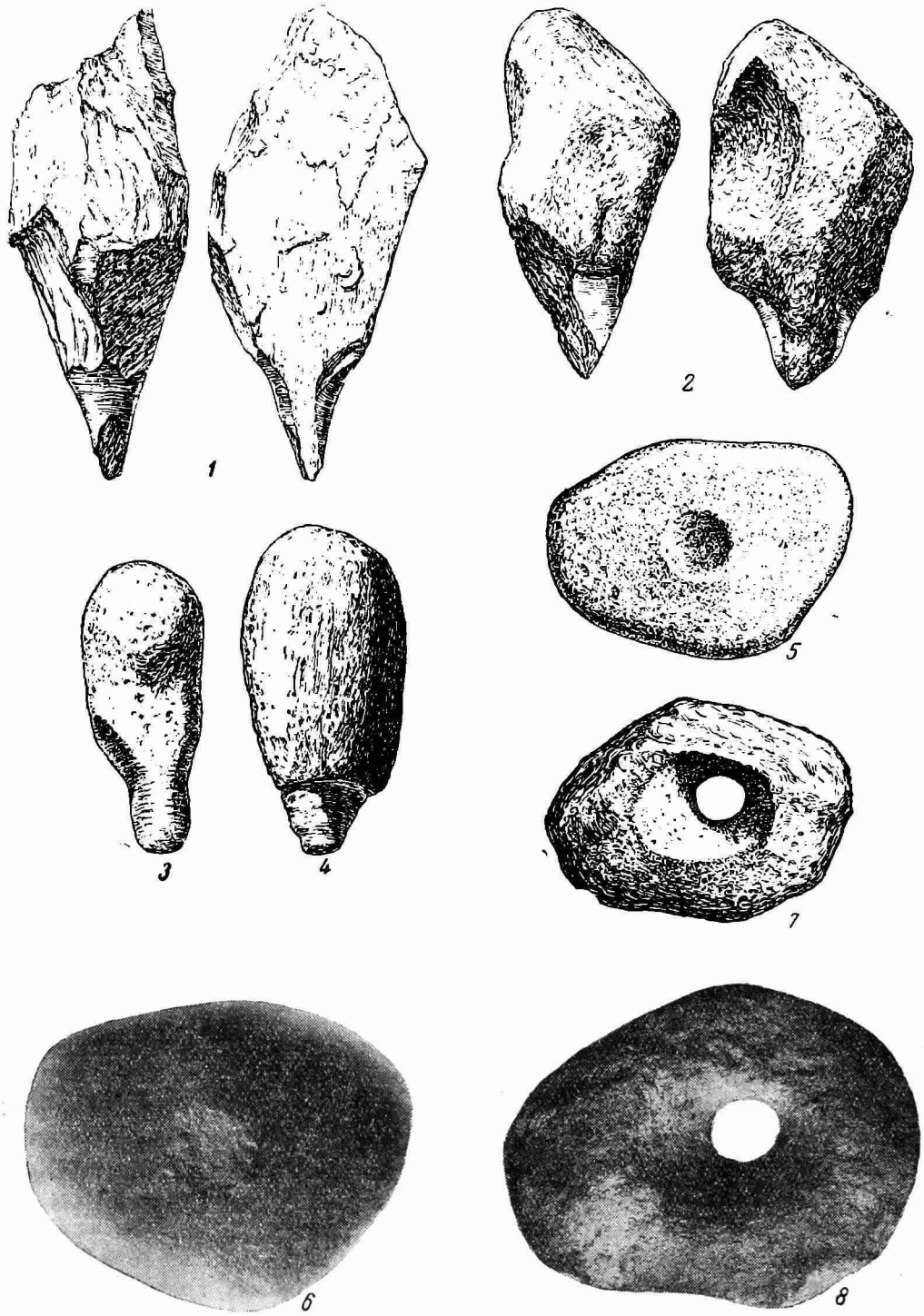


Рис. 69. Стоянка Вой-Наволок 9

1 — сверло из роговика; *2* — сверло из кварцита; *3*, *4* — сверла из базальта; *5*, *6* — грузила с намеченным отверстием; *7*, *8* — грузила с просверленными отверстиями

На расстоянии 1 см от конца рабочего края на сверлах ясно проступают следы сработанности в виде концентрических штрихов, прослеживае-

мых невооруженным глазом. Эти штрихи, поднимаясь вверх, образуют полосу шириной 2 см, которая затем переходит в расширяющуюся часть сверла.

Особенно отчетливо следы сработанности выступают на сверле, изготовленном из роговика. Сравнительно мягкая порода камня, отчетливо сохранившая на себе следы употребления, позволяет подробно проследить характер производимой ими работы. Поскольку рабочий конец сверла имеет подтреугольную форму, постольку, естественно, он мог при вращательном движении соприкасаться с просверливаемым предметом лишь своими гранями, вследствие чего следы сработанности и наблюдаются только на этих частях. Они представляют собой концентрические круги, идущие параллельно друг другу, и совершенно тождественны таким же кругам, наблюдаемым на высверлинах из топоров. Исключительная правильность их объясняется приложением большой физической силы, хотя едва ли возможно допустить участие при этом сверлильного станка, ввиду слишком большой массивности тыльной части орудия, которая должна была вставляться в его стержень. Правильнее предположить, что сверлами работали непосредственно рукой. При этом можно допустить догадку, что часть сверла, зажимаемая в руке, обертывалась куском кожи, но поскольку на тыльной части отсутствуют острые грани и она достаточно удобна по форме (за исключением сверла из роговика), применение смягчающей кожаной обертки не было столь обязательным.

Второе сверло, относящееся к этой группе, изготовлено из кварцитового бруска; по форме и следам сработанности оно совершенно тождественно сверлу из роговика. Разница заключается лишь в том, что кварц, будучи породой значительно более твердой, слабо сохранил концентрические следы от круговых вращательных движений, но грани его рабочей части сильно стерты и заполированы (рис. 69—*2*).

Два других сверла, составляющих вторую группу, несколько отличны от только что описанных. Они изготовлены из удлиненных галек, округлоовальных в поперечном сечении. Оба конца их закруглены, рабочий конец имеет длину 1.5 см, после чего резким уступом переходит непосредственно в рукоятку или само тело сверла. Этот выступ образовался оттого, что орудие входило в просверленное отверстие лишь на определенную глубину. Подобно двум предыдущим, у этих сверл мы наблюдаем концентрические круги, хотя и не столь отчетливо выраженные, как на сверле из роговика; это объясняется твердостью породы камня, из которого они изготовлены (рис. 69—*3*, *4*).

Описанные нами сверла можно считать уникальными. Во всяком случае, среди поселений Карелии и лесной полосы Восточной Европы прямых аналогий этим орудиям нам неизвестно. В какой-то мере к ним приближается лишь сверло одной из стоянок Балахнинской низины — Выселки.

Сопоставление вполне законченных, бывших в употреблении грузил с гальками, получившими начальную и последующие стадии обработки, позволяет проследить полностью весь процесс их изготовления. Этому в большой мере способствуют и только что рассмотренные нами сверла.

Процесс выделки грузил, как нам представляется, происходил в следующем порядке. Сначала острием из твердой породы камня, с помощью отбойника в центре гальки выбивали углубление примерно до середины ее толщины. Затем гальку переворачивали и производили ту же работу с обратной стороны, пока оба углубления не соединялись, образовав сквозное отверстие. На поселении встречены гальки, где углубления с обеих сторон почти закончены, не пробитой осталась лишь тонкая, разделяющая их стенка (рис. 69—*5*, *6*). После того как отверстие оказывалось сквоз-

ным, грузило еще не было готово к употреблению, ибо острые режущие края отверстия неизбежно быстро могли перетереть продетую в него веревку, и грузило оторвалось бы от сети. Возникала необходимость произвести окончательную доделку — сгладить шероховатость стенок отверстия. Для этой цели и применялись сверла (рис. 69—7, 8).

Работа сверлом производилась таким образом. Поскольку непосредственно на самых концах рабочих краев всех четырех сверл нет следов сработанности (последние, как сказано, располагаются несколько выше), постольку можно утверждать, что они применялись не для просверливания, а для расширения уже существующих отверстий и для сглаживания на их стенках шероховатости. В пробитое в гальке отверстие вставлялось сверло. Так как острый конец его по своему диаметру был меньше диаметра отверстия, то при вращательном движении он не соприкасался со стенками рассверливаемого грузила, и вся тяжесть работы приходилась на расположенную выше более широкую часть, почему именно здесь мы и видим отчетливо выраженные следы сработанности.

Все сказанное выше приводит нас к выводу, что обе описанные категории орудий поселения Вой-Наволок 9 — сверла и грузила — имеют несомненную связь друг с другом и что отверстия в грузилах рассверливались и сглаживались с помощью сверл. Кроме того, мы имеем основание полагать, что сверла употреблялись исключительно для рассверливания отверстий в грузилах и, повидимому, для иной работы не предназначались. О последнем свидетельствует полное совпадение в размерах толщины и длины рабочей части сверл с диаметром и глубиной отверстия грузил, а также тождество между штрихами сработанности на сверлах и стенках отверстия в грузилах. Толщина рабочей части сверл колеблется в пределах 2—3 см, диаметр отверстия грузил — 3—3.5 см. Плечики сверл, отделяющие рабочую часть от рукояти (тела сверла), точно указывают, на какую глубину вводилось сверло в отверстие, и эта глубина соответствует толщине галек-грузил. Поскольку сверло входило в отверстие на постоянно ограниченную плечиками глубину и толщина его рабочей части соответствовала диаметру отверстия грузила, характер концентрических штрихов сработанности сверл находит свое отражение на стенках отверстия грузил.

Концентрические круги на сверлах указывают, что данные орудия служили для работы по твердой породе, так как мягкие материалы — кость или дерево — не могли бы оставить на сверлах столь глубоких следов сработанности.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО РАЙОНА

(Материалы к археологической карте бассейна р. Десны)

Настоящая работа построена на основании опубликованных и архивных материалов Деснинской экспедиции 1936—1947 гг., проводившейся под руководством М. В. Воеводского. В статье охвачены палеолитические памятники правого берега р. Десны, от с. Пушкари Гремячского района до с. Мезин Понорницкого района Черниговской области.

Автор не ставил задачи дать сколько-нибудь полное описание памятников, заботясь прежде всего о возможно более полном привлечении источников.

I. Средний палеолит

I. Местонахождение Подболотье, с. Пушкари Гремячского р-на. Расположено в окрестностях села, у балки Подболотье на Колпинском овраге. При обследовании в 1938 г. собран материал раннемустьерского характера. Связанные с ним геологические отложения относятся к дорисским (13, 47, 48, 59).

II. Местонахождение Заровская круча (Чулатово III), с. Чулатово Новгород-Северского р-на. Расположено на правом берегу Десенки, протоке р. Десны, между с. Чулатово и стоянкой Рабочий ров в урочище Заровская круча. Открыто в 1938 г. Исследовалось М. В. Воеводским в 1939—1940 гг. Материал находится во вторичном залегании, представлен кремневыми поделками развитых мустьерских типов и фауной четвертичных млекопитающих и моллюсков. Хранится в Гос. музее антропологии МГУ (12, 13, 15, 17—19, 25, 27, 47, 49, 51, 54, 59).

III. Находка — Язви, с. Пушкари Гремячского р-на. На склоне берега оврага Мосолов ров, в 6—7 км от места впадения его в Десну, в 1939 г. было найдено типичное мустьерское скребло (развитое мустье). Геологически находка может быть датирована концом миндель-рисса или началом рисского оледенения.

Находка хранится в Гос. музее антропологии МГУ (15, 17, 19, 25—27, 47, 57).

IV. Находка — Араповичи, с. Араповичи Новгород-Северского р-на.

В 4 км ниже с. Чулатово, у выселок с. Араповичи, на поверхности осыпи крутого склона молодого оврага, ниже выхода хорошо выраженной рисской морены, в 1939 г. найден типичный мустьерский остроконечник.

Хранится в Гос. музее антропологии МГУ (25, 27, 47).

V. Находка — Ореховский лог, с. Пушкари Гремячского р-на.

В 0.5 км ниже села, близ устья оврага Ореховый лог, в 1939 г. (?) найден обломок раннепалеолитического орудия — рубила или крупного остроконечника.

Хранится в Гос. музее антропологии МГУ (25, 27, 47).

II. Верхний палеолит

VI. Стоянка — Пасека (Пушкари I), с. Пушкари Гремячского р-на.

Расположена на южной окраине села, в урочище Погон[1] (в начале пологого склона к оврагу Мосолов ров и частью на плато), на месте колхозной пасеки и фруктового сада.

Памятник открыт экспедицией АН УССР в 1932 г.; исследовался в 1933 и в 1937—1939 гг. (П. И. Борисковским). Культурный слой залегает на глубине 1 м в основании лёссовидных суглинков и насыщен обработанным кремнем и костными остатками четвертичных млекопитающих. Сохранились остатки большого полуподземного коллективного жилища и других сооружений, а также следы кострищ. Западина жилища заполнена скоплением костей мамонта (65 особей). Найден зуб человека. Памятник относится ко времени позднего ориньяка — раннего солютре. Материал хранился до войны в Киевском ГИМ. Часть коллекций хранится в Гос. музее антропологии МГУ (3—9, 11—13, 15—20, 26, 29, 32, 45, 47—51, 59, 71—72).

VII. Стоянка Аникеев ров I (Пушкари II), с. Пушкари Гремячского р-на. Расположена на западном краю урочища Погон, на расстоянии около 400 м от стоянки Пасека и в 200 м к западу от стоянки Сосонницкий ров (см. ниже). Участки культурного слоя и отдельные находки встречаются в обнажениях стенок в верховьях оврага Аникеев ров и вдоль левого берега оврага. Памятник открыт экспедицией УАН в 1933 г., исследовался М. В. Воеводским в 1937—1940 гг. Культурный слой залегает в нижней части лёссовидных суглинков. Значительная часть площадки размыта в древнее время. Раскопками обнаружено большое скопление костей мамонта и других четвертичных животных, кремневые поделки, куски краски, уголь. Стоянка датируется временем позднего ориньяка — раннего солютре. Материал 1937—1938 гг. хранится в ИИМК (9, 11—13, 15—19, 26, 33, 47, 48, 51, 59, 72).

VIII. Стоянка Пятый метр (Погон), с. Пушкари Гремячского р-на. Открыта в 1940 г. при шурфовке наиболее возвышенной части урочища Погон. Исследовалась М. В. Воеводским в 1940 и 1946 гг. Культурный слой залегает под культурным слоем стоянки Бугорок (см. ниже) на глубине 5 м, в основании лёссовидных суглинков. Частично размыт. Материал представлен кремневыми поделками и костями животных (главным образом мамонта) плохой сохранности. Геологические условия залегания и характер инвентаря позволяют отнести стоянку ко времени раннего солютре.

Материал хранится в ИИМК (1940) и в Гос. музее антропологии МГУ (1946) (17—20, 22, 29—31, 47).

IX. Стоянка Новгород-Северская. Расположена на краю гор. Новгород-Северска, на легком склоне к Десне Северной балки, на месте разработок третичных песчаников и кварцитов. Открыта и частично исследована в 1933 и 1935 гг. экспедицией УАН. В 1936—1938 гг. работы по исследованию стоянки велись сотрудниками Деснинской экспедиции. Стоянка в значительной степени разрушена карьером. Материал находится во вторич-

---

[1] По памятникам урочища Погон до исследований Деснинской экспедиции (2, 43, 72, 73, 75).

ном залегании, в основании толщи четвертичных суглинков, на глубине 6—7 м от современной поверхности. Находки представлены изделиями из кремня и кости и многочисленными остатками плейстоценовой фауны. Характерно огромное разнообразие видов и своеобразие их (в одном комплексе — арктические тундровые, степные и лесные виды). Из находок особенный интерес представляют 3 кремневых гигантолита, найденных И. Г. Пидопличкой в 1936 г. на месте стоянки. Стоянка датируется временем конца солютре — начала мадлена.

Материал исследований стоянки Деснинской экспедицией хранится в ИИМК (7, 9, 11—15, 17, 19, 26, 47—49, 51, 55, 56, 58, 59—66, 70—72, 81—83, 85).

X. Стоянка Мезинская, с. Мезин Понорницкого р-на. Расположена по левому склону обширной Мезинской балки, недалеко от выхода ее в долину р. Десны, на территории усадьбы рядом с сельсоветом. Стоянка открыта в 1908 г. Ф. К. Волковым, в последующие годы исследовалась П. П. Ефименко и другими. В 1940 и 1946 гг. была обследована М. В. Воеводским. Обследованием уточнен геологический возраст стоянки и установлена возможность постановки раскопок. Частично стоянка разрушается молодым оврагом. Дата памятника — позднее солютре (П. П. Ефименко), ранний мадлен (М. В. Воеводский).

Близ стоянки в 1940 г. было обнаружено новое местонахождение палеолитических орудий (18, 19, 23, 47, 51).

XI. Стоянка Крейдяный майдан (Чулатово I), с. Чулатово, Новгород-Северского р-на. Находится между селами Чулатово и Дробышево, в урочище Городище, на меловом карьере Крейдяный майдан. Стоянка открыта в 1935 г. В. Я. Захарченко, в том же году исследовалась экспедицией УАН. Исследование продолжено в 1936 г. Деснинской экспедицией. Значительная часть стоянки разрушена карьером. Культурный слой залегает в основании лёссовидных суглинков, большая часть его размыта и находится во вторичном залегании (сохранилось несколько небольших участков с остатками кострищ). Материал представлен изделиями из кремня и кости и многочисленными остатками четвертичной фауны. Как и в Новгород-Северской стоянке, здесь представлены в одном комплексе арктические тундровые, степные и лесные виды. Из отдельных вещей интересна находка части черепной крышки человека, со следами распиливания. Одна из костяных поделок является, возможно, небольшой скульптурой. По условиям залегания и характеру остатков материальной культуры стоянка относится ко времени позднего солютре — раннего мадлена.

Материал хранился до войны в Киевском ГИМ (7, 9, 12, 14, 15, 17, 26, 29, 34—36, 46—48, 51—53, 59, 68—72, 79, 83, 85).

XII. Стоянка Сосонницкий ров (Пушкари III), с. Пушкари Гремячского р-на. Расположена на урочище Погон, в верхней части левого пологого склона оврага Мосолов ров, на расстоянии около 0.5 км от стоянки Аникеев ров, ближе к Десне. Большое количество кремня из культурного слоя стоянки разбросано по поверхности пашни, огородов колхозников, начиная от верховьев системы оврагов Сосонницкий ров и выше по склону, до проходящей по водоразделу полевой дороги. Памятник открыт в 1937 г. Исследовался в 1937, 1938 и 1940 гг. Культурный слой размыт в древнее время. Материал находится во вторичном залегании в слое валунного суглинка. Стоянка, повидимому, была расположена несколько выше по склону. Находки представлены кремневыми поделками (орудий мало) и остатками четвертичной фауны. Условия залегания и собранные орудия не позволяют отнести стоянку ко времени позднее раннемадленской эпохи (позднее солютре — ранний мадлен).

Материал 1940 г. хранится в ИИМК (9, 11—13, 15, 17—19, 29, 37, 47, 51, 59, 77).

XIII. Местонахождение Пушкари IV,[2] с. Пушкари Гремячского р-на. В обнажениях стенок оврага, расположенного между Сосонницким и Харьковским рвами, в 1937 г. обнаружены выходы культурного слоя с кремнями и костями четвертичных животных.

Материал хранится в ИИМК (9, 15, 47, 51, 59, 70).

XIV. Местонахождение Харьковский ров (Пушкари V), с. Пушкари Гремячского р-на. В обнажениях стенок оврага Харьковский ров в 1937 г. обнаружены выходы культурного слоя с кремнями и костями четвертичных животных (9, 15, 47, 51, 59, 70).

XV. Местонахождение Крейдяный ров (Пушкари VI), с. Пушкари Гремячского р-на. В обнажениях стенок оврага Крейдяный ров (отвилок Харьковского рва) в 1937 г. обнаружены выходы культурного слоя с кремнями и костями четвертичных животных (9, 15, 47, 51, 59, 70).

XVI. Находка Крейдяный ров, с. Пушкари Гремячского р-на. В вершине оврага Крейдяный ров, в 150 м к югу от ветряков, на глубине 3.5 м найден кремневый нуклеус. Он находился в промоине занесенной древней балки, в легких песчанистых слоистых суглинках (10).

XVII. Местонахождение Аникеев ров II, с. Пушкари Гремячского р-на. Ненарушенный культурный слой был обнаружен в 1937 г. в шурфах к западу от вершины Аникеева рва (19, 33).

XVIII. Местонахождение Давидов березняк, с. Пушкари Гремячского р-на. В обнажениях стенок оврага Давидов березняк обнаружены выходы культурного слоя с кремнями и костями четвертичных животных.

Материал хранится в ИИМК (19).

XIX. Стоянка Кравцов ров (Пушкари VIII), с. Пушкари Гремячского р-на. В вершине оврага Кравцов ров в 1940 г. был обнаружен культурный слой стоянки. Заложены шурфы, позволившие проследить площадь распространения культурного слоя и установить условия залегания его.

Материал хранится в ИИМК (18, 19, 47).

XX. Стоянка Рабочий ров (Чулатово II), с. Чулатово Новгород-Северского р-на. Расположена между селами Чулатово и Дробышево, на расстоянии 200 м от стоянки Крейдяный майдан в верхней части пологого склона древней балки, близ ее устья, в молодом овраге Рабочий ров. Памятник открыт в 1935 г. экспедицией УАН; исследовался в 1936 г. и в 1937—1938 гг. М. В. Воеводским. Значительная часть стоянки разрушена оврагом. Культурный слой залегает в верхних горизонтах лёссовидных суглинков на глубине 2—3.5 м от современной поверхности. Исследованием обнаружены остатки двух жилищ, кострища со скоплениями красной краски, места для выделки кремневых и костяных орудий. Материал представлен значительным числом кремневых поделок и изделиями из кости. Интересна находка куска янтаря, почти не встречающегося в палеолите.

Стоянка датируется временем позднего мадлена.

Материал хранится в Гос. музее антропологии МГУ (7, 9, 11—15, 17—19, 26, 29, 42, 47, 49, 51, 59, 68—70, 72).

XXI. Стоянка Бугорок, с. Пушкари Гремячского р-на. Остатки стоянки расположены на наиболее возвышенной части урочища Погон — невысоком бугорке, являющемся останцом покровных лёссовидных суглинков. Памятник открыт в 1940 г. М. В. Воеводским, исследовался в том же году. Края стоянки размыты по склонам возвышенности. Культурный слой ясно не

---

[2] Памятники № XIII—XIX относятся М. В. Воеводским ко времени позднего ориньяка — раннего мадлена. Названия стоянок Пушкари IV—VI на плане расположения стоянок в ур. Погон (19) не соответствуют архивным данным.

выражен (глубина залегания до 1.35 м). Материал во вторичном залегании. Значительное число кремней находится на поверхности и в пахотном слое. Раскопками получено значительное число орудий и остатки четвертичной фауны плохой сохранности. Геологические условия залегания стоянки в верхней части лёссовидных покровных суглинков и характер инвентаря позволяют отнести ее ко времени позднего мадлена (несколько позже стоянки Рабочий ров).

Материал хранится в ИИМК и Гос. музее антропологии МГУ (17—19, 29, 39, 40, 44, 47).

III. Мезолит

XXII. Стоянка Покровщина (Пушкари VII), с. Пушкари Гремячского р-на. Расположена на левом берегу балки Мосолов ров, на расстоянии 3.5 км от ее устья, в урочище Покровщина. Открыта М. В. Воеводским в 1937 г., исследовалась в 1937—1939 гг. Культурные остатки залегают в верхних песчаных горизонтах первой надпойменной террасы на глубине 0.15—0.50 м от поверхности и состоят только из кремня, густо насыщающего слой. Инвентарь имеет специфический характер, резко отличный от инвентаря верхнепалеолитических стоянок. По условиям залегания, характеру и технике изготовления орудий стоянка относится ко времени раннего мезолита, связанного уже с послеледниковым режимом.

Материалы хранятся в Гос. музее антропологии МГУ (1, 9, 12—17, 19, 26, 41, 47, 49, 51, 54).

XXIII. Стоянка Песочный ров, с. Пушкари Гремячского р-на. В 4 км ниже села, в урочище Песочный ров (на мысу, занятом городищем), под городищенскими слоями расположен слой с остатками стоянки. Памятник открыт в 1940 г. и исследовался М. В. Воеводским в 1940, 1945—1947 гг. Культурный горизонт каменного века залегает на глубине 30—40 см, на поверхности песков второй террасы, в слое беловатой супеси. Материал находится в первичном залегании и представлен кремнем в скоплениях. По-видимому, стоянка была местом выделки орудий. Органические остатки не сохранились. Инвентарь указывает на «очень своеобразную культуру позднего мезолита с элементами перехода к неолиту». Выше площадки городища, по склону второй террасы, на пашне, на протяжении до 200 м встречаются отдельные находки кремня (отщепы, нуклеусы). Шурфовкой 1946 г. культурный слой не обнаружен.

Материал хранится в ИИМК (18—24).

XXIV. Стоянка Усть-Кравцовская, с. Пушкари Гремячского р-на. В устье оврага Кравцов ров в 1940 г. обнаружены выходы культурного слоя мезолитического времени (19, 47).

IV. Случайные находки и недатированные памятники

XXV. Местонахождение Попова-Рузя, с. Леньково Новгород-Северского р-на. В 4 км от с. Леньково, на юго-запад (с. Шепитаки остается южнее), в урочище Попова-Рузя в оврагах, а также на поле между оврагами жители с. Леньково находили много кремня (78).

XXVI. Местонахождение Смяч — надлуговая терраса, с. Омяч Новгород-Северского р-на. На пологом распаханном склоне надлуговой террасы р. Смяч, начиная от мыса к Десне и почти до с. Смяч, на протяжении нескольких километров встречается огромное количество желваков, отщепов и осколков кремня (обследование 1936 г.; 10, 28, 74, 76).

XXVII. Находки Смяч, с. Смяч Новгород-Северского р-на. На улице с. Смяч найдено 3 нуклеуса. На дороге из с. Смяч в с. Лесконоги, на песках в сосновом лесу найдено 2 нуклеуса (обследование 1936 г., 10).

XXVIII. Находки Ложок, с. Комань Новгород-Северского р-на. У с. Комань, на дне оврага Ложок, близ его устья, найден метаподий шерстистого носорога. На дне оврага, в 1 км от устья, найден позвонок лошади и неподалеку — 2 осколка кремня (обследование 1936 г.; 10).

Отдельные находки костей мамонта известны из сел Комани, Араповичей и Дегтяревки Новгород-Северского р-на (10, 51, 78).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексашина К. С. Стоянка Покровщина. Архив М. В. Воеводского.
2. Бонч-Осмоловский Г. А. 10 лет советских работ по палеолиту. Природа, 1934, № 2, стр. 60—64.
3. Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Пушкари I. КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 10—12.
4. Борисковский П. И. Пушкаревское палеолитическое жилище, КСИИМК, вып. VII, 1940, стр. 81—86.
5. Борисковський П. І. Палеолітична стоянка Пушкарі I (за матеріалами розкопок 1937 р. і попередніх років). Отдельный оттиск, Киев, 1947.
6. Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Пасека (Пушкари I). Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, 1940, стр. 57—60.
7. Борисковський П. І. Людина кам'яного віку на Україні. Изд. АН УССР, Киев, 1940.
8. Борисковский П. И. Дневник раскопок палеолитической стоянки Пушкари I, 1937. Архив ИИМК.
9. Воеводский М. В. Результаты работ Деснинской экспедиции по изучению палеолита (1936—1937 гг.). Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, 1940, стр. 54—57.
10. Воеводский М. В. Дневник Деснинской экспедиции 1936 г. Архив М. В. Воеводского.
11. Воеводский М. В. Краткая информация о работе Деснинской экспедиции 1937 г. Архив ИИМК.
12. Воеводський М. В. Роботи Деснянської археологічної експедиції в 1936—1938 рр. (см. схему расположения стоянок в районе с. Пушкари). Отдельный оттиск, Киев, 1947.
13. Воеводский М. В. Краткий предварительный отчет о работах Деснинской экспедиции 1938 г. Архив ИИМК.
14. Воеводский М. В. Отчет о работах Деснинской экспедиции 1938 г. Архив М. В. Воеводского.
15. Воеводский М. В. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 34—36.
16. Воеводский М. В. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. ВДИ, № 2, 1940, стр. 178—191.
17. Воеводский М. В. Результаты работ Деснинской экспедиции 1936—1940 гг. Архив ИИМК.
18. Воеводский М. В. Предварительный отчет о работах Деснинской экспедиции в 1940 г. Архив ИИМК.
19. Воеводский М. В. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. (см. план расположения стоянок в урочище Погон). КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 89—94.
20. Воеводский М. В. Краткий отчет Деснинской экспедиции о результатах изучения каменного века в 1945—1946 гг. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Киев, 1949, стр. 277—282.
21. Воеводский М. В. Итоги работ Деснинской экспедиции 1945—1946 гг. (Стенограмма доклада на пленуме ИИМК 3 марта 1947 г.). Архив М. В. Воеводского.
22. Воеводский М. В. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 36—44.
23. Воеводский М. В. Отчет о полевых исследованиях в 1946 г. (с приложением «Полевого отчета о раскопках городища и стоянки Песочный ров, произведенных Деснинской экспедицией в 1945 г.»). Архив ИИМК.
24. Воеводский М. В. Отчет о полевых работах Деснинской экспедиции в 1947 г. Архив ИИМК.
25. Воеводский М. В. Ранний палеолит Русской равнины. Уч. зап. МГУ, вып. 115. Тр. Музея антропологии, М., 1948, стр. 127—168.

26. Воеводский М. В. Находки раннего палеолита на р. Десне. Краткие сообщения о работах научно-исслед. ин-та и Музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг., М., 1941, стр. 64—65.
27. Воеводский М. В. Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны. Архив ИИМК.
28. Воеводский М. В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. Тр. II Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, т. V, М.— Л., 1934.
29. Воеводский М. В. Поздний палеолит средней Десны (проспект монографии). Архив ИИМК.
30. Воеводский М. В. Стоянка Пятый метр. Архив ИИМК.
31. Воеводский М. В. Стоянка Погон (Пятый метр). Архив ИИМК.
32. Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Пасека (Пушкари I). Архив ИИМК.
33. Воеводский М. В. Стоянка Аникеев ров I (Пушкари II). Архив ИИМК.
34. Воеводский М. В. I Чулатовская палеолитическая стоянка (Крейдяный майдан). Архив ИИМК.
35. Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Крейдяный майдан (Чулатово I). Архив ИИМК.
36. Воеводський М. В. Крем'яні і кістяні вироби палеолітичної стоянки Чулатів I. Отдельный оттиск, Киев, 1947.
37. Воеводский М. В. Стоянка Сосонницкий ров (Пушкари III). Архив ИИМК.
38. Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II). Архив ИИМК.
39. Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Бугорок. Архив ИИМК.
40. Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Бугорок. Архив ИИМК.
41. Воеводский М. В. Стоянка Покровщина (Пушкари VII). Архив ИИМК.
42. Галич Д. З. Палеолітична стоянка Чулатів II (Робочий рів). Короткий звіт про розкопки 1936 р., отдельный оттиск, Киев, 1947.
43. Галич Д. З. Звітна виставка Інституту історії матеріальної культури УАН. Вісті УАН, 1935, № 5, стр. 46—52.
44. Гвоздовер М. Д. Палеолитическая стоянка Бугорок. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 92—97.
45. Гремяцький М. А. Частина зуба людини з палеолітичної стоянки Пушкарі I. Отдельный оттиск, Киев, 1947.
46. Гремяцкий М. А. Фрагмент черепної кришки людини з палеолітичної стоянки Чулатів I. Отдельный оттиск, Киев, 1947.
47. Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. ИГН, вып. 64, геол. серия, № 17, М., 1948 (см. указатель палеолитических стоянок).
48. Громов В. I. Про геологічні умови залягання палеолітичних пам'яток в басейні р. Десни (Попереднэ повідомлення). Отдельный оттиск, Киев, 1947.
49. Гурина Н. Н. и Крижевская Л. Я. Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. КСИИМК, вып. 1, 1939, стр. 11—36.
50. Диденко А. П. Следы человека до эпохи великого оледенения земли в долине реки Десны. Наука и жизнь, 1939, № 11—12.
51. Ефименко П. П. и Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. МИА СССР, вып. 2, М.— Л., 1941.
52. Ефименко П. П. Первобытное общество (второе доп. и перераб. изд.), Л., 1938.
53. Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения ископаемого человека в СССР (1932—1935 гг.). Материалы по четвертичному периоду СССР, М.— Л., 1936.
54. Экскурсия участников Киевской археологической конференции в бассейне р. Десны. КСИИМК, вып. III, 1940, стр. 52—53.
55. Зубарева В. I. Птахи четвертинних відкладів УРСР. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вып. 2.
56. Кузнецов-Угамский Н. Н. По поводу смешанных фаун. Природа, 1934, № 8, стр. 73—74.
57. Мирчинк Г. Ф. Значение палеонтологии, археологии и новейших движений в основании стратиграфии и выяснении условий залегания четвертичных отложений. Бюлл. Моск. об-ва испытат. природы. Отд. геологии, т. XVIII (I), М., 1940.
58. Нікольський Г. В. Риби новгород-сіверської пізньочетвертинної фауни. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вып. 2.
59. Підоплічка І. Г. Дослідження палеоліту в УРСР. Отдельный оттиск, Киев, 1947.
60. Підоплічка І. Г. Пізньопалеолітична стоянка Новгород-Сіверськ (звіт про розкопки 1936—1938 рр.). Отдельный оттиск, Киев, 1947.
61. Пидопличка И. Г. Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска. МИА СССР, вып. 2, М.— Л., 1941, стр. 26—36.

62. Пидопличка И. Г. Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска (автореферат доклада). Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, 1940, стр. 63.
63. Підоплічка І. Другий пленум Комісії викопної людини. Вісті АН УРСР, № 1, 1938, стр. 63—64.
64. Пидопличка И. Г. «Известия» ЦИК СССР от 6/IV 1935 г.
65. Підоплічка І. Г. Новгород-сіверська верхньочетвертинна фауна. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вып. 1, Київ, 1938, стр. 3—96.
66. Пидопличка И. Г. Нахождение «смешанной» тундровой и степной фауны в четвертичных отложениях Новгород-Северска. Природа, 1934, № 5.
67. Пидопличка И. Г. Новые данные о новгород-северской «смешанной» фауне. Природа, 1938, № 4.
68. Підоплічка І. Г. Палеолітична стоянка Чулатів I (Крейдяний майдан) (звіт про розкопки за 1935—1936 рр.) Отдельный оттиск, Киев, 1947.
69. Пидопличка И. Г. Палеолитическая стоянка Чулатов I. СА, № 5, 1940, стр. 65—80.
70. Пидопличка И. Г. Основные черты фауны и геологии палеолита УССР. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода СССР, № 6—7. М.— Л., 1940, стр. 61—62.
71. Пидопличка И. Г. Краткий обзор фауны палеолита УССР. СА, № 5, 1940, стр. 151—155.
72. Підоплічка І. Г. Огляд палеонтологічних знахідок за 1917—1937 рр. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вып. 1, Київ, 1938, стр. 97—176.
73. Рудинский М. Я. Пушкари (Материалы к истории изучения палеолитических стоянок у с. Пушкари Новгород-Северского р-на на Черниговщине). СА № 9, 1947, стр. 171—198.
74. Рудинський М. Я. До питання про культури «мезолітичної доби» на Вкраїні. Антропологія. Річник Кабінету антропології ім. Ф. М. Вовка. ВУАН, Київ, 1927, стр. 73—94.
75. Рудинський М. Я. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 7—22.
76. Рудинський М. Я. «Смячка» и «Доповідь на зборах». Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1926 р., Київ, 1927.
77. Семенова І. А. Палеолітична стоянка Пушкарі III (Сосонницький рів). Отдельный оттиск, Киев, 1947.
78. Тралло Т. Н. Карточки опроса местного населения об археологических находках и памятниках. Архив М. В. Воєводского.
79. Трусова С. А. Пленум Комиссии по ископаемому человеку советской секции INQUA. СА № 2, стр. 215—221.
80. Фабрициус И. В. Отчет по Деснинской экспедиции 1937 г. (разведка по пойме). Научный архив ИИМК, Л.
81. Шарлемань Н. В. О «смешанной» фауне в четвертичных отложениях Новгород-Северска. Природа, 1934, № 11, стр. 94—95.
82. Шарлемань М. В. Кілька слів про так звані «мішані» фауни. Збірник праць Зоологічного музею № 11, 1935, стр. 65—73.
83. Археологічні експедиції 1936 року. Наукові записки Інституту історії матеріальної культури, 1937, вып. 1, Київ, 1937, стр. 117—118.
84. Конференция по изучению палеолита. КСИИМК, вып. III, 1940, стр. 44—52 (раздел — информации).
85. Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

Н. Н. ЛЕВОШИН

ДРЕВНЯЯ СТОЯНКА В ВЕРХОВЬЯХ р. ЯКИТИКИВЕЕМА

(Чукотский полуостров)

Летом 1947 г. в центральной части Чукотского полуострова мною на р. Якитикивееме обнаружены следы стоянки каменного века. В долине этой реки, на левом берегу, найдены два кремневых обломка с искусственным отколом, отщеп и 6 обломков кремневых орудий. Геоморфологические условия обнаруженной стоянки и характер найденных в ней предметов свидетельствуют о том, что стоянка относится к весьма древним временам. Подобных находок на Чукотском полуострове до сих пор еще не было.

Рис. 70. Терраса с указанием места стоянки в долине р. Якитикивеема

Поверхность террасы, на которой находится стоянка, почти голая. Скудная мхово-лишайниковая и травяная растительность покрывает ее пятнами, кулигами. Лишь изредка встречаются чахлые кустики багульника и стелющейся полярной березки, корни которых в виде узловатых сплетений обычно обнажаются на поверхности (рис. 70).

Все найденные мною кремневые орудия и предметы подобраны на поверхности террасы, на небольшом (4×4 м) ее участке, представляющем собой микровершинку. Только один из предметов (№ 10) найден на некотором отдалении (в 9 м) от места скопления находок.

Место находок осмотрено мною дважды. В первый раз тщательно осмотрен участок площадью 1.5 × 2 м. На нем подобраны предметы № 6, 7, 8 и 9. Частично этот участок был перерыт на глубину до 20 см, но установить признаков культурного слоя не удалось. Если культурный слой когда-то и существовал, то он был очень близок к поверхности, имел весьма не-

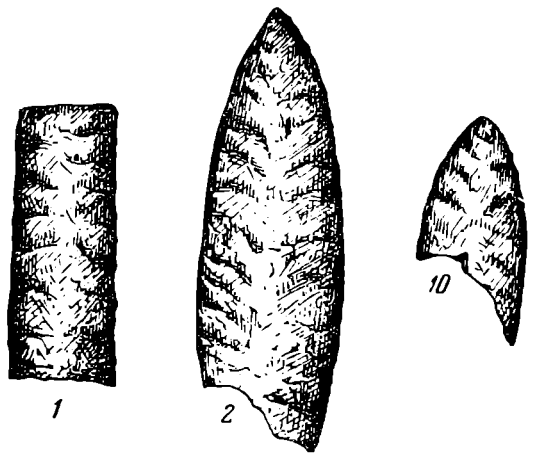


Рис. 71. Каменные орудия

1 — ножевидная пластинка; *2*—наконечник копья; *10*—обломок наконечника копья (нумерация по дневнику)

значительную мощность. О том, что культурный слой все же существовал, можно полагать по кучковатым скоплениям в поверхностном слое террасы мучнисто-известковистых остатков от разрушившихся костей. В одном из таких скоплений оказался обломок кости, еще сохранивший свою форму. Кость могла принадлежать не очень большому животному или человеку. При легком прикосновении к ней она рассыпалась в порошок.

При вторичном осмотре места находок была обследована значительно большая площадь — до 17 м в ширину и до 20 м в длину. Во время этого осмотра на поверхности террасы собраны предметы № 1, 2, 3, 4, 5 и 10.

№ 1 — обломок ножевидной пластинки; длина 3.8 см, ширина до 1.3 см. Пластина заострена с обеих сторон (обоюдоострая). Срединная часть, наиболее утолщенная, имеет толщину 0.6 см.

№ 2 — наконечник копья; длина 6.7 см, ширина до 2.3 см, толщина до 0.7 см. Нижний конец обломан.

№ 3 — обломок кремня со следами отколов; длина 3.6 см, ширина 3.0 см.

№ 4 — то же, с остроконечным углом; длина 4.5 см, ширина 3.2 см, толщина до 2.0 см.

№ 5 — обломок поделки для наконечников стрелы; длина 2.3 см, ширина в нижней части 1.3 см, в средней — 1.0 см.

№ 6 — обломок кости, который, к сожалению, не сохранился.

№ 7 — отщеп; длина 4.0 см, ширина 2.2 см, толщина до 2.0 см. Желобовидные продольные сколы имеют ширину 0.3—0.8 см. Их на отщепе — четыре.

№ 8 — обломок наконечника стрелы; длина 1.6 см, ширина до 0.9 см, толщина 0.15 см. На одной стороне имеет продольные желобовидные сколы шириной до 0.4 см.

№ 9 — обломок большого наконечника стрелы (?). Длина 2.9 см, ширина до 1.3 см, толщина до 0.5 см.

№ 10 — обломок наконечника копья; длина 2.5 см, ширина до 1.1 см, толщина до 0.5 см.

На предметах № 5, 7 и 8 сколы — продольные, желобовидные, а по-

верхность предметов № 1, 2, 9 и 10 обработана, сглажена поперечной штриховкой (сколами).

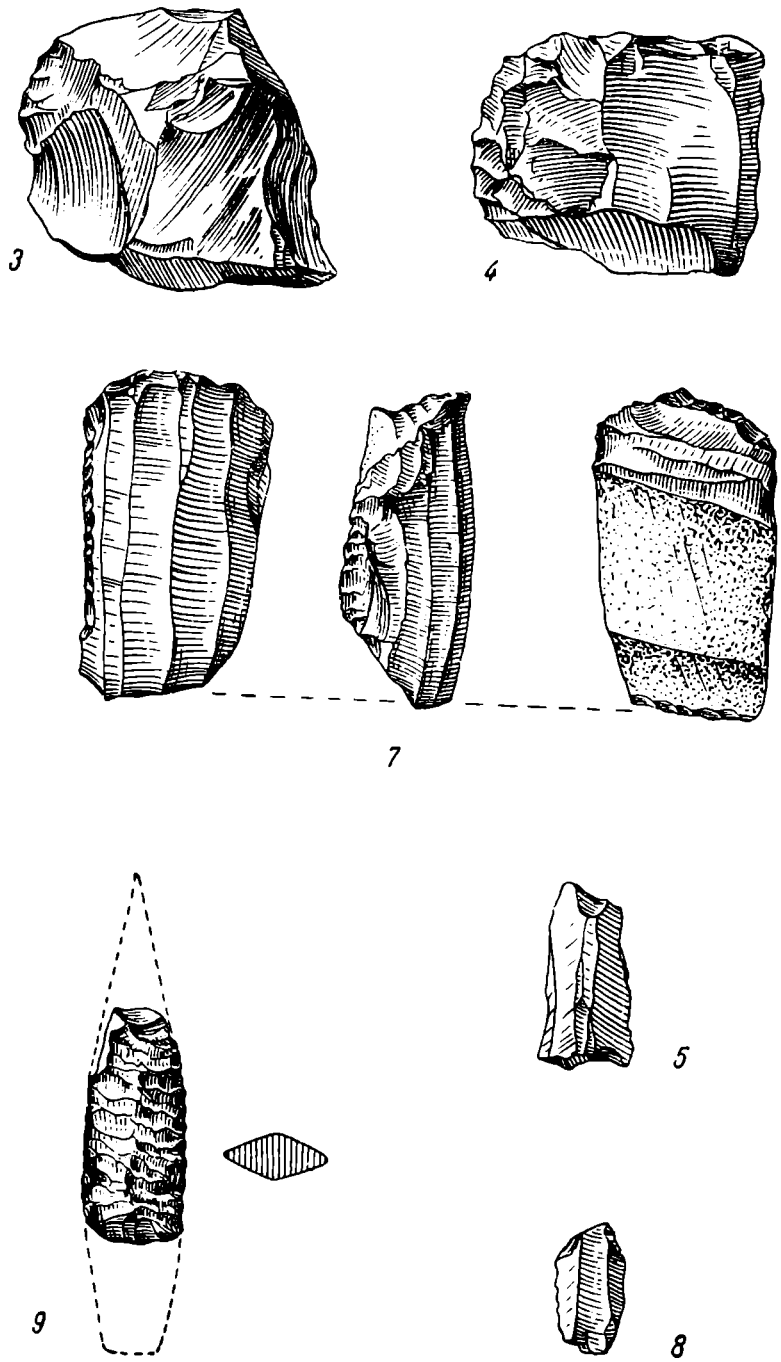


Рис. 72. Каменные орудия с р. Амгуемы:
3, 4—массивные отщепы; *7* — нуклеус; *9*—наконечник стрелы; *5, 8* —ножевидные пластины

Материалом для всех предметов служит одна и та же разновидность кремня светлосерого цвета. Иногда в кремне наблюдается слоистая окраска, в других случаях он приобретает голубоватый, желтый и коричневый (светлобурый) оттенки. Любопытно, что тождественных горных пород вблизи нам не попадалось. Вероятно, светлосерый кремень древним человеком занесен из других мест. Обломков глиняной посуды на стоянке не встречено.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXI КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПЕРВЫЙ НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Остатки древней стоянки на р. Якитикивеем, найденные в 1947 г. Н. Н. Левошиным, представляют выдающийся интерес уже по одному своему географическому расположению.

До сих пор в районе Чукотского полуострова были известны многочисленные древние поселения оседлых приморских охотников на морского зверя, рассеянные вдоль берегов Берингова пролива и Восточно-Сибирского моря. Внутренние же части Чукотского полуострова оставались совершенно неизвестными в археологическом отношении, в то время как с побережья Чукотского полуострова происходят сотни тысяч разнообразных и нередко замечательных по художественной отделке вещей из древних поселений,, свидетельствующих об интересной и длительной деятельности здесь человека; из глубины Чукотки не было известно ни одного сколько-нибудь древнего археологического предмета.

Можно было даже подумать, что суровые и дикие внутренние пространства Чукотского полуострова до распространения там оленеводческого хозяйства,— что, по мнению некоторых исследователей, осуществилось весьма поздно,— вообще оставались пустынными и совершенно незаселенными человеком в древности.

Находка на р. Якитикивеем впервые показала, что люди и в древности посещали внутренние части этой обширной археологической области.

Но еще интереснее с исторической точки зрения другое обстоятельство, связанное с общим характером этих находок. Хотя находки на р. Якитикивеем очень немногочисленны и, в общем, довольно однообразны, они ценны тем, что дают вполне отчетливое представление об уровне культуры древнейшего населения центральной части Чукотского полуострова, а также в какой-то мере и о возрасте оставленных им в бассейне Амгуемы следов поселения.

Обнаруженные на стоянке Якитикивеем предметы типологически делятся на четыре группы.

Первая группа представлена одним типичным нуклеусом (№ 7, по списку Н. Н. Левошина), изготовленным из небольшого плитчатого куска кремнистой сланцевой породы, покрытой светлосерой патиной. Одна сторона нуклеуса сохранила естественную гладкую поверхность исходного куска сланца, но с одного конца обработана поперечными сколами. Последние оформляют своеобразную площадку нуклеуса — не прямую, как обычно, а косую, так что сбоку изделие имеет долотовидный профиль. Выпуклая верхняя сторона нуклеуса во всю ее длину покрыта правильными узкими

желобками сколов, кроме одной боковой грани, где имеются следы предварительной подправки ретушью. Длина нуклеуса 4.2 см. Он, повидимому, очень мало использовался по своему назначению.

Вторая группа — ножевидные пластины, снятые с таких нуклеусов. В присланном мне Н. Н. Левошиным материале они представлены двумя обломками (№ 5 и 8).

Третья группа — 2 отщепа (№ 3 и 4). Оба массивные и короткие, снятые с расщепленных кусков сланца.

Четвертая группа изделий состоит из наконечников стрел или метательных копий-дротиков. По списку Н. Н. Левошина их четыре (№ 2, 5, 8, 9). Доставленное мне изделие № 9 — обломок довольно крупного наконечника. Это был, повидимому, массивный и довольно длинный наконечник с сильно выпуклыми обеими поверхностями и линзовидным сечением в поперечнике. Обе поверхности его очень тщательно и умело обработаны ретушью. Фасетки ретуши узкие и направлены наискость длинной оси изделия таким образом, что фасетки одного края как бы продолжаются непрерывно на другом. Это свидетельствует о большом искусстве мастера и о наличии своеобразного вкуса и стиля в обработке камня. Лезвия наконечника мелкозубчатые, почти пильчатые.

Изделия № 2 и 10, как видно из рисунка Н. Н. Левошина, оформлены точно так же. № 10 является, должно быть, верхним концом более широкого (чем № 5) наконечника, а № 2 представляет собой довольно крупный наконечник с утраченным насадом. Очертания этого наконечника миндалевидные, так как насад тоже, повидимому, заканчивался острием.

Вполне возможно, что отсутствующее изделие № 1, пока еще оставшееся на Чукотке, окажется, судя по зарисовке Н. Н. Левошина, вкладным лезвием с двусторонней ретушью обеих поверхностей.

Из перечисленных предметов ни нуклеусы, ни настоящие ножевидные пластины не представлены в обычных хорошо известных нам комплексах находок из приморских поселений древнеэскимосской культуры, в том числе и самых ранних. Нет их и в самых западных памятниках этой культуры — на Большом Барановском мысу, исследованных мною в 1946 г. Нуклеусы и ножевидные пластины ни разу не были встречены и М. Г. Левиным, а также в древнекорякских землянках на Охотском побережье, где, как и в древнеэскимосских жилищах, имеется множество оббитых и шлифованных изделий из камня.

Наконечники стрел с Якитикивеема тоже не встречают аналогий по своему типу и характерным механическим деталям в находках внутри древнеэскимосских жилищ. Нет там и вкладышевых лезвий такого типа, каким является, повидимому, изделие № 1, т. е. длинных прямоугольных пластин с двусторонней ретушью и прямыми, слегка зазубренными лезвиями.

Ближайшие к Якитикивеему находки такого рода могут быть отмечены пока только лишь на Колыме, где имеются остатки поселений с ножевидными пластинами и нуклеусами. Наконечники же стрел из Якитикивеема, особенно № 5, ближе всего по технике и типу к наконечникам из древнейшего поселения на Ольском острове у Магадана, исследованного М. Г. Левиным. На Колыме таких наконечников, повидимому, нет. Общее сходство с древнейшими известными в настоящее время памятниками неолитического типа на Колыме дает право отнести замечательные находки Н. Н. Левошина к неолитическому времени и выделить их особо из всех остальных известных нам археологических памятников Колымы. Находки эти выделяются, во-первых, как единственный известный там сейчас памятник континентальной культуры бродячих охотников тундры, таких же, очевидно, по образу жизни, как древние охотники низовьев Лены и Колымы. Во-вторых, они выделяются особо и как древнейшие известные в настоящее

время следы человека на Чукотском полуострове, предшествующие распространению на его берегах поселков оседлых морских зверобоев, самые древние из которых, вероятно, не выходят за пределы последних пяти веков до нашей эры. Такие поселения бродячих охотников тундры и лесотундры, как стоянка на р. Якитикивееме, обыкновенно встречаются группами в некоторых наиболее благоприятных местах. Было бы очень желательно, чтобы в дальнейшем в этом районе, а также и в других пунктах внутренней части Чукотского полуострова были произведены дальнейшие археологические разведки, которые могут показать прошлое нашего крайнего северо-востока в совершенно новом свете.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
ВАН — Вестник Академии Наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИГН — Институт геологических наук Академии Наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР
INQUA см. АИЧПЕ
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
УАН — Украинская Академия Наук

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Громов. Работы М. В. Воеводского и изучение истории четвертичного периода 3
Список печатных работ М. В. Воеводского 5

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. В. Воеводский и *А. Е. Алихова-Воеводская.* Авдеевская палеолитическая стоянка 7
М. Д. Гвоздовер. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году 17
Л. И. Москвитин. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки 28
П. И. Борисковский. Некоторые многослойные палеолитические памятники бассейна р. Десны 34
М. В. Воеводский. Палеолитическая стоянка Погон 40
С. Н. Замятнин. О первоначальном заселении пещер 55
А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I 64
М. Н. Грищенко. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита 75
А. П. Черныш. Новые исследования Владимировской палеолитической стоянки 89
М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы 96
М. В. Воеводский и *А. В. Збруева.* Мало-Окуловская неолитическая стоянка 120
И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский 130
А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане 141
Е. И. Горюнова. Городище Торфель 148
А. В. Кирьянов. Реставрация древней керамики 157

II. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

М. П. Грязнов. Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири 165
С. А. Семенов. Топор в верхнем палеолите 168
О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-черноморской экспедиции 174
Н. Н. Гурина. Техника изготовления грузил на стоянке Вой-Наволок 9 . . . 181
О. Н. Мельниковская. Памятники палеолита Новгород-Северского района . . 185
Н. Н. Левошин. Древняя стоянка в верховьях р. Якитикивеема 193
А. П. Окладников. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова 196
Список сокращений 199

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *С. Т. Попова.* Корректор *Н. Н. Морозов*

*

РИСО АН СССР № 3731 Т-00812 Издат. №2240 Тип. заказ № 2538. Под. к печ. 24. 1. 1950 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 12¹/₂ + 1 вкл. Уч.-издат. 16,5 Тираж 2000.

2-я тип. Изд. Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
13	3 сн.	Орудия производства	Изделия и орудия производства
52	15 сн.	отщепки	отщепы
71	3 сн.	Рис. 256	Рис. 25,6
93	17 св.	на стоянке Мальта Афонтова Гора II	на стоянках Мальта, Афонтова Гора II
99	9 св.	тарденаузу	тарденаузу»
102	3 сн.	Przemyst... swidry	Przemysł... Swidry
	2 сн.	Przeglad Archeologiezny	Przegląd Archeologiczny
114	15 св.	юауны	фауны
168	2 сн.	Saint-Achcul	Saint-Acheul
180	рис. 68	Кремневые наконечники	Кремневый наконечник
189	5 сн.	Омяч	Смяч
196	18 сн.	археологической	арктической

Кроме того редакция считает нужным исправить ошибки, допущенные в XXIX и XXX выпусках.

В XXIX вып. в статье А. Л. Якобсона на 62 стр., в 18 строке сверху напечатано: XV в., вместо VI в.

В XXX вып. в статье Э. А. Рикмана на 66 стр., в 35 строке сверху напечатано Московского Успенского собора, должно быть: Кашинского Успенского собора.

Институт истории материальной культуры, т. XXXI.